

НЕВА 2

ВЫХОДИТ С АПРЕЛЯ 1955 ГОДА

2016

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Владимир АЛЕЙНИКОВ

Стихи • 3

Евгений ЛУКИН

Чеченский волк. *Повесть о Джохаре Дудаеве* • 10

Александр ГОРОДНИЦКИЙ

Стихи • 99

Александр ПОНОМАРЕВ

Кара-Борз. *Рассказ* • 104

Ирина КОСТЕНКО

Стихи • 118

Игорь ХАРИЧЕВ

Пикник на платформе. *Рассказ* • 121

Владимир ИВАНОВ

Стихи • 127

Сергей ЗАХАРОВ

Белый пух нашей Ядвиги. Средний Восток. *Рассказы* • 131

Антон НЕЧАЕВ

Стихи • 140

Андрей НЕКЛЮДОВ

Партизаны. Аист. *Рассказы* • 144

ПУБЛИЦИСТИКА

Игорь ЕФИМОВ

Крутые ступени цивилизации • 175

Муса КОСТОЕВ

Репрессированное детство мое... • 184

КРИТИКА И ЭССЕИСТИКА

Юлия ЩЕРБИНИНА

Джейсон Эклз как лицо российской фантастики.

О моде в книжном дизайне • 193

ПЕТЕРБУРГСКИЙ КНИГОВИК

Эпоха и образы. Владимир Чисников. Л. Н. Толстой в Петербурге в феврале 1897 года. *Поиски и находки.* **Правда художественная и историческая.** Наум Синдаловский. Жди горя с моря, беды — от воды, или Стихия наводнений в стихии городского фольклора.

Дом Зингера. Публикация Елены Зиновьевой • 203

КИНОТЕКСТ

Ольга ГЛАЗУНОВА

«Тихий Дон» Сергея Урсуляка в нашей беспокойной жизни • 251

Издание журнала осуществляется
при финансовой поддержке Министерства культуры
и Федерального агентства по печати и массовой коммуникации.

Перепечатка материалов без разрешения редакции «Невы»
запрещена. Электронную распечатку рукописей присылать
на почтовый адрес журнала
(191186, Санкт-Петербург, а/я 9)
Рукописи не возвращаются и не рецензируются

Главный редактор
Наталья ГРАНЦЕВА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Александр Мелихов (зам. главного редактора). **Игорь Сухих** (шеф-редактор гуманитарных проектов). **Ольга Малышкина** (шеф-редактор молодежных проектов). **Елена Зиновьева** (редактор-библиограф). **Наталья Ламонт** (ответственный секретарь, коммерческий директор). **Маргарита Райцина** (контент-редактор)

Дизайн обложки **А. Панкевича**
Макет **С. Булачевой**
Корректор **Е. Рогозина**
Верстка **М. Райциной, Л. Жуковой**

Владимир АЛЕЙНИКОВ

МУЗЫКА САДОВ

Послушай музыку садов —
С утра чириканье и щебет,
Как будто птицы среди трудов
Ее незримый облик лепят
И обсуждают на лету
Ее приметы и красоты —
И ты воспримешь высоту,
Где есть витающие ноты.

А там со стаями ворон,
Ее гармонию тревожа,
Уже проснется странный тон,
Поднявшись мучеником с ложа,
И растворится в серебре,
В текучей ртути небосклона,
Чтоб позже с дымом на горе
Поднять мятежные знамена.

Под купол выпуклый стремясь,
Восходит музыка над нами —
И есть осознанная связь
С ее наитьями и снами —
Причастность к миру обрета,
Даем ей имя не впустую
И окунаем, как дитя,
В купель крещенья золотую.

И вот нисходит благодать
На беспокойство и смятенье —

Владимир Дмитриевич Алейников — русский поэт, прозаик, переводчик, художник, родился в 1946 году в Перми. Вырос на Украине, в Кривом Роге. Окончил искусствоведческое отделение исторического факультета МГУ. Публикации стихов и прозы на родине начались в период перестройки. Автор многих книг стихов и прозы — воспоминаний об ушедшей эпохе и своих современниках. Стихи переведены на различные языки. Лауреат премии Андрея Белого, Международной Отметины имени Давида Бурлюка, Бунинской премии, ряда журнальных премий. Книга «Пир» — лонг-лист премии Букера, книга «Голос и свет» — лонг-лист премии «Большая книга», книга «Тадзимас» — шорт-лист премии Дельвига и лонг-лист Бунинской премии. Член редколлегии журналов «Стрелец», «Крещатик», «Перформанс». Член Союза писателей Москвы, Союза писателей XXI века и Высшего творческого совета этого союза. Член ПЕН-клуба. Поэт года (2009). Человек года (2010). Награжден двумя медалями и орденом. Живет в Москве и Коктебеле.

И чтобы Слово передать,
Она разрушит средостенья —
Ее расправлено крыло,
И все на свете ей по силам —
И разливается тепло
Огнем Божественным по жилам.

* * *

Тому, кто сам уже оставил впрок
Предтечей речи путаницу строк,
Тому, кто знал приметы одичанья
В загоне от молчанья до звучанья,
Тому, кто сам бывал себе законом,
Нередко — спящим, изредка — бессонным,
Тому, кто ведал то, к чему влечет
Душа, к чему судьба приволочет.

Стеченье обстоятельств не считай
Счастливым ни для мыслей, ни для стай
Пичужьих, то летящих на чужбину,
То чувств неожиданных вызвавших лавину
В родных пределах, где и так в избытке
В любую пору милости и пытки, —
Не с миру ли по нитке собирать
Надежды на покой и благодать?

И потому — конечно, потому,
Что быть, как все, несладко одному,
Да и вдвоем, и целою плеядой,
Пусть непохожесть явится отрадой
Для сердца, — эти строки адресую
Тому, кто чует истину, кочуя,
Тому, кому сейчас не по себе,
Тому, кто завтра сам придет к тебе.

* * *

Дождем умытые листья,
Сиянье из-за окоема,
Из-за расплавленной черты,
Благая, пряная истома.

Какой-то, видно, есть резон
Стоять под струями прямыми,
Чтоб, отдышавшись, как сквозь сон,
Свое тебе промолвить имя.

И я мгновенно узнаю
Друзей возвышенных давнишних,

Преображавших жизнь мою,
В усталых яблонях и вишнях.

Как изменились вы, друзья,
Как постарели ваши лица! —
Но будут ваши жития
На клеймах памяти светиться.

В природе — свой извечный чин,
Как в храме — для иконостаса,
И предостаточно причин
Для слова, образа и гласа.

И лучше выразить, как есть,
Единство времени и доли,
Чем лавры в будущем обрести
И не избавиться от боли.

* * *

Как бы сказать мне о той, что любил,
Что возратить не сумею?
Как я себя обреченно губил,
Маясь с душою своею!

Память о ней, породнясь со звездой,
Мне освещала дорогу,
Выйдешь — и обе стоят над водой, —
Господи, как это много!

Кровной ли тайны спасительный взгляд
Сердцем ловил, замирая?
Словно сквозь пламя бредешь наугад,
Вспыхнув — а все ж не сгорая.

Что это было? — какую же связь
Чуял, томимый бедою?
Обе сияли, над миром склоняясь,
Память — с высокой звездой.

Обе хранили и обе вели —
Дальше, туда, где светало, —
Смотришь — и вправду забрезжит вдали, —
Надобно было так мало!

Кто мне вернет эту память сейчас
Вместе с подругой-звездой?
Ищешь, и — пусто, и — слезы из глаз,
Полночь — да небо седое.

* * *

Посмотри-ка на холмы, посмотри —
Собери-ка до зимы фонари,
Чтобы новая не знала зима,
Где подъем и где обрыв у холма.

За холмами далеко, далеко
Разольется фонарей молоко,
Чтобы новые не знали снега,
Чья дорога и кому дорога.

Чья дорога, для кого и к чему —
Не припомню, не приму, не пойму,
Чья дорога, для чего и куда —
Все равно она уйдет навсегда.

Навсегда она уйдет все равно —
Что-то светится — фонарь иль окно?
Что-то в сумерках уже зажжено,
Что-то высится, с судьбой заодно.

Заодно оно с судьбой или нет —
Это ветер по холмам или свет,
Это свечку зажигать суждено,
Потому что за холмами темно.

Только ветер в темноте, только снег,
Столько лет уже прошло — целый век,
Только век почти прошел, — подожди —
Что за эхо там, вдали, впереди?

Чужеродною слыла меж химер
Пифагорова гармония сфер —
Притерпелась, обтесалась, ушла
В лабиринты, в тупики, в зеркала.

А теперь она дышать начала,
Отдышалась, ожила, тяжела,
А потом ее поди разбери —
Посмотри-ка на холмы, посмотри.

* * *

Нам с лихвой предначертано жить
Божества ключевым мановеньем —
Но скажи мне: к чему дорожить
Равноправия истовым рвеньем?

Ты ни в чем ничему не перечь —
Если выпадут чет или нечет,

Ведь из них ни один пренебречь
Не захочет и душу излечит.

Не чурайся же ветхих причин,
Проследив за мгновением каждым —
Не затем продолжаем почин
И в погоне нисколько не страждем.

Собирай-ка волхвов на совет —
Ведь давнишний испробован метод,
И всегда проверяем на свет
Равноденствия уровень этот.

Словно локон любовь теребит —
И, волокон свивая колечки,
Безутешно совсем норовит
Потушить нам венчальные свечки.

Прозвучат ли шаги вдалеке
Или счастью внемлет прохлада —
Не капризнее розы в руке
Своеволие Летнего сада.

Потому и не выдаст гранит
Примиренное веры условье,
Что его безвозвратно хранит
Многократной реки хладокровье.

Оттого и не ведаем мы,
Что под утро наигрывать лютням,
И ошибки страшатся умы,
Пребывая во времени смутном.

И припав к окрыленью в упор,
Растеряв и мольбы, и котурны,
Обреченности греческий хор
Пропадает под знаком Сатурна.

Не сердись понапрасну, Парис!
Будут нам и миры, и химеры, —
И давно уж за разум взялись
Афродита, Афина и Гера.

ЭЛЕГИЯ ПЕТЕРБУРГСКОМУ ДРУГУ

Тебе, далекий друг, — элегия сия, —
Да будешь счастлив ты на свете этом странном!
Давно к тебе прислушивался я —
В минуты горести, к мечтам спеша обманным,

На зная удержу, томленьем обуян,
Медвяным омутом заката не утешен, —
И если путь мой смутен был и грешен,
Движенья познал я океан,
Медлительную поступь естества,
В огне сощураясь, все же разгадал я —
И столько раз в отчаянье рыдал я,
Покуда горние являлись мне слова!

Ты помнишь прошлое? — трепещущий платок,
Что там, за стогнами, белеет, —
В нем женский в лепете мелькает локоток
Да уголек залетный тлеет,
В нем только стойкие темнеют деревья,
Подобны Бахову неистовому вздоху, —
Прощай, прощай, ушедшая эпоха! —
Но все еще ты, кажется, жива, —
Но все еще ты, кажется, больна,
Дыша так хрипло и протяжно, —
С тобою все же были мы отважны —
И губы милые прошепчут имена.

Есть знаки доблести: сирень перед грозой,
Глаза, что вровень с зеркалами
Блеснут несносной, каверзной слезой,
В костре бушующее пламя,
Листва опавшая, струенье древних вод,
В степи забытая криница, —
Душа-скиталица, взволнованная птица,
Скорбит о радости — который век иль год?
Есть знаки мудрости: биение сердец,
Что нас, разрозненных, средь бурь соединяет,
И свет оправданный, что окна заполняет,
И то, что в музыке таится, наконец.

Что было там, за некоей чертой,
За горизонтом расставанья?
Мгновенья близости иль вечности святой,
Предначертанья, упованья?
Предназначение, предчувствие, простор,
Высоких помыслов и славы ожиданье? —
С мученьем неизбежное свиданье
Да дней изведенных разноголосый хор, —
Что было там? — я руку протяну —
Еще на ощупь, тела не жалея, —
И вот встают акации, белея,
Сулящие блаженную весну.

Так выйди к нам, желанная краса, —
Тебя мы ожидали не напрасно!

В моленье строгие разъяты небеса,
Существование прекрасно!
Юдольный обморок, прозрения залог,
Прошел, сокрылся, в бедах растворился, —
И пусть урок жестокий не забылся —
Но с нами опыт наш земной и с нами Бог!
Давай-ка встретимся — покуда мы живем,
Покуда тонкие судеб не рвутся нити,
Покуда солнце ясное в зените
Из тьмы обид без устали зовем.

Не рассуждай! — поет еще любовь,
Хребтом я чувствую пространства измененья,
Широким деревом шумит в сознание кровь —
К садам заоблачным и к звездам тяготенье,
Луна-волшебница все так же для меня
Росы раскидывает влажные алмазы
По берегам, где все понятно сразу,
В ночи туманной ли, в чертоге ль славном дня, —
А там, за осенью, где свечи ты зажжешь,
Чтоб разглядеть лицо мое при встрече,
Как луч провидческий, восстану я из речи,
Которой ты, мой друг, так долго ждешь.

Евгений ЛУКИН

ЧЕЧЕНСКИЙ ВОЛК

Повесть о Джохаре Дудаеве

От автора

Двадцать лет минуло с тех пор, как погиб первый президент независимой Чеченской Республики Иткерия Джохар Дудаев (1944–1996) и закончилась первая чеченская война. Тогда в разрушенном Грозном повсюду — на стенах домов, на лобовых стеклах машин — висел парадный портрет Дудаева. Чеченцы, одержавшие победу в битве с российскими войсками, боготворили своего кумира в той же мере, в какой побежденные русские ненавидели его и считали причиной всех бед и несчастий. Прошли годы, и теперь настало время не только дать взвешенную оценку этому сильному, целеустремленному человеку, но и объяснить, почему в том гражданском противостоянии он оказался по другую сторону баррикад.

Личность Дудаева была соткана из многих противоречий. Одни считали его злым гением своего народа, другие — тут ли не пророком, спустившимся с небес. В нем сочетались прагматизм и идеализм, жестокость и романтичность. Но даже заклятые враги, а их было немало и среди чеченцев, признавали, что Дудаев — гордый отважный человек, готовый на все ради достижения свободы. Как известно, подобные качества народное мифологическое сознание приписывало и волку — древнему чеченскому тотему. Не случайно волк стал государственным символом в годы правления Дудаева. Он всецело соответствовал не только сути вооруженной анархии, ненадолго воцарившейся в Чечне, но и характеру ее национального лидера.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Джохар

Как будто сам я был рожден
В семействе барсов и волков.

Михаил Лермонтов

Джохар и волк

Семья Мусы и Рабиат Дудаевых из горного села Ялхорой была многодетной. Шутка ли — тринадцать детей! самого младшего сына родители назвали Джохаром, что по-чеченски значит — жемчуг. Должно быть, он был самым дорогим, са-

Евгений Валентинович Лукин — поэт, прозаик, эссеист, переводчик. Родился в 1956 году. Окончил исторический факультет педагогического института имени А. И. Герцена. Работал учителем и журналистом. Проходил военную службу. Участник боевых действий на Кавказе. Ветеран первой чеченской войны. Член Союза писателей России. Автор двух десятков книг. Его стихотворные переложения цикла древнерусских песен «Слово о полку Игореве», «Слово о погибели Русской земли» и «Задонщина» получили высокую оценку академиков Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева и других специалистов Пушкинского Дома. Автор либретто «Радонежской оратории», посвященной преп. Сергию Радонежскому — духовному наставнику победы в Куликовской битве. К 100-летию начала Первой мировой войны опубликовал мемориальную антологию «Книга павших», куда вошли его переводы стихотворений тридцати поэтов-фронтовиков (из двенадцати стран мира), павших на полях сражений. Лауреат ряда литературных премий, в том числе премии журнала «Нева» за повесть «Танки на Москву», посвященную первой чеченской войне.

мым любимым. Свой настоящий чеченский характер младенец проявил почти сразу после рождения.

Однажды мать с трехмесячным Джохаром на руках отправилась в соседнее село — навестить родных. Когда она вечером возвращалась домой, дорогу ей неожиданно преградил матерый волк. Хищник сверкал голодными глазами и лязгал клыками, готовясь разорвать жертву на куски. В немом ужасе женщина застыла на месте, крепко прижав к груди сына. Вдруг младенец, до этого мирно спавший на руках, разразился пронзительным плачем. Волк насторожился и, точно услышав знакомый голос, уступил дорогу и исчез в сумерках.

Джохар и солдат

Холодной зимой 1944 года пришла беда. По приказу Сталина всех чеченцев насильно изгоняли со своей земли — якобы «за пособничество фашистским захватчикам». В бедную хижину Дудаевых эту горькую весть принес пожилой русский солдат. Хозяина не было дома — Муса Дудаев перегонял овец в Грузию. Не зная, что предпринять, Рабиат заметалась в слезах, схватила спящего младенца. Джохар проснулся и громко заплакал. Услышав его плач, солдат вспомнил о своих чадах и сжалился над несчастной женщиной. Он раздобыл подводу и погрузил на нее убогий скарб: медные кувшины, домотканый ковер, теплую одежду, мешки с мукой. Окруженная многочисленными детьми, Рабиат двинулась в дальнюю дорогу.

Мешок горячего хлеба

Муса Дудаев разыскал свою семью лишь через несколько месяцев — в заснеженной павлодарской степи. Рабиат с детьми ютилась на заброшенном кирпичном заводе, где сумела обустроить угол. Жили впроголодь. Старшие братья занимались обычным «промыслом» — подбирали на улице то, что плохо лежит. Но все равно еды не хватало.

Появившийся отец взял семейные заботы на себя. Весной в голой степи он вспахал большое поле и посадил картошку. А затем устроился на хлебозавод. Каждый вечер он возвращался с мешком, полным горячего хлеба. Худые, оборванные дети спешили навстречу, чтобы получить из отцовских рук теплую душистую горбушку. А взрослые, завидев его, отворачивали голодные глаза. Но никто не осмеливался упрекнуть Мусу Дудаева в том, что он тайком выносил с хлебозавода свежее испеченные буханки. Все понимали: надо как-то кормить детей, надо как-то жить.

Отцовская сабля

У Мусы Дудаева была старинная сабля. Ее необыкновенный клинок легко разрубал любое железо. Доспехи для нее не являлись преградой. Сабля ковалась в горном ауле Айткхаллой. Перед ковкой старый мастер молился в мечети, а потом надолго уходил в горы. Изготовленная таким способом сабля по-чеченски называлась «гора да» или «гурда», что значит — властелин мощи. Она вручалась только самому достойному горцу. Таким горцем был и Муса Дудаев.

Как и подобает мужчине, Муса Дудаев никогда не жаловался, даже когда его стала одолевать смертельная болезнь. Он лежал на своей постели, сколоченной из нетесаных досок, и молча умирал. Вдруг дверь в дом приоткрылась, и оттуда выглянул его давний враг. Он стал издеваться над умирающим хозяином. Муса вы-

хватил саблю и швырнул ее в пришельца. Тот мгновенно скрылся. Гурда пронзила деревянную дверь насквозь и сломалась — такова была сила ненависти, которую вложил Муса в бросок. Это был последний урок чеченской отваги, который перед смертью преподнес отец своему шестилетнему сыну Джохару.

Брат Халмурз

У Джохара было семеро старших братьев, но самым любимым среди них был Халмурз. Джохар считал его своим идеалом. Это был бесстрашный юноша, всегда готовый к нападению и защите. Он был предводителем чеченских мальчишек, которые, подражая абрекам, с утра до ночи промышляли воровством и разбоем: то уведут овцу из колхозной отары, то обтрясут яблоневый сад, то обчистят одинокого прохожего. Таким старинным способом многие чеченские семьи выживали в суровые голодные времена.

Воровская ватага совершила набег на чей-то приусадебный участок, однако один из воришек был схвачен хозяином. Завязалась драка. Халмурз бросился вытаскивать товарища из беды — подскочил к разъяренному мужичку и, не задумываясь, воткнул ему нож между ребер. Хозяин пал замертво.

Шестнадцатилетний Халмурз оказался за решеткой. Из тюрьмы он вышел лишь спустя четверть века — ему постоянно набавляли срок, ибо никаких законов он не признавал. Говорят, в лагере своей силой и храбростью Халмурз завоевал непререкаемый авторитет. Ему беспрекословно подчинялись заключенные. Даже лагерный начальник был вынужден договариваться с ним. А для младшего брата он остался примером до конца жизни.

Брат Бекмурза

Однажды Джохар услышал, как его старший брат Бекмурза, уединившись, нашептывал странные слова:

— Ты победишь злого добротой и любовью. Жадного победишь щедростью, вероломного искренностью, а неверного — верой. Будь всегда милосердным и скромным, будь готов жертвовать собой.

— Что ты бормочешь?

— Это наставления шейха Кунта Хаджи, — пояснил Бекмурза.

Из разговора с братом Джохар узнал, что Кунта Хаджи — чеченский святой и чудотворец, который основал суфийское братство кадирийского тариката. Шейх противостоял знаменитому горцу — имаму Шамилю, который считал, что истинный мусульманин не может находиться под властью гяуров (неверных) и должен сражаться за свою свободу до конца. А вот Кунта Хаджи был куда милосерднее. Он говорил, что чеченцы, вынужденные подчиниться русским, не только не теряют веры и уважения единоверцев, но и возвышаются над ними в силу перенесенных страданий. «Сопrotивление властям Аллаху не угодно, — утверждал святой. — Ибо Аллаху не угодно, чтобы все чеченцы погибли в сражениях. Если вам скажут, чтобы идти в православные церкви, то идите туда, ибо это — только строения, а вы в душе — все равно мусульмане. Если вас заставят носить кресты, то носите их, ибо это — всего лишь железки, а вы в душе — все равно мусульмане. Но если ваших женщин будут насиловать, если вас будут заставлять забыть язык, культуру, обычаи, то поднимайтесь и бейтесь до последнего чеченца».

— Зачем он это говорил? — спросил Джохар.

— Затем, чтобы мы, чеченцы, спаслись, — объяснил Бекмурза. — Что толку, если мы все погибнем? Всевышний не желает этого. Он желает, чтобы мы выжили, набрались сил и в заветный час достигли своей цели.

Вожак

В школу Джохар Дудаев записался сам. Когда он пришел в класс, учительница показала ему на последнюю парту, где развалился верзила — второгодник. Маленького роста, Джохар встал перед ним, как Давид перед Голиафом. Верзила не собирався уступать место новому ученику, занимая своим внушительным туловищем всю парту. Тогда Джохар стремительно схватил его за руку, на которую тот опирался подбородком, и с силой перегнул через край парты. Верзила взвыл от боли.

— Хочешь — сломаю? — усмехнулся Джохар.

— Отпусти! — простонал тот и, потирая ушибленную руку, нехотя подвинулся, освободив место для новичка.

Так Джохар Дудаев поступил в школу. В отличие от своих братьев и сестер, которые в школьные годы не блистали успехами, он был первым не только в мальчишеских драках, но и в учебе. В конце концов одноклассники избрали его старостой — чувствовали в нем сильного вожака.

Саманный домик в Грозном

После смерти Сталина пронесся слух, что чеченцам разрешат вернуться на родину. И действительно: вскоре советское правительство приняло постановление о снятии ограничений со спецпереселенцев. Многие стали самовольно покидать обжитые места. Отправилась в Чечню и семья Дудаевых. Поскольку в родном селе Ялхорой бывшим жителям селиться было запрещено, Рабиат с детьми получила бросовый участок на окраине Грозного — в рабочем поселке Катаяма. Всей семьей стали строить дом. Засучив штаны до колен, Джохар целый месяц месил глину с соломой и сушил на горячем солнце кирпичи. Старшие братья возводили стены, из подручных материалов сооружали крышу. К зиме саманный домик был готов.

Сочинение на вольную тему

Однажды учащиеся девятого класса грозненской школы № 54 писали сочинение на вольную тему. Джохар слишком прямолинейно понял задание и написал о том, как храбро сражался за свободу чеченского народа знаменитый имам Шамиль, освобождая родные аулы от царских войск. В то время это было неслыханной крамолой. Сочинение наделало много шума — его обсуждали в районной и городской организациях образования.

— Он неправильно понял тему! — говорили одни, защищая юношу.

— Нет, он как раз правильно понял тему! — утверждали другие.

Родным Джохара пришлось приложить немало усилий, чтобы вольнолюбивому юноше разрешили продолжить учебу. Однако он был взят начальством на заметку, и вскоре ему припомнили этот случай. Как лучший ученик, окончивший учебный год на «отлично», Джохар должен был поехать по путевке в Венгрию. Ему отказали в этой поездке, а вместо него в путешествие за границу отправилась дочь директора школы.

«Я – чеченец!»

В 1962 году Джохар втайне от матери уехал в Тамбов, где исхитрился поступить в военное училище летчиков дальней авиации. Почему «исхитрился»? Потому что в те времена чеченцы на ратную службу не принимались, ибо поголовно считались неблагонадежным народом.

— Каждый чеченец с самого своего рождения невольно оказывался в самой гуще политики, — вспоминал Джохар Дудаев. — Он уже в чреве матери становился ребенком «врагов народа». Не успев еще совершить никаких проступков на этой земле, он превращался автоматически в «предателя», «изменника», «бандита». Рос, учился и жил под пристальным надзором комендатуры. По достижении совершеннолетия, то есть с шестнадцати лет, он обязан был два раза в месяц являться в комендатуру и расписываться за явку. Тем самым подтверждая, что еще не сбежал и находится на месте. Это была роспись в полном бесправии. С этим клеймом попадал в вуз, в армию. Это в лучшем случае. Многие так и не достигали этих вершин.

Памятуя об этом, Джохар и прибегнул к хитрости: при заполнении анкеты назвал себя осетином. Осетины — православный народ, храбро защищавший предгорья Кавказа от немецких оккупантов, повсюду пользовались заслуженным почетом и уважением. И осетина Дудаева с радостью зачислили в летное училище. Когда же пришла пора получать выпускной документ, курсант Дудаев возмутился:

- В дипломе неправильно указана моя национальность!
- Почему неправильно? — говорят ему. — Согласно анкете вы — осетин.
- Нет! — воскликнул гордый Джохар. — Я — чеченец!

Тайный мятежник

Курсант Тамбовского летного училища Джохар Дудаев приехал на летние каникулы домой — в Грозный. И встретился со своим одноклассником Вахой Алдамовым. Рассказал о том, как хитростью ему удалось поступить на военную службу. И очень огорчился, что тем самым нарушил чеченский кодекс чести, поскольку пошел на обман.

- Это унижительно для чеченцев, — согласился Ваха. — Но что делать?
- Ничего, ничего, — процедил сквозь зубы Джохар. — Через двадцать-тридцать лет мы все изменим.
- Как изменим?
- Очень просто, — в глазах Джохара засветился стальной блеск. — Поднимем мятеж. Сделаем переворот.
- А он, мятежный, просит бури? — попытался пошутить Ваха, вспомнив стихи Лермонтова — любимого поэта Джохара.

Дудаев молчал.

Суровый командир

После окончания училища судьба забрасывала военного летчика Джохара Дудаева в разные концы необъятной Советской страны — от Сибири до Прибалтики, от Центральной России до Средней Азии. Везде он проявлял свой жесткий волевой характер и запомнился сослуживцам как суровый командир.

Став командиром авиаполка, а значит, и начальником гарнизона, Дудаев первым делом приказал обнести военный городок высоким бетонным забором — так, чтобы ни один солдат, ни один офицер не мог самовольно отлучиться из части. Теперь те,

кто хотел подышать свежим воздухом свободы и прогуляться за самогоном до ближайшей деревни, должны были спросить разрешения у командира.

Однажды жители городка услышали истошные вопли. Выглянув на улицу, они увидели, как по ней, словно сорвавшись с цепи, мчался начальник гарнизона Дудаев, преследуя какого-то солдата. Самовольщик оказался более резвым, и потому начальник напоследок отвесил ему тяжелый пинок.

Сталин

Писарь Григорий был оставлен на ночное дежурство в штабе авиаполка. Ему было приказано к утру расчертить полетные графики — авиаполк готовился к учебным бомбометаниям в Семипалатинске. Закончив работу, солдатик заварил чайку и стал листать очередной номер журнала «Огонек». И вдруг обнаружил там красочный портрет генералиссимуса Советского Союза Сталина. Вождь стоял перед разложенной на столе картой. На нем был простой военный френч, который украшала золотая звездочка героя. Он задумчиво вглядывался вдаль, словно пытаясь угадать, какое будущее пророчит блеклый рассвет за окном. Было видно, что Сталин работал всю ночь — точь-в-точь как писарь Григорий.

Портрет понравился солдатику. Он аккуратно вырезал его из журнала и повесил на стену штабной канцелярии — между изображениями Ленина и Циолковского. Перед утренним разводом в штаб явился командир авиаполка Дудаев. Как обычно, он устремился к своему кабинету и внезапно остановился — со стены на него взирал усатый генералиссимус. Лицо командира перекосила ярость:

— Немедленно снять и уничтожить!
— Что снять и уничтожить? — не понял писарь.
— Вот эту гадость! — Дудаев указал на портрет Сталина.
— Хорошо, сниму, — пробурчал Григорий, — но уничтожать не буду.
— За невыполнение приказа — трое суток ареста! — выпалил Дудаев и так хлопнул дверью, что посыпалась штукатурка.

Писарь снял сталинский портрет и прикрепил к внутренней стороне шкафа, где хранились летные книжки личного состава. Спустя неделю именно в этот шкаф зачем-то полез Дудаев, хотя раньше туда никогда не заглядывал. Конечно, увидев портрет Сталина, остолбенел. Вызвал к себе в кабинет писаря. Вежливо поинтересовался, почему солдат уважает этого усатого дьявола и, несмотря на взыскание, не расстается с его изображением. Григорий ответил, что его отец — фронтовик — шел в бой с именем Сталина на устах и как любящий сын он чтит и уважает мнение родителя. Дудаев внимательно выслушал солдата и вздохнул:

— Пойми, Гриша: из-за этого черта я вырос не на своей родине, в Чечне, а в Казахстане, где даже дерево не растет, если его не посадить в специально привезенную с других мест землю. Хотя, с другой стороны, я ему благодарен. Сегодня я летчик первого класса, слушатель академии Генштаба, у меня большие перспективы. Если бы не депортация, возможно, я бы до сих пор пас овец в горах Чечни или был рабочим на заводе.

Завершая душевную беседу, Дудаев металлическим голосом произнес:

— Семь суток ареста — за невыполнение приказа!

Бесстрашный Джохар

В дудаевском полку случилось чрезвычайное происшествие: находившийся в карауле солдат самовольно покинул пост и скрылся из части, прихватив с собой

автомат и рожки с патронами. Немедленно был начат поиск: беглеца обнаружили в районе аэродрома. Но подойти к его укрытию никто не решался. Подъехал Дудаев, выслушал доклад и, не раздумывая, направился в сторону дезертира. Все издали с ужасом наблюдали за происходящим.

— Неужели выстрелит? — выдохнул один из офицеров.

— Запросто, — отозвался другой. — Он сейчас как затравленный зверь.

Расстояние до укрытия быстро сокращалось.

— Стой! Стрелять буду! — дезертир передернул затвор.

Но Дудаев даже не замедлил шага. Он неумолимо приближался к беглецу, и тот в конце концов не выдержал — бросил автомат и сдался. Все облегченно вздохнули. А бесстрашный Дудаев оставался спокойным и невозмутимым. На его лице не дрогнула ни одна мышца.

Негодный тренажер

Как-то военного летчика Джохара Дудаева отправили осваивать новый самолет — стратегический бомбардировщик. Сначала требовалось научиться летать на тренажере, который имитировал настоящий полет. Молодой оператор тренажера предложил опытному асу взлететь и посадить виртуальную машину.

— Зелен ты еще, чтобы меня учить, — ухмыльнулся Дудаев и сел в кабину тренажера.

Взлет прошел гладко — без сучка, без задоринки. Однако при снижении летчик выпустил закрылки куда круче, чем положено. Виртуальный самолет разболтался и свалился на крыло. Потерпев аварию, взбешенный Дудаев выскочил из кабины и резанул:

— Тренажер никуда не годится!

Тогда молодой оператор показал, как надо сажать стратегический бомбардировщик. Посадка у него получилась мягкой и красивой. К чести Дудаева, он не обиделся.

— Кто не одолел высоту, тот спуститься не сможет, — глубокомысленно сказал летчик и потребовал научить его в совершенстве управлять новым самолетом.

Цепные псы

Джохар Дудаев вступил в Коммунистическую партию Советского Союза, когда ему исполнилось двадцать четыре года. Для самолюбивого чеченца, как и для многих его сослуживцев, это была необходимая ступень в военной карьере. Отказаться от партбилета значило отказаться от любимого дела — летать! Поэтому Джохар всюду демонстрировал показную преданность партии. Став командиром авиаполка, он частенько собирал политических работников и учил, как надобно любить КПСС:

— Вы призваны служить партии, как цепные псы, которых спустил ЦК и платит за это деньги!

Это рвение было замечено наверху. Говорят, что однажды на заседании Политбюро ЦК КПСС обсуждалась кандидатура преданного чеченца. Партийные старцы единогласно решили: летчик Дудаев заслуживает полного доверия — ему можно летать на стратегическом бомбардировщике с ядерными ракетами на борту.

Кстати, из партии коммунист Дудаев никогда публично не выходил. Даже тогда, когда она была предана ее руководством и повергнута. Он презирал тех, кто пинает ногами мертвого барса.

До седьмого колена

Каждую субботу в гарнизонном Доме офицеров были танцы. Другого развлечения в военном городке Шайковка, что неподалеку от Калуги, не существовало. Однажды вечером субботние посиделки посетил бравый летчик Джохар Дудаев.

В просторном зале вдоль стен были расставлены стулья, на которых восседали пожилые пары, наблюдая за тем, как кружилась в вальсе веселая молодежь. Среди девушек Джохар приметил красавицу, которая впервые появилась на танцах. Это была Алла Куликова — студентка художественно-графического факультета Смоленского пединститута. Ее отец, майор авиации, служил на военном аэродроме, обеспечивая взлет и посадку бомбардировщиков. Девушка приглянулась молодому чеченцу. Он подошел к Алле и, отдав воинскую честь, представился:

— Дудийн Муса кант Жовхар Дудаев!

— Ой, как много имен, — рассмеялась красавица. — Мне сразу все и не запомнить.

— На Кавказе принято знать всех своих предков до седьмого колена, — пояснил он, улыбаясь в ответ. — Это русские имеют только отчество, а мы храним память о многих поколениях. В этом — наше достоинство и наша честь!

Офицер галантно пригласил красавицу на танец. Танцуя, он обратил внимание, как парочки прижимаются друг к другу.

— У нас в Чечне нельзя даже прикоснуться к девушке, — заметил он. — Иначе это будет оскорбление, которое карается смертью. Раньше русские дворяне защищали свою честь на дуэлях. Сегодня в России только чеченцы защищают честь кровной мезтью. Для них честь женщины — превыше всего.

Так Джохар Дудаев познакомился со своей будущей супругой.

Приказ Джохара

Излюбленным местом отдыха жителей военного городка был пляж на берегу реки Ужать. С утра здесь купались мальчишки, позднее сюда устремлялись местные красавицы. Именно пляж избрал местом своего первого свидания военный летчик Дудаев.

— Приходи завтра к десяти утра на речку! — почти приказал он, прощаясь с девушкой Аллой.

— Хорошо! — кивнула девушка, но явилась на пляж только к полудню. Она удобно устроилась на траве и положила перед собой книгу. Внезапно мрачная тень напозла на страницу, ярко освещенную солнцем. Алла посмотрела вверх — перед ней черной тучей нависал Дудаев. Он был в бешенстве. Его черные усики нервно дергались, темные глаза извергали молнии гнева.

— Я же просил прийти к десяти! — разразились громом уста чеченца.

— Я всегда обещаю прийти, чтобы не обидеть, — пробормотала испуганная красавица. — Но приходите или не приходите — это мое право.

— Нет! — отрезал Дудаев. — Если дала слово прийти к десяти, значит, должна прийти к десяти. Надеюсь, такое больше не повторится.

Алла покорно склонила голову. Девушка поняла, что перед ней стоит мужчина, приказы которого она будет беспрекословно выполнять всю жизнь.

Джохар и удав

Вскоре после свадьбы молодые получили однокомнатную квартиру. Будучи художницей, Алла Дудаева украсила голые стены фресками, на которых изобразила

легендарные подвиги, навеянные мифологией Древней Греции. На центральном панно был изображен сам хозяин квартиры — Джохар Дудаев, облаченный в звериную шкуру. Подобно Гераклу, он мощными руками душил огромного пятнистого удава. Разинув пасть и высунув красный язык, удав всем своим видом показывал, что находится при последнем издыхании. На соседних панно мирно паслись дикие козочки и прятались в зеленых зарослях черные пантеры, посверкивая хищными глазами. В этом нарисованном лесу Джохар чувствовал себя настоящим охотником — настоящим чеченцем. Он даже постелил на полу отрез толстого шинельного сукна и любил после полетов расположиться на нем наподобие утомленного хищника, вдохновляясь художественной росписью и поигрывая легкими гантелями.

Тазит

По вечерам Джохар Дудаев читал своей супруге стихи Пушкина и Лермонтова. Особенно он любил поэму «Тазит», которую знал наизусть:

Не для бесед и ликований,
Не для кровавых совещаний,
Не для расспросов кунака...

Герой поэмы Тазит не увлекался ни лихими разбоями, ни дерзкими набегами, чем обычно должен был заниматься молодой чеченец. Все время он проводил в мечтаниях на берегу Терека, слушая рев горной стремнины и любуясь золотыми звездами. По мнению отца, Тазит вел себя очень странно. Как-то ему попался одинокий купец, но он его не ограбил. Затем он наткнулся на беглого раба, но не накинул на него аркан. А однажды юноша встретил убийцу своего брата и не пронзил того кинжалом. Узнав об этом, разгневанный отец обругал Тазита трусом, рабом и армянином, то есть христианином, неспособным к кровной мести. И навсегда проклял его:

Поди ты прочь — ты мне не сын,
Ты не чеченец — ты старуха,
Ты трус, ты раб, ты армянин!
Будь проклят мной! Поди — чтоб слуха
Никто о робком не имел...
Чтоб дети русских деревень
Тебя веревкою поймали
И, как волчонка, затерзали...

Последние строки Джохар Дудаев произносил с волнением. Должно быть, он и сам чувствовал себя отверженным от своего рода-племени, чувствовал себя одиноким волчонком, которого русские дети таскают на веревочке.

Летал, как птичка

В те годы шла война в Афганистане, и военный летчик Дудаев трижды летал бомбить далекую страну. Его стратегический бомбардировщик, снаряженный многотонными фугасными бомбами, поднимался с туркменского аэродрома Мары и брал курс на юг, где среди горных хребтов затерялись беззащитные афганские селения.

Первый раз Дудаев сровнял с землей небольшой городок Гардез, что притулился на границе с Пакистаном. Второй раз покрыл ковравыми бомбардировками окрестности старинного города Джелалабада, где находились военные лагеря моджахедов. А в третий раз его самолет отбомбился фугасками по Газни — столице древней мусульманской империи, некогда простиравшейся от Центральной Персии и Средней Азии до Индии. Сбросив смертельный груз, летчик Дудаев разворачивал облегченную машину на север. Успешно приземлившись, спешил домой, где его ждала супруга.

— Ну как? — задавала она один и тот же вопрос.

Расплывшись в улыбке, Джохар Дудаев неизменно отвечал:

— Летал, как птичка!

Дудаев и сортир

Как образцовый командир, отличившийся в ходе боевых действий в Афганистане, Джохар Дудаев был назначен командовать Тернопольской тяжелой бомбардировочной дивизией и одновременно исполнять обязанности начальника военного гарнизона. Дивизия дислоцировалась в городе Тарту — в Эстонии.

Однажды сюда прилетел маршал Виктор Георгиевич Куликов — проверить, как полковник Дудаев командует стратегической дивизией. Дудаев показал ему учебные классы, где тренируются летчики, показал большой спортзал, где они занимаются физическими упражнениями, показал просторную столовую. Куликов придирчиво осматривал помещения и делал отдельные замечания. Когда осмотр закончился, маршал обратился к Дудаеву:

— А теперь, товарищ полковник, проводи-ка меня в сортир!

Дудаев смутился. На лице сквозь смуглую кожу проступил румянец, заиграли на щеках мускулы. Было видно, что он еле-еле сдерживал себя, поскольку посчитал такую просьбу унижительной для чеченца.

— Товарищ маршал, — наконец выдавил он. — Вас проводит в сортир начальник штаба дивизии.

Дудаев и голубые лампы

В 1989 году Военный совет обсуждал вопрос о присвоении Джохару Дудаеву воинского звания генерал-майор. Особенно ратовал за него командующий дальней авиацией Петр Степанович Дейнекин.

— У Дудаева в дивизии идеальный порядок! — горячился он. — Я был на аэродроме в Тарту. Дудаев создал человеческие условия для рядового и офицерского составов. Поблизости от каждого самолета он установил домик для технического персонала. Зимой там авиатехники могут обогреться, а летом — укрыться от жары, отдохнуть, перекусить, утолить жажду.

Дейнекину возразил его заместитель по политической работе:

— А я против присвоения генеральского звания Дудаеву!

— Почему?

— Я тоже был с инспекторской проверкой в Тарту — вместе с маршалом Куликовым, — ответил он. — Дудаев отказался проводить маршала в сортир. То ли он не знает, где в его дивизии находится сортир, то ли законы гор для него выше армейских уставов.

— Чем плохи законы гор? — удивился Дейнекин. — В стране идут демократические преобразования. Пора и чеченцам обрести своего боевого генерала.

Так брюки Джохара Дудаева украсили голубые генеральские лампасы.

«Я — сыт!»

За голубыми генеральскими лампасами Джохар Дудаев ездил в Москву. Товарищи по службе напутствовали его советом, чтобы он не упустил счастливого случая — непременно пообедал в партийной столовой на Старой площади. Говорили, что там подается все — от коньяка до черной икры — и платить почти ничего не надо.

В назначенный час Дудаев прибыл на Старую площадь. Стоя в приемной у окна, разглядывал крыши домов, окрашенные в зеленый цвет. К нему подошел старый генерал и, полагая, что тот волнуется, успокоил:

— Если вызвали, значит, все будет в порядке.

— Я думаю о другом, — ответил Дудаев. — Неужели некому починить вон ту крышу?

И показал на ржавые скаты одного из зданий. Старичок задумчиво посмотрел на Дудаева и нерешительно произнес:

— Уверен, что в будущем у вас будет все хорошо.

Вскоре Джохара вызвали в зал заседаний и объявили о присвоении генеральского звания.

— Служу Советскому Союзу! — поблагодарил новоиспеченный генерал и направился к выходу. Его провожал услужливый человек из местной партийной челяди. Проходя мимо столовой, он предложил Дудаеву пообедать, расхвалив великолепную кухню и низкие цены.

— Спасибо! — отчеканил генерал. — Я сыт!

И гордо прошел мимо распахнутых дверей, откуда доносились запахи чудесных яств.

Ночевала тучка золотая

Однажды в Тарту приехал писатель Анатолий Приставкин — автор нашумевшей повести «Ночевала тучка золотая». В ней была затронута щепетильная для того времени тема сталинской депортации чеченского народа. С собой писатель привез одноименный фильм, снятый по мотивам этого произведения. Он предложил генералу авиации Джохару Дудаеву организовать просмотр фильма в местном кинотеатре. Генерал охотно согласился. После просмотра Дудаев вышел из зала потрясенным — так близко к сердцу он воспринимал все, что было связано с трагической судьбой чеченского народа. Успокоившись, Дудаев попросил показать фильм еще раз. А потом — еще раз. И после каждого просмотра в его глазах стояли слезы. Анатолий Приставкин был потрясен: он никогда не видел боевого летчика плачущим!

День Победы

9 мая 1990 года в Тарту, как и во всей Советской стране, отмечался День Победы. И вот генерал-майор авиации Джохар Дудаев решил преподнести горожанам подарок — распахнуть перед ними двери Тартуского гарнизона. Каждый желающий мог посетить военный аэродром и даже посидеть за штурвалом стратегического бомбардировщика. Над летным полем кружились парашютисты на разноцветных парашютах, приземляясь точно в центре. В синем безоблачном небе луч-

шие летчики полка, сверкая серебристыми крыльями, показывали фигуры высшего пилотажа. Зрители с восхищением разглядывали боевые машины, олицетворявшие собой непобедимую мощь могучей державы. И вдруг раздались изумленные возгласы: над Тарту взмыл огромный черно-сине-белый флаг — национальный флаг независимой Эстонии. Прикрепленный к летящему самолету, он плавно развевался в небесах, обещая эстонцам желанную свободу. И слезы радости блеснули на глазах стариков, мужчины пожимали друг другу руки, девушки смеялись и целовались.

Джохар Дудаев стал героем дня — его дом завалили цветами. Каждому жителю было ясно: в борьбе за независимость начальник Тартуского гарнизона был на стороне маленького, но гордого народа Эстонии.

Джинн из бутылки

Эстонский национальный флаг раскинулся в небе над Тарту не случайно — накануне Верховный Совет Эстонии переименовал эту советскую социалистическую республику просто в Эстонскую Республику. Казалось бы, небольшое филологическое упрощение. Но вместе с этим Верховный Совет восстановил действие Конституции Эстонской Республики 1938 года, где черным по белому было написано, что Эстония является самостоятельным и независимым государством. Одновременно эстонские депутаты запретили использовать советские государственные символы Эстонской ССР: герб, флаг и гимн, а взамен вернули старые национальные знаки. И первым, кто подчинился только что принятому закону, был начальник Тартуского гарнизона генерал Дудаев. Он приказал вознести в небеса новый, то есть старый флаг независимой Эстонии.

Вообще, Джохар Дудаев очень внимательно следил за тем «парадом суверенитетов», который шествовал по Советскому Союзу. Примеру Эстонии последовали практически все союзные республики. А следом туда же устремились и автономные образования, ибо весной 1990 года союзное руководство во главе с Михаилом Горбачевым постановило уравнивать в правах автономные и союзные республики. Вот тогда и прозвучала знаменитая фраза председателя Верховного Совета России Бориса Ельцина, обращенная к руководителям автономий:

— Берите суверенитета столько, сколько можете проглотить!

Эту фразу он повторял всюду, куда ни приезжал.

— В честь приезда Ельцина в Грозный был дан прием, — рассказывал академик, профессор Чеченского государственного университета Джабраил Гакаев. — Прием давал первый секретарь республиканского комитета партии, а заодно и председатель Верховного Совета республики Доку Завгаев. Хотя Ельцин пробыл в Грозном всего несколько часов, он успел побывать и на этом фуршете. И там практически был дан карт-бланш тем процессам, которые вскоре начались в Чечне. По крайней мере, Ельцин заверил Завгаева, что никто не выступает против суверенитета Чеченской Республики. В то время, оказываясь в очередной этнической среде, Ельцин, так сказать, выдавал целую гору обещаний, которые должны были потрафить этой этнической группе. Тогда сначала в Татарстане, а потом в соседней Назрани Ельцин бросил в толпу: «Берите суверенитета столько, сколько можете проглотить». Он, скорее всего, еще не догадывался, какого джинна выпускает из бутылки.

Свадебный генерал

Поздней осенью 1990 года командиру Тернопольской дивизии и одновременно

начальнику Тартуского гарнизона генералу авиации Джохару Дудаеву пришло письмо из Грозного. Лидер Вайнахской демократической партии Зелимхан Яндарбиев приглашал его на первый съезд чеченского народа.

С началом перестройки в Чечне стали появляться неформальные политические объединения. Это и партия «Исламский путь» во главе с Бесланом Гантамировым, и общественно-политическая ассоциация «Гулам» под руководством Мустафы Эльчибиева, и многие другие. Но первую скрипку в борьбе за независимость играла Вайнахская демократическая партия Зелимхана Яндарбиева — чеченского поэта, сменившего сладкозвучную лиру на громкий барабан идеолога независимости.

Дудаев, конечно, откликнулся на просьбу поэта. И не был разочарован: на съезде его окружили вниманием и заботой. По замыслу Яндарбиева дорогой гость должен был сыграть роль свадебного генерала и украсить своим мундиром цирковую арену. Дудаев об этом ничего не ведал. Прибыв на съезд, который проходил в городском цирке, он устроился на почетном месте и весь обратился в слух.

Делегаты выступали три дня. Одни говорили о национальных обычаях, которые обязывают миллионный чеченский народ быть дружелюбным соседом. Другие вспоминали демократические традиции, когда на народных съездах избирали имамов наподобие Шамиля, чтобы развернуть освободительную борьбу. Третьи ссылались на председателя Верховного Совета России Бориса Ельцина, который сулил автономным республикам абсолютный суверенитет.

Наконец слово предоставили почетному гостю съезда Джохару Дудаеву. На арену вышел никому не известный военный и произнес пламенную речь:

— Мы создадим независимое чеченское государство, мы создадим армию, которая будет способна противостоять любой армии мира, мы дадим отпор не только России, но и любому другому государству, которое будет покушаться на нашу свободу.

Участница съезда Марьям Вахидова вспоминала, что «он был единственным, в чьем выступлении ясно звучала мысль о грядущих переменах. Он говорил, что свобода просто так не дается, придется траву есть и росой запивать. Он выступал ярко, экспрессивно, искренне. В Чечне его тогда практически никто не знал. После съезда он стал известен всем».

Слушая оратора, Зелимхан Яндарбиев ерзал в кресле: он жестоко просчитался. Роль свадебного генерала Дудаеву явно не годилась — он всегда и везде оставался настоящим воином. Именно этого настоящего воина и испугался тогдашний хозяин Чечни — Доку Завгаев. На следующий день под его руководством Верховный Совет республики принял Декларацию о государственном суверенитете Чеченской Республики. Завгаев спешил перехватить инициативу у Джохара Дудаева и стать не столько первенцем чеченской свободы, сколько обладателем единоличной власти.

«Вся Чечня — твой тейп!»

Поэт Зелимхан Яндарбиев был талантливым идеологом и пропагандистом. Не случайно, вступив в Коммунистическую партию Советского Союза в 1985 году, он сразу же стал большой шишкой — руководителем Комитета пропаганды Союза писателей СССР. Однако той харизмы, которая так необходима вершителю народной судьбы, у него не было. Зато таким чудесным даром обладал Джохар Дудаев. Умерив свою гордыню, Яндарбиев решил сотворить из генерала национального лидера. А себе примерил скромную роль идейного вдохновителя борьбы за свободу чеченского народа. Этими мыслями он поделился со своим единомышленником —

богатым предпринимателем Яраги Мамадаевым, которого прочил на место хозяйственного руководителя независимой Чечни.

Вскоре представительная делегация, возглавляемая Зелимханом Яндарбиевым и Яраги Мамадаевым, отправилась в эстонский город Тарту. Историческая встреча состоялась в летнем профилактории — подальше от любопытных глаз. Протоколов встречи никто не вел, подробных свидетельств никто не оставил. Однако достоверно известно, что явившиеся с далекой родины посланцы предложили Джохару Дудаеву возглавить общенародное движение за независимость, о которой страстно мечтали чеченцы со времен шейха Мансура и имама Шамиля. Конечно, такое предложение отвечало самолюбию генерала. Его сомнения насчет материального обеспечения развеял Яраги Мамадаев, пообещав, что генеральская семья ни в чем не будет нуждаться. Тревожил Дудаева и его родоплеменной статус — он происходил из горного рода, или тейпа, Ялхорой, не относившегося к числу влиятельных и могущественных. Это могло затруднить руководство бесчисленными родами-тейпами, на которые дробилось чеченское общество. Но Зелимхан Яндарбиев успокоил генерала:

— Отныне вся Чечня — твой тейп!

Генеральская услуга

В январе 1991 года в Таллин прилетел председатель Верховного Совета России Борис Ельцин. Он подписал со своим коллегой, председателем Верховного Совета Эстонии Арнольдом Рюйтелем, договор об основах государственных отношений между двумя республиками. Согласно договору, стороны признавали друг друга независимыми государствами. В Таллине Ельцин обратился к солдатам Советской армии с призывом не стрелять в мирных демонстрантов, как это только что случилось в Литве при штурме Вильнюсской телебашни. Неожиданно его поддержал командир дивизии стратегической авиации генерал Джохар Дудаев, который выступил по эстонскому национальному радио с заявлением, что он не позволит советским войскам прибыть в Прибалтику воздушным путем. Это вызвало шок в Кремле: своенравный Ельцин не только поддержал прибалтийский мятеж, но и привлек на свою сторону стратегическую авиацию, оснащенную ядерными ракетами.

Среди ельцинского окружения кто-то пустил слух: мол, самолет, на котором Ельцин должен будет возвращаться в Москву, непременно потерпит аварию. Председатель Верховного Совета России решил изменить маршрут и отправиться на машине в Ленинград. Но где достать наземный транспорт? И тут вовремя объявился генерал Дудаев, который оказал Ельцину поистине генеральскую услугу.

— Борис Николаевич! — лихо отрапортовал он. — Мой лимузин в вашем распоряжении!

С тех пор Джохар Дудаев стал считаться надежным сторонником Бориса Ельцина.

Родина зовет

19 января 1991 года в эстонской газете «Вперед» была опубликована статья Джохара Дудаева «Я присягал другому». В редакционной врезке к статье он был представлен единственным в Советском Союзе чеченцем-генералом, а также сообщалось о недавнем избрании его председателем Исполнительного комитета съезда чеченского народа. В статье Джохар Дудаев размышлял о выборе, который он должен сделать:

«Вопрос, от которого не уйти, — это вопрос выбора. Как военный человек, я обязан беспрекословно выполнять приказы. Я не делаю себе никаких скидок по профессиональной службе из-за парламентской деятельности, напротив, считаю, что дело, которому себя посвятил, я должен делать безупречно. Если же это войдет в противоречие с моей деятельностью парламентария, то есть исполнение воинского долга вступит в противоречие со служением моему народу, то мое мнение однозначно — я присягал другому. Я — летчик, функции дальней авиации не имеют отношения к милицмейским или полицейским функциям... Да, в принципе я готов к тому, что командование пойдет на освобождение меня от службы. В этом случае я вернусь на родину, буду служить своему народу — этот вопрос для меня и моей семьи решен твердо. Во мне жива ностальгия по родным, по земле, на которой родился. В нашем народе генетический код крепок. Родина есть Родина».

В действительности Джохар Дудаев уже принял окончательное решение — навсегда расстаться с военной службой и начать политическую карьеру. Он не стал дожидаться, когда его освободят от должности. Он предпринял обычный ход — отправился на медицинское обследование. Пожаловался на ноющие боли в позвоночнике при физических нагрузках и прочую утомляемость. 31 января 1991 года врачебно-летная комиссия сделала однозначный вывод: к летной работе не годен, а годен лишь к службе вне строя в мирное время.

Свобода или смерть

Весной 1991 года Джохар Дудаев благополучно уволился из советских военно-воздушных сил, покинул гостеприимную Прибалтику и вернулся в родную Чечню. Поселился в доме старшего брата Бекмурзы — напротив небольшого саманного домика, который в юности построил своими руками. По вечерам в саду под прохладной сенью абрикосового дерева собиралась семья, сюда приходили гости.

Однажды в саду появился молодой человек с гитарой. Это был чеченский бард Имам Алимсултанов. Он сочинял музыку к легендам и сказаниям, а потом сам исполнял их в духе героико-эпических песен. Народный трехструнный инструмент пондура ему заменяла современная шестиструнная гитара.

Устроившись перед слушателями, Имам расчехлил гитару и исполнил несколько баллад, а потом, отбивая характерный кавказский ритм, звонким гортанным голосом спел песню о свободе:

Мы родились в ту ночь, когда щенилась волчица,
Утром, под дикий рев барса, нам дали имена.
В орлиных гнездах вскормили нас матери,
На тучах укрощать коней учили нас отцы.

Скорее гранитные скалы расплавятся, как свинец,
Чем полчища врагов нас заставят встать на колени.
Мы не покоримся никогда и никому.
Свобода или смерть — добьемся одного из двух.

Если нас подавит голод, корни будем грызть,
Если нас одолеет жажда, росу травы будем пить.
Мы родились в ту ночь, когда щенилась волчица,
И только Аллаху, народу, отечеству будем служить.

Джохар был потрясен. Он вскочил с места и стал быстро расхаживать, прищелкивая языком от восторга. Певец скромно молчал. Лишь легкая улыбка пробежала по губам — он был рад, что его произведение понравилось Дудаеву.

— Кто написал стихи? — наконец поинтересовался Джохар.

— Народный учитель и народный поэт, — ответил Имам. — Он живет в селе Мескеты. Его зовут Абузар Айдамиров.

— Это же гимн! — воскликнул Джохар. — С этой песней на устах чеченцы пойдут в бой. Как славно звучит: свобода или смерть!

Красная Поляна

Неподалеку от Сочи расположилась живописная Красная Поляна. Когда-то здесь командующий русской армией великий князь Михаил Николаевич Романов принимал парад войск в честь победы России в кавказской войне. А спустя полтора столетия в тот же самый день — 21 мая 1991 года — на Красную Поляну съехались делегаты Всемирного черкесского конгресса. Был среди них и генерал Джохар Дудаев. Выступая на прощальном банкете, он призвал народы Кавказа к единству и национальному освобождению. «Мы не должны уступить России ни пяди кавказской земли!» — такова была основная мысль его пламенной речи. Выступление генерала вызвало всеобщее одобрение. К нему подходили известные политики из разных стран и желали успеха в освободительной борьбе. Особенно крепко жал ему руку видный черкесский деятель Юрий Калмыков, только что избранный на этом конгрессе президентом Всемирной черкесской ассоциации. Впоследствии он станет министром юстиции в российском правительстве и окажет неоценимую услугу мятежному генералу.

«Я содрогнулся от ужаса»

В начале июня 1991 года состоялся второй съезд чеченского народа. Выступая с докладом, Джохар Дудаев демонстрировал решимость и уверенность в достижении главной цели — независимости Чечни.

— Да здравствует развал империи! — провозгласил он. — Основным источником доходов жизнедеятельности любой империи являются колонии, одна из которых — наша Чечня — вот уже полтора века эксплуатируется с невиданной жестокостью. Имперская машина с помощью аппарата насилия отняла у нашего народа религию, язык, образование, науку, культуру, природные и материальные ресурсы, право на свободу и на жизнь. Чеченский народ определил свой путь, единодушно приняв решение на построение суверенного государства, возложив ответственность за проведение в жизнь решений съезда на исполнительный комитет.

Делегаты переименовали съезд в Общенациональный конгресс и избрали исполнительный комитет. Председателем исполкома остался генерал Джохар Дудаев. Его первым заместителем был избран Юсуп Сосламбеков, заместителями — Зелимхан Яндарбиев и Хусейн Ахмадов. Комитет информации исполкома возглавил Мовлади Удугов, Комитет обороны — Беслан Гантамиров, Правовой комитет — Эльза Шерипова. Эти люди составили костяк радикального националистического движения, которое вскоре придет к власти в Грозном.

Джохар Дудаев согласился возглавить исполком не без мучительных размышлений:

— Когда я увидел, кому съезд вайнахского народа вверил свой суверенитет и свое будущее, — признавался он, — даю слово чести — у меня по коже мурашки побежа-

ли. Уже на первом заседании Исполкома у тех, кто организовывал этот съезд, началась драка из-за денег. Буквально из-за денег, собранных на прошедшем съезде. Никаких должностей мне в этой республике, в той среде, испорченной до беспредела, не нужно было. Я вообще не только боялся этой среды, откровенно говоря, я ею брезговал. Эта среда была настолько далекой от моего интеллекта и моего уровня со своей роскошью, чванством, закулисными играми. Эта среда была для меня дикой и далекой... Я посмотрел и содрогнулся от ужаса. Доверие народа — кому оно вручено! Стало ясно, что это крах. Что дело пойдет настолько не по тому руслу, которое наметил народ. Что они буквально извратят эту идею независимости, размажут ее, заплуют. И народ превратят в ничто. Вот это и заставило меня взять на себя этот тяжкий груз.

Тень Джохара

У Дудаева появилась тень. Это был его самый близкий соратник — идеолог Зеллимхан Яндарбиев. Он ни на минуту не отпускал Джохара от себя, всюду следуя за ним. Стоило тому остановиться на улице и начать с кем-либо беседу, как тут же подбегал Яндарбиев и прислушивался к разговору. Все заметили: если рядом находился Яндарбиев, Дудаев вел себя жестко и несговорчиво, а без него мгновенно менялся, становясь благоразумным собеседником.

Однажды на переговоры в Грозный прилетел российский министр печати Михаил Полторанин. Он давно знал Яндарбиева, который некогда вращался в московских литературных кругах и слыл поэтом средней руки. Увидев, как он опекает Дудаева, Полторанин взял его под локоток и тихо сказал:

— Земляк, зачем ты так усердно пасешь Джохара?

— Не ваше дело, — окрысился он. — А вашим казахским земляком я стал по несчастью. Моя родина — Ичкерия, земляки — чеченцы.

И, демонстративно отвернувшись, удалился. «Из дикого волка не получишь дрессированного Полкана, приносящего тапочки», — подумал российский министр, глядя вслед черной тени Дудаева.

Громкий зикр

19 августа 1991 года в Москве начался путч, и могучая Советская власть зашаталась — дни ее были сочтены. Это мгновенно понял Джохар Дудаев. Он распорядился организовать всенародный митинг протеста против московских путчистов. И вот на следующий день на центральной площади Грозного стали собираться чеченцы. Они прибывали отовсюду — с городских окраин, от районных центров, из далеких горных аулов. Шли семьями — старики в папахах, молодые мужчины, юркие подростки. Среди шума толпы неожиданно раздался ясный, чистый призыв:

— Ла илаха илла-Алаху! Нет божества, кроме Аллаха!

Молодые мужчины соединились в круг и начали исполнять громкий зикр. Этот ритуальный танец символизировал кружение ангелов вокруг престола Аллаха. Такой молитвенный обряд исповедовали приверженцы суфийского братства, которое основал чеченский святой Кунта Хаджи. «Молящиеся зикром вслух, — учил он, — смеются и радуются тому, что даровано им милостью Аллаха».

Казалось, милостью Аллаха вся площадь двигалась в едином порыве — танцевала, смеялась, пела. А вокруг царил праздник: кипели котлы, резался скот, варилось мясо. Грузовики то и дело подвозили ящики с увеселительными напитками, которые щедро раздавались страждущим. Двери близлежащих кафе и ресторанов были от-

крыты нараспашку — приходи, кушай, что хочешь. И все это было бесплатно, все это было милостью Аллаха. А точнее, все это оплачивал богатый чеченский предприниматель Яраги Мамадаев — верный соратник Джохара Дудаева.

Памятник Ленину

Первой жертвой, павшей к ногам восставшего народа, стал памятник Ленину, который символизировал прежнюю власть, прежние ценности. Десятиметровый бронзовый кумир возвышался на центральной площади Грозного — снести его было нелегко. Однако это не остановило тех, кто пришел на всенародный митинг протеста. Руководить сносом памятника взялся Муса Темишев — советник Джохара Дудаева. По его приказу на площадь подогнали мощный трактор. На скульптуру взобрались ловкие ребята и накинули стальную петлю на шею вождя. Трактор взревел — Ленин закачался на постаменте и с грохотом рухнул наземь. Толпа ликовала — изо всех сил лупила палками и железными прутьями по низвергнутому кумиру. Бронзовую скульптуру проволокли по городским улицам и сбросили в Сунжу. Мутная горная река приняла великана, оставив на поверхности лишь обезображенную главу. Она торчала из воды, не желая навсегда уйти в небытие.

Муса Темишев доложил наверх о низвержении памятника Ленину.

— Ты что занимаешься самоуправством? — возмутился Джохар Дудаев, который как человек военный не терпел всякого своеволия и произвола. — Не обернется ли это против нас?

— Все будет в порядке, — чертыхнулся в ответ Темишев.

— Ладно, — успокоился Дудаев. — Мы вместо памятника Ленину установим памятник Хрущеву. Как-никак Никита Сергеевич отменил депортацию чеченцев и разрешил нам вернуться в родные края.

Радостный взор Джохара устремился на зеленый флаг свободы, который взметнулся над правительственным зданием. Революция наступала.

Прослушка

Главным чеченским чекистом был Игорь Кочубей — потомственный казак, предки которого получили землю под Ведено еще триста лет назад. Он хорошо знал Джохара Дудаева и понимал, что если этот амбициозный генерал придет к власти, то ни ему, ни чекистскому ведомству несдобровать. Поэтому Кочубей установил прослушку на телефонный аппарат Дудаева. И вот ему принесли расшифрованную запись переговоров мятежного генерала с председателем Верховного Совета России Русланом Хасбулатовым.

— Чего вы там медлите — третий день митингуете? — кричал в трубку Хасбулатов. — Пора убирать эту власть вместе с Завгаевым!

— А не введет ли Россия чрезвычайное положение, если мы предпримем такие шаги? — осторожно поинтересовался Дудаев.

— Действуйте смело, ничего не бойтесь! — подзадорил в ответ Хасбулатов. — Никакого чрезвычайного положения не введут! А главное — посадите Завгаева в железную клетку и привезите сюда, в Москву!

Прослушав запись, Игорь Кочубей приказал немедленно уничтожить оперативные архивы и готовиться к отражению вооруженного штурма дудаевцев. Правда, каким образом защищаться, главный чеченский чекист не знал — Москва строго-настрого запретила применять силу против «мирных демонстрантов».

Штурм

6 сентября 1991 года начался штурм последнего бастиона советской власти. За минувшие две недели сторонники Джохара Дудаева сумели взять под контроль почти весь Грозный. Незахваченным остался лишь Дом политического просвещения, где заседал Верховный Совет республики. Некоторые депутаты, утомленные длительной осадой, стали умолять тогдашнего правителя Чечни — первого секретаря обкома партии и одновременно председателя Верховного Совета Доку Завгаева — подать в отставку:

— Что ты уцепился за начальственное кресло? Уйди, а мы попытаемся договориться.

— Живым я отсюда не уйду! — отвечал непреклонный Завгаев.

— Значит, тебя вынесут отсюда! — выкрикнул кто-то из зала.

Этот возглас оказался пророческим. К шести часам вечера за окнами послышался дикий многоголосый рев. К зданию неслась огромная толпа, вооруженная палками и железными прутьями. Ее возглавлял Юсуп Сосламбеков — заместитель Джохара Дудаева по исполнительному комитету конгресса. Разбив стеклянные двери, толпа ворвалась внутрь. Началось побоище. Доку Завгаев рванул к черному входу — ему вдогонку полетели камни. Остальные депутаты были схвачены и жестоко избиты. Затем каждому выдали по листу бумаги и заставили написать заявление о добровольном выходе из состава Верховного Совета республики. Только председатель городского совета Виталий Куценко отказался выполнять требование толпы.

— Ты почему не пишешь? — спросил его Сосламбеков.

— Писать заявление не буду, — твердо ответил Куценко. — То, что вы делаете, — незаконно. Это — государственный переворот.

Тогда огромный, как медведь, боевик сгреб его в охапку и выбросил в окно. Пада с третьего этажа, Куценко пробил витраж и с грохотом упал на усыпанную стеклянными осколками площадь, сломав шейный позвонок. Подбежавшая толпа стала глумиться над умирающим человеком, добивая его палками и ногами.

— Хватит! — кричал Сосламбеков. — Теперь власть наша!

Но толпа как будто ничего не слышала, продолжая пинать уже бездыханное тело. Разгневанный Сосламбеков закричал во всю глотку:

— Аллаху акбар!

И, на мгновение остановившись, толпа взревела:

— Аллаху акбар!

Тайный план Джохара

В сентябре 1991 года в Чечню приехала представительная московская делегация, в состав которой входил министр печати Михаил Полторанин. Он считался человеком, близким к президенту России. Поэтому Джохар Дудаев и пригласил его на конфиденциальную беседу, которая проходила в садовом домике на окраине Грозного.

— Народ у нас неоднородный, огородился в тейповых ячейках. Его трудно объединить, — начал Дудаев разговор. — Большинство хочет жить с Россией. Но это — пассивные люди. Они заняты своими делами — им не до политики. Пока только малое меньшинство мечтает о суверенном государстве Ичкерия. Но это меньшинство — молодые люди, более активные и более организованные. Они способны увлечь за собой пассивную часть вайнахов — у многих из них большой зуб на Мос-

кву. Сейчас ситуацию можно качнуть в любую сторону: сбить волну абреческой самостоятельности или раздуть огонь.

Он разлил по бокалам коньяк и продолжил:

— За последнее время я убедился, как легко на Северном Кавказе раскрутить маховик гражданской войны. И если меня загонят в угол, я готов к этому. Я способен на это. Но то, что приходится делать сейчас, мне тоже не нравится. Я понимаю, что независимой Чечне, враждебной России, долго не жить — Москва нас раздавит. Но я по рождению горец. У нас так: позорно, начав дело, по своей воле бросать его. Это слабохарактерность. Это конец. Должны быть очень веские причины, от тебя не зависящие. Передайте Борису Николаевичу, что я убедительно прошу встречи с ним. Встречи без всякого шума. У меня есть серьезные предложения.

Михаил Полторанин опрокинул бокал, закусил сочной сливой и заметил, что Ельцин не любит игр втемную. Ему надо четко доложить, какие предложения исходят от Дудаева. Иначе он просто-напросто пошлет подальше. Слегка пригубив из бокала, Джохар изложил свой тайный план. Ельцин должен издать указ об особом порядке управления Чечней и создать в ней администрацию, подчиненную только президенту России. Никаких парламентов, никакой демагогии. Главой администрации, а по сути — генерал-губернатором согласен стать Дудаев, который получит право вести жесткую политику, независимую от радикальных сепаратистов. Большинство чеченцев от такого решения вздохнет с облегчением, а самые неприимимые будут вынуждены отправиться в эмиграцию — можно быть уверенным, что генерал-губернатор, наделенный всеми властными полномочиями, об этом позаботится.

Вернувшись в Москву, Полторанин тут же доложил о секретных переговорах с Дудаевым. Ельцину идея понравилась: он и сам тяготел к сильной, авторитарной власти. Обещал подумать и дать ответ. Не заботясь о конфиденциальности, стал рассказывать всем подряд о тайном плане Дудаева. Конечно, лукавые царедворцы подначивали: с какой стати всенародно избранный президент России будет якшаться с каким-то самозванцем? И самолюбивый Ельцин отказался от встречи, а фактически от возможности решить чеченский вопрос без кровавой бойни. К тому же до Чечни долетели вести об излишней болтливости Бориса Николаевича, и оскорбленный генерал перестал надеяться на благоразумие высокомерных московских правителей.

«Я — мусульманин!»

После победы чеченской революции Джохар Дудаев торжественно объявил о роспуске Верховного Совета республики как органа, поддержавшего московских путчистов и утратившего народное доверие. Будучи председателем исполнительного комитета Конгресса чеченского народа, он взял на себя всю полноту власти и потребовал от России предоставить Чечне абсолютный суверенитет. Одновременно объявил о проведении в республике свободных выборов. Исполнительный комитет единоголосно поддержал его кандидатуру на пост первого президента независимого государства.

Своим кандидатом в президенты Дудаева объявила и партия «Исламский путь». По словам ее председателя Беслана Гантамирова, «Дудаев стабилизирует обстановку, исключит возможность клановой оппозиции и приведет республику к демократическим реформам». Вопрос заключался лишь в том, насколько правоверным мусульманином был сам кандидат, чтобы представлять на выборах «Исламский путь».

— Я — мусульманин! — признался Джохар. — Эта религия мне близка с детства. Я не соблюдаю часы молитвы и обращаюсь к Аллаху обычно в душе — прошу убе-речь от зла, пороков, ненависти.

То ли ангел, то ли бес

Избираясь под зеленым знаменем ислама, Джохар Дудаев обеспечил себе под-держку мусульман. А таковыми в республике считали себя многие чеченцы. К тому же учителя в медресе утверждали, что Дудаев — посланец Аллаха, чуть ли не пророк.

— Рабы Аллаха, возрадуйтесь! — провозглашали муллы. — Аллах ниспослал вам Дудаева Падишаха. Президенты бывают у неверных, правоверным Аллах посылает Падишаха. Падишах не избирается вами. Он — особа, приближенная к Аллаху. Как управлять государством, ему внушает Аллах. Ваша обязанность — ему подчиняться!

Ученикам в медресе говорили, что явление Джохара Дудаева было предсказано в старинных преданиях.

— С таким вождем мы непобедимы! — утверждали учителя. — Воистину Дудаев спустился с небес на крыльях.

В свою очередь русские жители Чечни воспринимали Дудаева как демоничес-кого человека, способного натворить немало бед.

— Вы видели Дудаева по телевизору? — обсуждали они. — Так это точный портрет беса. Точнее не бывает. Вроде бы и смотрит на тебя, говорит с тобой. А на са-мом деле искушает тебя; почует, что у тебя темное в уме и тотчас начинает либо хвалить, либо внушать, что ты очень умный и тебе море по колено. А потом после разговора обнаруживается, что откровенности с его стороны и не было. Он просто обманул, выведав, что у тебя за душой и подтолкнув тебя туда, куда ему хотелось. Вот увидите, много горя принесет этот человек и чеченцам, и русским.

Чеченский Ельцин

По-разному относилась к Дудаеву и чеченская интеллигенция. Одни считали его человеком авантюрного склада, который когда-то покинул родину в поисках легких денег, а теперь вернулся домой, чтобы дальше делать карьеру.

— У нас был высокий уровень безработицы, поэтому Чечня давала ежегодно около ста тысяч шабашников, — рассказывал академик Джабраил Гакаев. — Из этих слоев и вышли «революционеры». Генерал Дудаев также относился к этому слою — он никогда не жил в республике, не имел там корней, не знал нашего языка и культуры. Вся его жизнь прошла в гарнизонах. Я подчеркиваю, что он даже не умел толком по-чеченски говорить. Я уже не говорю, что он никакого отношения не имел к исламу. Дудаев — типичный советский генерал. Но для кавказского мента-литета генерал — это нечто.

Другие чеченцы видели в этом отрыве от родных корней большое преимуще-ство. Грозненская газета «Свобода» в предвыборной передовице писала: «Он не та-кой, как все. За душой у него ни гроша, не стоит за ним и мощный семейно-родо-вой клан. И самое страшное — он честен». С этим мнением соглашались и профес-сиональные юристы — судьи, прокуроры, адвокаты: «Дудаев — честный человек, не связанный с нашей коррумпированной на всех уровнях системой. Он не впутан в круговую поруку родовых, корыстных номенклатурных связей. Изменить эту жизнь могут только такие энергичные и бескорыстные люди».

Многие считали Дудаева спасителем родины, возлагая на него свои надежды, и даже иногда называли его «чеченским Ельциным».

Неожиданный визит

Незадолго до окончания предвыборной кампании в Грозный неожиданно прилетел командующий военно-воздушными силами России Дейнекин. У Петра Степановича было личное поручение тогдашнего Президента России Бориса Ельцина: уговорить Джохара Дудаева не баллотироваться на пост главы Чеченской Республики.

Джохар Дудаев встретил командующего с почетом — помнил, что своим генеральским званием обязан именно Дейнекину. Они обменялись крепким рукопожатием и проследовали в резиденцию. Расположившись за богато сервированным столом, московский генерал с ходу предложил своему бывшему протеже вернуться в армию.

— Джохар Мусаевич, иди ко мне в заместители, мы с тобой оба летчики по призванию, у тебя ведь рано или поздно наступит ностальгия по чистому небу, — увещевал он Дудаева. — Возвращайся на службу, получишь генерал-полковника!

Дудаев внимательно посмотрел на гостя и откровенно ответил:

— Петр Степанович, ты меня знаешь — я не способен на дезертирство. Если я соглашусь на твоё предложение и покину родину, то после моей смерти чеченцы не захотят меня даже похоронить в родной земле. Поэтому я буду служить своему народу до конца.

Дейнекин улетел ни с чем.

Золотой краник, верблюжье молоко

Завершая кампанию, Джохар Дудаев выступил по грозненскому телевидению. Он пообещал чеченцам сказочные блага, если те проголосуют за первого чеченского генерала:

— От нашей нефти нам не достается и двух процентов. За то количество нефти, которое Россия вывезла из Чечни за эти годы, мы бы могли проложить золотые дороги. Если отделимся от России, будем жить как в Кувейте. В каждом доме будет золотой краник с верблюжьим молоком. Россия — прогнившее государство, которое развалится от одного толчка. Чеченцы — избранные Богом. Во всем мире нет ни одного народа, который сможет оспорить с чеченцами мужество, храбрость, честь, достоинство. Наши предки триста лет воевали с Россией. Шейх Мансур, Имам Шамиль, Байсангур Беноевский являются примерами для подражания. Ислам — наше знамя. Свобода и независимость — наша клятва. Такова Божья воля. Да сочтет Аллах наши труды!

Закончив выступление, Дудаев поблагодарил журналистов и, погасив дружелюбную улыбку, молча вышел из студии. «Как же — превратим Ичкерия в богатый Кувейт! — саркастически размышлял он, двигаясь по коридорам телецентра. — Хороший лозунг придумал Яндарбиев — пропагандистскую пустышку для полуграмотных пастухов. Какой Кувейт, когда запасы нефти истощились, а ее годовая добыча едва превышает миллион тонн! Наши нефтеперерабатывающие заводы сидят на сибирском сырье. Перекроет Россия вентили, и все остановится! А вот про храбрость и мужество чеченцев я хорошо сказал. Тяга к бесшабашному абречеству у нас сильнее тяги к станку или плугу. И что с этим делать?»

Радостная пальба

27 октября 1991 года в Чечне состоялись президентские выборы. Правда,

Москва сразу же объявила, что они не имеют правовой основы — их результаты не могут быть признаны законными. К тому же в Грозном продолжалось противостояние. На площади у Дома правительства митинговали сторонники Дудаева. На площади Шейха Мансура протестовала оппозиция.

Тем не менее под морозящим дождем жители шли на избирательные участки, которые кое-где были открыты. Фактически голосование проходило на семидесяти участках из трехсот шестидесяти. Зачастую бюллетени для голосования выдавали прямо на улицах, а заполняли их на капотах автомобилей. Урна для бюллетеней стояла также на площади, где шел митинг сторонников Дудаева. Журналисты интересовались мнением прохожих.

— Я лично знаю генерала Джохара Дудаева, — сказал старик Муса-Хаджи. — Однажды я спросил его: если ты станешь президентом, жизнь нашего народа будет лучше? Он мне уверенно ответил: да! Я верю Джохару Дудаеву!

К избирательным урнам шли и некоторые русские.

— Я пришла проголосовать за мир и чтобы не стреляли, — сказала пожилая женщина Анна Ковыль и заплакала. — А то ведь русские бегут отсюда...

Поздним вечером в Грозном началась хаотичная стрельба. Она велась из автоматов и пулеметов, пистолетов и охотничьих ружей. Так сторонники Джохара Дудаева праздновали победу своего лидера, который, по предварительным подсчетам, стал президентом Чеченской Республики.

— Мы должны доказать мировой цивилизации, что, став свободнее, мы будем нужнее не только своим соседям, но и другим народам, — заявил Джохар Дудаев на первой пресс-конференции, которая состоялась среди ночи.

Радостная пальба на площадях и улицах не стихала до утра.

— Мы будем стрелять три дня, — пообещал молодец в черной кожанке и вытаскивал пистолет. — Ведь у нас теперь свой президент!

Ядерная шутка

Москва не признала Дудаева законно избранным президентом. Спустя неделю Борис Ельцин подписал указ о введении в республике чрезвычайного положения и потребовал арестовать Джохара и его соратников. Для их захвата в Грозный вылетела группа десантников во главе с опытным полковником. Десантники высадились на аэродроме Ханкала и тут же были окружены национальными гвардейцами. Полковника задержали и доставили к первому чеченскому президенту.

— Мне жаль вас, — посочувствовал Дудаев. — Вы окружены мощной мотострелковой группировкой, и каждый из ваших десантников находится под прицелом моих снайперов. Вы будете уничтожены.

Полковник не растерялся и тут же парировал удар.

— Если я не вернусь к двадцати трем часам, спецназ начнет мероприятия по моему освобождению. На подходе полк воздушно-десантных войск, у которого приказ в случае стрельбы уничтожить ваши нефтеперерабатывающие заводы. Вы хотите, чтобы из-за одного полковника здесь остался лунный пейзаж?

— Боюсь, что лунный пейзаж будет сиять в других местах, — Дудаев посмотрел на часы. — Россию ждет великое бедствие — взрыв двух атомных электростанций. Идите, свяжитесь со своим руководством. У вас два часа времени. Через два часа будет взорвана первая электростанция.

В этой ситуации оба блефовали: никаких взрывов заводов или электростанций не предполагалось. Каждый брал противника на испуг. И оба достигли цели: полковник был немедленно отпущен, и его десантники покинули город, никого не арестовав. Ну а Дудаев так и не попробовал тяжести кандалов на своих руках.

Угон самолета

Вечером, когда по телевидению сообщили о введении на территории Чеченской Республики чрезвычайного положения, Джохар Дудаев находился в избирательном штабе. К нему подошел Шамиль Басаев, который также участвовал в предвыборной кампании в качестве кандидата в президенты — для подстраховки.

— Здравствуй, Шамилек! — Джохар весело похлопал Басаева по плечу. — Как дела?

— Ничего, — поморщился тот, растирая ушибленное плечо. — Есть у меня одна идея.

— Говори.

— Предлагаю в знак протеста против чрезвычайного положения угнать самолет с заложниками. Что думаешь?

— Хорошее предложение, — улыбнулся Джохар. — Но думаю — один не справишься. Советую взять с собой двух помощников.

— Они уже ждут, — кивнул Басаев в сторону, где переминались с ноги на ногу двое молодых боевиков. — Надежные ребята. К тому же вон тот умеет летать и когда-то был вторым пилотом. Сядет за штурвал, если что.

Утром 9 ноября 1991 года пассажирский самолет Ту-154, следовавший из аэропорта города Минеральные Воды в Москву, был захвачен. Террористы показали экипажу свое оружие — три пистолета и шесть гранат — и приказали командиру корабля следовать в Турцию.

— Ребята, извините, у нас может пролиться кровь невинного народа, — объяснил Шамиль экипажу. — Поэтому сейчас мы полетим в Анкару, где посидим дня три, отдохнем. Ну, когда бы вы еще попали за границу?

Пилоты проявили благоразумие, ведь на борту находилось 178 пассажиров. Вскоре самолет приземлился в столичном аэропорту соседней страны. На переговоры с террористами явился представитель турецкого правительства Абу Бакар, в совершенстве владевший чеченским языком. Шамиль Басаев потребовал организовать пресс-конференцию, чтобы поведать о причинах угона самолета. Пресс-конференция длилась семь часов, в течение которых террористы ответили на все вопросы дотошных журналистов. Это была сенсация: телевизионные каналы всего мира показали интервью с отважными борцами, которые сражаются за свободу своей родины против огромной империи зла — Советского Союза. А в это время испуганные заложники — мирные пассажиры Ту-154 — сидели в самолете и безропотно ждали своей участи.

Все обошлось. Турецкие власти позволили террористам вернуться домой, где Шамиля Басаева и его товарищей встретили как национальных героев. Борис Ельцин был вынужден отменить чрезвычайное положение. Инаугурация первого чеченского президента Джохара Дудаева прошла с блеском.

Присяга президента

9 ноября 1991 года в республиканском театре имени Ханпаши Нурадилова состоялась церемония принятия президентской присяги. Перед этим Джохар Дудаев поехал на площадь Шейха Мансура, где скопилась огромная толпа. Даже деревья в сквере были густо усеяны людьми. Под радостные возгласы Дудаев появился перед народом и произнес пламенную речь:

— Если мы действительно ведем речь о свободе, если мы действительно хотим построить свое независимое государство, то должны ясно понимать, что нам будет

очень нелегко этого добиться. Нас ждут тяжелые испытания, мы вынуждены будем терпеть лишения, может быть, Россия попытается силой задавить наше стремление к свободе. Если мы сегодня не готовы к испытаниям и лишениям, если нас страшит возможность войны, то нам лучше подождать, не идти на прямое противостояние с Россией. Но если мы действительно избрали путь построения своего государства, если это ваш сознательный выбор и если у нас хватит воли и мужества пройти через все испытания, что нас ожидают на этом пути, то я беру на себя обязанность быть вашим лидером. И даю слово пройти с вами до конца по этому пути!

Площадь взорвалась единым криком:

— Аллаху акбар!

— Свобода или смерть!

Вдохновленный этим народным ответом, Джохар Дудаев проследовал в театр для принятия присяги. Ритуал проходил в торжественной обстановке. После того как хор исполнил национальный гимн, на сцену был вынесен Коран и под красочный штандарт Чеченской Республики встал одетый в парадный мундир Джохар Дудаев. Звонким голосом он поклялся на Коране, что будет верно служить народу и исполнять президентский долг. «Я клянусь, — сказал он, — всемерно искать согласия и справедливости среди граждан моей суверенной республики, мира и добрых отношений со всеми соседями». Грянули аплодисменты и возгласы «Аллаху акбар!» Затем президент вышел на балкон — и город Грозный содрогнулся от праздничного оружейного салюта в его честь. У многих на глазах были слезы радости:

— Сбылась вековая мечта чеченцев!

Кан-Калик

Три дня грохотала радостная пальба на площадях и улицах Грозного, три дня веселились жители республики, приветствуя Джохара Дудаева — первого президента свободы. А под этот праздничный шумок в городе творились страшные дела.

Вечером 11 ноября 1991 года ректор Чечено-Ингушского государственного университета профессор Кан-Калик вышел из главного корпуса университета. Виктора Абрамовича сопровождал его друг — проректор по научной работе Абдул Хамид Бислиев. Внезапно трое вооруженных людей напали на ученых. Кан-Калика схватили и силой затащили на заднее сиденье автомобиля, припаркованного у тротуара. Бислиев попытался помешать похитителям, но был прошит автоматной очередью. Машина на огромной скорости умчалась в неизвестном направлении.

Нападение на ученых шокировало научную общественность России. Кан-Калик был известен далеко за пределами Чеченской Республики как талантливый ученый — основатель нового научного направления в российской дидактике. Руководя университетом, он многое сделал для его успешного развития, инициируя создание новых факультетов и строительство новых лабораторий. В этом ему активно помогал профессор Бислиев, один из ведущих в мире специалистов по физике магнитных явлений. И вот двое друзей, двое единомышленников, внесших немалый вклад в мировую науку, были уничтожены: одного расстреляли на месте, другой канул в неизвестность.

Шло время, но каких-либо известий о судьбе ученого не поступало. Неоднократные обращения научной общественности в местную милицию с просьбой сделать все, чтобы разыскать похищенного ректора, ни к чему не привели. Чеченский президент ни разу не позвонил жене Кан-Калика, чтобы утешить убитую горем женщину.

Лишь весной следующего года пастухи из надтеречного селения обратили вни-

мание, что коровы отказываются лакомиться сочной травой на заброшенном пустыре. Произвели неглубокие раскопки и обнаружили изуродованный труп. Криминалисты установили, что останки принадлежат Виктору Абрамовичу Кан-Калику, который перед смертью был подвергнут зверским пыткам и заживо погребен на окраине Грозного.

Мученическая смерть Кан-Калика, произошедшая в дни президентской инаугурации, стала зловещим предзнаменованием грядущей трагедии.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Дела Джохара

Они растут среди разбоев тайных,
Жестоких дел и дел необычайных...

Михаил Лермонтов

Человек высокой культуры

Поздравить Джохара Дудаева с избранием на высокий пост приехал великий чеченский танцовщик и хореограф Махмуд Эсамбаев. В Москве многие считали Дудаева бандитом с большой дороги. Поэтому в президентский кабинет Эсамбаев входил с некоторой опаской. Неожиданно перед ним предстал элегантный, подтянутый, чисто выбритый, со вкусом одетый молодой мужчина с приветливым взглядом умных глаз и мягкой улыбкой. Дудаев подошел, улыбнулся, по обычаю обнял дорогого гостя и сказал:

— Махмуд, хорошо, что ты приехал — я рад тебя видеть!

Эсамбаев отметил, что президент сел за стол только после него и не дотрагивался до еды раньше гостя. Говорил спокойно и красиво — об искусстве, о живописи. Вдохновенно читал стихи Лермонтова:

Тебе, Кавказ, суровый царь земли,
Я посвящаю снова стих небрежный:
Как сына, ты его благослови
И осени вершиной белоснежной.

Такое рыцарское обращение покорило великого танцовщика. И он сделал вывод: «Джохар вовсе не бандит, как о нем говорят недоброжелатели. Это — человек высокой культуры». В своем мнении Эсамбаев окончательно утвердился, когда Дудаев предложил ему пост министра культуры в новом правительстве Чеченской Республики.

Кадры решают все!

Став президентом, Джохар Дудаев сразу же приступил к распределению должностей среди соратников, входивших в состав президиума исполнительного комитета Общенационального конгресса чеченского народа. Председателем правительства Дудаев назначил своего казначея — предпринимателя Яраги Мамадаева. Министерство обороны возглавил Юсуп Сосламбеков — первый заместитель Дудаева. Кресло генерального прокурора республики досталось Эльзе Шериповой. Мэром Грозного стал лидер партии «Исламский путь» Беслан Гантамиров. Пост идеолога чеченской революции оставил за собой Зелимхан Яндарбиев, скромно удовольствовавшись

местом председателя Комитета по пропаганде и свободе слова в новом чеченском парламенте. А возглавил парламент Хусейн Ахмадов — еще один заместитель Дудаева по исполнительному комитету.

Однако возникла проблема с профессиональными кадрами. Даже секретаря для президента трудно было найти во всей Чечне. Пришлось уговаривать верную соратницу Марьям Вахидову посидеть в приемной.

— Еще перед выборами я заметила, и меня это поразило, что с улиц исчезли умные, интеллигентные лица, — вспоминала Марьям. — Вылезли люди чуть ли не со дна, от сохи, от плуга. Эти люди напугали не только меня. Они оттолкнули нашу интеллигенцию, которая решила: вот, оказывается, кто идет за Дудаевым! И они решили, что эта власть не имеет перспектив. Поскольку никто из чеченских профессионалов не пришел к Дудаеву, когда он стал президентом, с ним осталось окружение из исполкома Конгресса чеченского народа. Именно оно село в кабинеты. Эти люди не умели работать. Поэтому, чтобы удержаться во власти, они шли на провокации, на криминал, на что угодно. С кадрами была просто катастрофа.

Грозный символ

Как и ожидалось, первым указом чеченский президент торжественно объявил государственный суверенитет Чеченской Республики. Следом требовалось утвердить атрибуты суверенного государства — флаг и герб. С флагом было проще: на зеленом полотнище были начертаны три полосы: белая, красная, белая. Каждый цвет имел значение: зеленый означал мир и благоденствие, белый — свободу и независимость, а красный — кровь, пролитую в самоотверженной борьбе за мир, благоденствие, свободу и независимость.

Если новое чеченское знамя светилось зеленым цветом — цветом жизни, цветом ислама, то от нового чеченского герба веяло холодом и смертью. Его нарисовал Султан Юшаев — сын часовщика из Хасавюрта. Султан был прекрасным мастером, обученным в лучшей художественной школе страны — Ленинградской академии художеств. На гербе он изобразил древний чеченский тотем — волка, лежащего под луной. Весь герб был раскрашен черным цветом, который издавна считался символом смерти, тьмы и пустоты.

Джохар Дудаев решил объединить эту государственную атрибутику и попросил супругу начертать на зеленом флаге чеченский герб. Алла Дудаева с удовольствием исполнила просьбу мужа, хотя ее рисунок скорее напоминал волка-одиночку из «Книги джунглей» Редьярда Киплинга.

— Молодец! Быстро справилась, — похвалил Джохар супругу.

Он с восхищением разглядывал чеченское знамя с гербом, ходил вокруг него и весело цокал языком. А вот его советник не разделял радости:

— Джохар Мусаевич, почему на гербе волк — символ нашего гордого государства — развалился и спит?

— Не дай Аллах, чтобы он встал на дыбы! — рассмеялся Джохар.

Запрещенный мультфильм

Однажды президент Джохар Дудаев увидел, как по телевидению показывают мультипликационный фильм «Ну, погоди!». На голубом экране наглый растрепанный волк в расклешенных брюках и рубашке навывпуск непрестанно смолил смятую папиросу, сосал прямо из бутылки различные напитки и пинал урны с мусором.

Этот гротескный насмешливый образ волка оскорбил президента — ведь еще вчера он утвердил этого благородного зверя в качестве государственного символа независимой Чечни.

«Настоящий волк, как и настоящий мусульманин, не пьет и не курит!» — подумал Джохар Дудаев и издал распоряжение:

— Мультфильм «Ну, погоди!» запретить!

Сожженный архив

Главный чеченский чекист Игорь Кочубей, предвидя падение коммунистической власти, приказал уничтожить оперативный архив. Однако полностью сжечь секретные документы чекисты не успели — здание КГБ захватили национальные гвардейцы. Часть оперативного архива была доставлена в кабинет президента. Познакомившись с агентурными делами, Дудаев схватился за голову — там была вся элита, все, кто хоть немного был известен в республике. «Сколько родов может быть опозорено, сколько жизней искалечено!» — подумал Джохар и приказал немедленно сжечь архив, чтобы ни листочка не осталось.

— Мы все начнем с чистого листа, — сказал президент. — Все чеченцы будут рады, что стали свободными.

23 февраля

Для чеченского народа 23 февраля — незабываемая дата. В этот день началась принудительная депортация всех чеченцев из родных селений в далекие казахские степи. Сталин назвал это операцией «Чечевица». Как будто речь шла о похлебке, которую перекладывали из одной миски в другую.

Придя к власти, президент Дудаев решил превратить скорбную дату в День национального возрождения. К пятидесятилетию трагических событий он приказал построить мемориальный комплекс из белоснежных чеченских чуртов — надмогильных камней.

В сталинские годы этими священными камнями строители Грозного выложили бордюры тротуаров и ступени домов. Большого унижения и оскорбления чеченскому народу нанести было невозможно. Многие чеченцы, вернувшись из ссылки, по надписям узнавали памятники своим отцам и матерям. По ночам они пытались разобрать бордюры тротуаров или вынуть ступени из лестницы, чтобы вернуть надгробия на кладбища. Им приходилось действовать втайне, потому что подобные действия расценивались властями как вредительство.

По указу Джохара Дудаева поруганные памятники были доставлены на площадь Челюскинцев. Здесь их почистили, расставили, сделали таблички с датами рождения и смерти, проложили мраморные дорожки, украсили цветами. На воздвигнутой памятной стене чеканщики сделали надпись: «Мы не плакали, не плачем и не будем плакать». А в памятный день 23 февраля со всех концов Чечни сюда приехали люди, чтобы открыть мемориал и почтить память павших в изгнании. Со слезами на глазах они слушали речь своего первого президента:

— Десятилетиями нас заставляли плакать и скорбеть над преступлениями, которых мы не совершали. До каких пор мы будем плакать и хоронить, хоронить и плакать? Когда же наконец наступит тот счастливый день, когда мы будем жить и радоваться всему, что нас окружает: смеху детей, синему небу, солнцу над головой? Когда мы будем радоваться самой жизни? Хватит траура и печали, его на долю наших отцов и нашу долю и так выпало немало. Пусть 23 февраля, день скорби, от-

ныне станет Днем национального возрождения. Мы построим дворцы, посадим деревья и превратим нашу родную землю в один цветущий сад, в котором будут жить только счастливые люди.

Цветущий сад

По поручению президента было разработано три проекта превращения Чечни в цветущий сад. Первый вариант — пребывание в экономическом пространстве России — был отвергнут Джохаром Дудаевым по причине принципиального несогласия с грабительской политикой Егора Гайдара и Анатолия Чубайса. Так бессовестно относиться к своему народу, как эти политики, Дудаев не мог. Именно поэтому он запретил хождение в республике российских ваучеров:

— Нас хотят закидать пустыми бумажками, а взамен получить собственность чеченского народа, — заявил он. — Я в такие игры не играю.

Второй вариант допускал торговые отношения с Россией, но исключал нахождение Чечни в ее экономическом пространстве. Этот вариант был идеальным для Чечни, но нежелательным для России. Понимая это, Дудаев почти сразу после выборов стал действовать в обход Москвы — заключать двусторонние соглашения с северокавказскими республиками. Однако по команде из Кремля соседи расторгли эти договоры в одностороннем порядке.

Третий вариант предполагал мирное эволюционное развитие российско-чеченских отношений — от полной зависимости к полной независимости. Этот проект готовился при участии международных организаций, в частности ЮНИДО — института ООН по промышленному развитию. Джохар Дудаев даже выезжал в венскую штаб-квартиру ЮНИДО, чтобы познакомиться с тонкостями проекта. Однако непризнание Дудаева законно избранным президентом, а также нежелание российского руководства во главе с Ельциным вообще разговаривать с ним помешали реализации третьего варианта.

— В Москве нас видеть не хотят, — заключил Дудаев. — Ну что ж, настанет время — сами прибегут к нам.

Когда стало понятно, что ни один из предлагаемых вариантов неосуществим, президент выдвинул сталинскую концепцию опоры на собственные силы: на свои ресурсы, на свои кадры, на свои законы и установления. Но с этими тремя источниками независимости и самостоятельного развития были проблемы. Проект цветущего чеченского сада сталкивался с большими трудностями.

Суданская конституция

На стол первого чеченского президента положили пухлый том. Джохар Дудаев стал с интересом его листать:

— Что это?

— Это — Конституция независимой Чечни! — воскликнула прокурорша. — Она позволит нам жить по закону.

— А почему здесь в некоторых абзацах фигурирует не Чечня, а Судан? — удивился Дудаев. — Мы же не в Африке живем, а на Кавказе.

— Это опечатки, — пояснила прокурор. — Мы очень торопились и наспех скомпилировали документ из конституций разных стран. Здесь есть не только Судан, но и Эстония.

— Я очень люблю Эстонию, — заметил Дудаев, — однако я не хочу, чтобы чеченцы путали свою родину с далекой прибалтийской страной.

— Но нам нужно как можно скорее закрепить суверенитет в законе, — настаивала прокурор. — Народ устал, народ не может ждать.

— Как бы нам не оконфузиться с такой спешкой, — саркастически заметил Дудаев и потребовал исправить географические ошибки.

Древняя история

Джохар Дудаев был уверен, что, помимо своей конституции, независимое государство должно иметь и свою древнюю историю. Однажды он заметил, что Ноев ковчег, скорее всего, пристал не к армянскому Арарату или к турецкой Ал-Джуди, а к вершинам Кавказа, и его обитатели, включая самого Ноя, стали предками современных вайнахов. Тем самым своим спасением после всемирного потопа человечество обязано именно чеченцам.

В другой раз он высказал мысль, что такая великая религия, как ислам, скорее всего, возникла не в бедной аравийской пустыне среди кочующих племен, а в райском уголке земли, среди людей с высокой культурой общения и взаимного уважения. Таким райским уголком Дудаев считал родную Чечню, а ее коренных жителей — зачинателями исламской веры. В конце концов президент дал поручение муфтию:

— Вайнахи — такой же древний народ, как аравийцы и прочие жители пустыни. Надо скрупулезнее изучить вопрос происхождения ислама — не в чеченских ли горах зародилась вера в Аллаха?

Мудрый муфтий ни возражать, ни соглашаться не стал.

Молитва как занятие

Джохар Дудаев искренне стремился познать родной край, проникнуться его историей и его верой. Однажды он поехал в паломническую поездку в селение Ведено. Здесь, на кладбище в Гуни, покоился прах матери великого чеченского святого Кунта Хаджи, а неподалеку струился родник с целебной водой, возникший после удара о землю посоха Кунта Хаджи.

Президент приехал сюда, чтобы поклониться этим святыням. Неожиданно в Ведено собрался стихийный митинг. Люди пожелали воочию увидеть легендарного чеченского генерала. Заметив толпу зевак, Дудаев рассвирепел: будучи военным человеком, он не терпел праздношатающихся бездельников.

— Что вы все митингуете? — закричал он. — Идите и молитесь три раза в день.

Свита пришла в ужас: президент не знает основных ритуалов ислама! Ведь мусульманину положено совершать намаз не три, а пять раз в день. Кто-то шепотом указал Джохару на ошибку.

— Еще лучше, — воскликнул Джохар. — Молитесь пять раз в день — хоть чем-нибудь будете заняты!

Земля — собственность Аллаха

Джохар Дудаев понимал, что самый трудный вопрос — это вопрос о том, кому принадлежит земля. Он не хотел, чтобы она оказалась в частных руках. И потому подписал распоряжение в соответствии с седьмой сурой Корана: земля — это собственность Аллаха, она не может быть объектом дележа или торга. Этим решением президент убил как бы двух зайцев: умерил реформаторский зуд в своем окружении и дал по рукам любителям самовольного захвата земель. Сделав такое ограни-

чение частной собственности, он пошел еще дальше и на заседании правительства выступил вообще против капитализма:

— Капитализм — это рабство наемного труда. Чеченцы никогда не были и не будут ни рабами, ни наемниками. Поэтому у капитализма на этой земле Аллаха перспектив нет. Как ни ругают тут социализм, но он нам ближе. Не тот социализм, что построили здесь крохоборы, а тот, что описан лучшими умами человечества.

Президент указал на мраморный бюст Ленина, который с советских времен украшал зал заседаний. Вождь мирового пролетариата каменным взглядом околдовал членов правительства.

Свобода и хлеб

Джохару Дудаеву нравился ленинский тезис о том, что такое свобода. «Свобода на деле, — говорил Ильич, — это свобода есть свой хлеб, свобода от голода». Такое понимание независимости было близко чеченцам. Ведь настоящий горец никогда не будет показывать чувство голода, а тем более — просить милостыню. Он лучше умрет от голодной смерти, чем унижится до попрошайничества. А уж с голодухи набрасываться на еду вообще было не в чеченских обычаях. Вот и Джохар Дудаев никогда не страдал кревоугодием. Он всегда ел немного, но быстро и аккуратно. По поводу изобилия на столе президент всегда шутил:

— Я не из тех, кто роет себе могилу зубами.

Вместе с тем настоящий горец, обзаведясь семьей, брал на себя обязанность ее содержать — ведь жена, как правило, не работала. Джохар Дудаев любил повторять давнюю народную поговорку: «Не ставший отцом в семье не станет отцом страны». А он очень хотел стать таким отцом для любимой Чечни. Поэтому и не соглашался с либеральными реформами Егора Гайдара, который, взвинтив цены до небес, наполнил прилавки в магазинах, но опустошил столы в домах россиян. По указу первого чеченского президента продавцы не имели права повышать цены на хлеб, который в республике оставался дешевым — всего рубль за килограмм. Реформаторы из близкого окружения пытались втолковать ему, что рыночные законы ценообразования едины для всех стран и народов, а Дудаев в шутку отвечал им:

— Цена не может быть такой, какой ей хочется. Она будет такой, как хочется народу.

Ответ президента был достойным великого и мудрого отца — он обеспечивал безмерную народную любовь. Злые языки утверждали, что со временем Дудаев так уверился в своем высшем предназначении, что в любой дом входил как посланник Аллаха, не снимая обуви.

Конституция — для жизни, Коран — для души

Новая Конституция хоть и провозгласила ислам государственной религией Чечни, но предоставила всем гражданам свободу вероисповедания. Многие чеченцы были не согласны с этим, требуя ввести в стране шариат — исламский кодекс жестких правил поведения. Тогда Джохар Дудаев решил встретиться со старейшинами, которые особо настаивали на полной исламизации республики.

— Коран и Имамат — дела святые, и негоже все толковать о них, — начал он разговор. — Все свое время. На свете немало мусульманских стран, но лишь единицы из них живут строго по шариату. К тому же не каждый чеченец — мусульма-

нин. Это мы с вами уже хорошо знаем. Корни ислама у нас сильно подорваны коммунистами, и восстановить их ни за час, ни за год невозможно. Я уважаю вашу настойчивость, но считаю ее преждевременной. Если мы сегодня объявим жизнь по шариату, то завтра вы потребуете, чтобы я приступил рубить головы и руки грешникам, не думая о том, что послезавтра редкий участник съезда чеченского народа сохранит голову и руки. Вы к этому не готовы, и я тоже. Давайте поэтому наводить порядок по Корану — в душах, по Конституции — в жизни.

Старейшины с недоверием слушали президента. Было видно, что Дудаев — светский человек. Его кабинет походил на картинную галерею, украшенную живописными полотнами. А сам хозяин слыл заядлым театралом — он не пропускал ни одной премьеры в республиканском театре.

Дудаев и театр

На сцене Чеченского республиканского театра имени Ханпаши Нурадилова был поставлен первый спектакль по мотивам повести Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка». Поскольку с костюмами было плохо, все актеры играли не в форме чешских солдат времен Первой мировой войны, а в современных камуфляжах. На премьеру пожаловала президентская чета в сопровождении высших лиц независимого государства. По окончании спектакля Дудаев вежливо поблагодарил режиссера:

— Спасибо! Теперь у нас есть свой театр, не надо кланяться Москве.

Из-за спины Дудаева показался Яндарбиев.

— Зачем ты это написал? — стал выговаривать он режиссеру. — Это какая-то пародия! Почему главный герой, одетый в наш камуфляж, все время называет себя идиотом?

— Уважаемый Зелимхан, — попытался оправдаться режиссер. — Дело в том, что пьесу написал не я, а чешский писатель Ярослав Гашек. И было это почти сто лет назад.

Но бдительный идеолог независимости был убежден, что постановка высмеивает чеченских силовиков, и потребовал, чтобы в следующий раз спектакль был на патриотическую тему.

Лобзик

Надо было обладать большим мужеством, чтобы потешаться над вооруженными до зубов силовиками. Ведь их ряды пополнялись не только честными и благородными вайнахами.

В ноябре 1991 года в грозненской тюрьме вспыхнул бунт, который возглавил авторитет по кличке Лобзик. До судимости его звали Русланом Лабазановым. Это был высокий молодой чеченец крепкого телосложения. Выпускник Краснодарского института физкультуры. Мастер рукопашного боя. Боевое мастерство и довело его до тюрьмы — незадолго до этого он был осужден за умышленное убийство.

К восставшим арестантам прибыла московская делегация во главе с генеральным прокурором Степанковым. Через пролом в бетонном заборе, заставленный деревянными козлами с колючей проволокой, делегаты проникли в тюремный двор. Их обступили заключенные — злые, остервенелые. В руках — железные пики из арматуры, на головах — зеленые повязки. Кто-то, в бешенстве брызжа слюной, призвал «зарезать этих ментов, как собак». Лобзик поднял руку и остановил яростные вопли. Затем обратился к прокурору на чистом русском языке:

— Мы все посажены в тюрьму по советским законам. Советского Союза фактически уже нет. Мы требуем немедленного освобождения из советской тюрьмы с направлением в вооруженные силы генерала Дудаева!

Это требование было поддержано мощным ревом: «Аллаху акбар!» Генеральный прокурор Степанков тут же на коленке стал подписывать постановления об освобождении всех заключенных — писари только успевали подносить очередную бумажку. Так в городе Грозном пал мрачный бастион заточения, и пополнились ряды вооруженных сторонников Джохара Дудаева.

Справедливость как понятие

Сразу после освобождения Руслан Лабазанов из числа бывших арестантов сформировал вооруженный отряд. Захватив многоэтажный жилой дом, он превратил его в крепость, усилив бетонными бойницами и огневыми точками. Путь к дому преграждал бронетранспортер с бортовой надписью «Нийсо», что по-чеченски значит «Справедливость». Именно так называлась партия, которую стал создавать Лабазанов. Себя же он хвастливо именовал чеченским Робинотом Гудом. На самом деле бойцы его отряда изымали дома и квартиры, угоняли автомобили, убивали и похищали людей, вымогали под страхом смерти крупные денежные суммы. Лабазанов умудрился вломиться даже в кабинет председателя Национального банка, зверски избил его и потребовал немедленно выдать миллион долларов.

— Это будет справедливо! — кричал он, тыча пистолетом в окровавленное лицо перепуганного банкира.

А кто жулик?

Одно время Руслан Лабазанов возглавлял личную охрану президента и, конечно, был вхож в его кабинет. Говорят, Джохар Дудаев давал ему самые деликатные поручения. Такая доверчивость, конечно же, не могла не подвести президента. Но и с ходу верить разным слухам, которые распространяли о том или ином человеке, он не стремился.

— Убери из своего окружения жуликов! — как-то посоветовали Дудаеву.

Постучав пальцем по голове советчика, он спросил:

— Какой это был палец?

— Не знаю.

— Так откуда мне знать, кто из них жулик?

Небо принадлежит всем

То, что раньше считалось жульничеством, в новые демократические времена стало называться бизнесом. Свобода вступала в свои права всюду — прежде всего в торговле. Однако приобретать заграничные товары чеченским бизнесменам было затруднительно: аэропорт города Грозного не был связан небесными дорогами с другими странами.

— Небо не может принадлежать одной России, — решил Джохар. — Небо принадлежит всем людям на земле.

Однажды Дудаев поручил подготовить самолет к дальнему полету. Спустя месяц в обстановке большой секретности первый чеченский президент поднялся на борт Ту-134, прошел в кабину пилотов и сел за штурвал командира корабля. Лай-

нер взял курс на юг. Только взлетели, как с земли поступил приказ немедленно идти на посадку. Дудаев на приказ не реагировал. Вскоре радист сообщил:

— Угрожают поднять в воздух перехватчики, если не подчинимся.

Дудаев спокойно отдал распоряжение:

— Узнайте, есть ли в Грозном российские самолеты.

— Есть два борта, — доложили ему. — Готовятся к вылету — один российский, другой украинский.

— Скажите военным, — твердо заявил Дудаев, — если они принудят нас к посадке, эти самолеты будут взорваны, а вина ляжет на них.

Угроза возымела мгновенное действие: воздушный коридор был открыт. Через несколько дней, облетев несколько стран, Джохар Дудаев благополучно вернулся в чеченскую столицу. Сойдя с трапа самолета, заявил:

— Путь проложен. Теперь свободный чеченский народ будет летать куда захочет.

Действительно, вскоре к аэропорту Грозного со всех сторон потянулись караваны самолетов, загруженные разными товарами.

Министр авантюрных дел

Для выезда за рубеж чеченцам были необходимы заграничные паспорта. Незаконную торговлю этими важными документами организовал подданный иорданского короля Шамседдин Юсеф, которого президент Дудаев назначил министром иностранных дел. Внешне он был так обаятелен и интеллигентен, что многие доверялись ему. Однажды турецкий премьер-министр пришла в такой восторг от Шамседдина, что подарила ему миллион долларов — «на сахарные яства». Джохар Дудаев тоже проникся доверием к проходимцу и даже рекомендовал его Борису Ельцину: «Для обсуждения ситуации направляю вам господина Шамседдина Юсефа. Правительство Чеченской Республики просит вас принять его с благосклонностью и верить всему тому, что он будет излагать вам».

Однако на границе выяснилось, что новоиспеченный министр владеет незаконным российским паспортом, который выписал себе сам. Попутно было установлено, что он при помощи своего подельника продал сотню таких же паспортов турецким гражданам, нелегально прибывшим в Грозный. Среди них оказались и дельцы международного наркобизнеса. С тех пор оборотистого иорданца прозвали «министром авантюрных дел».

Алмазный путь

Но куда авантюрее иорданца Шамседдина Юсефа оказался чеченец Абу Бакар. Когда-то он по контракту с Государственным департаментом США работал журналистом на радио «Свобода» под псевдонимом Беркан Яшар. Затем трудился на различных постах в турецком правительстве, и однажды отличился, когда вел переговоры с террористом Шамилем Басаевым, угнавшим самолет с заложниками. Тогда же чеченского эмигранта заприметили на родине — Джохар Дудаев назначил его заместителем министра иностранных дел Чеченской республики.

Как признавался позднее Абу Бакар, именно он прокладывал тайный алмазный путь из России за границу. Схема была такой. Алмазы в Чечню нелегально поставлялись с российского Севера. Драгоценный груз без какого-либо досмотра помещался в самолет, приписанный к аэропорту Грозного. Самолет летел через Баку, где ему присваивался азербайджанский полетный номер. Оттуда он брал курс на Тур-

цию или в другие южные страны. За беспрепятственный провоз контрабандного товара Чечня получала четверть от прибыли после продажи алмазов на рынке в Антверпене.

— Прибыль шла на закупку оружия, — рассказывал Абу Бакар. — И потом его завозили в Чечню через Грузию. Это были небольшие деньги — от десяти до двадцати миллионов долларов за партию.

Президентская шляпа

Чеченское Министерство иностранных дел временами выполняло и свои непосредственные обязанности, организуя зарубежные визиты. По приглашению короля Фадха президент Джохар Дудаев как-то посетил Саудовскую Аравию. Его сопровождали министр иностранных дел Шамседдин Юсеф и другие официальные лица. Была назначена торжественная встреча с королем. И вдруг выяснилось, что у чеченского президента нет приличного костюма, чтобы появиться в королевском дворце. Мало того, у Джохара не оказалось даже денег, чтобы приобрести необходимую одежду. И тогда по предложению Юсефа по кругу пошла президентская шляпа, куда официальные лица стали бросать деньги — кто сколько может. Дудаев с интересом наблюдал, как его подчиненные доставали из карманов пухлые бумажники и, не считая, бросали в шляпу пачки долларовых купюр.

— Ай да богачи! — ехидствовал Джохар. — Хотите, наверное, чтобы ваш президент выглядел лучше короля!

Без Москвы — никуда!

Прием в королевском дворце прошел на высшем уровне. Король Фадх был весьма благосклонен к чеченскому гостю.

— Мой исламский брат, — сказал король, — я много слышал о твоей прекрасной горной стране. Говорят, она богата изумрудной зеленью, живительным воздухом и вкуснейшей ключевой водой. Я мечтаю побывать в твоей стране и посмотреть на это райское место. И вообще, если ты не возражаешь, мой брат, я бы купил место рядом с твоим дворцом и построил бы себе резиденцию для отдыха.

Джохар Дудаев с почтением выслушал речь короля.

— О, хранитель двух святынь и мой брат! — вежливо ответил он. — Действительно, в моей стране есть все то, о чем ты говоришь. Грех, как говорится, жаловаться. Единственное, в чем нам не повезло, так это с большим северным соседом. Но в этом тоже есть свои преимущества. Что касается твоего предложения, то скажу, что я живу в обычном доме в простом квартале рабочего поселка среди обычных людей, граждан моей страны. Но место для твоей резиденции, можно считать, уже выделено, так что приглашаю тебя, мой брат, в гостеприимную Чеченскую Республику пожить в предоставленной тебе достойной резиденции и познать красоту нашего края.

Джохар Дудаев предложил королю Фадху признать независимую Чеченскую Республику и установить с ней дипломатические отношения. Арабский монарх любезно согласился это сделать, но только после соответствующих консультаций с Вашингтоном и Москвой. Услышав последний ответ, Дудаев почернел и стиснул зубы.

«Без Москвы — никуда! — ругнулся он. — Даже здесь, среди аравийских песков, под священным солнцем ислама!»

Редкий человек

Начальник департамента гражданской авиации Чеченской Республики Рамзан Алиев регулярно сопровождал президента в его зарубежных поездках. Он видел Джохара Дудаева в разных ситуациях и составил о нем определенное мнение:

— Таких людей, добрых, простых и порядочных, мне не доводилось встречать, — вздыхал он. — Джохар никогда не думал о себе. Всем казалось, что у него много денег, а я ездил с ним во многие страны и лучше других знал его материальное состояние. Мне даже обидно было видеть, как наживаются те, кто были рядом с ним, а он не имел ничего. Джохар ненавидел людей из своего окружения, старающихся обогатиться, урвать, нагрabить. И как только он заподозрит в человеке эти негативные качества, увидит в нем моральную нечистоплотность, тут же старался от него избавиться.

Кругом — крохоборы

Джохар Дудаев, конечно же, знал старинное изречение, что короля играет свита. Но справиться со своим окружением оказалось выше его сил. Президент понимал, что вокруг него собрались властолюбивые и алчные люди.

— Одно дело говорить с трибун высокопарные слова, а совсем другое, когда надо реализовывать решение, — жаловался Джохар. — Если я даже и хотел бы что-то изменить, то мне просто не дали бы. Конечно, я хотел бы многое сделать иначе. Но среда не давала, общество, не созревшее для демократии и для соблюдения норм законов. Разве я не хотел иметь рядом с собой талантливых, интеллигентных, интеллектуальных, преданных делу людей? Но вокруг оказывались крохоборы, у которых был только один интерес — необузданное наживательство. Окружение таким оказалось в силу обстоятельств, не было другого. Коррупционеры были все. Время нужно было, чтобы очистить высший эшелон. Один кабинет сменился, второй кабинет, третий. И верхний эшелон мы очистили, это нам удалось. А те, которые задумывали такое, они чувствовали над собой дамоклов меч, который отрубит им головы. Но вот на нижнем уровне коррупционность продолжала бушевать с необузданной силой.

Шантаж

Такой дамоклов меч попытался вознести над головой Джохара Дудаева один из его приближенных — Руслан Лабазанов. В одно прекрасное утро этот чеченский Робин Гуд нагло потребовал себе «справедливую» долю от продажи чеченской нефти. Дудаев отказался выполнять требования шантажиста. В конце концов тот выступил по местному телевидению, публично обвинив президента в сокрытии секретных операций по контрабанде нефтепродуктов:

— Вот смотрите документы — секретная операция «Паутинка», 1992 год. Перекачка нефтепродуктов в Минск, Брянск, Алма-Ату. пять миллиардов рублей поступает на счета в Грозном. Нефтепродукты исчезают бесследно. Дудаев приказывает возбудить уголовное дело. Через некоторое время следователей убирают, дело закрывается. Следующая операция охватила уже сорок городов. Сумма шестьсот сорок миллионов рублей и два миллиона долларов. Деньги получены, продукции нет. И опять работников МВД убирают, дело закрывается. Еще одна операция — «Импульс». Личная подпись Дудаева: «Дело закрыть». В общем, за два года эти операции принесли около двадцати пяти миллиардов долларов.

Нефтяной король

Действительно, возглавив первое чеченское правительство, Яраги Мамадаев сразу же приступил к никем не контролируемой торговле основным национальным богатством Чеченской Республики — нефтью. К тому же по инициативе председателя российского правительства Егора Гайдара эта нефть широкой рекой текла из Западной Сибири на чеченские нефтеперерабатывающие заводы, и никто со стороны России не требовал за нее никакой платы. Егор Гайдар объяснял такое положение дел необходимостью обеспечить посевную в горах Кавказа.

Вскоре поползли слухи, что Мамадаев злоупотребляет доверием президента. Но Джохар Дудаев не спешил уличать своего товарища. Ведь тот многое сделал для того, чтобы восторжествовала революция. Давнее понятие чеченского благородства не позволяло президенту быть беспристрастным — он закрывал служебные расследования и уголовные дела, считая их проделками завистников и недоброжелателей.

В конце концов президент был вынужден создать экспертную комиссию. Комиссия занялась проверкой слухов. Выяснилось, что только в 1992 году за пределы республики было вывезено четыре миллиона тонн мазута, три миллиона тонн дизельного топлива, полтора миллиона тонн бензина. По подсчетам, их реализация принесла порядка миллиарда долларов. Ни сельскохозяйственной техники, ни продуктов питания, ни одежды, якобы закупленных в счет поставленных нефтепродуктов, в Чечню не поступало. Комиссия пришла к выводу, что эти немалые деньги пополнили банковские счета нефтяного короля, как стали именовать Яраги Мамадаева. Часть из них — в размере ста миллионов долларов — он потратил на покупку фешенебельного отеля на Кипре. А его подчиненные сумели приобрести дорогие дачи в Швейцарии и шикарные рестораны в Москве.

Сабли для харакири

Председатель правительства Яраги Мамадаев отправился в деловую поездку в Японию. Оттуда он привез холодное оружие — две черные сабли. Одна сабля предназначалась для самурая, чтобы он смог сделать харакири — распороть себе живот. Другая сабля предназначалась для его друга, чтобы тот смог отсечь голову самурая, издыхающему от сделанного харакири. Выступая по грозненскому телевидению, Мамадаев потрясал саблями и говорил, что это — великий дар японского руководства первому чеченскому президенту Джохару Дудаеву.

— Такой дорогой подарок могли подарить только истинные друзья, — восхищались чеченские телезрители, одобрительно покачивая головами. — Недалек тот час, когда Япония признает нашу независимую страну!

Только один телезритель не испытал никакой радости от подобного подношения. Это был Джохар Дудаев. Рядом с ним перед телевизором сидела супруга Алла, которая тут же прочитала мрачные мысли мужа:

— Надо полагать, в своих мечтах Яраги представляет самураем тебя, а другом, держащим за спиной наготове черную саблю, наверняка считает себя.

Джохар Дудаев отправил председателя правительства в отставку. В ответ Яраги Мамадаев обвинил президента в развале экономики и исчез из Грозного. Через неделю он объявился в Москве, где объявил о создании «правительства народного доверия».

Многоглавая гидра

Вскоре стало понятно: коррупция похожа на многоглавую гидру — вместо одной срубленной головы вырастают две. Джохар Дудаев снимал одного проворовавшегося министра и ставил другого, но тот продолжал заниматься тем же. Мало того, заняв однажды министерский кабинет, назначенец не желал расставаться с ним, считая, что получил его на веки веков. Как только министр слетал со своего поста, за него вступались многочисленные представители родного тейпа. Вооруженные автоматами, они занимали кабинет и даже ночевали в нем, не допуская туда нового хозяина. А к президенту отправлялись сестры и матери. Они упрашивали Дудаева не выгонять дорогого родственника с работы. Однажды дело дошло до того, что снятые министры оккупировали все правительственное здание. Превратив свои кабинеты в крепости, они запаслись продуктами и приготовились к длительной осаде.

Джохар Дудаев решил эту проблему по-богатырски — отрубил многоглавой гидре сразу все головы. Это случилось, когда закончился ремонт в Президентском дворце. Он переехал туда, забрав с собой только Министерство иностранных дел. Кабинеты во дворце заняли новые министры, подбором которых занимался лично президент — по месту своего жительства.

— События тех лет показали одну немаловажную особенность в характере чеченцев, — вспоминал Юсуп Сосламбеков, давний соратник Дудаева. — В основной своей массе они не готовы служить общенациональному интересу и в решении жизненно важных вопросов руководствуются тейповыми, групповыми или личными интересами. Очень быстро дудаевский тейп занялся сосредоточением власти, а также и богатств республики в своих руках. Штаб-квартирой, где формировалось правительство, в основном из представителей этого тейпа, стал дом брата Дудаева, Бекмурзы, что очень болезненно начало восприниматься остальными чеченцами.

Так тень недоверия легла и на самого президента.

Государственная тайна

Однажды в Грозный прибыли высокопоставленные представители чеченской диаспоры из Москвы и публично предложили президенту Дудаеву отчитаться перед народом о местонахождении баснословных денег, полученных от продажи нефтепродуктов. Дудаев признал, что на счетах различных зарубежных банков находится свыше 70 миллионов долларов, но отказался обнародовать названия банков.

— Это — государственная тайна! — пояснил он, подняв кверху указательный палец.

Ответ президента удивил многих: еще вчера Дудаев обещал каждому чеченцу золотой краник с верблюжьим молоком, а сегодня утаивает от народа деньги, на которые должен был установить этот краник и наполнить его молоком. На самом деле в республике, как и в целом по всей России, свирепствовал голод: многие продукты либо исчезли с прилавков магазинов, либо так подорожали, что стали недоступны для населения. Тогда в Чечне появилось множество анекдотов, где главный герой на вопрос о местонахождении мяса, масла, молока и прочих насущных вещей всегда отвечал:

— Это — государственная тайна!

Золотая афера

Все тайное рано или поздно становится явным. Вот и загадочная история про якутское золото превратилась в народный анекдот. Все началось с того, что однажды в одном московском ресторане один якут познакомился с одним чеченцем. Якут представился Александром Кривошапкиным — генеральным директором фирмы, которая занимается продажей драгоценных металлов. При этом якут доверительно шепнул, что является родственником якутского президента Николаева. В свою очередь чеченец также представился родственником первого чеченского президента Дудаева и одновременно его советником Лом Али Аюбовым. Понятно, что между ними завязался дружеский и взаимовыгодный разговор. Стороны договорились заключить контракт на поставку в Чечню пяти тонн золота высшей пробы по льготной цене, которая была бы ниже реальной в двадцать раз.

Вскоре Кривошапкин прилетел в город Грозный. Он был с почетом принят в Президентском дворце лично Джохаром Дудаевым, который мечтал обзавестись золотым запасом для независимой республики. Кривошапкин продемонстрировал документы, вроде как подтверждавшие его полномочия. По поручению Дудаева председатель Национального банка выдал якуту миллион долларов наличными. В сопровождении Аюбова и двух охранников Кривошапкин возвратился в Якутию. Поселив дорогих гостей в гостинице, он забрал с собой всю наличность под предлогом того, что деньги поставщику надо заплатить вперед.

— Самолет с золотым грузом отправляется через два дня! — заверил Кривошапкин и попрощался.

Два дня доверчивые чеченцы ждали гостеприимного хозяина. На третий день, почуяв неладное, бросились на поиски. Однако того и след простыл. Выяснилось, что Кривошапкин вылетел в Ригу и там исчез — вместе с миллионом долларов. Чеченцы вернулись в Грозный несолоно хлебавши — ни золота, ни денег.

Слухи о неудавшейся золотой афере быстро разлетелись по столице. И вскоре на грозненских улицах появились листовки, высмеивавшие незадачливого президента.

Нахар

Другая афера закончилась куда печальнее. Она тоже начиналась с обычного стремления обрести богатство и независимость.

— Каждое независимое государство имеет собственные финансы, — заявил однажды Джохар Дудаев. — У нас тоже должны быть свои деньги. У древних вайнахов была в обращении монета, которая называлась нахар. Мы тоже изготовим свою денежную единицу и назовем ее в память о предках — нахаром.

На следующий день началась работа над эскизами будущих денег. Конечно, на них были представлены портреты великих чеченцев — шейха Мансура и имама Шамиля. А еще — танцующие горцы и величавые красавицы. А еще — белоснежные горы и нефтяные вышки. Но главным изображением, которое помещалось на всех денежных единицах, был невидимый чеченский волк, ибо использовался в качестве водяного знака.

Вскоре образцы были готовы. По поручению президента в Лондон вылетел его советник Руслан Уциев, который должен был организовать изготовление валюты для независимой республики. Помимо этого, ему поручалось провести переговоры с западными предпринимателями о продаже чеченской нефти по мировым ценам. Были и другие деликатные задания.

В конце февраля 1993 года Руслан Уциев был убит. Выяснилось, что он активно сотрудничал с американским бизнесменом Джозефом Риппом, который, по данным Интерпола, был судим за мошенничество и подозревался в связях с американской мафией. В то же время лондонская полиция задержала Гарика Тер-Петросяна — переводчика Уциева. Задержанный показал, что советник Дудаева вел секретные переговоры о закупке двух тысяч ракет «стингер» для азербайджанской армии. Тер-Петросян тут же передал эту информацию представителям армянских спецслужб. Представители встретились с Уциевым и попытались отговорить того от опасной сделки. Уциев отказался и тем самым подписал себе смертный приговор. Его убили тремя выстрелами в голову. Расчлененный труп был помещен в ящик с антиквариатом. Тер-Петросян взялся доставить ящик в загородный дом. За этим занятием его и задержала лондонская полиция. Лондонский суд приговорил его к пожизненному заключению.

Джохар Дудаев достойно предал земле своего верного советника. Вместе с ним была похоронена и идея обретения Чечней своей собственной валюты — нахара.

Без Америки — никуда!

Однажды под покровом ночи на аэродром в Грозном приземлились два эстонских самолета с дипломатической почтой. Из самолетов выгрузили множество брезентовых мешков, опечатанных печатями. Их общий вес составил восемнадцать тонн. Почту перевезли в Национальный банк и вскрыли. Там находились старые советские банкноты на сумму два с половиной миллиарда рублей. Так независимая Эстония оказала нелегальную финансовую помощь Чечне, поделившись с ней вышедшими из обращения деньгами. Эти вчерашние деньги были исподтишка обменены на полноценные российские рубли нового образца. Джохар Дудаев сердечно поблагодарил своего друга — премьер-министра Эстонии Марта Лаара — за помощь.

Между тем вчерашние деньги — это вчерашние деньги, и они быстро кончились. Был нужен постоянный источник доходов, а точнее — постоянный станок для печатания денег. Как-то в Турции Джохара Дудаева познакомили с владельцем полиграфической техники, который продемонстрировал президенту чудеса фальшивомонетничества. Действительно, изготовленные им купюры выглядели как настоящие.

— Откуда это чудо? — поинтересовался Джохар.

— Американцы презентовали, — похвастался владелец. — Они не дают лицензию кому попало, а мне вот доверили. Я такую аппаратуру устанавливал и в Азербайджане, и в Казахстане, и в других странах. У меня — личное разрешение от ЦРУ.

«Придется связаться с Вашингтоном, — решил Джохар. — В этом мире без Америки — никуда!»

Президентский сейф

Многие полагали, что сейф первого чеченского президента был забит деньгами. «Кто захочет его серебро пересчитать, — шутили некоторые остряки, — у того свет в лампе закончится». На самом деле сейф Джохара Дудаева сберегал иные ценности. В нем хранились подземные богатства Чеченской Республики — минералы. Эти минералы президенту дарили простые чеченцы. Кто-то приносил с Чеченской равнины образцы гончарных и черепично-кирпичных глин. Кто-то доставлял из горных районов куски белоснежных доломитов, усыпанных кристаллами железа и марганца. А кто-то — обломки голубоватого ангидрита, который под воздействием

воды чудесным образом превращался в гипс. Но самым красивым минералом в президентской коллекции был чеченский поделочный известняк с невероятно красивой расцветкой.

— В Чечне полезных ископаемых не меньше, чем в России, — не раз говорил Дудаев. — Здесь есть и золото, и медь, и цинк, и вольфрам, и даже фарфоровый камень. Нужно только добыть это из-под земли.

По ночам, когда президентский дворец затихал, Джохар раскладывал образцы на столе и любовался их тепловатым блеском. Он мечтал о том времени, когда его великая и независимая Чечня будет поставлять эти минералы во все концы света.

Некоторые в Чечне называли Дудаева «романтиком».

Большая Чечня

Воистину Джохар Дудаев был мечтательным человеком. Однажды начальник штаба Северо-Кавказского округа генерал-лейтенант Чернышев поинтересовался у президента, какими он видит идеальные границы независимого чеченского государства. Поначалу Дудаев отвечал уклончиво, но потом подбежал к дивану, сбросил туфли и, вскочив на подушки, стал указкой водить по карте России.

— Посмотрите, Анатолий Куприянович! — распялялся он. — Вот Азов, а все, что южнее него — Большая Чечня. Ее границы пройдут по Ставрополю вдоль Кумо-Манычского канала, через Кочубей на Хасавьют и Махачкалу. Весь северо-запад Дагестана отойдет к нам...

Его указка скользнула по вершинам Главного Кавказского хребта, очертила Кабардино-Балкарию, Карачаево-Черкесию, Адыгею и снова уткнулась в Кумо-Манычский канал.

— Не слишком ли большой получается Чечня? — поинтересовался Чернышев.

— В самый раз! — отрезал Дудаев. — А ее столица будет располагаться в Ингушетии. На Каспии построим порты и будем танкерами возить нефть.

— Куда? В Иран? Так там своей нефти хватает...

— Найдем куда, — смущенно пробормотал Джохар, слезая с дивана и надевая туфли. — Братья-мусульмане помогут...

Ях

Конечно, главным богатством Чечни оставалась нефть. Джохар Дудаев внимательно следил за состоянием нефтяной промышленности. Однажды он совершил рабочую поездку на нефтеперерабатывающий завод. Как обычно, его сопровождала внушительная свита: министры, специалисты, журналисты. Президент подолгу задерживался то у одной, то у другой установки, подробно расспрашивая директора завода. Внезапно впереди показалась группа молодых работниц. Они столпились недалеко от дороги, робко ожидая высокопоставленных гостей. Выяснилось, что работницы хотят пообщаться с президентом — на заводе уже давно не платили зарплату, и семьи рабочих жили впроголодь.

Когда Дудаев поравнялся с ними, женщины бросились к нему и стали наперебой говорить, что переживают за президента и желают ему успехов.

— Если нужно, мы готовы совсем отказаться от зарплаты, — заверяли они. — Только оставайтесь с нами и доведите начатое дело до конца.

— Сестры мои! — воскликнул растроганный Джохар. — Спасибо вам за вашу скромность, за поддержку. Я знаю, что вам непросто. Я уверен, что в вас говорит великий Ях — чеченский бог достоинства и чести.

Русский инвалид

Джохар Дудаев гордился тем, что чеченский народ со времен нашествия Чингисхана имеет свой кодекс чести Къонахалла. Каждый чеченец должен быть къонахом — человеком, который исповедует этот кодекс чести, то есть служит своему народу, защищает свое Отечество и трудится на его благо. Ум, честь, мужество, преданность, а также скромность, щедрость, милосердие — вот главные нравственные требования, каковые предъявляет чеченцу его внутренний бог Ях.

Дудаев стремился следовать этому кодексу чести. С первых дней президентства в его приемную стали поступать многочисленные обращения и жалобы. Разбирая огромную кипу писем, Дудаев почти запаниковал.

— Ни одно письмо не должно остаться без ответа! — он протянул секретарше Марьям Вахидовой распечатанный конверт. — Особенно — вот это!

В письме ветеран Великой Отечественной войны описывал свои тяжелые раны, которые получил в сражениях за Родину, и умолял президента помочь отремонтировать старую машину, с помощью которой он только и мог передвигаться. Письмо было передано директору автопарка.

— На какие средства я должен это сделать? — возмутился он. — Судя по всему, машина основательно разбита.

Секретарша сообщила об этом Дудаеву.

— Неужели ничего нельзя придумать, Марьям? Ветеран так меня просит помочь! — задумался президент, а затем твердо отчеканил: — Хорошо! Пусть сделают за мой счет.

— Но, Джохар, в таком случае тебе придется чинить за свой счет весь чеченский автопарк — ведь в республике тысячи старых поломанных автомобилей.

Секретарша вернулась в приемную и передала директору президентское решение.

— Пусть наш президент не беспокоится, — смутился тот. — Я сниму эту проблему.

На следующий день расторопный директор позвонил в приемную и рассказал грустную историю. Оказалось, что на автомобиле ветерана уже много лет ездит его зять-милиционер и, когда нужно машину подремонтировать, заставляет ветерана писать властям слезные письма.

Дудаев был обескуражен:

— Как он может обманывать президента! Где его Ях?

— Извини, Джохар, но этот старик — русский инвалид.

— Русский? — удивился Дудаев и разочарованно выдохнул: — Тогда понятно.

Мечтательная фотография

Однажды вечером Джохар Дудаев вышел из Президентского дворца и сел в служебную машину. Следом за ним туда же юркнул фотограф журнала «Огонек» Марк Штейнбок. На огромной скорости кортеж промчался по вечернему Грозному и остановился у невзрачного кирпичного здания на окраине города. На здании болталась покосившаяся вывеска «Молочная кухня». Президент в сопровождении охранника направился внутрь. Спустя минуту возвратился, подошел к своей машине и картинно встал перед фотографом, ради которого и приехал сюда:

— Эх, все-таки не можем мы даже такую простую вещь делать, как маленькие бутылочки для детского молока. Все-таки далеко нам до Европы!

Фотограф Марк Штейнбок запечатлел этот исторический момент — возвышенный Джохар Дудаев, расправив плечи, мечтательно смотрит вдаль и, вероятно, ви-

дит светлое будущее сквозь грозовые облака настоящего. И, конечно, в этот момент такому вождю пристало заботиться именно о детях.

Картинка получилась.

Малолетки

Джохар Дудаев работал сутки напролет — и днем, и ночью. Его приемная была заполнена ходоками, пришедшими к президенту со своими нуждами. Те, кто побойчее, устремлялся сразу к дому Бекмурзы — старшего брата Джохара Дудаева. Здесь президент жил со своей семьей. Здесь, на кухне, он зачастую и принимал посетителей.

Однажды утром в доме Бекмурзы появился Мустафа Эдильбиев — председатель общественной ассоциации «Гулам». Он возбужденно размахивал руками и что-то сбивчиво говорил. Его отвели на кухню и налили традиционную чашечку кофе. Вскоре туда прошествовал Джохар Дудаев, благоухавший после бритья приятной французской водой.

— Слушаю тебя, — обратился он к Мустафе.

Эдильбиев сообщил, что вчера в городе Аргуне к нему обратились с жалобой родители одной пропавшей девочки. Девочке удалось вырваться из рук похитителей. Она рассказала родителям, что ее похитили недалеко от дома — к тротуару подъехала черная «Волга», оттуда вышел молодой человек и брызнул ей в лицо какой-то жидкостью. Очнулась она в заброшенной кошаре на берегу Терека. Там находились еще четыре девочки-малолетки. Их кололи наркотиками, били до беспомысленности и непрерывно насиловали. Насильники были вооружены автоматами и говорили на чеченском языке.

— Ну, так чего же ты хочешь? — выслушав, спросил Дудаев.

— Дай мне милиционеров и вертолет — надо задержать эту банду.

Дудаев согласно кивнул головой и посмотрел в сторону помощника.

— Как их зовут? — поинтересовался тот.

Эдильбиев назвал имена.

— Это же наши ребята! — воскликнул помощник. — Они помогли нам деньгами и оружием.

— Извини, Мустафа, их нельзя трогать, — вздохнул Дудаев и поспешил к выходу.

Эдильбиев бросился следом.

— Какие деньги, какое оружие? Они ведь не базарных шалав хватают, а девочек-подростков, — увещевал он, пытаясь ухватить за локоть ускользавшего президента. И, отчаявшись чего-либо добиться, крикнул вдогонку:

— Ты — не президент! Ты — главарь банды!

Вооруженные юнцы

Оружие на Кавказе всегда было в большом почете. Считалось, что каждый мужчина должен быть вооружен, иначе он вроде как и не мужчина. Это была давняя традиция, переломить ее не могла никакая власть. Поэтому, когда забрезжила свобода, многие принялись охотиться за оружием, нападая на армейские склады и напропалую растаскивая автоматы Калашникова. Солдаты не оказывали сопротивления: приказа стрелять на поражение не было. Так все население республики — от мала до велика — оказалось вооруженным до зубов.

— Многие подростки завели моду бегать по городу с автоматами, — рассказы-

вала терская казачка Мария Закаева, жительница Грозного, — обирали каждого встречного и поперечного, а главным образом русских, за которых некому было заступиться. Случалось, и расстреливали людей просто так, из вредности. Кстати, не только русские, но и многие чеченцы страдали от этих молодых отмороzków. Впрочем, чего еще было ожидать от юнцов? Ведь с 1991 года, с прихода Дудаева, они фактически не учились ни в школах, ни ремеслу. Да и работать им было негде. К тому же дудаевские идеологи вбили им в головы, что высшая военная доблесть для чеченца — стрелять по русским «захватчикам» и добывать хлеб насущный исключительно с помощью автомата Калашникова. Так и выросло целое поколение, живущее отныне по закону: у кого больше патронов, тот и хозяин жизни...

В Грозном не осталось ни одной непострадавшей русскоязычной семьи. Угрожая оружием, бандиты уговаривали русских стариков отдать деньги и прочие ценности. Изнасилование русских девушек и женщин под дулом пистолета считалось ежедневной и заурядной забавой.

— Летом 1992 года ко мне на дачу ворвались четверо чеченских старшекласников, — рассказывала тридцатилетняя беженка из Грозного. — Они потребовали вступить с ними в половую связь. Я возмутилась. Они ударили меня пистолетом по голове и, пользуясь моей беспомощностью, вчетвером изнасиловали. Затем под угрозой убийства принудили меня совершить половой акт с моей собакой...

И тут Джохар Дудаев спохватился — издал указ о повсеместной регистрации оружия и запрете его ношения без специального разрешения. Президент первым пришел на участок и зарегистрировал именную пистолет. Сюжет показали по телевидению, призвав всех чеченцев последовать примеру национального лидера. Да куда там! Каждую ночь в Грозном гремели выстрелы, слышались взрывы гранат и душераздирающие крики жертв.

Шишки

Голодной весной 1992 года по городу Грозному поползли темные слухи о Дудаеве. Появились и первые анекдоты. Вот, к примеру, такой.

Как-то старики из глухого горного аула явились в президентский дворец.

— Салам алейкум! — поздоровались они с президентом.

— Ва алейкум салам! — поприветствовал Дудаев. — С чем пожаловали?

— Джохар, помогай, в ауле есть нечего, голодаем.

— Вот как? — поморщился президент. — Да в наших лесах столько даров природы, что говорить о голоде могут только лентяи!

И, выпроваживая опешивших стариков, посоветовал:

— Шишки ешьте!

Дыма без огня не бывает. Геннадий Мусалиев, работавший в дудаевском правительстве и сопровождавший президента в поездках по республике, вспоминал, что однажды на встрече с жителями села Курчалой, когда те стали жаловаться на безденежье и нехватку продовольствия, Дудаев сгоряча брякнул:

— Значит, ешьте солону!

По стопам Зелимхана

Однажды Джохар Дудаев отправился в селение Шали. Эти места памятны тем, что здесь в сражении с казачьим отрядом погиб легендарный абрек Зелимхан Харачоевский. Объявив непримиримую войну царской власти, он грабил банки и поезда, убивал чиновников и офицеров, обирал богачей. Отобранные деньги иногда

раздавал беднякам. О бесстрашии Зелымхана ходили легенды. Он стал воистину народным героем. А после Октябрьской революции большевики признали его борцом за народное счастье и воздвигли этому дерзкому абреку бронзовый памятник. Так разбойничья философия абречества обрела благородный героический облик. И в современной Чечне о храбром Зелымхане тоже слагались романтические песни. Одну из них написал поэт Муса Гешаев, а исполнил популярный певец Имам Алимсултанов:

Хлебнув горечь жизни, он бурею взмыл
И выбрал дорогу абрека,
И пыл его сердца уже не остыл
На вздыбленном стремени века...

На встречу с первым чеченским президентом, как всегда, собралось множество народу. Конечно, жители стали жаловаться на трудную голодную жизнь: мол, денег нет, зарплата давно не выплачивается, в магазинах полки пусты. И тут Дудаев рас- свирепел:

— Неужели вы думаете, что я вам буду платить зарплату? Мне что, деньги некуда больше девать? У вас есть все — силы, ум, оружие, храбрость! Если вы мужчины — зарабатывайте сами!

Это был откровенный призыв к абречеству — к бандитизму, грабежам, разбою, убийствам. Фактически президент предлагал голодным людям ради спасения себя и своих семей взять в руки оружие и выйти на большую дорогу. Так оно и случилось — чеченцы обложили данью грузовые и пассажирские поезда, совершая на них вооруженные нападения.

— Кавказскую железную дорогу называли дорогой жизни между Закавказьем и Россией, но с приходом к власти Дудаева часть этой дороги, проходящая через Чечню, стала дорогой смерти, грабежа и насилия, — вспоминала Бибаева, жительница Баку. — На моих глазах пассажиры поездов подвергались неслыханным унижениям и издевательствам со стороны распоясавшихся чеченских молодчиков с автоматами, останавливавших на ходу поезда, врывавшихся в вагоны. Пассажиров раздевали донага, обыскивали и отбирали все деньги. С женщин срывали золотые украшения, беззастенчиво давали волю рукам, унижая женское достоинство. До самой смерти не забуду лицо пожилого мужчины, под насмешки распоясавшихся юнцов прикрывавшего свою наготу; растрепанную женщину, рыдавшую на пустых сумках. У нее, направлявшейся в зимнюю Москву, отобрали шубу, а в наказание за сопротивление вытряхнули из сумок и потоптали все фрукты, которыми она хотела угостить родственников в России. До сих пор звенит в ушах грохот разбитых бутылок и окон. А сколько разграбленных товарных составов мелькало перед глазами, и там же — чеченские женщины с мешками возле распотрошенных вагонов, растаскивающие чужое добро.

Письма счастья

Однажды Джохар Дудаев преподнес жителям республики президентский подарок — издал указ о передаче в личную собственность государственные и ведомственные квартиры самым обделенным согражданам республики. При этом он поручил нотариальным конторам без проволочек оформлять ордера на передачу квартир. Но кто считался самым обделенным среди миллиона жителей Чечни? Многие чеченцы сочли себя таковыми. А кто оказался незаслуженно наделенным

всякими благами? Конечно, русские, которые виновны во многих чеченских бедах. Вывод был простой: следует восстановить справедливость. Такая националистическая фразеология получила в республике повсеместное распространение. В Грозном стала популярной присказка: «Русских — в Рязань, татар — в Казань, армян — в Эривань, а ингушей — в Назрань!»

И вот в почтовых ящиках русскоязычных жителей Чечни появились первые «письма счастья» — анонимные угрозы с требованием убраться в Россию. Если хозяева не покидали жилища добровольно, к ним применяли различные методы воздействия. Хорошие чеченцы, угрожая оружием, приходили и говорили: «Уезжайте по-хорошему». Плохие чеченцы не говорили ничего — они просто убивали, насиловали или угоняли в рабство. Конечно, были и порядочные чеченцы, которые молча сочувствовали русским, но они ничем не могли помочь. Потому что даже старейшины, сидя на лавочках, улыбались: «Пусть русских побольше уезжает!» Русские пытались продать свои квартиры, но даже за бесценок их перестали покупать. На улицах повсюду появились надписи: «Не покупайте квартиры у Саши и Маши, они все равно будут ваши». А на выезде из Грозного был начертан такой призыв: «Русские, не уезжайте — нам нужны рабы».

В Москву летели тревожные письма: «С приходом к власти Дудаева мы, русские, превратились в жителей резервации. Русских грабят, убивают, унижают, насилюют. А сколько обворовано квартир, сколько людей избито, сколько подверглось пыткам! Вламываясь в дом, избивают, требуют деньги, золото, которых у нас сроду не было. Выгнана, выжита из родных домов половина русского населения. Скупают их дома, имущество за бесценок или просто за перевоз оставшихся вещей. За эти три года выгнаны все русские руководители хозяйств. Колхозы и совхозы разворованы. Уничтожаются лесополосы, разворованы телеграфные столбы. Преподавание в школе ведется только на чеченском языке, а сами школы и их оборудование расхищены. Мы уже два года не получаем заработную плату, а старики — пенсии. Мы постоянно слышим предложения и угрозы убраться в Россию. Но мы — в России. Мы — сыны и дочери России».

Москва надменно молчала — она, как обычно, не верила слезам. Никто не ударил в колокола. Никто не вступился за русских — ни президент России, ни ее премьер, ни один правозащитник. И тогда русские в страхе побежали из Чечни — десятками, сотнями тысяч. А тех, кто остался, ждала страшная участь. Доктор физико-математических наук Михаил Бурлаков, покинувший Грозный сразу после убийства ректора университета Кан-Калика, вспоминал:

— Однажды в Моздоке я случайно встретил свою бывшую студентку Наталью. С трудом узнал ее, грязную, оборванную, с нечесаными прядями седых волос, роющуюся в баке с мусором. История ее типична для русских людей, попавших в чеченский ад. Весной 1993 года один из защитников свободы и независимости Ичкерии потребовал от нее отдать ордер на квартиру и убраться в Россию. Наталья, естественно, отказалась выполнить это требование. Тогда этот офицер ичкерийской армии со товарищи решил показательно наказать «оккупантку». Ночью они нанесли ей визит и без лишних сантиментов пристрелили мужа, а двум ее детям отрезали головы. Теперь, повредившись в уме, вдова ищет головы своих детей, бродя по городам и селам Северного Кавказа. Она сказала мне, что если найдет головы, которые куда-то унесли в ту ночь бандиты, то пришьет их обратно к телам детей — тогда они непременно оживут и будут снова вместе с нею. И в доказательство серьезности своих намерений показала иголку с ниткой, припрятанную в лохмотьях.

Романтический импрессионизм

Как известно, Алла Дудаева была художницей. Некоторые искусствоведы называли ее манеру романтическим импрессионизмом. Действительно, зыбкая реальность на полотнах художницы облекалась в некую мечтательную дымку и окрашивалась яркими эмоциональными оттенками. Получалось красиво и приторно.

Однажды Алла Дудаева поехала в независимую Эстонию, чтобы открыть персональную выставку своих картин и выступить перед тартуским культурным обществом. Правда, помимо романтических пейзажей и портретов посетителей более всего интересовала межнациональная напряженность в Чеченской Республике.

— Никто в нашей республике не собирается выселять или притеснять русских, — успокоила художница, — столько лет они прожили вместе с соседями в мире и дружбе. Просто чеченцы стали хозяевами своей земли. И разве не неотъемлемое право каждой нации распоряжаться своей судьбой? До каких пор Россия в роли старшего брата будет выкачивать чеченскую нефть, оставляя народу только один процент от его национального богатства?

Безусловно, особую значимость этим словам придавал тот факт, что их произносила не просто художница, а супруга чеченского президента — русская по происхождению. В свою очередь и Джохар Дудаев был убежден, что слухи о насилии над русским населением республики не имеют под собой никаких оснований.

— Более надежно, чем у нас в республике, русские нигде не защищены. В генах нашего народа отсутствуют насилие, неприязнь к людям другой национальности. Это подтверждается всей нашей историей, А сейчас идет даже сближение чеченцев и русских, что связано с нашей общей судьбой.

Президент не раз публично заявлял, что «с 1991 года в республике действует распоряжение об особом контроле за преступлениями, совершенными против представителей русскоязычного населения», и отмечал, что за три минувших года «не было зарегистрировано ни одного преступления против русских, совершенного на межнациональной основе». Видать, ему даже не приходило в голову, что чеченская милиция просто отказывается регистрировать такие преступления, а порой и соучаствует в них.

— Русские в Чечне тихо вымирают, — рассказывала беженка из Грозного. — Ежедневно только в Грозном убивают четыре-пять русских. Мы уже привыкли к тому, что кого-то сожгли, залили горло кипятком, проткнули грудь вилами. В поселке Калинина (северная часть Грозного) с целью захвата квартир сожжено шесть стариков. В поселке Ипподромном уничтожена русская семья: муж убит выстрелом в упор, а жена выброшена в окно с восьмого этажа. В квартире оставлена злоедающая записка: «Так будет со всеми русскими в Чечне». Милиция на эти злодеяния не обращает внимания.

Складывалось впечатление, что романтический импрессионизм стал характерным мироощущением не только для Аллы Дудаевой, но и для ее высокопоставленного мужа — по крайней мере, по злободневному русскому вопросу.

«Это наш позор»

Однако не все в Чеченской Республике страдали романтической близорукостью. Среди тех, кто критически оценивал реальность, оказался идеолог чеченской демократической революции Муса Темишев. По поручению Джохара Дудаева он возглавлял правительственную газету «Ичкерия», на страницах которой помещал свои злободневные статьи: «Всем нам нелегко. Но особенно тяжело русским: у

них нет тейповой или клановой защиты, нет родственников в селах. Это наш позор. Самоуправство повсюду. Идет полнейшая компрометация демократической идеи, с которой мы пришли к власти. Мы разошлись с долгожданной Свободой — она нас не узнала».

Однажды опубликовала открытое письмо президенту и его верная соратница Марьям Вахидова: «Умному человеку достаточно проанализировать в памяти шаг за шагом наш путь, и он увидит, что идем мы через трупы невинных жертв, по колена в крови, время от времени находя, на кого списать эту кровь, создавая образ внешнего врага, который, конечно же, есть, но не столь грозный, не столь агрессивный, а доживающий свой век. Но сколько загубленных жизней, похищенных женщин, девушек, детей? Теперь уже беспредел достиг своего апогея: стали добивать свои жертвы в больницах, запугивать и стрелять в медсестер и врачей — ты до зубов вооружил всю нечисть в своей республике. Больно слышать из твоих уст и сегодня, что наше завоевание — бескровная революция. Мы скоро захлебнемся в крови своих невинных жертв».

Едва ли Джохар Дудаев не читал своей официальной прессы. Но на эти выступления он никак не отреагировал. Просто вокруг правдолюбив возникла такая грозная тишина, что они предпочли покинуть республику.

Театральный митинг

Наконец терпение народа лопнуло — 15 апреля 1993 года на Театральной площади Грозного начался бессрочный антидудаевский митинг, который сам президент презрительно назвал «театральным». Его организовали вчерашние соратники Дудаева во главе с Яраги Мамадаевым, Юсупом Сосламбековым, Бесланом Гантамировым. Исключительную активность проявили депутаты парламента, где противостояние Дудаеву было особенно мощным — президент не сумел обеспечить баланс тейповых интересов при назначении министров. Однако главным своим требованием митинг выставил проведение референдума о взаимоотношениях с Россией и даже обозначил дату — 5 июня. Допустить голосование по этому вопросу президент не мог — это ставило под угрозу его независимую политику в целом.

Дудаев прибыл в парламент, который был настроен к нему весьма враждебно: из сорока депутатов его поддерживало лишь двенадцать. Стукнув кулаком по столу председателя, он заявил:

— Такой парламент мне не нужен!

— А нам не нужен такой президент! — выкрикнул кто-то из зала.

Председатель парламента Хусейн Ахмадов взмолился:

— Давайте договоримся! Над нами ведь люди будут смеяться!

— Над вами и так уже все смеются, а говорить мне с вами не о чем, — ответил Дудаев и покинул зал заседаний.

На следующий день Дудаев распустил и парламент, и правительство, и Конституционный суд, и даже городское собрание Грозного. Взамен он ввел в республике прямое президентское правление и комендантский час, а также назначил вице-президентом верного товарища — Зелимхана Яндарбиева.

Так Джохар Дудаев стал полновластным диктатором. И, следуя диктаторской логике, повелел разогнать театральный митинг, не подчинившийся его указаниям о роспуске. При разгоне особое рвение проявили бойцы Абхазского батальона, которыми командовал полевой командир Шамиль Басаев. Театральную площадь расстреляли из танков. Погибло более полусотни демонстрантов.

— В тот день к зданию, где располагался штаб антидудаевской оппозиции,

подъехала самоходная артиллерийская установка, — рассказывал журналист Муса Мурадов. — Болванка пробила старый особняк, образовав на входе дыру в полтора метра диаметром. Из здания вырвались несколько человек в милицейской форме, по ним открыли огонь автоматчики Шамиля Басаева. Милиционеры пали наземь, истекая кровью. Их добились. Из здания по басаевцам открыли ответный огонь верные оппозиции сотрудники. Бой продолжался несколько часов. Басаевцы подавили сопротивление. В этот день чеченцы пролили первую большую кровь, конфликтуя на почве политических разногласий.

Братья по крови

Спустя полгода, 4 октября 1993 года Борис Ельцин, совершил в Москве те же кровавые злодеяния: расстрелял из танков Белый дом, где заседали депутаты Верховного Совета России, отказавшиеся подчиниться президентскому указу о роспуске парламента. Так был подавлен антиправительственный мятеж, а его организаторы схвачены и заключены в тюрьму. Джохар Дудаев внимательно следил за драматическими событиями в Москве, отмечая их поразительное сходство с чеченским противостоянием:

— Ссылки наших московских оппонентов и вопли лидеров вооруженной оппозиции о «режиме Дудаева», «диктатуре» и «узурпаторстве власти в Чечении», «нарушении прав человека» напоминают мне скорее истошные выкрики из толпы, которая в октябре 1993 года собиралась у стен Белого дома, Останкино и мэрии города Москвы, — заявлял он. — Только вместо фамилии «Дудаев» там скандировалась другая фамилия — «Ельцин». Причем идейным вдохновителем и организатором этих сборищ и в первом, и во втором случае является один и тот же человек, с тем же окружением.

Самолюбие Джохара Дудаева было удовлетворено: его с Ельциным уравнивал в диктаторском звании и объединил один и тот же политический противник — строптивый чеченец Руслан Хасбулатов, по некоей случайности возглавивший Верховный Совет России. После танкового расстрела парламента Дудаев направил тайное послание своему собрату по пролитой крови:

«Правительство Чеченской Республики одобряет Ваши действия по подавлению коммунистическо-фашистского мятежа в Москве, имеющего своей целью захватить власть в России и потопить в крови демократию, возродить в стране исторически изжившую себя систему. Реакции, пытавшейся взять реванш, нанесен серьезный удар, однако не исключены возможности новых вылазок. Поэтому желаем Вам и Вашим сторонникам решительности и стойкости в закреплении достигнутого успеха, последовательности в проведении курса демократических реформ. Ранее Правительство Чеченской Республики доводило до сведения Вашей администрации о полной солидарности с курсом Президента России в демократизации страны и готовности оказать Вам в этом тяжелейшем деле всемерную, всестороннюю поддержку. В этот суровый час, когда решается судьба России, мы еще раз хотим заверить Вас, что мы верны слову и готовы помочь в любой момент всеми средствами, которыми располагаем».

Петербургская ловушка

В Москве не знали, что делать с независимой Чечней, где процветала преступность, где убийства и грабежи стали обычным делом. На российские просторы хлынул поток беженцев. Единственный, кто как-то отреагировал на эти беззакония

ния, был генеральный прокурор. Он просто-напросто выписал ордер на арест Джохара Дудаева.

В Кремле состоялось совещание президентских советников. Каждый из них пытался сделать вид, что владеет ситуацией, но ничего конкретного предложить не мог. Тут со своего кресла неожиданно поднялась народный депутат Галина Старовойтова — советник Бориса Ельцина по проблемам национальных окраин:

— Что мы толчем воду в ступе? — возмутилась она. — Давайте вести прямые переговоры с избранным руководством Чечни! Нравится нам это или нет, но Дудаева избрал чеченский народ. Он — легитимная фигура, без него мы ничего не решим.

— Он — экстремист, и не пойдет на переговоры, — заметил кто-то.

— А вы пробовали? — спросила Старовойтова. — Вот сейчас с этого телефона я позвоню ему.

— Он — кавказец и не будет разговаривать с женщиной.

Старовойтова по специальной связи связалась с Грозным и представилась. К телефону подошел Дудаев.

— Я хочу выразить благодарность вам, Галина Васильевна, за то, что вы признаете право народов самим решать свою судьбу.

— Давайте начнем переговоры, Джохар Мусаевич. Сформируем делегации и встретимся где-нибудь.

— Но ваш прокурор объявил меня в розыск! — рассмеялся Дудаев. — Давайте встретимся на территории независимой Эстонии.

— Это слишком радикально, Джохар Мусаевич. Я приглашаю вас в Петербург. Я и мэр города Собчак гарантируем вам безопасность. Мы попытаемся отменить этот дурацкий ордер.

— Хорошо, — сказал Дудаев. — Мы посоветуемся и завтра дадим ответ.

Ни завтра, ни послезавтра Дудаев в Москву не позвонил. Должно быть, президент решил, что его заманивают на российскую территорию, готовят ему ловушку где-нибудь в Петербурге. Он даже отключил специальную связь с Кремлем, и Галина Старовойтова напрасно нажимала на рычажок телефона — Грозный молчал.

Покушение

Не дремала и вооруженная оппозиция: покушения на чеченского президента следовали одно за другим. То пулеметными очередями стреляли по окнам его кабинета. То запускали туда же управляемый ракетный снаряд. То подсыпали яд в чашечку крепкого кофе. Дудаев воспринимал эти неудачные посягательства как неизбежное зло.

27 мая 1994 года Джохар Дудаев выехал в селение Закан-Юрт. Уже пять лет он строил на живописном берегу реки Ассы собственный дом. Из Прибалтики ему доставляли серый кирпич, из Сибири — кедровые доски. Стройка шла ни шатко ни валко.

Обогнув стройку, президентский кортеж спустился в зеленую речную пойму и остановился у трех серебристых тополей. Обслуга расстелила брезент, развела костер, поджарила шашлык. Неожиданно на пир прибыл министр внутренних дел Магомед Эльчиев. Во время ужина он доложил президенту обстоятельства террористического акта, который только что произошел в Минеральных Водах. Там группа террористов захватила рейсовый автобус с тридцатью заложниками и потребовала десять миллионов долларов, вертолет и наркотики. Дудаев весело смеялся, слушая его донесение.

Стало темнеть. Президентский кортеж двинулся в обратный путь. Впереди следовала машина охраны. Второй шла черная «Волга» с министром внутренних дел. Третьим мчался «мерседес» президента. Вдруг в легковом автомобиле, стоявшем на обочине дороги, прогремел взрыв невероятной силы. Разорванная на куски «Волга» взлетела в воздух. Магомет Эльчиев мгновенно погиб. «Мерседес», несшийся на огромной скорости, подобно птице перемахнул через образовавшуюся воронку и остановился неподалеку. Из клубов черного дыма появилась фигура Дудаева. Президент печально осмотрел место, где произошла трагедия.

— Мы встали на опасный путь свободы, — сказал он. — А свобода — вещь дорогая, за нее надо платить — иногда жизнью...

Непуганый романтик

Однажды президент Джохар Дудаев дал интервью собственному корреспонденту Российского информационного агентства Шерипу Асуеву.

— Что будет, если Россия признает независимость Чечни? — спросил журналист.

— Тогда заключим договор, — ответил президент. — Зачем искать себе врагов, когда надо искать друзей? Мы же не собираемся перемещаться в космос или еще куда. В Грозном уже сегодня готовы приветствовать качественно новые взаимоотношения с Россией.

— Какие уступки невозможны для вас?

— Не уступим в праве на самостоятельность. Во всем остальном возможен компромисс.

— А если Россия не согласится на это условие?

— Мир велик. обойдется без России. Уже сейчас разрабатывается вопрос о создании Кавказской зоны, куда могут наравне с бывшими автономиями войти Ростовская область, Ставропольский край.

— А вы не боитесь, что Россия вновь попытается силой заставить Чечню следовать в своем кильватере?

— Мы готовы к любым испытаниям. Народ подготовлен. К тому же на нашей стороне будет весь Кавказ, и не только он. Чеченцы знают цену свободе. Помните лермонтовское: «И дики тех ущелий племена: им бог — свобода, их закон — война»? Так что отступать мы не собираемся.

Некоторые в Чечне называли Дудаева «непуганым романтиком».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Война Джохара

И дики тех ущелий племена:

Им бог — свобода, их закон — война...

Михаил Лермонтов

Мраморный чурт

25 июня 1994 года президент Джохар Дудаев распорядился воздвигнуть на Багорном хребте высокий мраморный чурт, то есть памятный обелиск — в ознаменование 150-летия победы воинов имама Шамиля над русской армией.

Это случилось летом 1845 года. Герой Отечественной войны граф Михаил Воронцов, назначенный командовать войсками на Кавказе, приказал взять приступом селение Дарго, где находилась резиденция имама Шамиля. Он полагал, что с падением этой горной крепости нескончаемая кавказская война закончится и наступит замирение горцев. Девятитысячное русское войско двинулось в Даргинский поход. Горцы придерживались той же тактики, какую применяли русские против Наполеона в 1812 году. Не вступая в боевое столкновение с противником, они устраивали на дорогах завалы из вековых деревьев и неожиданно нападали из засад. С большими потерями войска преодолели горный хребет и подошли к селению Дарго, которое накануне Шамиль приказал поджечь. Граф Воронцов, подобно Наполеону, с ужасом взирал на дымящиеся руины, понимая, что оказался в ловушке. С окрестных гор слышались воинственные возгласы и гремели оружейные выстрелы. Просидев несколько дней среди развалин, Воронцов приказал бросить военное имущество и двигаться на прорыв. Войска с трудом вышли из окружения, потеряв убитыми три тысячи солдат. Даргинский поход закончился страшным разгромом для одних и великой победой для других...

Джохар Дудаев решил установить мраморный чурт за десять дней. «Куда он так спешит? — недоумевали в правительстве. — До празднования юбилея еще целый год!» Но президент был неумолим. В назначенный срок он отправился к Багорному хребту с проверкой. Дул холодный, пронизывающий ветер. Шел мелкий, морозящий дождь. Рабочие прятались в палатках, дожидаясь хорошей погоды. На площадке, где должен был стоять обелиск, блестела лужа.

— Почему не выполнено мое поручение? — спросил Джохар.

— Всю неделю хлещет дождь, — пояснили рабочие.

Президент скинул черный кожаный плащ, отдал кому-то шляпу и, вооружившись лопатой, быстрыми шагами пошел к центру площадки. Сопровождавшие министры бросились отнимать орудие труда. Но Дудаев воткнул лопату в землю и сказал:

— Копайте вместе со мной!

Отогнув края палаток, рабочие с интересом наблюдали, как высокопоставленные чиновники, несмотря на дождь, ринулись выполнять указание президента. Вскоре яма была готова и залита бетоном. Над ней водрузили обелиск чеченской славы и достоинства. Президент встал перед мраморным чуртом и произнес торжественную речь:

— Многие не понимали, почему я так спешу, почему хочу поставить этот памятник нашей победе сегодня, а не позже — через год. Объясняю. Впереди нас ждет жесточайшая война с Россией. Мы этой войны не хотим, но российское правительство не желает вести с нами переговоры. Мы оттягиваем войну всеми силами, еще надеясь решить эту проблему мирным путем. Но надежды мало, и чеченскому народу предстоит достойно пройти через испытания огнем. Нас вдохновит на это память о наших мужественных предках, память о наших славных победах. Мы будем сражаться до последнего чеченца. И как это было уже не раз, мы победим в войне с Россией.

Война без правил

Джохар Дудаев предсказывал войну с Россией с самого начала, как только вступил на зыбкую тропу политической борьбы. Уже на первом съезде чеченского народа в ноябре 1990 года он обещал народным представителям создать в независимой Чечне такую армию, которая будет способна дать отпор России. Первые воо-

руженные отряды исподволь появились при возглавляемом им исполкоме Конгресса чеченского народа. А 19 августа 1991 года во время демократического митинга против московских путчистов можно было уже открыто призвать:

— Время разговоров и политических речей кончилось! Пришла пора действовать, если потребуются — даже вооруженным путем. Необходимо создать подпольные организации, вооруженные формирования, нужно поднять народ на отпор путчистам, совершившим государственный переворот, государственное преступление.

Вскоре путчисты канули в Лету, а вооруженные формирования остались. 8 ноября 1991 года Джохар Дудаев подписал указ о создании военного министерства. Первым министром обороны независимой Чеченской Республики стал Юсуп Сосламбеков. Чеченцы с радостью вступали в ряды армии, призванной защищать родную страну. К концу ноября национальная гвардия уже насчитывала 62 тысячи человек, а народное ополчение — 300 тысяч. Под руководством опытных специалистов в Чечне стала создаваться мощная оборонная система. Все вооружение, находящееся на чеченской территории, было объявлено принадлежащим Чеченской Республике. Начались нападения на армейские склады, и российскому министру обороны Павлу Грачеву деваться было некуда — пришлось приказать командующему Северо-Кавказским округом поровну разделить с чеченцами военное имущество. На самом деле никакого раздела не было. Все целиком досталось чеченским вооруженным формированиям: танки, бронетранспортеры, самолеты, орудия и минометы, зенитные установки, стрелковое оружие, боеприпасы.

Поздней осенью 1991 года, беседуя с Джохаром Дудаевым, военный корреспондент Николай Асташкин задал ему прямой вопрос:

— Вы готовитесь к войне?

— Смею вас заверить: любое вооруженное вмешательство России в дела Чечни будет означать новую кавказскую войну, причем войну жестокую, — честно предупредил Дудаев. — За последние триста лет нас научили выживать. И выживать не индивидуально, а в качестве единой нации. Да и другие кавказские народы не будут сидеть сложа руки.

— Вы хотите сказать, что в случае конфликта начнется война без правил?

— Да, это будет война без правил, — твердо сказал Дудаев. — И можете быть уверены: на своей территории мы воевать не собираемся. Мы перенесем войну туда, откуда она будет исходить.

Неизвестные солдаты

Войну без правил первой развязала Москва, сделав ставку на вооруженную оппозицию. Пять районов Чечни уже давно не подчинялись Дудаеву. Среди них главенствовал Надтеречный район, которым руководил избранный мэр Умар Автурханов — в недалеком прошлом майор советской милиции. Созданный по его инициативе Временный совет Чеченской Республики своей целью провозгласил отстранение диктатора от власти и создание правительства национального возрождения. Инициативу поддержали вчерашние соратники Дудаева — бывший мэр Грозного Беслан Гантамиров и бывший начальник личной охраны Руслан Лабазанов. К ним примкнул и оставшийся не у дел Руслан Хасбулатов, создав некую миротворческую группу своего имени.

Москва одобрительно отозвалась о начинании, пообещав финансовую и военную поддержку. Необходимую помощь поручили оказать российским спецслужбам. Оно и понятно: не было никаких законных оснований снабжать деньгами и оружием оппозиционеров, желавших свергнуть первого чеченского президента.

Мало того, с молчаливого благословения начальства вербовщики Умара Автурханова тайно вербовали российских военнослужащих для участия в боевых действиях в Чечне — за немалые деньги, разумеется.

Ранним утром 26 ноября 1994 года вооруженные формирования Временного совета, усиленные танками и бронетранспортерами, двинулись к Грозному. В штурме чеченской столицы приняли участие около тысячи человек, в том числе и завербованные военнослужащие. К удивлению штурмовавших, город был захвачен достаточно быстро: к вечеру в распоряжении оппозиции находились здания силовых структур, телевидения и радио, а также Президентский дворец. Умар Автурханов в телевизионном обращении к гражданам республики торжественно заявил, что власть в Чечне перешла в руки Временного совета. Однако праздновать победу было преждевременно. Неожиданно по танковым колоннам, двигавшимся без прикрытия пехоты, с верхних этажей ударили гранатометчики. Сначала были подбиты головные, потом — замыкающие танки. Зажатые в узких улицах, грозные машины оказались беспомощными и были легко расстреляны из гранатометов. Многие танкисты, не дожидаясь смертельного удара, покидали неповрежденные танки и скрывались в подворотнях. А там их уже поджидали дудаевские ополченцы.

Штурм Грозного закончился полным крахом. Вооруженные формирования в спешке покинули город. На улицах осталась догорать подбитая бронетехника. Подвал Президентского дворца оказался забит десятками пленных. На допросах они показали, что являются российскими военнослужащими. Но Москва тут же открестилась от них — ни один силовой министр не признал своего участия в авантюре, не подтвердил какие-либо потери среди подчиненных. Это была одна из самых позорных страниц российской военной истории. Пленные военнослужащие оказались в положении наемников, непонятно зачем очутившихся на чеченской земле с оружием в руках.

Конечно, Джохар Дудаев прекрасно знал, кто сидит в подвале Президентского дворца. Еще месяц назад он предупреждал Бориса Ельцина:

— Пожар новой кавказской войны может вспыхнуть в любую минуту, и прологом к ней может послужить кровавая бойня, которую развяжут в Чечне бандформирования, именуемые почему-то официальной Москвой оппозицией. Ни для кого не секрет, что эти бандформирования субсидируются из российской казны, снабжаются российским оружием и обучаются искусству ведения боевых действий российскими военспецами. Уверю вас, что из этого ничего хорошего не выйдет.

Не добившись от российских генералов честного ответа, Джохар Дудаев решил воспользоваться излюбленным чеченским приемом — брать на испуг.

— Если Москва не признает пленных своими военнослужащими, — пригрозил он, — то они будут расстреляны.

Угроза подействовала мгновенно: неизвестные солдаты сразу же превратились в прапорщиков и младших офицеров Кантемировской и Таманской дивизий.

Дудаев приказал их освободить.

Совет безопасности

Спустя три дня состоялось заседание Совета безопасности России под руководством президента Бориса Ельцина. На нем было принято историческое решение о развертывании полномасштабных боевых действий в Чеченской Республике.

Накануне министр обороны Павел Грачев разглагольствовал перед журналистами о блестящих перспективах чеченской кампании:

— Разгром воинства Дудаева серьезной проблемы для российской группировки не представляет. Правда, придется, видимо, отказаться от столь эффективных приемов, как массированная бомбежка с воздуха и артоналеты. Все это может привести к гибели мирных граждан, чего войска в случае боевой операции будут всемерно избегать.

— Раз воинство Дудаева не представляет такой опасности, — возразили Грачеву, — то почему вооруженная оппозиция, штурмовавшая Грозный, не смогла победить?

— Это была дикая безграмотность, — пояснил генерал. — Я бы никогда не допустил, чтобы танки вошли в город. Должен сказать, что если бы воевала армия, то одним парашютно-десантным полком можно было бы в течение двух часов решить все вопросы.

Однако на самом заседании Совета безопасности Павел Грачев не выглядел таким воинственным. Он угрюмо выслушал доклад о текущем моменте, который сделал министр по национальным вопросам Николай Егоров. По словам министра, в Чеченской Республике сложилась благоприятная обстановка для ввода войск. Мол, большинство чеченцев ждут не дождутся, когда российские солдаты придут к ним и освободят от ужасного диктатора. Мол, сопротивление окажут лишь отдельные отщепенцы — сторонники Дудаева. Особенно поразила Павла Грачева такая витиеватая фраза:

— Чеченцы будут посыпать нашим солдатам дорогу мукой.

Пришлось министру обороны выступить с решительным заявлением.

— По нашим данным, продуктов в Чечне не так много, и никто из чеченцев не собирается посыпать мукой дорогу нашим солдатам. Насколько нам известно, в республике полным ходом идет подготовка к войне. После неудачного штурма Грозного вооруженными формированиями оппозиции подавляющее большинство чеченцев сплотилось вокруг своего национального лидера. Джохар Дудаев заявляет о своей решимости сражаться до последнего чеченца. Нет никаких сомнений в том, что дорога перед нашими солдатами будет обильно полита свинцом.

Разразился скандал. Высокопоставленные чиновники накинулись на Павла Грачева, обвиняя героя афганской войны в трусости и пораженческих настроениях. Борис Ельцин выслушал спорщиков, а потом многозначительно произнес:

— Вот такая, понимаешь, чеченская загогулина. Очень я опасаясь, как бы это не стало вторым Афганистаном.

Тем не менее Совет безопасности решил начать «маленькую победоносную войну» и поручил министру обороны в трехдневный срок разработать график победы.

Информатор

Павел Грачев докладывал план боевого похода на Грозный. Стоя у карты Северного Кавказа, он уверенно обозначал указкой маршруты движения войсковых группировок:

— Войска двинутся с трех сторон. С восточного направления, от Дагестана, пойдет Кизлярская группировка. С западного направления, от Северной Осетии через Ингушетию, проследует Владикавказская группировка. С северного направления, от Ставропольского края, двинется Моздокская группировка. Войска подойдут к городу Грозному по пяти маршрутам и блокируют его. Затем в течение трех дней планируется осуществить захват чеченской столицы. Еще неделя уйдет на зачистку кварталов от боевиков и стабилизацию обстановки. К концу декабря намечается успешно завершить операцию и Новый год встретить в Президентском дворце — логове Дудаева.

Напротив карты сидел министр юстиции Юрий Хамзатович Калмыков и скрупулезно перерисовывал секретный план похода в блокнот. После совещания, которое завершилось единогласным утверждением плана, Калмыков позвонил своему заместителю по Международному черкесскому конгрессу и попросил организовать срочную встречу с Дудаевым...

Джохар Дудаев принял российского министра с распростертыми объятиями. После обмена любезностями поинтересовался, как тот добрался до Грозного и чем объяснить такую спешку.

— Джохар Мусаевич, прошу тебя не строить никаких иллюзий, — объяснил Юрий Хамзатович. — Вопрос уже решен — вот-вот грянет война.

— Ты в этом уверен?

— Абсолютно. Уже подготовлен план наступления российских войск и определены пять маршрутов движения.

Министр юстиции достал из кармана блокнот и развернул его перед Дудаевым. На исчерканном листе бумаги пять жирных стрел устремлялись к центру, обозначенному как город Грозный. Лицо Дудаева резко изменилось — исчезла холодная маска неприступности. Перед Калмыковым предстал человек, который вдруг осознал, что надвигается что-то непоправимое, что-то катастрофическое.

— Вопрос о войне решен, — повторил Калмыков. — Я не верю, что можно что-то остановить, но нужно попытаться.

— Я готов разговаривать с Ельциным, — глухо проговорил Дудаев и поблагодарил собеседника за оказанную услугу.

Этот поступок министра Юрия Калмыкова генералы назвали предательством, а либералы — подвигом.

Последний звонок

В кабинете Александра Коржакова раздался телефонный звонок. Главный охранник российского президента снял трубку и услышал характерный чеченский говорок:

— Это звонит полковник Аслан Масхадов.

— Здравствуйте, Аслан Алиевич.

— Звоню по поручению президента Дудаева.

В ходе телефонного разговора выяснилось, что Джохар Дудаев восемь раз звонил в администрацию Президента России, просил срочно связать его с Борисом Ельциным, но внятного ответа не получил. Коржаков внимательно выслушал Масхадова и пообещал доложить о разговоре своему патрону.

Обещание главный охранник выполнил.

— Борис Николаевич, вам докладывали о звонках Дудаева?

— Никто мне ничего не докладывал, — буркнул Ельцин.

— Дудаев готов к переговорам. Может, не будем начинать войну? Может, стоит еще поговорить? Кавказская война — такая поганая вещь. Мы всю жизнь с ними воевать будем. Они же сами предлагают диалог. Куда торопиться?

Ельцин насупил брови, помолчал.

— Нет! — рубанул кулаком по столу. — Грачев сказал, что все решит за два часа силами одного десантного полка. Пусть действует.

Бескрылые соколы

— Тех, кто в Кремле отдает совершенно безумные приказы и готов устроить на

нашей земле кровопролитие, смею заверить еще раз: мы нанесем страшный удар. Тридцати минут будет достаточно, чтобы была гора трупов. И горе матерей русских солдат окажется безмерным, — предупредил Москву президент Джохар Дудаев.

Угроза была реальной, и лучше всех это понимал генерал Дейнекин. Ведь это он, командующий Военно-воздушными силами России, разрешил оставить своему кавказскому протезе почти три сотни самолетов, способных нести под крыльями смертоносные бомбы. За годы независимости Дудаеву удалось создать собственную эскадрилью из легчиков-чеченцев. Был разработан оперативный план «Лассо», согласно которому в случае войны наносился авиационный удар по атомным электростанциям и химическим производствам на территории России.

1 декабря 1994 года генерал Дейнекин приказал уничтожить чеченскую боевую авиацию. Российские штурмовики выполнили это задание так виртуозно, что взлетно-посадочные полосы на аэродромах Калиновская и Ханкала полностью уцелели, а от самолетов остались только груды дымящегося металла. Ни один сокол Дудаева не успел взлететь. В тот же день президент Чечни направил телеграмму генералу Дейнекину:

«Поздравляю с завоеванием господства в воздухе тчк но встретимся мы на земле тчк Дудаев».

Забывтые овраги

На рассвете 11 декабря 1994 года российские войска начали движение к Грозному по пяти утвержденным маршрутам. Теперь эти маршруты были известны и боевикам. Дудаев позаботился о том, чтобы подробные записи министра юстиции Калмыкова стали известны каждому полковому командиру.

Путь колоннам боевой техники преграждали толпы местных жителей — стариков, женщин, детей. За этим живым щитом стояли бородатые мужчины, вооруженные кто палками, кто железными прутьями, а кто и автоматами Калашникова. Время от времени они ловко выскакивали из толпы, стальными заточками протыкали колеса армейских машин, специальными крючьями обрывали трубки бензопроводов и тормозов. Порой звучали выстрелы из автоматического оружия, а то из минометов и реактивных установок. Многие места на маршрутах следования колонн оказались заминированы. Среди солдат появились первые убитые и раненые. Вскоре стало ясно, что график ввода войск на территорию Чеченской Республики сорван — бойким походным маршем к Грозному не пройти. Как говорится, гладко было на бумаге, да забыли про овраги.

Джохар Дудаев созвал военный совет. Похвалил полевых командиров за успешное противодействие группировкам российских войск. Полевые командиры стали жаловаться на нехватку оружия и боеприпасов. Президент слушал их жалобы, задумчиво опустив голову. В это время телевидение показывало репортаж, как танковые колонны пересекают границу республики. Наконец Дудаев поднял усталые глаза и насмешливо спросил:

— А вы разве не получили оружие?

Полевые командиры с недоумением переглянулись:

— Ты получил?

— Нет.

— И я не получил!

Дудаев кивнул в сторону телевизора и сказал:

— Посмотрите, сколько этого добра вам привезли. Берите сколько хотите.

Последнее рукопожатие

20 декабря 1994 года министр обороны Грачев вертолетом вылетел в станицу Слепцовскую, чтобы в последний раз переговорить со своим боевым товарищем — генералом Дудаевым. Чеченцы встретили русских угрожающими возгласами. Генерал Грачев с охраной еле-еле протиснулся в дом, где должны были состояться переговоры. Вскоре прибыл Дудаев. Толпа ликовала: раздались выстрелы в воздух. Дудаевские гвардейцы тут же разоружили охрану Грачева. Первый чеченский президент подошел к российскому генералу — они обменялись рукопожатием. Затем расселись вокруг стола: с одной стороны — Грачев, с другой — Дудаев и полевые командиры с муллами.

— Я без обиняков объявил: господин президент, Совет безопасности принял решение применить силу, если вы не подчинитесь указаниям Москвы, — вспоминал Грачев. — Дудаев спросил, пойдём ли мы дальше или только блокируем республику? Я ответил: пойдём до конца, пока не наведём порядок. Он — за свое: независимость, отделение от России, будем драться до последнего чеченца. Бородачи после каждого такого заявления в знак одобрения стучали стволами автоматов по столешнице, а духовные лица одобрительно кивали головами. Потом мы с Дудаевым ушли в отдельную комнату. Там на столе — фрукты, шампанское. Я говорю: «Джохар, выпьем». — «Нет, я мусульманин». А в Кабуле пил... Ладно. Спрашиваю: «Ты понимаешь, что делаешь? Я же сотру тебя с лица земли». Он отвечает: «Понимаю, но уже поздно. Видел толпу? Если я дам уступку, меня и тебя расстреляют и поставят во главе другого». Спрашиваю: «Ну что, Джохар, не договорились?» — «Нет, Паша, не договорились». — «Ну что, Джохар, будем воевать?» — «Да, Паша, будем воевать». Мы пожали друг другу руки.

Масхадов

Руководить обороной Грозного Джохар Дудаев поручил полковнику Аслану Масхадову. Это был опытный командир, великолепно знавший ратное дело. Его последняя должность в Советской армии — начальник ракетных войск и артиллерии мотострелковой дивизии, дислоцированной в Литве. Во время перестройки участвовал в политических дискуссиях, где прославился одной крылатой фразой. Какой-то прогрессивный литовский журналист, решив унижить «твердолобого» офицера, спросил:

— Господин полковник, верите ли вы хоть в Бога, хоть в Аллаха?

— Я верю в артиллерию! — спокойно ответил Масхадов.

Выбор Дудаева оказался на редкость удачным. Масхадов сумел построить вокруг Президентского дворца три кольца обороны. Первый рубеж проходил по окраинам Грозного. Второй рубеж прикрывал центральную часть города. А третий рубеж защищал сам дворец, где находился президент мятежной республики и его штаб. Эти рубежи защищали десять тысяч вооружённых боевиков, которые располагали 25 танками, 30 бронетранспортерами, 80 артиллерийскими орудиями и минометами. Несомненной находкой Масхадова явился территориально-ополченческий принцип организации обороны, который сочетался с дерзкими вылазками обученных диверсионных групп. Вчерашнему советскому полковнику противостояли российские генералы, которые действовали по старым академическим учебникам.

В отличие от московских военных чинуш, Джохар Дудаев сумел по достоинству оценить инициативность, смекалку и находчивость своего подчиненного, но с горькой усмешкой заметил:

— Аслан, ты — отличный начальник штаба, но в Советской армии ты генералом не стал бы никогда.

Новогодний штурм

Утром 31 декабря 1994 года в чеченскую столицу вошли бронетанковые колонны. Командующий новогодним штурмом генерал Павел Грачев допустил такую же «дикую безграмотность», что и его предшественники: танки двигались по улицам Грозного без пехотного прикрытия, без налаженной радиосвязи, без уточненных городских карт. Командиры руководствовались советскими туристическими планами города и путались на перекрестках, поскольку многие проспекты и площади оказались переименованными. Танкистам было запрещено ломать лавочки и киоски, наносить какой-либо урон скамейкам и деревьям. Солдатам разрешалось открывать стрельбу только в случае крайней необходимости. При встрече с вооруженными горожанами предписывалось вежливо попросить у них документы и после проверки изъять оружие.

Поначалу российские войска не встретили какого-либо сопротивления. Они мало-помалу вовлекались в глубь городских кварталов, будто замороженные звуком волшебной свирели. Перед ними стояла одна цель — захватить Президентский дворец и отпраздновать Новый год в логове Дудаева. Однако эта цель оказалась призрачной. Неожиданно отовсюду — со всех высоток, со всех укреплений — ударил сильный смертоносный огонь. Войска оказались в огненной ловушке. Могучие бронемшины вспыхивали, как свечки. Выброшенные из окон гранаты, спускаясь на парашютиках, разрывались в воздухе над головами солдат, не оставляя возможности укрыться. Таким ужасным новогодним фейерверком встретил российские войска Грозный.

Когда стихли первые выстрелы, когда отпылали первые машины, к разгромленным бронетанковым колоннам поспешили боевики. Они захватывали в плен молодых солдат, а тех, кто оказывал сопротивление, убивали или сжигали живьем. Оглушенные взрывами бойцы не успевали вежливо спросить у этих горожан документы, а тем более изъять оружие. Некоторых пленников боевики раздевали догола, подвешивали за ноги, вспарывали им животы, выкалывали глаза и отрезали уши. Местным русским жителям под угрозой расстрела запрещалось снимать изуродованные тела с виселиц.

Такая жестокость казалась дикой и невероятной. На самом деле она была известным способом устрашения врага, в древности характерным для многих народов. С подобным запугиванием впервые столкнулись русские солдаты во время Даргинского похода 1845 года. Тогда на Багорном хребте им преграждали путь мощные завалы из вековых деревьев. На завалах лежали тела ранее плененных сослуживцев со вспоротыми животами и кишками, намотанными на сучья. А вокруг на высоких чинарах висели обезображенные трупы солдат, и каждый из них будто подтверждал зловещие слова: «Так будет с каждым русским в Чечне!»

Едва ли генерал Грачев помнил о бесславном Даргинском походе графа Воронцова. В ту новогоднюю ночь он беспросветно пил, закрывшись в командном вагончике под Моздоком. В полном одиночестве встречая свой очередной день рождения, генерал угрюмо выслушивал радиосводки о страшной гибели Майкопской бригады и Самарского полка в пылающем Грозном. «Ратоборцы хреновы! — матерился он. — Преподнесли подарочек». А в телевизоре перед ним веселился президент Борис Ельцин, поднимая бокал с шампанским и поздравляя дорогих россиян с Новым, 1995 годом.

Видел эту праздничную телевизионную программу и первый чеченский президент. Днем он отправил Борису Ельцину срочную телеграмму с предложением немедленно остановить боевые действия и начать отвод войск, чтобы все дорогие россияне могли встретить праздник с надеждой мира и безопасности. Ответа не последовало: видимо, жители Чеченской Республики в число этих россиян уже не входили.

Новый год Джохар Дудаев встречал вместе с семьей в селе Орехово, что неподалеку от Грозного. На столе стояли блюда с красными яблоками и сладким печеньем, возвышался фарфоровый чайник с крепким чаем. Президент рассказывал о мужестве ополченцев, защищавших родную столицу.

— Всевышний нам помогает! — говорил Джохар. — Происходят настоящие чудеса: снаряды падают, не взрываясь, танки полыхают от серных спичек, российские солдаты со страху палят друг в друга. Восстал весь чеченский народ, воюют даже женщины и дети!

Часы пробили двенадцать. Алла Дудаева зажгла бенгальские огни. Под легкое искристое шипение прозвучал новогодний тост:

— Да здравствует победа и свобода!

Вилла Дудаева

Отряд специального назначения МВД получил приказ найти виллу Дудаева.

— Проверьте на вилле каждый закуток, — сказали разведчикам в краповых беретах. — Там должно быть много интересного.

Разведчики направились в пригород Грозного — рабочий поселок Катаяма, ожидая увидеть роскошный дворец. На самом деле никакого дворца не было — был скромный домик с деревянным туалетом во дворе. Середину двора украшал небольшой бассейн, обметанный по краям пожухлой травой. У железных ворот располагался пустой гараж.

Разведчики обыскали дом, но никого не обнаружили. Перевернули вверх дном спальню. Сняли со стен яркие живописные полотна, два самурайских меча и несколько охотничьих ружей, отделанных серебром и драгоценными камнями. Вытащили из шкафа генеральский мундир, кожаный плащ, пару кашемировых костюмов. Из-под кровати достали три ручных пулемета «красавчик», несколько коробок с патронами.

Наконец командир разведчиков разыскал главное — большой тяжелый кейс. «Вот я и миллионер», — мелькнуло в голове. Выгнал из спальни подчиненных и принялся ковырять ножом блестящие шифровальные замки на кейсе. В дверной проем просунулась хитрая рожа контрактника.

— А ну пшел отсюда!

Рожа исчезла. Раскуроченные замки в конце концов поддались. Перед тем как распахнуть кейс, разведчик на секунду застыл: «Не заминирован?» И дернул створки в разные стороны. Кейс был доверху набит различными бумажками: театральными приглашениями, открытками и письмами от глав прибалтийских и арабских государств, военными картами и схемами. Особый интерес представляла служебная карта, на которой было отмечено все: бункер чеченского президента и бункеры полевых командиров, планы укрепрайонов, хранилища боеприпасов, основные административные здания, минные поля. Не было в кейсе только заветных долларов.

— Эх, не бывать мне миллионером никогда! — разведчик отбросил кейс. Уходя из спальни, он прихватил драгоценные охотничьи ружья и в ярости пнул картины,

разбросанные на полу. Тяжелая грязная отметина легла на живописный портрет первого чеченского президента, нарисованный его супругой — художницей Аллой Дудаевой.

Гасски

Дом, где жил гасски, находился в самом центре Грозного — напротив Президентского дворца. В мирное время одно окно во дворце светилось допоздна — там работал президент Джохар Дудаев. И гасски спокойно засыпал с мыслью, что президент заботится о нем круглосуточно. Теперь, с началом штурма дворца, все окна зияли черной пустотой.

Русских в Чечне называют гасски, то есть чужие, отверженные. Михаил Аркадьевич не был ни русским, ни чеченцем, но все же считал себя гасски. На самом деле он был антикваром. И по совместительству — директором танцевального коллектива великого чеченского хореографа Махмуда Эсамбаева. Свою зарплату тратил на приобретение редких вещей. Коллекционировал все подряд: старинные иконы и книги, фарфоровые статуэтки и серебряные ложки. Конечно, попадали в его коллекцию и настоящие раритеты. Особенно гордился он первой матерной медалью Российской империи, на которой были отчеканены слова графа Суворова: «Екатерина Великая любит работу легкую, пищу нежную, постель мягкую и хрен чугунный на передках подвози».

В новогоднюю ночь, когда российские войска обступили дворец, Михаил Аркадьевич погрузил коллекцию на детские санки и под обстрелом повез к другу — чеченцу, который жил в частном доме на окраине. Он подумал, что таким образом сможет спасти свое сокровище. Однако вскоре к чеченцу нагрянули солдаты, обыскали дом в поисках оружия и попутно изъяли собрание редкостей: мол, не должны православные иконы храниться у мусульманина.

Опечаленный друг рассказал Михаилу Аркадьевичу, что солдаты погрузили его коллекцию на бронетранспортер и куда-то увезли. Он отправился в штаб российских войск, чтобы потребовать свое сокровище обратно. И перед входом подорвался на растяжке — оказалось, солдаты на ночь заминировали вход, чтобы никакой гасски невзначай не смог к ним проникнуть. Чужой — он и есть чужой.

Президентский дворец

Двадцать дней Президентский дворец стоял как неприступная крепость. Со всех сторон его обстреливали снарядами артиллерийские орудия, обжигали ракетным огнем штурмовики, осыпали свинцовыми пулями крупнокалиберные пулеметы. На верхних этажах то и дело вспыхивали пожары, уничтожая служебную мебель и документы. Но каждый раз, когда российские солдаты бесстрашно шли на приступ, дворец огрызался бешеным огнем и никого не подпускал к себе. Казалось, его неприступные стены будут вечно возвышаться над городом, как священные вершины Кавказа.

А в подвале дворца был налажен фронтовой быт. Здесь после боя отдыхали группы боевиков — отогревались и спали. Здесь медсестры перевязывали раненых. Здесь пожилые чеченки готовили еду — мясной плов и крепкий чай. Вдоль бетонных стен были сложены штабелями буханки хлеба и консервы, висели бараньи туши. Недостатка ни в продуктах, ни в оружии, ни в боеприпасах не было — Масхадов хорошо подготовился к обороне.

Особенным радением здесь пользовались российские журналисты, правоза-

шитники и либеральные депутаты Государственной Думы. Каждый из них был пристроен к какому-либо делу. В одной из комнат журналисты беседовали с вице-президентом Зелимханом Яндарбиевым:

— Поймите, чеченское общество — это общество тейповое, родовое, в котором важны клановые и прочие интересы, — терпеливо объяснял он ситуацию. — Один клан за образование отвечает, другой — за милицию, третий — еще за что-то. В такой ситуации Дудаев — никто, все решают эти кланы между собой и внутри себя. Поэтому нам нужна война с Россией, чтобы в пламени этой войны переплавить, разрушить родо-племенные отношения. После войны мы заключим мир, но к тому времени мы уже будем демократическим государством, где будет нужен и президент, и разделение властей. А сейчас президент не нужен, потому он отсутствует и здесь, в Президентском дворце.

В другой комнате собрались правозащитники во главе с депутатом Государственной Думы Сергеем Ковалевым, срочно прибывшим в Грозный защитить чеченскую свободу и остановить кровопролитие. Правозащитники предложили дудаевцам услуги агитаторов. Комнату тут же оборудовали военными радиостанциями, и Сергей Ковалев вышел в эфир на армейской волне:

— Солдаты, сдавайтесь! — бодрым голосом обратился он. — Это говорю я, правозащитник Сергей Ковалев. Выходите из своих укрытий, и вас на машинах отвезут обратно. Солдаты, сдавайтесь!

Он говорил как завзятый пропагандист, прошедший профессиональную подготовку. В ответ услышал площадную брань: мол, доберемся и до вас, дудаевские твари! Обстановка действительно становилась все тревожней и тревожней. Наверху шла страшная стрельба. В подвале с потолка осыпалась штукатурка. Казалось, с минуты на минуту бой начнется и здесь, в подвале. В этом случае правозащитники решили выставить в качестве живого щита попа-расстригу Глеба Якунина. Картина представлялась такой: впереди в черной рясе с золотым крестом на груди шел бы попрастрига, за ним с криками «Не стреляйте, свои!» семенили бы гуськом остальные парламентарии, а замыкал бы процессию депутат. Эту идиллическую картину высмелял Сергей Ковалев:

— Солдаты не просто войдут — они войдут с огнеметами, забросают гранатами. Кто будет разбираться, депутаты мы или боевики? Увы, такова наша участь!

Вскоре правозащитники покинули Президентский дворец. Свою главную задачу — сагитировать российских военнослужащих сдать в плен — они не выполнили, как ни старались. Напоследок их попросили передать Борису Ельцину послание Джохара Дудаева, в котором говорилось о бессмысленной гибели тысяч солдат и предлагалось немедленно остановить боевые действия, вывести войска и начать переговоры. Но надежды на утвердительный ответ не было никакой.

Письмо товарищу

Начальник обороны Президентского дворца Аслан Масхадов тоже решил послать письмо. Только оно адресовалось не президенту России, а боевому товарищу, с которым когда-то служил в Советской армии.

«Здравствуй, Василий Иванович! — писал он сослуживцу. — Бесконечно благодарен, что вспомнил обо мне. Пойми, в это страшное время для меня очень важно знать мнение моих однополтан. Не знаю, кто виноват в этой трагедии, но скажу со всей ответственностью, что нет здесь моей вины. Когда вошла в мою маленькую республику огромная армия России, сметая все на своем пути, я знал, что трудно будет устоять против этой громады с куклой храбрецов, но поступить по-другому я

не мог. С первого дня штурма Грозного я выходил на связь с генералами, предлагал им взять на себя ответственность — остановить эту бойню. Они на это не пошли. Они предложили мне поднять белый флаг над Президентским дворцом. И тогда я послал их к черту. Я сражаюсь с Россией, но никогда не теряю достоинства».

Закончив писать, Масхадов свернул листок вчетверо. В это мгновение страшный удар потряс дворец: огромная авиационная бомба пронзила многоэтажное здание и, зацепившись за потолок подвала, повисла в нескольких метрах от Масхадова. Полковник спокойно стряхнул пыль с письма и положил его в нагрудный карман.

Белый флаг над Президентским дворцом никогда не был поднят. Аслан Масхадов оборонял его до конца и покинул последним — с оружием в руках. Это произошло 19 января 1995 года.

Претендент

На время штурма Президентского дворца Джохар Дудаев покинул Грозный и обосновался в городе Гудермесе — неподалеку от чеченской столицы. Военным комендантом Гудермеса был полевой командир Руслан Ямадаев. Защищать город ему помогали пятеро братьев, а также заместитель чеченского муфтия Ахмат Кадыров. Для семьи Ямадаевых он был как отец родной.

Когда Руслан узнал, что в двух кварталах от комендатуры поселился первый чеченский президент, он поспешил его навестить по праву хозяина и предложить свои услуги. На поверку тот оказался скромным, неприхотливым человеком — все необходимое у него уже было. Тогда Руслан задал президенту вопрос, который не давал ему покоя с самого начала войны.

— Джохар, как же так получилось, что мы теперь воюем с Россией? Ты же советский офицер, ты же знаешь Советскую армию. Ведь на одной земле мы воюем, с обеих сторон гибнут наши ребята. Все равно завтра нам придется жить вместе с Россией.

Дудаев пожал плечами.

— Раз не знаешь ответа, то надо тебе, Джохар, уходить с поста президента, — смело заявил комендант. — Давай уходи в отставку, а полномочия кому-нибудь передай. У меня уже и претендент на примете есть.

— Кто такой?

— Малик! — пояснил Ямадаев. — Большими делами ворочает в Москве. Большого ума человек — экономист по образованию.

— Ты ошибаешься, Руслан, — тихо ответил Дудаев. — Он — негосударственный человек, он по духу — коммерсант и мыслит очень узко.

— Но давай попробуем — пригласим его сюда, в Гудермес. Соберем журналистов, ты публично передашь ему президентские полномочия. У Малика большие связи в российской столице. Он договорится с Ельциным и закончит войну.

— Хорошо, — кивнул Дудаев, — посылай гонца в Москву.

Спустя неделю комендант вновь пожаловал к Джохару. Он вошел в комнату с низко опущенной головой, пряча глаза от пристального взгляда президента.

— Ну что? — усмехнулся Дудаев.

— Вернулся гонец из Москвы.

— Что ответил Малик?

— Малик сказал, что он — не такой дурак, чтобы сейчас во все это вписываться, когда русские взяли Грозный и Президентский дворец уже пал.

Кавказские пленники

Подвал Президентского дворца был переполнен пленными солдатами. Многие из них были ранены и попали сюда в силу своей беспомощности. Только предателей и перебежчиков здесь не было. На призыв правозащитника Сергея Ковалева сдаваться в плен не откликнулся никто.

Перед падением Грозного пленников вывели из Президентского дворца и распределили по чеченским селениям. Почти в каждом из них были устроены подземные тюрьмы — зинданы. В этих целях чаще всего использовались подвалы школ или других административных зданий. Сюда помещали не только военнослужащих, захваченных в ходе боевых действий. Здесь содержались и заложники, взятые для получения выкупа или продажи в рабство. Это были строители, энергетики, нефтяники и даже священники. Практически все узники подвергались зверским пыткам и избиениям. Тех, кто пытался бежать, жестоко казнили: отрезали головы двуручными пилами или отрубали топорами, насаживали их на колья и выставляли для устрашения на всеобщее обозрение.

Условия содержания в подземных тюрьмах были бесчеловечными. Заключенных кормили впроголодь — миска жидкого клейстера или столовая ложка гороха в день. При этом многие из них использовались на тяжелых работах: строили блиндажи, возводили укрепления. В лагерях свирепствовали смертельные болезни, но каких-либо лекарств не предоставлялось. Для борьбы со вшами изредка устраивались так называемые бани Карбышева, когда голых людей на морозе обливали холодной водой из шлангов. Узники умирали от голода, холода, болезней, избиений. Для изможденных людей смерть казалась единственным спасением. Кто-то не выдерживал пыток и опускался — превращался в животное. Но большинство пленников с достоинством переносили выпавшие на их долю страдания.

Среди узников оказывались и чеченцы — непримиримые оппозиционеры, объявленные врагами чеченского народа. Охранники были к ним особенно жестоки, ведь сам Джохар Дудаев говорил: «В республике нет оппозиции, а есть лишь изменники, которые действуют в интересах Москвы».

Журналист и поэт Салигов руководил информационным комитетом Временного совета Чеченской Республики. Он был арестован дудаевцами за измену Родине и помещен в зиндан, расположенный в школе Старого Ачхоя. После того как школа была разрушена артиллерийским огнем, его вместе с другими заключенными перевели в концентрационный лагерь, устроенный в далеком горном ущелье. Командантом лагеря был Ахмет Дудаев — племянник президента. Подвергаемый ежедневным избиениям, журналист не выдержал пыток и решил обратиться лично к Джохару Дудаеву с просьбой о милости. Он написал проникновенные стихи о свободе, которые посвятил первому чеченскому президенту. А его супруге — художнице Алле Дудаевой — он сочинил поэму о любви, надеясь растрогать ее горькой участью пленника, томящегося в неволе. Сжалившись, Ахмет Дудаев передал рукопись всемогущему дяде. Тот бегло прочел печальные строчки, омытые слезами, и предложил супруге оценить творчество отступника.

— Что ж, стихи хороши, — усмехнулась Алла Дудаева. — Но мир не удивишь этим фактом. Продажная муза не раз бывала в услужении у сильных мира сего.

Другой оппозиционер — академик Саламбек Хаджиев, бывший председателем правительства Временного совета Чеченской Республики, — чудом не оказался в застенках. Он не раз обвинял дудаевский режим в преступлениях против человечности:

— Куда Дудаев привел нас? Он привел нас к лагерям, к элементарному фашизму.

Я ему пытался толковать: «Ну, прекрати. Ты же военным когда-то был, ты что делаешь? Нельзя сидеть под крышей у крупнейшей державы, питаться и пинать ее ногами. Ей будет надо — она тебя прихлопнет. Ты же военный, ты же генерал. Нельзя это делать, наоборот, надо вместе с русскими строить нормальное цивилизованное общество. Не будет цивилизованной России — ничего Чечня не получит, набьют морду и опять поставят в угол. А если нужно, вышвырнут в Казахстан или в Сибирь».. Эти вещи не понимать он, конечно, не мог. Это все ради собственного величия, как Гитлер: «Deutschland, Deutschland uber alles!» Это фашист чистейшей воды, он фашист по натуре, по природе, по повадкам, плюс еще с уголовным оттенком!

Засланный казачок

Вооруженное сопротивление в Грозном было подавлено — слишком неравными были силы. Ополченцы, защищавшие город, разошлись по своим вотчинам. Отряды боевиков, еще способные к ведению боевых действий, укрылись в отдаленных селах.

Однажды по призыву Джохара Дудаева в селении Шали собрались руководители независимой Чечни. Немногие смогли приехать на встречу. Но, конечно, явились и вице-президент Зелимхан Яндарбиев, и начальник штаба вооруженных сил Аслан Масхадов, и муфтий Мухаммед Алсабеков. Каждый думал, что это — их последнее свидание, и мысленно прощался с товарищами. Дудаев уловил общее тягостное настроение и все обратил в шутку:

— Когда мы будем скрываться от преследования, я сбрею усы, а Зелимхан — бороду.

Яндарбиев схватился за свою роскошную бороду, которую отрастил во исполнение сунны Пророка о вселении страха в неверных. Слава Аллаху, борода была на месте. Аслан Масхадов никаких волос на своей физиономии не отращивал, считая себя человеком военным, приученным к порядку и чистоте. Но внимание Дудаева привлекли не его свежевыбритые щеки, а оттопыренные за ними уши:

— Что будем делать с твоими ушами, Аслан?

Шутка разрядила обстановку. Полевые командиры приступили к обсуждению своего тяжелого положения. Первым выступил Джохар Дудаев. Он сказал, что без объявления войны Россия напала на независимую республику, нарушив все международные законы. Российской армии удалось захватить столицу — город Грозный. Но ей не удалось покорить сердца чеченцев, которые восстали против завоевателей. Память о славных деяниях шейха Мансура, имама Шамиля и наиба Байсангура окрыляла всех ополченцев. Подняв зеленое знамя ислама, они храбро сражались на баррикадах и покинули город непобежденными. Теперь перед чеченским народом стоит другая, более важная задача.

Последнюю фразу президент договорить не успел. Неожиданно дверь распахнулась, и в комнату вошел депутат Государственной Думы Виктор Курочкин. Оказывается, минувшую ночь он провел в соседнем закутке, ожидая встречи с чеченским президентом.

— Джохар Мусаевич, я приехал в поисках мира, чтобы остановить войну, — пробормотал он.

— Мир надо искать в Москве, а не здесь! — отрезал Дудаев. — Чего вы сюда едете? Приезжаете, мы тут говорим, а потом все, о чем мы говорим, становится известно российским спецслужбам.

Чувствовалось, что внезапное появление незваного гостя разгневало президента. Его речь становилась все более яростной, все более сбивчивой.

— Вы, русские — варвары и вандалы, а ваш президент — подлец. Вы бомбите наши города и села, вы убиваете наших женщин и детей. Вы превратили Грозный в грязную помойку. Теперь у нас нет прекрасной столицы, которая была. И разрушили ее вы. Поэтому мы устроим столицу в другом месте. Мы пойдем войной на Ставропольский край и захватим Краснодар. Мы сделаем столицу там. А таких, как вы, надо расстреливать!

«Попал как кур в ошип!» — подумал Курочкин, заметив, что рука личного охранника потянулась к кобуре. Видать, здесь его посчитали то ли тайным осведомителем, то ли засланным казачком.

— Курочкина мы знаем давно, — успокоил президента Мухаммед Алсабеков. — Познакомились с ним еще в подвале вашего дворца. Он там три дня штурма сидел.

— Он три дня, а я месяц там провел! — взъярился Дудаев. — Но хватит, сколько можно терпеть? Мы начнем против России священную войну.

Джихад

Для объявления священной войны Джохар Дудаев выбрал горный аул Ведено — древнюю столицу Ичкерии. Когда-то здесь находился последний оплот мятежного имама Шамиля. Об этом напоминали руины старинной крепости и длинная крепостная стена, сложенная из камней, скрепленных яичным белком, глиной и конским волосом. Седые камни, свидетели давних сражений, вдохновляли на непримиримую борьбу с врагом.

По шариатским законам объявлять джихад может только высшее духовное лицо. Однако муфтий республики неожиданно отказался это делать. Более того, из Грозного он переехал в станицу Знаменскую, где собиралась антидудаевская оппозиция, и отрекся от своих воинственных призывов мстить России. Джохар Дудаев был потрясен: Мухаммед Алсабеков был его верным помощником с 1991 года, возглавлял Министерство по делам религий и всегда поддерживал президента. «Уж не казачок ли он? — засомневался Джохар. — Вон как выгораживал этого Курочкина!» Поручил главному разведчику выяснить, в чем дело. После проверки тот сообщил, что уважаемый священнослужитель был завербован советскими спецслужбами под агентурным псевдонимом «Шамиль» еще в 1985 году, и затем сделал головокружительную карьеру: стал самым молодым имамом центральной мечети в Алматы и ректором Исламского университета в Казахстане. Эта информация была доложена полевым командирам на военном совете в Ведено.

— Свято место пусто не бывает, — заметил Шамиль Басаев. — Среди нас есть человек, который объявит священную войну России. Лучшего муфтия для Чечни пожелать нельзя.

— Кто же это?

— Его зовут Ахмат Кадыров.

Ахмат Кадыров действительно подходил к этой должности по всем статьям. Он был выпускником Бухарского медресе и Исламского института в Ташкенте, учился на шариатском факультете Иорданского университета. Исповедовал учение Кунта Хаджи и принадлежал, как и Джохар Дудаев, к суфийскому братству кадирийского тариката. Был создателем и руководителем Исламского института в селе Курчалой. Но главное — он был доблестным полевым командиром, отважно сражавшимся с российскими войсками.

— Что скажешь, Ахмат? — обратился президент к Кадырову.

— Каждый чеченец должен исполнить свой долг правоверного мусульманина. Идти по пути Аллаха — это значит взять в руки оружие и участвовать в джихаде

меча. Это значит, что каждый чеченец должен сражаться за свободу своей страны и убивать русских — убивать столько, сколько сможет. Без всяких ограничений. Именем Аллаха я объявляю священную войну против нашего общего врага — России. Аллаху акбар!

Так Ахмат Кадыров стал муфтием независимой Чечни.

Личный враг

У Джохара Дудаева было много врагов, но только один из них оказался личным. Как ни странно, это был не Ельцин, развязавший кровавую чеченскую бойню. В дудаевском списке военных преступников российский президент значился под последним номером. А вот возглавлял список генерал-лейтенант Анатолий Романов, который и был объявлен личным врагом. Это случилось сразу после трагедии в селе Самашки.

В этом селе, что раскинулось между Сунженскими холмами и Самашкинским лесом, после падения Грозного укрылся большой отряд боевиков. Российские войска окружили опасное место, устроили блокпосты на дорогах, установили огневые точки на склонах холмов. Боевики то и дело совершали нападения: поджигали бронетехнику, расстреливали из автоматов колонны, убивали солдат. В ответ время от времени производился обстрел окрестностей села, по лесным чащобам наносились мощные ракетные удары.

6 апреля 1995 года к тринадцатой заставе, где находился командующий, прибыла представительная делегация из Самашек. Старейшин встретил молодой генерал Анатолий Романов. Его благородное лицо обрамляли большие темные очки, что придавало офицеру интеллигентный, почти профессорский вид. Об этом генерале ходили слухи, что он по вечерам читает труды русского дипломата Чичерина и считается хорошим собеседником, готовым терпеливо общаться с чеченцами.

— Антонов, — представился генерал. — Анатолий Александрович.

Старейшины почтительно пожали руку генералу Романову, не подозревая, что тот назвался своим псевдонимом. Таковы были требования службы безопасности: генералы, воюющие в Чечне, носили другие фамилии во избежание каких-либо враждебных акций. На самом деле это была призрачная защита.

— Я пригласил вас, чтобы сделать официальное заявление, — голос генерала звенел утренней бодростью. — По данным нашей военной разведки, в настоящее время в селе находятся двести шестьдесят четыре боевика, вооруженные автоматами и двумя пулеметами. При аэрофотосъемке села была также зафиксирована одна боевая машина пехоты. Поэтому я, как командующий, предлагаю вам до семи часов утра завтрашнего дня добровольно сдать двести шестьдесят четыре автомата, два пулемета и боевую машину, а также беспрепятственно пропустить в село части внутренних войск. В случае невыполнения этих требований мы все равно войдем в Самашки и осуществим полную проверку села.

— Помилуйте, Анатолий Александрович, откуда у нас столько оружия? — возмутился старейшина Юзбек Шовлахов. — Нет у нас столько оружия. Нет у нас столько боевиков. У нас есть только беженцы из Грозного. У нас есть небольшой отряд самообороны, который защищает нас от бандитов.

— Если в селе одни беженцы, то вам нечего бояться, — успокоил генерал. — Пусть отряд самообороны к завтрашнему числу сдаст оружие. Затем мы войдем в село и проверим документы у всех его жителей. Вот и вся проблема.

Попрошавшись со старейшинами, генерал Романов вежливо проводил их до границы заставы. Возвратившись, он встретил недоуменный взгляд помощника:

— Анатолий Александрович, неужели вы им поверили?

— Воюя с бандитами, мы должны гуманно относиться к мирному населению, — наставительно сказал генерал. — Если мы бездумно разрушаем дом, который чеченский крестьянин всю жизнь собирал по кирпичику, человек озлобляется и автоматически переходит к Дудаеву. Если же нам удастся решить вопросы мирным путем, то это для Дудаева страшнее выстрела.

На следующее утро к назначенному месту подъехала легковая машина. Из машины выгрузили одиннадцать автоматов. Это было оружие, которое сдали ополченцы из отряда самообороны Самашек. Вскоре поблизости приземлился вертолет, на котором прилетел командующий. Увидев жалкую кучку оружия, Анатолий Романов посочувствовал старейшинам:

— Очень жаль, что мы не смогли договориться. Теперь не в моих силах остановить войска. Очень жаль.

Вернувшись в Самашки, старейшины собрали жителей у мечети и попросили их поскорее покинуть село, чтобы не погибнуть во время штурма. Однако боевики, которые тоже пришли на собрание, возражали против отъезда (мирные жители были им нужны в качестве живого щита) и пригрозили применить оружие, если кто-то вздумает оставить дома. И действительно, при выходе из села колонна самашкинцев была обстреляна — половина жителей вернулась обратно.

В середине дня сводный отряд внутренних войск приступил к операции. Триста бойцов, разбитых на десять штурмовых групп, вошли в село. На одной из улиц отряд напоролся на засаду.

— Мы попали в крошечный ад, — рассказывал участник штурма. — Нас обстреливали с трех сторон. Подбили наш танк, в котором сгорел экипаж. Подбили два бронетранспортера. Нашу группу разбило надвое, и обе части оказались в окружении. Нас обстреливали до темноты. В ходе боя мы уничтожили один дом, откуда велся огонь.

Разгромив штурмовые группы, отряд боевиков незаметно скрылся из села под покровом темноты. На поле боя осталось лежать полтора десятка убитых и около пятидесяти раненых солдат.

С рассветом операция возобновилась. Только теперь российская группировка двинулась на Самашки всей своей мощью. Под прикрытием бронетехники солдаты занимали кварталы, врываются в дома и подвалы, разыскивая боевиков. На улицы выводили всех юношей и мужчин, осматривали тела в поисках следов от оружия, а потом отправляли в фильтрационные пункты — для дальнейшей проверки.

— Утром выхожу, идет колонна по нашей улице, — вспоминал Юзбек Шовлахов. — Бронетранспортеры стреляют из крупнокалиберных пулеметов по домам. Подходят солдаты: «Где боевики?» Я говорю: «Боевиков нет». «Выходите все из подвала!» Там человек восемь в подвале собралось. Кто выходит, они прямо по голове бьют, и те падают. «Раздевайтесь!» Они раздеваются — рубашку, штаны. «Обувь снимайте». Снимают. Проверяют, носили они автомат или нет. Смотрят потергости. «Ложитесь». Уводят и кладут на асфальт. Меня загоняют в подвал, жену, дочь, еще двух племянниц, в общем, человек шесть нас сидит. Вижу, что идет дым, невозможно сидеть. Выбиваю крышку, выбегаю — весь в ожогах. Они сидят с той стороны улицы, смеются, щелкают семечки, а я там с семьей сгораю. Думаю, скот, наверное, цел. Смотрю — четыре коровы убили, постреляли овец.

Впоследствии выяснилось, что солдаты постреляли не только коров да овец. В ходе артиллерийского обстрела, ночного боя и дневной зачистки, когда палили вокруг без разбора, было убито около ста мирных жителей. Среди них оказались и юноши, и женщины, и старики. Кто-то погиб от пули, посланной снайпером, кого-

то изрешетила граната, брошенная в подвал, а кто-то задохнулся от дыма, запертый в горящем доме.

Вся Чечня содрогнулась, узнав о трагедии в Самашках. Рассказы свидетелей обрастали жуткими выдумками: будто бы солдаты сожгли более двухсот домов, расстреляли свыше пятисот человек, повесили в школе тридцать детей, а одной маленькой девочке отрезали голову на глазах матери. Все это требовало проверки, однако в Самашки никого из посторонних не пропускали. Тогда депутат Анатолий Шабад переоделся в длинную женскую одежду, обмотал лицо хиджабом и под видом печальной старухи проник на запрещенную территорию села, где запечатлел на видеокамеру ужасные подробности. Эту съемку правозащитники распространили по всему миру. И мир содрогнулся вслед за Чечней.

Тем не менее трагедия случилась, и кто-то за нее должен был отвечать. Понимая, что Москва вряд ли найдет и накажет виновных, Джохар Дудаев объявил своим личным врагом генерал-лейтенанта Анатолия Романова, которому подчинялась группировка внутренних войск, действовавшая в те дни в Самашках. Генерал был обречен.

Антуан

Весной 1995 года Москва объявила о своей победе — мол, конституционный порядок на территории Чеченской Республики восторжествовал. Но провозглашенная победа вовсе не означала окончание сопротивления. Чеченский волк не сдался на милость победителя, а растворился в тумане ущелий, исчез за синей дымкой гор, откуда каждое мгновение угрожал нападением. То и дело в Чечне звучали выстрелы, гремели взрывы, пылала подбитая бронетехника, падали ниц сраженные часовые.

Борис Ельцин не знал, что делать. Как ни крути, а выходило, что надо договариваться. Но разговаривать с Джохаром Дудаевым российский президент никак не желал. Между тем петербургский мэр Анатолий Собчак всячески показывал, что он, как демократически настроенный человек, способен решить чеченскую проблему. Выслушав его предложения, Ельцин одобрил план поэтапного урегулирования конфликта. Так в чеченском селе Курчалой появился посланник от берегов Невы со звучным именем Антуан.

— Что за француз к нам пожаловал? — поинтересовался Джохар Дудаев.

— Он — не француз, он — армянин, — уточнил охранник Магомед Хачукаев. — Из Петербурга правозащитник. Говорит, что когда-то сидел.

— За что?

— Говорит, что ни за что.

— А точнее?

— За клевету — на советскую действительность.

— Это он зря... Ладно, приведи его сюда, Магомед.

В комнату вошел чернокудрый парень в потертых джинсах и кожаной куртке с большой сумкой, перекинутой через плечо. Он устроился напротив Дудаева, положил на стол диктофон и вопросительно взглянул на собеседника. «Записывайте, записывайте», — Дудаев кивнул головой.

— Я рад приветствовать полномочного представителя Анатолия Собчака, которого считаю демократическим лидером России, — начал он беседу. — Однако меня неприятно удивило заявление Собчака, что воевать с боевиками должны не мальчишки, а подготовленные профессионалы. Он что — хочет, чтобы эти головорезы уничтожили всех чеченских мужчин?

— Нет, нет, — суетливо замахал руками Антуан. — Вы не так поняли позицию Собчака. Позиция Анатолия Александровича состоит в том, чтобы решить кризисную ситуацию путем переговоров. Он разработал план поэтапного мирного урегулирования, который был одобрен президентом России.

— Как и все чеченцы, я тоже против войны, — заявил Дудаев. — Если бы Ельцин захотел со мной встретиться, то за тридцать минут мы бы с ним обо всем договорились. А что за план предлагает Анатолий Александрович?

Мирный план Собчака состоял в следующем. На первом этапе происходит полное разоружение незаконных вооруженных формирований, включая охрану Дудаева, при условии непривлечения к уголовной ответственности всех, кто добровольно сдаст оружие. Второй этап подразумевает свободные выборы парламента и президента Чеченской Республики под контролем международных организаций и российских правозащитников. На заключительном этапе Чечня получает статус республики на уровне Татарстана в составе Российской Федерации.

— Хороший план, — заметил Дудаев. — Конечно, я за власть не держусь. Можно попробовать.

Подали обед. Президент наполнил бокал Антуана красным сухим вином. Себе налил огненного кизилового сока и провозгласил тост:

— За успех мирного плана Собчака!

Внезапно прогремел орудийный залп — российские войска приступили к обстрелу села. Зазвенели стекла в окнах, посыпался с потолка мел. Антуан инстинктивно вздрогнул и едва не спрятал голову под стол. Дудаев продолжал сидеть недвижно, как каменный. Взглянув на испуганного собеседника, воздел к небу руки:

— Все в воле Всевышнего!

Легкая усмешка пробежала по его губам. Должно быть, он вспомнил строчку из пушкинского «Тазита» и чуть не произнес ее вслух:

«Ты трус, ты раб, ты армянин!»

Кровавый рейд

Курчалой был не единственным чеченским селением, которое подверглось обстрелу. Список потерпевших населенных пунктов с каждым днем становился все длиннее. Поводов для стрельбы было множество: почти в каждом ауле были свои ополченцы и свои отряды самообороны. Но страдали от смертоносных ударов прежде всего, старики, женщины, дети.

В начале июня 1995 года российские войска штурмовали аул Ведено — родовое гнездо командира Абхазского батальона Шамиля Басаева. Этот батальон покрыл себя славой в сражениях за свободу Абхазии — против грузинских захватчиков. Именно тогда, ранней осенью 1992 года, молодой московский поэт Александр Бардодым, вступивший в ряды бойцов Абхазского батальона, сочинил стихи в честь своих новых товарищей. На эти стихи чеченский певец Имам Алимсултанов написал песню, которая стала гимном отряда Шамиля Басаева:

Над Грозным городом раскаты,
Гуляет буря между скал.
Мы заряжаем автоматы
И переходим перевал.

В страну, где зверствуют бандиты,
Горит свободная земля,

Приходят мстители-джигиты
Тропой Мансура, Шамиля.

Только теперь земля горела не под абхазским городком Гудаутой, а вокруг чеченского аула Ведено — в самом сердце Ичкерии. Многие строения подверглись бомбардировке. Страшный ракетный удар был нанесен и по дому, где жила семья знаменитого полевого командира. Все его одиннадцать обитателей погибли. Стоя на дымящихся развалинах своего дома, Шамиль Басаев поклялся жестоко отомстить убийцам за смерть жены и детей. Как чеченец, воспитанный на обычае кровной мести, он не мог поступить иначе.

Спустя одиннадцать дней, 14 июня 1995 года, три грузовика в сопровождении легковушки пронесли по главной улице провинциального российского городка Буденновска. Машины были битком набиты боевиками — Шамилю Басаеву удалось собрать отряд в двести штыков. Захватив здание милиции, басаевцы расстреляли тех, кто оказал сопротивление, а прочих взяли в заложники. Подобным образом они поступили в других местах — районной администрации и поликлинике, Доме детского творчества и пожарной части, медицинском училище и отделении банка. Построив заложников в колонну, боевики повели ее к городской больнице Буденновска. По дороге убили сто человек, которые пытались бежать. Остальных загнали в больничные корпуса, присоединив к ним пациентов и персонал больницы: теперь заложников насчитывалось более двух тысяч. Для окончательного устрашения несчастных людей басаевцы отобрали шестерых мужчин и расстреляли прямо перед главным корпусом больницы.

После этого Шамиль Басаев обратился к российским властям с тремя требованиями. Он потребовал, во-первых, немедленно прекратить боевые действия в Чечне; во-вторых, вывести войска с территории республики; в-третьих, начать мирные переговоры с Джохаром Дудаевым на уровне президента или премьер-министра России, а не на уровне петербургского мэра или ставропольского градоначальника. По сути, таким чудовищным способом террорист принуждал свою собственную страну к миру.

Узнав о нападении на Буденновск, Борис Ельцин тут же покинул родные пределы, сославшись на срочные дела за морем-океаном. Расхлебывать горькую чеченскую похлебку остался премьер-министр Виктор Черномырдин. Ему доложили, что бойцы специальных подразделений уже окружили больничный комплекс и даже попытались его штурмовать, но безуспешно — басаевцы всюду заминировали подходы, выставили живой щит из женщин, а между ними расположили огневые точки. Премьеру также сообщили, что главарь банды террористов жесток и беспощаден — в случае невыполнения его требований убивает заложников.

— Чего же требует Басаев теперь? — поинтересовался Черномырдин.

— Он требует, чтобы вы, Виктор Степанович, лично переговорили с ним, — пояснил премьеру. — Но во всей истории борьбы с терроризмом еще не было случая, чтобы первое лицо государства вступало в переговоры с преступниками.

— А как же люди? Как же заложники? Он же убьет их!

— Увы...

— Мне начхать, как там боролись с терроризмом при царе Горохе, — возмутился премьер. — Нельзя допустить мясорубку. Ради спасения людей я буду разговаривать хоть с Басаевым, хоть с чертом.

Черномырдин решительно снял телефонную трубку и потребовал соединить его с буденновской больницей:

— Але, Шамиль Басаев. Это Черномырдин. Шамиль Басаев, говорите громче.

Виктор Степанович, добрая душа, спасая несчастных заложников, согласился выполнить почти все требования террористов. Он объявил о прекращении боевых действий в Чечне и начале мирных переговоров с Джохаром Дудаевым. Он отпустил террористов, предоставив им автобусы и обеспечив беспрепятственный проезд до Чечни. Ему помог и Сергей Ковалев, который вызвался проводить нежданных гостей и защитить их своей грудью от случайных пуль. Настоящий правозащитник!

Басаев покидал Буденновск победителем. Он оставлял в истерзанном городе кровавый след — десятки убитых и сотни раненых горожан. Зато Чечня встречала Басаева буйным ликованием. Должно быть, все чеченцы вышли на улицы и площади Грозного, чтобы приветствовать мужественного героя, который отомстил за смерть чеченских стариков, женщин, детей. «Аллаху Акбар! Аллаху акбар!» — скандировала огромная толпа, и ее многотысячный рев долетал до седых вершин Кавказа.

Был доволен и Джохар Дудаев, хотя операция Басаева оказалась для него полной неожиданностью — хитрый Шамилек не считал необходимым проинформировать о ней. Тем не менее сбывались предсказания Джохара, изреченные им накануне буденновского рейда:

— Сегодня главное — перенос войны на территорию противника. Причем это движение уже разворачивается стихийно. И отряды смертников создаются сами по себе. Из тех, кто готов на смерть, чтобы отомстить за погибших от бомбежек детей, родителей. Когда они просочатся в российские города, могут пострадать ни в чем не повинные люди. У нас же есть координаты конкретных виновников гибели тысяч мирных чеченцев. И мы хотим этот процесс как-то организовать.

Подкуп

На мирные переговоры в Грозный прибыл Аркадий Вольский. Это был настоящий политический искусник. Еще вчера он входил в верхушку правящей Коммунистической партии, а уже сегодня представлял руководство демократической страны. Удивительную гибкость он, должно быть, развил в юности, когда увлекался фехтовальным искусством.

Аркадий Иванович умело вел переговоры, предлагая варианты мирного разрешения конфликта. К примеру: чеченцы разоружаются, военные уходят, создаются зоны мира. Главная проблема: что делать с оружием? Вольский предложил давить его танками. Чеченцы возмутились: оружие — это священный атрибут любого горца, он приобретен за немалые деньги. И вот тут Аркадий Иванович, прищурился хитрые глаза, обозначил кругленькую сумму за сданный автомат Калашникова. Чеченцы стали прикидывать, сколько денег выручит каждая семья. Так ловко был обойден вопрос о том, сдавать оружие или оставить его в домах как предмет религиозного культа. «Все на этом свете покупается!» — Аркадий Иванович всегда помнил старую истину.

Переговоры шли ни шатко ни валко. Любое слово оспаривалось противоположной стороной. Непременным условием достижения мира Москва выдвигала выдачу Шамиля Басаева. Чеченцы возражали, ссылаясь на бескомпромиссную позицию Джохара Дудаева. Тогда Аркадий Вольский потребовал встречи с первым чеченским президентом.

— Он далеко в горах, — пояснили ему. — Туда можно добраться, только падая дождем с неба.

— Надо будет, упаду хоть дождем, хоть снегом, — ответил Вольский.

Тайная встреча была назначена через три дня. Аркадий Иванович надел старую телогрейку, захватил с собой чиновничий портфельчик с документами. Двинулись в путь. Двое суток шли неведомыми горными тропами, останавливаясь передохнуть на секретных базах боевиков. Дорожных фонарей не включали, опасаясь вертолетов. На третий день приблизились к назначенному месту. Это была небольшая лужайка в густом лесу — на склоне высокой горы. На краю лужайки горел костер.

— Зачем такая иллюминация? — удивился Вольский.

— Шашлык-машлык есть будете, коньяк-маньяк пить.

Из темноты вышел Дудаев. Он был одет как истинный щеголь: опрятная военная форма облекала стройную фигуру, на голове красовалась пилотка с вышитым волком. Генерала сопровождала супруга Алла — красивая русская женщина. Обменявшись светскими любезностями, мужчины уединились для переговоров.

— Басаева мы не отдадим, — сразу заявил Дудаев. — Шамиль сделал важное дело: заставил Москву сесть за стол переговоров.

— Да черт с ним, с Басаевым, — махнул рукой Вольский. — Я не за этим тащился по горам три дня.

Принесли горячий шашлык. Тучный верзила, накладывая куски душистого мяса, спросил по-украински:

— Вам хай пожирнее?

— Ты давай говори по-русски.

— Нэ можемо, нэ розумием, — он покачал головой.

Когда верзила удалился, Джохар с улыбкой заметил:

— Западные украинцы — прирожденные охранники. Надежны и исполнительны. А русских ненавидят похлеще некоторых чеченцев.

— Джохар Мусаевич, я не разведывать сюда прибыл, — Вольский положил на колени чиновничий портфельчик и щелкнул золочеными застежками. — Я прибыл по личному поручению Бориса Николаевича Ельцина. У него к вам конкретное предложение.

Тщательно подбирая слова, Вольский изложил суть секретного московского плана, согласно которому Джохар Дудаев вместе с семьей тайно покидает Чечню и поселяется в одном из мусульманских государств, где живет тихой неприметной жизнью, не привлекая к своей персоне внимания. Предположительно таким государством может стать Иордания, король которой уже согласился принять дорогого гостя с подлинно королевским радушием. В доказательство своих слов Вольский достал из портфельчика иорданские паспорта, оформленные на чужие имена, и колоду разноцветных кредиток.

— Это ваши новые паспорта, а это ваши банковские карты, — Аркадий Иванович мастерски развернул колоду, как завзятый фокусник. — Как только вы пересечете границу, на них будут перечислены миллионы долларов. Этих денег хватит и вам, и вашим внукам. Надеюсь, вы не откажетесь от великодушного предложения Бориса Николаевича.

Джохар Дудаев сурово молчал. Его скулы поигрывали. Глаза полыхали неистовым огнем. Он едва сдерживался, чтобы изо всей силы не ударить президентского посланника. Наконец, успокоившись, Дудаев медленно произнес:

— Как я в вас ошибся, Аркадий Иванович! Ведь вы же были членом ЦК нашей Коммунистической партии. Олицетворяли ум, честь и совесть нашей эпохи. Где же ваши честь и совесть, не говоря об уме? Не думал, что вы мне сделаете такое предложение. Мне — советскому офицеру, советскому генералу — вы предлагаете

позорно бежать куда-то за границу! Тридцать сребреников суете. Запомните: я никогда не предаю свой народ, никогда не покину родную землю. Я лучше достойно умру среди этих вершин Кавказа!

Светало. Говорить было не о чем.

Мечь

Летом 1995 года генерал-лейтенант Анатолий Романов был назначен командующим объединенной группировкой российских войск в Чечне. Представляя президенту России его кандидатуру, министр внутренних дел Анатолий Сергеевич Куликов дал ему блестящую характеристику: «За Романовым ничего не нужно переделывать. Как ни пытай его, он помнит каждую деталь любой операции, чрезвычайно работоспособен и никогда не уходит с рабочего места, пока не убеждается в том, что все отлажено до мелочей. Говоря о Романове как об аккуратном и точном исполнителе приказов, я имею в виду его врожденную способность доводить все до абсолюта — до последнего заключительного штриха, после которого любая проблема казалась просто исчерпанной».

Анатолия Романова обожали в войсках — он не был паркетным генералом, многие решения принимал непосредственно на передовой. На боевом счету генерала уже были операции по освобождению Самашек и Бамута от чеченских боевиков. В память о Самашках бойцы милицейского отряда специального назначения «Витязь» преподнесли командующему самый дорогой подарок — краповый берет.

В этом краповом берете Анатолий Романов приехал на мирные переговоры, которые ему поручили вести вместе с Аркадием Вольским. Вот здесь знание трудов русского дипломата Чичерина пригодилось ему в большей мере. Генерал показал себя великолепным переговорщиком. Он шел на уступки там, где это ничего не стоило России, и был тверд в отстаивании принципиальной позиции. К примеру, чеченская сторона пожаловалась, что российские солдаты в летнюю жару ходят полуголыми, а по мусульманским обычаям мужчины не должны показываться на людях неодетыми. Анатолий Романов тут же собрал своих подчиненных и приказал:

— Солдаты обязаны уважать традиции местного населения. Пусть оденутся по уставу, а не изображают из себя Аполлонов. Понимаю, что жарко, но это нужно сделать — своим полуобнаженным видом они оскорбляют чеченских женщин.

Новый командующий активно включился в переговорный процесс. Ему был отдан на проработку весь блок военных вопросов. Противоположную сторону представлял начальник штаба чеченских вооруженных сил Аслан Масхадов. Два военных профессионала достаточно быстро нашли общий язык. Они сумели договориться о прекращении огня, разоружении отрядов боевиков и постепенном выводе российских войск с территории республики. Подписав соглашение, переговорщики обнялись, как старые друзья. Это крепкое объятие поспешили запечатлеть журналисты. Фотография появилась на первых полосах газет. Подстраховываясь, осмотровый генерал тут же позвонил в Москву — министру внутренних дел Куликову:

— Анатолий Сергеевич, правильно ли я сделал, что сфотографировался в обнимку с чеченским главарем?

— Не переживай! — поддержал его министр. — Ты — командующий, и тебе поручено вести переговоры. Делай все, что сочтешь нужным.

Между тем, дружеский снимок вызвал в противоположном стане серьезные разногласия. Особенно бушевал вице-президент Зелимхан Яндарбиев:

— Это полный идиотизм — обниматься с врагом! — кричал он. — Врагов надо уничтожать!

— Анатолий Романов — миротворец, — оправдывался Масхадов. — Он искренне стремится к установлению мира в Чечне.

— Какой миротворец! — не унимался Яндарбиев. — Миротворцы сидят дома с женами и детьми, пьют чай с бубликами. А он — генерал, у которого руки по локоть в крови. Это он командовал уничтожением Самашек. Да еще спрятался под псевдонимом Антонов. Значит, ведал что творит. Не случайно наш президент Джохар Дудаев объявил его своим личным врагом. И с Романовым следует поступить как с врагом — пустить на воздух!

6 октября 1995 года командующий российской группировкой выехал на встречу с Русланом Хасбулатовым — тот приехал в Грозный с новыми мирными инициативами. Колонна двигалась по самому короткому маршруту к Дому правительства. Впереди мчался бронетранспортер, за ним следовал военный внедорожник с Анатолием Романовым, а замыкали движение два бронетранспортера с охраной. На полной скорости машины влетели в бетонный тоннель под мостом на площади Минутка. И тут рванул мощный взрыв. Взрывная волна, многократно отраженная от бетонных стен, разнесла внедорожник в клочья. Среди разметанных взрывом останков с трудом обнаружили командующего. Его опознали по ремню с генеральской пряжкой. Осколками фугаса он был поражен в голову, грудь и живот. «В принципе, его убили», — констатировал опытный врач, оперируя тяжелораненого генерала. А участник переговоров с чеченской стороны отозвался о ранении Анатолия Романова недоброй усмешкой:

— Пусть теперь не ходит воевать!

Спустя двое суток после террористического акта в воздух поднялись восемь штурмовиков и нанесли ракетно-бомбовый удар по горному селению Рошни-Чу. Согласно данным разведки, в это время здесь должен был состояться военный совет под руководством первого чеченского президента. Но Джохар Дудаев задержался в пути, и смертельные осколки достались его личному охраннику Магомеду Хачукаеву. Вместе с охранником погибли шесть мирных жителей. Еще пятнадцать человек были ранены. Такова была месть за покушение на российского генерала.

Бессрочный митинг

Мирные переговоры прекратились так же внезапно, как и начались. Борис Ельцин решил поменять собеседника: Джохар Дудаев его никак не устраивал. Были назначены выборы, в ходе которых предполагалось избрать нового руководителя Чечни. Им должен был стать бывший первый секретарь рескома партии и бывший председатель Верховного Совета республики Доку Завгаев, свергнутый во время чеченской революции 1991 года. На помощь призвали российскую армию: каждый солдат промаршировал к урне и бросил туда избирательный бюллетень. Успех оказался ошеломительным — Доку Завгаев победил с фантастическим счетом.

Однако чеченский народ не признал нового, сиречь старого, правителя. В Грозном начался бессрочный митинг. Тысячи людей днем и ночью стояли около разрушенного Президентского дворца, над которым развевался зеленый флаг независимой Чечни. На обугленной стене висел огромный портрет президента Джохара Дудаева. Под портретом раскинулся палаточный городок. На фанерных указателях были начертаны названия чеченских городков и сел. Сюда прибывали автобусы со всей республики, чтобы пополнить ряды демонстрантов. На снежных перекрестках горели костры, в больших ведрах кипятился чай. Никто не решился разогнать

митинг — ни новый правитель Доку Завгаев, ни новый командующий группировкой российских войск генерал Вячеслав Тихомиров, назначенный вместо Анатолия Романова.

По поручению Джохара Дудаева 2 января 1996 года на митинг приехал муфтий Чечни Ахмат Кадыров. В добротном темно-сером пальто, в черной бараньей шапке, он взобрался на капот тяжелого трактора, который служил трибуной для ораторов, и прочел проповедь против местных лицемеров.

— Мир и благословение Аллаха всем братьям и сестрам! — обратился он к демонстрантам. — Не секрет, что четыре года назад мы избрали своего президента Джохара Дудаева и приняли Конституцию. Но коварный план врагов при содействии местных лицемеров увенчался вводом войск и разрушениями. Тем не менее благодаря милости Аллаха и удали наших бойцов, захвативших Буденновск, война остановилась и начались переговоры. Напуганные возможным мирным исходом событий, чеченские лицемеры заявили, что в республике не с кем вести переговоры — необходимы выборы. Они прекрасно знали, что выборы будут сфальсифицированы. Когда это случилось, они лицемерно выразили удивление высокой явкой и результатами выборов. Но легитимной власти у них все равно не будет, и они об этом знают. Если эти холуи России действительно являются властью в Чечне, то почему они третьи сутки не разгонят этот мирный митинг? На сегодняшний день против нас воюет одно из самых сильных государств мира. Что у него получилось? Ничего. Поэтому нам необходимо продолжать сопротивление, которое по праву называется джихадом. Несомненно, у нас будет Исламское государство, и неверные покинут Чечню. А те, которые являлись помощниками неверных, будут унижены как в этой, так и в будущей жизни.

В ту ночь Джохару Дудаеву приснился вещий сон. По зеленому полю скакал всадник в белых одеяниях. Он медленно приближался. Джохар его узнал — это был святой Кунта Хаджи. «Никто не останется забытым на пути Аллаха, — прогремел небесный голос. — Ты преодолеешь все преграды и одержишь победу». Всадник не спеша удалился, словно растаял в воздухе, а вместо него возник другой силуэт в темных одеяниях. Он стоял на капоте медленно двигавшегося трактора. Это был Ахмат Кадыров.

Кизлярская операция

Российские самолеты бомбили горное селение Рошни-Чу, полагая, что здесь находилась резиденция первого чеченского президента. Было известно, что сюда приглашались журналисты на пресс-конференции, а полевые командиры — на военные советы. В действительности Джохар Дудаев проживал в другом месте. Его тайная ставка располагалась в ауле Гехи-Чу — на берегу реки Гехи. А неподалеку синели пологие склоны гор, окутанные легким туманом. Из этого тумана время от времени появлялись гонцы, принося долгожданные вести. Декабрьским вечером 1995 года прибыл сюда и полевой командир Салман Радуев.

Радуев принадлежал к тейпу гордалой. Его военная ставка находилась в родовом ауле Гордали, названном так в честь гурды — легендарной чеченской сабли. Кажется, имя славного рода гордалоевцев, то есть меченосцев, должно было освятить его жизненный путь. Службу в Советской армии он закончил на хлебной должности — старшиной роты материального обеспечения. Но ратное поприще ему не показалось заманчивым. Его влекла иная, более выгодная стезя. Он всегда был преуспевающим учеником — и в средней школе Гудермеса, и в Институте народно-го хозяйства в Ростове-на-Дону, и в Высшей академической школе менеджеров в

болгарской Варне. С приходом к власти Джохара Дудаева удачно женился на племяннице президента и был назначен префектом Гудермеса. Отличился тем, что создал вооруженное формирование с гордым названием «Волк». Когда грянула война, блестящих полководческих талантов не проявил, болтаясь где-то в обозе при отряде Шамиля Басаева. После кровавого рейда на Буденновск авторитет Басаева среди чеченцев поднялся до невероятных высот, соперничая с авторитетом самого президента. И вот Джохар Дудаев решил затмить славу легендарного полевого командира, для чего и вызвал в свою ставку Салмана Радуева.

— Москва слишком рано празднует победу, — заявил Дудаев, обняв дорогого гостя. — Надеюсь с твоей помощью им испортить новогодние торжества. Ты должен повторить подвиг Шамиля Басаева. Ты должен сделать большее — превзойти его. Поэтому предлагаю тебе захватить не какой-то больничный комплекс, а целый город. Думаю, что таким городом должен стать Кизляр. Тем более что тропа к нему уже протоптана — ты пойдешь по стопам знаменитого абрека Зелимхана Харачоевского, который когда-то ограбил кизлярский банк, обманув всех гяуров.

Джохар пригласил Радуева к столу, на котором была расстелена карта. Вооружившись карандашом, он стал прокладывать маршрут движения к намеченной цели. Местом сбора была определена станица Новогрозненская. Отсюда сводный отряд в 250 боевиков направлялся к селу Азамат-Юрт, расположенному на берегу Терека. Под покровом темноты отряд переправлялся на лодках через реку и сосредотачивался в лесу около станицы Шелковской. Затем на грузовиках следовал к административной границе с Дагестаном, в район села Бороздиновка. Оттуда боевики выдвигались пешком к Кизляру. Начало операции было назначено на четыре часа утра 9 января 1996 года. Общее политическое руководство операцией Дудаев возложил на Салмана Радуева, а вот командовать ее военной частью он поручил полковому командиру Хункар-Паши Ибрапилову — тот был участником буденновского рейда и имел большой боевой опыт.

— Салман, ты должен выдвинуть Москве три требования, — продиктовал Дудаев. — Во-первых, Москва должна отменить результаты декабрьских выборов в Чечне, на которых президентом якобы избрали Завгаева. Во-вторых, она должна вывести российские войска с территории республики. Ну а в-третьих, Ельцин должен начать настоящие переговоры с руководством страны в лице законно избранного президента Джохара Дудаева. Понятно?

Президент искоса взглянул на Радуева — тот сиял от счастья, что ему доверено такое важное дело. Потом Джохар, подражая то ли Ермолову, то ли Жукову, величественно склонился над картой и расписался в правом верхнем углу: «Утверждаю». И хотя на карте в целях конспирации не было оставлено ни одной пометки, с этого момента она удостоверяла, что коварный план Кизлярской операции был разработан лично Дудаевым.

Унижение

Поначалу операция разворачивалась по плану. Боевики переплыли на лодках Терек, приехали в приграничную станицу, пересекли пешком дагестанскую границу и в четыре часа утра напали на Кизляр. Первой атаковали вертолетную базу, где сожгли два вертолета, два бензовоза и разграбили склад неуправляемых реактивных снарядов. Но полностью захватить аэродром, а также воинскую часть боевики не успели — в ходе ответного боя они понесли большие потери и были отброшены.

Такой скромный результат не устраивал Салмана Радуева. Он стал действовать по проверенной схеме — приказал занять здание родильного дома, согнав туда три

тысячи заложников. Под истошные вопли рожениц и плач новорожденных младенцев связался с мировыми информационными агентствами, которым сообщил об успешном захвате Кизляра и выдвинутых требованиях к Москве. На этот раз международное сообщество не выразило террористам никакой поддержки. Напротив, правительства ведущих стран мира осудили бесчеловечные действия боевиков. Джохар Дудаев был обескуражен, и когда Радуев позвонил ему по спутниковому телефону «Инмарсат», распорядился немедленно освободить заложников и возвращаться в Чечню.

Ощувив всемирную поддержку, Москва наотрез отказалась выполнить политические требования Радуева. После переговоров она предоставила автобусы, на которых боевики покинули город под прикрытием сотни заложников. Однако у приграничной реки Аксай колонна была остановлена предупредительным огнем — силовики получили приказ не отпускать бандитов в Чечню. Отряд Радуева расположился неподалеку — в селе Первомайское, создав три кольца обороны и распределив огневые точки.

Пока российские войска окружали село и готовились к предстоящему штурму, военные пропагандисты набросали текст ультиматума. И вскоре из громкоговорителя, установленного на бронетранспортере, зазвучала чеченская речь:

— Боевики! Вы оказались в безвыходном положении. Федеральные войска блокируют вас со всех сторон. Сил и средств достаточно для подавления вашего сопротивления. На земле Дагестана вами совершено преступление, которое осудили чеченцы во всем мире, правительства США и других стран. Джохар Дудаев отрекся от вас в интервью по телевидению. Мы требуем немедленно освободить всех заложников и сложить оружие. Только в этом случае мы гарантируем вам жизнь. Принимайте решение. Ваша жизнь и жизнь ваших родственников в ваших руках.

Радуевцы всполошились: неужели Дудаев отрекся от них? Увы, это была правда. Опасаясь всеобщего осуждения, первый чеченский президент выступил по телевидению с обращением, в котором дистанцировался от действий Салмана Радуева. Но втайне, общаясь по спутниковому телефону, он продолжал поддерживать террористов — обещал скорую поддержку. Вскоре отряд Шамиля Басаева ударил в тыл российских войск. Ему помогли другие ополченцы, организовав атаку на соседнее село Советское. А в далеком турецком порту Трабзон бандиты захватили паром «Аврасия» с российскими гражданами на борту и потребовали пропустить радуевцев в Чечню.

На переговоры в осажденное село отправились двое дагестанских старейшин. Видимо, у кого-то из боевиков не выдержали нервы — в воздухе прогремели выстрелы. После гибели отважных аксакалов российские силовики решились на штурм. Упорный, но безуспешный бой закончился в сумерках, и войска отошли на исходные позиции. Ночью радуевцы, разбившись на группы, пошли на бесстрашный прорыв. Сбросив ботинки, они босиком совершили стремительный бросок по снежной целине, переправились через приграничную реку Аксай и растворились в темных лесах Чечни. Во время сумасшедшей пробежки Салман Радуев потерял спутниковый телефон. Позднее эта оплошность сыграла роковую роль в судьбе первого чеченского президента...

Восхвалять кизлярский подвиг Джохар Дудаев не решался — слава Аллаху, что удалось избежать позора. Конечно, он присвоил Салману Радуеву звание бригадного генерала и вручил орден «Честь нации». Но на расспросы иностранных корреспондентов, действовал ли террорист по его приказу или самостоятельно, предпочитал давать уклончивый ответ:

— Он выполнял боевой рейд по тылам противника, точно так же, как это делает Россия на территории Чеченской Республики Ичкерия.

А Чечня опять ликовала. Навстречу длинной колонне машин выходили женщины, обнимали чудом вернувшихся из боевого рейда храбрецов. Чеченцы смеялись над незадачливым российским президентом, который, выступая по телевидению, хвастался на весь мир, что каждый террорист будто бы находится на мушке закрепленного за ним снайпера: «Террористы передвигаются — и снайперы передвигаются». Оказалось, что никакие снайперы не могут остановить быстроногих чеченских волков.

Ельцин был унижен. Унижена была и Россия.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ Смерть Джохара

Он угрюмо сдвинул брови,
И усов его края
Обагрила знойной крови
Благородная струя.

Михаил Лермонтов

Подарок для Дудаева

По утрам в доме над оврагом, где струилась река Гехи, Джохар Дудаев смотрел российское телевидение. В России начиналась предвыборная гонка, и после выпуска новостей то и дело предоставляли слово возможным кандидатам в российские президенты. В тот апрельский день дошла очередь и до Александра Лебеда. Это был бравый генерал, герой афганской войны и защитник Приднестровья, который вдруг решил делать политическую карьеру. Став депутатом Государственной Думы, он задумал посягнуть на главную должность в стране.

Накануне президент Борис Ельцин обнародовал мирный план урегулирования, который предполагал переговоры с Джохаром Дудаевым и любые политические уступки за исключением одной — права на чеченский суверенитет. И вот теперь генерал Лебедь громил этот план, называя его позорным отступлением и предательством перед памятью павших солдат. Он видел в этом откровенную капитуляцию, которая перечеркивает будущую военную победу. Он задавал резонный вопрос: зачем тогда воевали и пролили столько крови? Он называл это преступным деянием, которое узаконивает дудаевский режим, против чего воевала Россия. И все это делалось ради того, чтобы Борис Ельцин победил на президентских выборах.

«Отныне Дудаев — решающая сила выборов в России, — громыхал Лебедь. — Стоит господину Дудаеву эдак за недельку до выборов начать очередную бойню в Чечне или за ее пределами, и весь план Ельцина летит в тартарары — он проигрывает выборы, ради которых весь этот план урегулирования и предложен. Таким образом, Дудаев имеет все возможности безнаказанно шантажировать президента России, требовать от него любых уступок. Можно ли вообразить более жалкую позицию великой страны и великой армии, более жалкое вымаливание каких-то уступок у Дудаева?»

— Спасибо, товарищ генерал, за реалистичную оценку ситуации, — по лицу Джохара пробежала ехидная улыбка. — Но может быть, ты пояснишь дорогим россиянам, отчего так происходит?

«Почему бандит и террорист Дудаев диктует России? — продолжал Лебедь. — Да потому, что народ так и не понял, за что идет война. На самом деле война идет не столько за целостность территории, сколько за целостность российской души. Потому что война показала, что мы, как всегда, расколоты. Едва она началась, как демократические средства массовой информации открыли настоящий «второй фронт» против России. Демократы боялись победы русской армии, боялись, видите ли, что возникнет военная диктатура. По славной большевистской традиции они начали сражаться не с внешними врагами, а со своей властью. Разве господа радикальные демократы сегодня не ратуют за поражение России? Разве ненавидящая большевиков госпожа Новодворская или господин Боровой — не настоящие духовные наследники большевиков? Но названные лица — фигуры комические. А есть и куда более тяжелые политические фигуры, которые стали главными союзниками Дудаева. Бешено аплодировали не русскому солдату, а некоему Ковалеву — правозащитнику, сидевшему в бункере Джохара Дудаева и призывавшему солдат сдаваться в плен. Можно ли при таком раздразе выиграть войну?»

В комнату вошла супруга, принесла утренний завтрак — крепкий кофе и маленький бутерброд.

— Пожалуй, он может выиграть выборы, — сказал Джохар, не отрывая глаз от телевизора. — Интересно, а что же он предложит сделать?

«Да, Ельцин сделал роковую ошибку, начав войну, — подытоживал Лебедь. — Но раз начали воевать, то надо понять: воюют не до выборов, а до победы. Если политическая победа над террористами трудна, то надо добиться хотя бы военной победы. Надо ликвидировать вдохновителей терроризма: Дудаева, Басаева, Масхадова. Если для мусульманина смерть от рук „неверных” — счастье, он сразу попадает к Аллаху в рай, и уж если делать Дудаеву подарок, то только этот».

— Ну вот, я так и знал! — Джохар развел руками. — Ничего нового! А мне говорят: давай договариваться, давай договариваться... Ложь все это и обман.

Алла Дудаева скорбно молчала. Она сердцем чувствовала, что приближается что-то страшное, что-то непоправимое.

Всадник о двух лошадях

В тот день была назначена встреча с корреспондентом азербайджанского агентства «Туран», и Джохар Дудаев отправился в соседнее селение Рошни-Чу. Настроение у него было приподнятое, весеннее. «Еще чуть-чуть, — радовался он, — и мы одержим победу». Дорога вилась между гор, и лучезарное солнце осеняло ее.

Журналист уже подготовился к интервью — установил портативный магнитофон, подключил микрофон. Дудаев устроился под зеленым флагом независимой Чечни, поскольку предполагалась и фотосессия. Первый вопрос его ничуть не удивил.

— Господин президент, как вы относитесь к предложению о мирных переговорах, высказанному президентом Борисом Ельциным?

— Прежде всего — реалистично, — Джохар достал платок и откашлялся. — Чеченская сторона уверена в том, что официальная Москва ни к каким нормальным переговорам не готова. Команда Ельцина ждет от нас капитуляции. Ничего другого она не признает. Чеченский народ не сдался в начале войны, не сдастся и сейчас. Не произойдет этого, по моему глубокому убеждению, и в будущем.

— Джохар Мусаевич, разве боевые действия в Чечне не прекращены? Ведь Борис Ельцин заявил, что он останавливает войсковые операции.

— Это не более чем словесная казуистика, а попросту — словоблудие. Никако-

го прекращения огня нет и в помине! В этом нетрудно убедиться любому наблюдателю. Более того, в отдельных регионах республики после так называемого «прекращения войсковых операций» боевые действия вспыхнули с новой силой. — Господин президент, ну а все же перчатка, как говорится, брошена. На весь мир заявлено, что Ельцин готов к переговорам с вами через посредников.

— Знаете, этот жест с переговорами — насквозь фальшивый. Мне доподлинно известно, что Ельцин не хочет со мной встречаться, а говоря точнее, он хочет встречаться, но не со мной, а, например, с Масхадовым или Яндарбиевым...

— Джохар Мусаевич, как вам видится дальнейшее развитие событий?

Дудаев загадочно улыбнулся, как бы показывая, что он многое ведает, но не обо всем говорит:

— Дело в том, что у Москвы просто нет никакого желания урегулировать конфликт. Настоящее прекращение огня произойдет уже при новом президенте России. Если же Ельцин хочет переизбираться на второй срок, то он должен выполнить волю своего народа, который категорически против этой войны. Идти против воли россиян и стать президентом — все равно что оседлать двух лошадей одновременно. Но стать всадником о двух лошадях еще не удавалось никому.

Черный Араб

Моджахед Амир ибн аль-Хаттаб по кличке Черный Араб прибыл в Чечню с отрядом арабских боевиков из стран Ближнего Востока. Сам он прошел отличную военную подготовку в учебном лагере под Джелалабадом, где в совершенстве овладел стрелковым оружием и минноподрывным делом под руководством американских инструкторов. Зелимхан Яндарбиев, опекавший посланника братского Афганистана, представил его первому чеченскому президенту. Тот крепко пожал руку Черному Арабу. Когда-то их дороги уже пересекались: советский летчик Дудаев сбрасывал многотонные фугаски как раз на лагерь моджахедов в окрестностях Джелалабада. Теперь этот молодой боец джихада, чудом выживший после ковровых бомбардировок, был намерен беззаветно сражаться под зеленым знаменем Дудаева.

Сражаясь с неверными, полевой командир Хаттаб действительно проявил чудеса — правда, не столько храбрости, сколько жестокости. Он зверски пытал пленных российских солдат, отрезая им уши и носы. Он глумился над трупами, снимая с них скальпы. Изошренные пытки и казни он снимал на видеокамеру, а потом отсылал видеокассеты своим арабским благодетелям из международной ваххабитской организации «Аль-Каеда».

Боевики Хаттаба принимали участие в самых дерзких вылазках — буденновском рейде Шамиля Басаева и пресловутом кизлярском набеге Салмана Радуева. Но первой самостоятельной операцией полевого командира Амира ибн аль-Хаттаба стал жестокий бой у селения Ярыш-Марды 16 апреля 1996 года. Тогда российская бронетанковая колонна была неожиданно атакована в мрачном Аргунском ущелье. Первым делом боевики подожгли головную и замыкающие машины. Двести солдат, сопровождавших колонну, оказались в ловушке: с одной стороны возвышались неприступные скалы, откуда велась прицельная стрельба, а с другой стороны зияла пропасть, по дну которой текла река Аргун. Спасаясь от кинжального огня, солдаты прыгали в пропасть и ломали ноги. Покалеченных добивали снайперы. В том бою погибло около сотни бойцов, десятки получили

тяжелые ранения и ожоги. Огнем гранатометов была уничтожена практически вся бронетехника. Целыми и невредимыми вышли из боя лишь тринадцать человек.

Узнав о разгроме бронетанковой колонны, Борис Ельцин пришел в ярость — его план мирного урегулирования чеченского конфликта рассыпался в прах. Еще неделю назад он говорил о готовности к мирным переговорам, а теперь был вынужден сделать заявление. Оттопырив нижнюю губу, Борис Николаевич обиженно пробубнил:

— Встречаться с Дудаевым я не стану. С бандитами не разговариваю.

И приказал немедленно устранить первого чеченского президента. Дни Джохара Дудаева были сочтены. Так Черный Араб подтолкнул Бориса Ельцина к принятию убийственного решения и таким образом, сам того не осознавая, поквитался с летчиком Дудаевым за ковровые бомбежки Джелалабада. Воистину — неисповедимы пути Господни.

Хеллоу, Билл!

Министр внутренних дел Анатолий Куликов давно уговаривал российского президента уничтожить вдохновителей и организаторов чеченского терроризма — Дудаева, Яндарбиева, Масхадова, Басаева и прочих.

— Это дерзкие, опытные, чрезвычайно опасные террористы, — докладывал он. — Следствием установлено их участие в убийствах, организации диверсий, захватов заложников, в работоторговле и наркобизнесе. В интересах нашей операции по восстановлению конституционного порядка в Чечне прошу принять принципиальное решение об их ликвидации и отдать соответствующий приказ. Вызовите руководителей силовых ведомств, поставьте перед ними конкретную задачу — обезвредить основных террористов и дайте на ее выполнение конкретный срок.

Борис Ельцин отмахивался от таких предложений, как от назойливых мух:

— Прошу вас, больше не говорите мне подобных вещей!

Но теперь деваться было некуда — на кону стояло политическое будущее Бориса Ельцина. Рейтинг его популярности едва достигал статистической погрешности. Россияне ненавидели своего лидера: за войну, за нищету, за грабеж, за развал страны. В этих условиях выиграть выборы было практически невозможно. А политические соперники, предвкушая победу, уже грозили Борису Ельцину справедливым судом и жесткой постелью на нарах.

Выполняя поручение президента, российские силовики приступили к детальной разработке операции. Один вариант отвергался за другим. Наконец был предложен план, который одобрили единогласно. Он состоял в том, чтобы уничтожить объект ударом самонаводящейся ракеты, запущенной с самолета на определенный электронный сигнал. Конечно, эта идея однажды уже была опробована, когда разведчики подсунили радиомаяк под дом, где ночевал чеченский президент. Но Джохар Дудаев обладал звериным чутьем и внезапно среди ночи покинул жилище, которое через какие-то минуты взлетело на воздух. Новизна предложения заключалась в том, что излучателем сигнала, необходимого для ракеты с лазерной головкой самонаведения, должен был стать спутниковый телефон, с помощью которого чеченский президент общался со всем миром. Именно такой прибор потерял Салман Радуев во время прорыва через кольцо российских войск.

По большому счету специалистам требовалось лишь одно — знать паспорт

спутникового телефона Дудаева. Этой секретной информацией располагала американская фирма «Инмарсат», которая производила данное средство связи. Космический спутник, соединявший абонентов друг с другом, также принадлежал американцам. Оставалось получить от них нужную информацию, если, конечно, они согласятся.

— Всего-то и делов? — удивился Борис Ельцин и позвонил загадочно приятелю Клинтону. — Хеллоу, Билл!

Президенту США не приходилось выбирать между Ельциным и Дудаевым — российский лидер всегда выглядел предпочтительнее. Он держал в узде огромную страну — главного противника Америки в «холодной войне». А чем был интересен мятежник Дудаев, который всего лишь захватывал русские родильные дома да громил русские бронетанковые колонны? К тому же в последнее время этот непокорный чеченец стал незаслуженно упрекать американцев в равнодушном отношении к судьбе несчастного чеченского народа. Разумеется, Билл Клинтон не раздумывал ни минуты — он пообещал дорогому другу Борису оказать помощь в предоставлении необходимых сведений. Служба электронной разведки США получила соответствующее указание, и координаты спутникового телефона Дудаева оказались в Москве.

Счет пошел на часы.

Всенародный трибунал

Тем временем Джохар Дудаев собирал материалы для трибунала над российским руководством, развязавшим братоубийственную бойню в Чечне. Он отправлял в Гаагу многочисленные свидетельства о преступлениях против чеченского народа. Но документы бесследно исчезали в канцеляриях европейской бюрократии. Он посылал видеокассеты, запечатлевшие страшные подробности чеченской трагедии. Но мир как будто не замечал эти ужасные кадры. Быть может, там, в Гааге, видели и другие съемки, которые делал Хаттаб и прочие полевые командиры, — съемки изощренных пыток и казней российских солдат и мирных жителей?

Отчаявшись, Джохар Дудаев решил устроить Всенародный трибунал среди руин Грозного — разрушенной, но непокоренной столицы Чеченской Республики Ичкерия.

— Мы будем судить их здесь, на месте преступлений, — заявил он. — Бесчисленные могилы, обугленные деревья и сама сожженная земля будут свидетелями. В зале заседаний суда за железной решеткой перед табличками с фамилиями обвиняемых положим наручники. Их будет судить весь чеченский народ. И любой чеченец будет иметь право привести приговор в исполнение!

Список высокопоставленных преступников для Всенародного суда был уже готов, когда к нему проявил интерес сам Борис Ельцин. Через депутата Государственной Думы Константина Борового он попытался узнать, какое место в этом списке занимает персона российского президента?

— Последнее, — ответил Дудаев.

— Почему?

— Потому что, кроме позора и бесчестья, эта война ничего ему не принесла. Виноваты те, кто затеял это кровопролитие ради личной власти и личной выгоды.

Константин Боровой остался доволен ответом. Он доложил об этом куда следует — должно быть, там тоже выразили удовлетворение.

Боровой

Депутат Константин Боровой происходил из семьи пламенных революционеров. Его дедушка по матери Иосиф Фаликзон — секретарь Иркутского горкома партии большевиков Алексей Снегов — был снят с должности из-за «семейственности и зажиме самокритики», то есть культивирования клановых, тейповых отношений. Отец нашего депутата — Натан Боровой — работал секретарем Российской ассоциации пролетарских писателей, которая прославилась травлей русских классиков от Михаила Шолохова до Михаила Булгакова. Не чурался литературного творчества и сам Константин Боровой, сочинявший скабрёзные частушки про своих коллег — депутатов Государственной Думы второго созыва:

Из чеченского окопа
Промышляет Вольский.
Коммунистам лижет попу
Профсоюзник скользкий!

То не гром бушует в небе,
То не хрен большой летит —
Генерал товарищ Лебедь
О политике трендит.

Депутат Боровой появился в Чечне зимой 1996 года — сразу после избрания в высшее законодательное собрание страны. Сказал, что ему будто бы поручили вести переговоры о прекращении войны и установлении мира. Это выглядело странным, поскольку до него посреднические функции осуществляли представители более высокого уровня — министры российского правительства или командующие объединенной группировкой войск. Но Джохар Дудаев никогда не уклонялся от контактов с политиками или журналистами, даже если они подозревались в тайном сотрудничестве с российскими спецслужбами. Он пользовался любой возможностью, чтобы довести нужную ему информацию или дезинформацию до заинтересованных лиц в Москве. В его положении глупо было бы отказываться от такого шанса.

Константин Боровой четырежды приезжал в Чечню и встречался с опальным президентом. Иногда его сопровождала стайка преданных журналистов. Иногда он появлялся на секретных чеченских базах один. Но чаще всего депутат общался с Джохаром Дудаевым по спутниковому телефону — чуть ли не каждый день. Впоследствии он делился сведениями о содержании этих бесед.

— Там было огромное количество конкретных вопросов, — рассказывал он. — Была миротворческая миссия ОБСЕ, с которой у Дудаева то получалось разговаривать, то не получалось. Там были очень конкретные вопросы взаимоотношений Дудаева с ливийским лидером Каддафи. Я объяснял, что этого делать нельзя, с моей точки зрения. Был момент, когда Джохар Мусаевич вдруг стал делать какие-то антиамериканские заявления. У нас был большой разговор на эту тему. Ну не было там никакого антиамериканизма! Может быть, это был «пас» в сторону Каддафи.

Последний разговор

Вечером 21 апреля 1996 года Джохар Дудаев выехал в предгорья Гехи-Чу для

телефонных переговоров. В поездке его сопровождала супруга. Алла Дудаева очень беспокоилась за мужа: ей постоянно снились недобрые сны. «Если умрем, то умрем вместе», — думала она. К тому же на этот раз ей хотелось связаться с американским радио «Свобода» и прочитать свои последние стихи:

Но доброта не побеждает:
Кровавым войнам нет конца.
Путь на Голгофу освещают
Мундиры в рясах без лица.
И неизвестно, чей приказ —
Убить! — звучит на этот раз.

Легковушка, окрашенная в зеленый защитный цвет, въехала на неприметную поляну и встала между двумя небольшими холмами. Деревья, стоявшие на склонах, почти полностью закрыли машину — сверху ее невозможно было разглядеть. Джохар поставил дипломат со спутниковым телефоном «Инмарсат» на капот автомобиля и вытащил кабель антенны.

— Отойди к оврагу, — попросил он супругу. — Ты еще успеешь покорить слушателей своей поэзией.

Свита уже находилась на почтительном расстоянии, чтобы не слышать, с кем и о чем говорит президент. Дудаев поймал сигнал спутника и набрал номер телефона Борового.

— Здравствуйте, Константин Натанович. Как самочувствие?

— Спасибо, Джохар Мусаевич. Меня сейчас очень волнует ситуация с началом мирных переговоров.

— Я вам должен сообщить, что вчера закончился Общенациональный конгресс чеченского народа. На нем принято решение о невозможности переговоров с теми, кто совершил преступления против человечности на территории Чеченской Республики Ичкерия.

— Кто конкретно имеется в виду?

— Списки этих преступников будут опубликованы в ближайшее время.

— Каково было настроение на конгрессе?

— Очень радикальное. Большое количество молодых людей объединились в организацию «Джихад» и готовятся к мести, к приведению в исполнение приговоров против военных преступников.

— Мне кажется, что это очень опасно. Сейчас наметились пути разрешения кризиса, начало переговоров.

— Я уже много раз вам говорил, что это не чеченский кризис, а русско-чеченская война.

— Возможно ли, что начнет налаживаться диалог с теми, кого вы называете национал-предателями? Эти люди готовы на цивилизованный контакт.

— Я знаю. Они уже ищут прямых контактов со мной. Завгаев, Хаджиев и Автурханов уже ползают вокруг... Кстати, в ближайшее время может быть очень горячо в Москве. Вы сами-то в центре живете?

— В центре. Более того, в соседнем доме с Министерством внутренних дел.

— Лучше бы вам сменить на время место жительства.

— Для меня это неприемлемо, Джохар Мусаевич.

— Россия должна пожалеть о том, что она делает...

Разговор неожиданно прервался.

Плач кукушки

Алла Дудаева отошла к глубокому оврагу. Из оврага тянуло холодом и сыростью. Вечернее солнце медленно опускалось за горы. Верхушки деревьев золотились теплым солнечным светом. Птичий хор радостно звенел в весеннем воздухе. И только одна птица издавала странные звуки, напоминавшие то ли плач, то ли стон.

— Ваха, ты же старый охотник, все горы облазил, — обратилась она к президентскому охраннику. — Что за птица так плачет, так надрывается?

Охранник прислушался, но ничего не сказал — отошел к легковушке. Из-за высоких облаков донесся тонкий, еле различимый гул. Над горами кружился самолет дальнего радиолокационного дозора. Он ловил электронные излучения, исходящие со спутникового телефона, и передавал точные координаты. Получив целеуказание, подлетевшие к месту штурмовики выпустили две ракеты с лазерными головками наведения. Первая ракета попала в легковушку и разнесла ее в клочья. Вторая ракета воткнулась в землю рядом, но не разорвалась.

Взрывная волна сбросила женщину в овраг. Боковым зрением она успела увидеть лишь желтое пламя, вспыхнувшее над машиной. Выбравшись из оврага, Алла Дудаева оглянулась — на поляне никого не было. И легковушки зеленого защитного цвета тоже не было — вместо нее дымилась груда искореженного металла. Ничего не видя, она двинулась вперед. И вдруг словно споткнулась — перед ней лежал Джохар. Его лицо было бледным, глаза недвижно застыли, а с губ слетал последний вздох. Она ошупала все тело — повреждений нигде не было. И только на голове, с правой стороны затылка, зияла огромная кровоточащая впадина. Джохар Дудаев умирал — молча, не издав ни единого стога, как полагается чеченскому волку.

Подошел охранник, встал на колени перед Джохаром.

— Это плакала кукушка, — прошептал он. — Она предрекала смерть.

Тезет

В горном селении Гехи-Чу начался тезет — обряд чеченских похорон. Джохар лежал на ковре в чистой, проветренной комнате. Его бледный лоб украшала зеленая лента с арабской вязью, опаленные волосы были убраны под белую ткань. На левой стороне лица горела огненная печать от ракетного удара. В ногах сидела Алла Дудаева и шептала печальные стихи:

О, мой прекрасный бедуин,
С каких песков, с каких равнин
Летит горячий суховей...

Проводить в последний путь приехали соратники Джохара Дудаева. Вице-президент Зелимхан Яндарбиев присел у изголовья и прочитал короткие суры из Корана. Полевой командир Шамиль Басаев долго плакал и молился. Один за другим, не переставая, приходили боевые товарищи Джохара, отдавали ему честь и заходили к вдове — выразить соболезнование.

Алла Дудаева вспоминала, как давным-давно муж поведал ей о родной чеченской земле, в которой хотел бы найти последний приют:

— В долине Ялхорой есть гора со срезанной вершиной. На вершине горы лежат развалины моей родовой башни. А неподалеку расположилось родовое кладбище. Если я умру, пусть похоронят меня в долине Ялхорой — там, где я появился на свет.

Она рассказала устроителю похорон о последней воле Джохара.

— Эта долина — очень открытое место, — ответил он. — Враги знают, где находится башня и родовое кладбище Джохара. Если вас не разбомбят по дороге, то разбомбят, когда будете хоронить. В долине Ялхорой нельзя предавать земле.

Джохар Дудаев был погребен ночью на неизвестном сельском погосте. При захоронении присутствовали только вдова и племянники. Первого чеченского президента похоронили тайно, похоронили без народа, которому он присягнул на Коране и которому служил до конца.

Золотая звезда героя

Борис Ельцин находился с официальным визитом в Хабаровске. Он торжественно возложил цветы к Вечному огню, зажженному в память о воинах, погибших на фронтах Великой Отечественной войны. Было холодно, с широкого Амура дул сильный ветер, и Ельцин захотел согреться. Кремлевская делегация прошествовала в лучший ресторан города, где уже были накрыты праздничные столы. Но опрокинуть заветную стопку Борис Николаевич не успел: президента пригласили к аппарату правительственной связи. Звонил директор Федеральной службы безопасности Михаил Барсуков.

— Докладываю, что только что ударом двух ракет был уничтожен террорист Дудаев.

— Это железно?

— От него только кусочек одежды остался.

— Это правда?

— Так точно!

— Ну, спасибо, Михаил Иванович. С меня — звезда героя!

Борис Ельцин возвратился к столу, приплясывая. Он отставил в сторону стопку и до краев наполнил водкой хрустальный фужер.

— Сегодня у нас праздник! — произнес он. — А вот какой праздник — не скажу. Об этом вы узнаете завтра.

На следующий день информационные агентства сообщили: убит Джохар Дудаев. Известие о гибели первого чеченского президента было воспринято по-разному. Одни со страхом ожидали, что нападения на колонны и блокпосты возобновятся с новой силой — чеченцы начнут мстить за убийство своего лидера. Другие надеялись, что вооруженное сопротивление боевиков ослабнет и кровопролитие в конце концов прекратится. Спустя три дня Москва заявила, что после смерти Дудаева нет никаких сомнений в легитимности правительства Доку Завгаева, который и проведет переговоры с полевыми командирами.

Однако полевые командиры отнюдь не желали брататься с московским ставленником — они заявили, что теперь независимую республику возглавит Зелимхан Яндарбиев, который будет исполнять обязанности президента на законных основаниях. Получалось, что с устранением Джохара Дудаева положение только осложнилось: Москве предстояло иметь дело с менее сговорчивым собеседником. В итоге лично Борису Ельцину скрепя сердце пришлось принимать в Кремле Зелимхана Яндарбиева и вести с ним задушевные беседы.

Правда, после победы на выборах российский президент как будто позабыл о щедрых обещаниях, которые расточал накануне. И тогда перед самой инаугурацией, назначенной на 9 августа 1996 года, полевые командиры, ведомые Зелимханом Яндарбиевым и Асланом Масхадовым, напомнили о себе, проведя удачную операцию «Джихад» и захватив город Грозный. Униженный Ельцин еле-еле упросил Александра Лебеда, своего соперника на выборах, провести мирные пере-

говоры с непокорной Чечней. И тогда генерал Лебедь, вопреки предыдущим патристическим заявлениям, согласился на все условия, выдвинутые чеченской стороной, и 22 августа 1996 года подписал в Хасавюрте позорные мирные соглашения. Российские войска покинули Чечню. Северокавказская республика фактически стала независимой.

А генерал Михаил Барсуков не дождался обещанной награды. Его с треском отставили от должности — честный служака умудрился схватить двух активистов предвыборного штаба Ельцина с коробкой, полной сомнительных долларов. Золотая звезда так и не нашла своего героя.

ЭПИЛОГ

Это было на заре чеченской свободы. Каждое утро к Президентскому дворцу в Грозном подходил стройный юноша. Он жадно вглядывался в лица тех, кто выходил из священного чертога. Он очень надеялся встретить своего кумира — первого чеченского президента Джохара Дудаева. Увы, знаменательная встреча не состоялась. Джохар Дудаев так никогда и не увидел своего преемника — будущего президента Чеченской Республики Рамзана Кадырова.

— Дудаев был умным руководителем, — вспоминал Рамзан. — Народ Дудаева сильно поддерживал. Я любил его, и уважал, и ценил. Чтобы увидеть Дудаева, я выходил на остановку, ехал на автобусе в Грозный и до вечера там ждал, пока он выйдет. Я целый день голодал, но упорно хотел дождаться, чтобы увидеть его!

Рамзан был молодым человеком, когда его отец — муфтий Чечни Ахмат Хаджи Кадыров — делал нелегкий выбор между войной и миром. И в этом ему помогли мудрые наставления великого чеченского святого Кунта Хаджи:

«Война — это дикость, — говорил святой. — Удаляйтесь от всего, что напоминает войну. Ваше оружие — четки, а не ружье и не кинжал. Всякое оружие — признак неуверенности в том, что Всевышний Аллах придет на помощь в нужный час. Кроме того, это ведь шайтан тянет вашу руку к рукоятке кинжала или прикладу ружья. Вы становитесь жертвой шайтана. Погибать в схватке с врагом, который намного сильнее, подобно самоубийству. Самоубийство — самый тяжкий грех. Помните: никто не в состоянии осилить вас и вашу правду, если вы не свернете с пути своей веры — тариката».

Беседуя с сыном, Ахмат Хаджи Кадыров не раз приводил в пример деяния великого святого, который не побоялся выступить против всеильного имама Шамиля и осудить его слепую воинственность. И отец, и сын Кадыровы с большим почтением относились к Джохару Дудаеву, но когда Аллах перенес его на небеса, перед ними встал вопрос: кто и куда поведет чеченский народ через опасные ущелья? Три года после гибели Дудаева на чеченской земле царили свобода и независимость, но не было ни благоденствия, ни покоя — даже новоизбранный президент Аслан Масхадов был вынужден ходить по своей земле окольными путями, опасаясь нападений недружелюбных полевых командиров. А фанатичные пришельцы из далеких арабских стран, известные под именем ваххабитов, только и призывали к священной войне — против неверных, против инакомыслящих, против всякой власти, которая отходит от предписаний шариата. Аслан Масхадов не смог им противостоять, но муфтий Ахмат Хаджи Кадыров считал себя сильнее духом, ибо опирался на помощь Аллаха и народную поддержку.

Закономерно, что в этой справедливой борьбе Кадыровых поддержал Джохар Дудаев — поддержал своими глубокими пророчествами. К примеру, Дудаев пред-

сказал, что война прекратится при новом президенте России. Так оно и произошло. Своевластный Борис Ельцин покинул державный пост, а страну возглавил другой человек, который был открыт идеям и доступен людям. Он не только оказал полное доверие духовному лидеру Чечни, но и сам стал глашатаем традиционных ценностей, закрепленных в обыденном сознании известным перечнем: не пить, не курить, на совесть трудиться, заниматься спортом, уважать стариков, молиться. Это всецело соответствовало многовековым чеченским обычаям. И после десятилетия кровавого хаоса чеченский народ сделал выбор в пользу мира и добрососедства, а вместе с ним этот выбор сделал и Ахмат Хаджи Кадыров, ставший первым президентом Чеченской Республики в составе России. Тогда же осуществился и давний замысел Дудаева, который еще осенью 1991 года предлагал Борису Ельцину тайный план установления твердой пророссийской власти в Чечне, непримиримой к радикальным сепаратистам. Ельцин высокомерно отвергнул этот план, а его молодой преемник претворил в жизнь.

Противники такого политического обустройства обычно ссылались на чеченский менталитет, согласно которому древний чеченский тотем — волк — олицетворял собою, наряду с отвагой и дерзостью, неистребимое стремление к свободе. «Сколько волка ни корми, а он все в лес глядит», — приводили известную поговорку, доказывая, что как невозможно приручить дикого хищника, так невозможно и горца удержать в начертанных пределах. Но они ошибались: приручить волка можно — если самому стать вожаком.

Александр ГОРОДНИЦКИЙ

* * *

Не ждите от истории ответа, —
Она для нас не этим дорога.
Течет неспешно медленная Лета,
Крутые отражая берега.
Ее глубин невидимые рифы
Нам никогда увидеть не дано.
Ее первооснова — это мифы,
В которые поверили давно.
Ее устои вечно преходящи, —
И храмы, что стояли на крови,
И этот бесконечно лгущий ящик,
Который называется ТВ.
Здесь фактам непреложным нету места,
Не отыскать источников иных.
Неверно все: и летописец Нестор,
И повесть лет далеких временных.
Ей дела нет всегда до фактов косных,
Событий, что случались наяву,
Что сразу после битвы Куликовской
Пришли татары и сожгли Москву.
Мы все безоговорочно ей верим.
Ей признаваться вроде не к лицу,
Что Моцарта не убивал Сальери,
«Аврора» не стреляла по дворцу.
Не связана научно структурой,
Во все века, в любые времена,
Она была всегда литературой
И, значит, быть правдивой не должна.

КОНЕЦ ЛИЦЕЯ

Юлию Киму

Позабывшиеся даты,
Словно шрамы на лице.

Александр Моисеевич Городницкий родился в 1933 году в Ленинграде. Советский и российский ученый-геофизик, доктор геолого-минералогических наук, профессор, член Российской академии естественных наук. Широко известен как поэт, бард, считается одним из основоположников авторской песни. Лауреат Государственной литературной премии имени Булата Окуджавы. Заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН.

Здесь расстрелян в двадцать пятом
Александровский лицей.
Всех недавних лицеистов,
Как заведомых врагов,
Утром, пасмурным и мгlistым,
Возле невских берегов,
Расстреляли на опушке,
Где от солнышка светло.
Был бы вместе с ними Пушкин,
И ему б не повезло.
В оголтелом этом веке
Не щадили никого, —
Был бы с ними Кюхельбекер,
Застрелили б и его.
План расстрела сверху спущен,
Он и должен быть таков.
Уничтожен был бы Пущин
И, конечно, Горчаков.
Снисхожденья им не будет, —
Хоть и нет на них вины:
Образованные люди
Новой власти не нужны.
Будет вечно кровью харкать
Эта доблестная рать,
Там, где может и кухарка
Государством управлять.
И не будут лицеисты
Собираться у огня
«В октябре багрянолистом,
Девятнадцатого дня».

САРАНЧА

На Кубани, где в поле кружит саранча
В середине палящего лета,
Почему-то мне спать не дают по ночам
Допотопные главы Завета.
Почему, справедливости вечный оплот,
Бог во время библейское оно
Подвергал наказанию целый народ,
А не только семью фараона?
Почему под его беспощадным мечом,
Через казни жестокие эти,
Пострадали и те, кто совсем ни при чем —
Старики или малые дети?
Но увяз ноготок, и всей птичке пропасть,
И какой бы ни век на планете,
Почему-то всегда за преступную власть
Весь народ постоянно в ответе.
И везде, от полярных до южных широт,

Недород и другие напасти
Что ни день, что ни год переносит народ,
Став заложником собственной власти.
И опять, словно школьник, уроки уча,
Я листаю страницы Завета
На Кубани, где в поле гудит саранча,
От которой спасения нету.

* * *

Нету от старости панацеи.
Стал я с годами и лыс, и грузен.
Мальчик играет меня на сцене,
В новом спектакле в самарском ТЮЗе.
Мальчик, курчавый, как я когда-то,
Смотрит моими на мир глазами,
Пересекает, пlying, экватор,
Песни поет и любовью занят.
Он на меня не похож, и все же
На режиссера я не в обиде.
Не ощутить не могу я дрожи,
Жизнь свою со стороны увидев.
Пусть моя пьеса подходит к краю,
Счастья назавтра не жду, как прежде.
Мальчик, который меня играет,
Вновь возвращает меня к надежде.
Веря в несбыточные легенды,
В жизни реальной крутом замесе,
Я не добрался до «Хеппи-энда», —
Может быть, будет иначе в пьесе.

МОИ ПРАВНУКИ

Такое прежде никогда,
Наверное, не снилось.
Какою меркою ни мерь,
А жизнь идет на лад.
Бог десять правнуков мне дал,
Явив Господню милость.
Я этой милостью теперь
Пожизненно богат.

Он оказал мне эту честь,
Являя лик свой узкий,
И стал теперь необходим,
Как хлеб, что мы едим
Неважно мне, какой он есть,—
Еврейский или русский,
Поскольку он всегда един,
И на Земле один.

Пускай не звал меня пророк
В сияющие двери,
Не разверзался потолок
Под парой белых крыл.
Бог сделал все, что только мог,
Чтоб я в него поверил,
Он сделал все, что только мог,
Чтоб я его открыл.

Пусть мой недолговечен стих,
И сам я жил затем ли,
Чтобы не сделать ничего
За долгие года?
Десяток правнуков моих
Поднимут эту землю
И для народа своего
Построят города.

Взрастет мой маленький народ
Разноименной масти
В недостижимой полосе
Грядущего утра,
И кто-то будет садовод,
А кто-то будет мастер,
И станут воинами все,
Когда придет пора.

Пусть будет в доме их всегда
Веселье и достаток,
Пускай не рвется эта нить,
Что прежде началась.

И я грядущие года,
Их небольшой остаток,
Смогу с улыбкою прожить
И в гроб сойти, смеясь.

СТИХИ О ПОЗВОНОЧНИКЕ

Боль в спине, и поутру, и ночью.
Нету спасу — хоть на крик кричи.
«Полностью изношен позвоночник», —
Говорят сочувственно врачи.
Да и как ему не износиться
На холодных вьюжных северах,
Где пришлось мне двадцать лет трудиться
В партиях, за совесть и за страх!
Там, себя считая молодцами,
Мы лицом не ударяли в грязь,

Рюкзаки таская с образцами,
На уступы мерзлые садясь.
Да и как ему не износиться
На судах за три десятка лет,
Где не раз за время экспедиций
Мы здоровью причиняли вред.
Где к проблемам подходя по-русски,
И в дневное время, и в ночах,
Судовые частые погрузки
На своих мы вынесли плечах.
Не щадя свой позвоночник ломкий,
Я трудился, не жалея сил.
Если б знал заране, то соломки
Где-нибудь, возможно, постелил.
И хотя мы все, увы, не вечны
И уже пора гасить свечу,
Все же позвоночник мой увечный
На другой менять я не хочу.
Потому что, завершая бал сей,
Я скажу: в минувшие года
Он болел, стирался и ломался,
Но не прогибался никогда.

Александр ПОНОМАРЕВ

КАРА-БОРЗ

Рассказ

Колонна вышла из Моздока рано утром, когда заря только окрасила небо багряными красками. Старшим в дороге был назначен командир отряда. Когда остался позади последний осетинский блокпост и машины въехали на чеченскую землю, в небе зависла вертушка. Она бороздила облака, то улетая вперед, то, появляясь откуда-то сбоку. С ней было спокойнее. Но, несмотря на прикрытие сверху, бойцы, сидящие в кузовах автомобилей и на броне бэтээров, оцетинились в разные стороны стволами автоматов.

Отары овец паслись на невспаханных полях, иногда лениво поглядывая на растянувшуюся на несколько километров по дороге и пылящую почем зря гусеницу. Когда подъехали к перевалу, колонна остановилась.

Командир отряда — полковник Макеев, немногословный русоволосый великан, — выпрыгнул из кузова. Он внимательно осмотрел окрестности. Впереди притаилось узкое ущелье, справа от которого ниспадал небольшой водопад с пенящимся каскадом. Две горы, поросшие седыми мхами, возвышались по обеим сторонам, как старухи. Макеев кивнул взводному Карташову.

— Валер, назначь в пеший дозор семь человек, пусть прочешут вон ту высоту и ущелье, — он показал Карташову пальцем, — как только взвод перейдет на ту сторону ущелья, доложат по рации, что путь свободен. Вертушка их сверху прикроет, если что — и он отвернулся с тем, чтобы достать носимую радиостанцию и связаться с летунами.

Небольшое село Кара-Юрт прилепилось к горному хребту. Несколько десятков домов, две длинные улицы и бахча. Вот и все село.

Александр Анатольевич Пономарев — писатель, драматург. Родился и проживает в г. Липецке (Россия). Автор четырех книг прозы и драматургии: «За нас. За вас. За Северный Кавказ» (2008), «Хризантемы для Эммы» (2012), «Эпоха Водолея» (2015), «Бабкины сказки — Дедкины подсказки» (2015). Окончил филологический факультет Липецкого государственного педагогического института, Республиканский институт МВД России по специальности «практическая психология». Член Союза писателей России, Межрегионального Союза писателей Украины, Конгресса литераторов Украины, член-корреспондент Крымской литературной академии. Его произведения публиковались в журналах «Молодежный вестник», «Луч», «Неоновый город», «Подъем», «Доля», «Русское эхо», «Театральный мир», «Петровский мост», «Жеглов-Шарапов и К°», «Балтика», «Берега», «Театральный вестник», «Слово писателя», «Саровская пустынь», литературных альманахах «ЛитЭра». А также более чем в 20 интернет-изданиях России, Украины, Белоруссии, Германии, Финляндии, США, Греции. Лауреат национальных и международных литературных конкурсов «Золотое перо Руси-2009», «Славянские традиции-2011», «Большой финал-2011», «Русский стиль-2012», литературного конкурса МВД России «Доброе слово» 2011 и 2012 годов, «Славянская лира-2014», «Славянские традиции-2014». Дипломант международного литературного конкурса «Славянские традиции-2010».

— Константин Иванович, — командир отряда, который меняла команда Макеева, разливал по алюминиевым кружкам горячий крепкий чай, — особенно ничего примечательного в округе нет. Я так понимаю, отряды здесь выставлены лишь для того, чтобы перекрывать горную тропу. По этой артерии караванами доставляют на Кавказ оружие, наркотики и деньги для осуществления терактов. Жить будете в палатках, мы их вам оставляем. Пищу придется готовить самим. Кухня походная тоже есть. Посты выставлены по периметру села, два выносных. Секреты и засады будете выставлять по мере надобности. С электричеством у нас перебоев не было.

— А как местное население? — Макеев прихлебывал пахучий чай вприкуску с кусочком твердого прессованного сахара.

— Местное население вроде бы ничего. С понятием, — майор улыбнулся, — взаимоотношения довольно терпимые, только если твои бойцы косячить не будут. Спиртным здесь не торгуют, да и не принято это у них. С главой администрации сами познакомитесь. Неплохой джигит. Хлеб пекут две женщины: мать и дочь. Цены не загибают. Дочь — красавица, но кадрить ее не советую, ваххабитская вдова. Ну, вот вроде бы и все.

— Ну, тогда счастливого пути, майор, — Макеев крепко пожал коллеге руку.

— Да, совсем забыл, Иванович, — и майор понизил голос, — завелся у нас тут недавно диверсант.

— В смысле?

— Ну, гадит нам кто-то и по-мелкому и по-крупному.

— Из местных?

— Я думаю, что да. Больше некому. Места знает хорошо. То растяжку поставит на тропе, то наши переставит. Подстрелил часового неделю назад, ранение пушечное, но все-таки. И везде оставляет волчьи следы, иногда клочок шерсти. А в прошлом месяце подорвал машину из комендатуры: один двухсотый, так повесил на ветку волчий зуб, заметили, конечно, не сразу — на черной нитке висел.

— Черная кошка?

— Да я так думаю, что он об этой кошке и слухом не слыхивал. А, и записку нам подбросили как-то. На гляди.

Макеев развернул смятый листок, который ему протягивал майор. На тетрадном листке в клеточку было нацарапано: «Руски ухады, а то тебе месьт Кара-Борз».

— Ого, и как понимать это? — Макеев смотрел на майора сверху вниз.

— Ну, место называется Кара-Юрт. Что означает черная юрта.

— С этим можно поспорить: Юрт переводится с тюркского: и как пастбище, и как место, жилище, и даже как родина.

— Вот видишь, Иванович, ты сам мне лекцию об этом прочитать можешь. А Кара-Борз — это черный волк. Волк вообще у них священное животное.

— Понятно, — Макеев задумчиво поглаживал подбородок.

— Бывай, товарищ полковник. А с волком этим поосторожнее, береги ребят. Думаю — недельку по горам порыскаете и найдете этого Борза, слишком уж он и вправду оборзел, — и майор сам рассмеялся своей шутке.

Первый звоночек прозвенел ровно через неделю. Старшина первого оперативного взвода рано утром подорвался на противопехотной мине. Парня сильно посекло осколками и его сразу же отправили в госпиталь «Северный» вертушкой.

Макеев срочно собрал офицеров в штабной палатке.

— Кто стоял ночью на первом посту? — Макеев внимательно разглядывал командиров двух взводов.

— Сержант Разов, товарищ полковник, — командир первого взвода лейтенант

Дроздов не поднимал глаза на командира, как будто он и был виноват в случившемся.

— Давай его сюда, Дроздов!

Лейтенант молча поднялся и вышел из палатки, махнув брезентовой полкой.

— Какие мысли у других будут? — командир достал из кармана пачку сигарет и, чиркнув зажигалкой, закурил.

— Старшина за водой пошел, — на полковника поднял взгляд капитан Старков, — колодец в пятидесяти метрах от расположения отряда...

— Это нам известно, — Макеев перебил капитана, — короче, Склифосовский...

— А тропа только одна, — невозмутимо продолжал Старков, — примерно в тридцати метрах от ПВД, прямо на тропе стояла МОНка, сработала на движение. Причем поставили ее сегодня ночью — в этом никакого сомнения нет. Вокруг крупные волчьи следы.

— Волчьи? — вступил в разговор врач отряда Корнев. — А почему ты так думаешь? Может, собачьи?

— Волчьи, Владимир Андреевич, — продолжал Старков и поднял глаза на доктора, — я их с другими не перепутаю. Дядька у меня в лесничестве работал. Порою лес обходили с ним по несколько десятков километров. И причем как будто вожак кружил, они так дичь загоняют. Волчьи, это точно.

Разговор прервался, потому что в палатку, подталкиваемый сзади взводным, кряхтя, заходил крепкий черноволосый сержант. Он ошалело огляделся по сторонам, зайдя со света в полумрак. Затем нашел глазами командира и встал по стойке смирно.

— Разов, доложи-ка, мил друг, как службу ночью нес? — Макеев пристально разглядывал сержанта.

— Да вроде бы все как всегда, товарищ полковник, — засопел сержант.

— Ты давай не темни, — подал сзади голос взводный, успевший по дороге распросить часового, — рассказывай, как мне говорил.

— Да под утро заморочило меня слегка, — неуверенно продолжал Разов.

— Заморочило? Это как же? Закемарил? — Макеев стряхнул пепел с сигареты.

— Может, и закемарил, командир. Но только показалось мне, что на тропе, что к колодцу ведет, ну на той самой, призрак появился.

— При-и-и-зрак? — протянул Старков.

— Призрак, — в голосе сержанта появилась уверенность, и он перевел взгляд на капитана, — белый силуэт, как человек вроде, призрак — кто же еще? Мелькнул и пропал. Я совсем уж было собрался дежурному по рации доложить, да подумал — померещилось. Луна спряталась как раз — я и думаю, ветки от платанов в тень попали. И захороводили. И главное — ни звука, ни шороха. Только тени от платана на том месте. Знать бы, что так вот случится.

— Эх, Разов, Разов, — Макеев поморщился, — если бы доложил по команде, как положено, не улетел бы твой боевой товарищ в госпиталь.

— Да я и сам понимаю, товарищ полковник, — Разов сморщился и заморгал глазами, — подумал, померещилось, да и стыдно признаться — побоялся: на смех меня ребята поднимут...

— Да какой уж тут смех, тут плакать надо. Иди, сержант, носи службу, — Макеев бросил сигарету на земляной пол, придавив окурочку каблуком армейского берца.

Когда Разов вышел из палатки, Макеев быстро и в деталях передал офицерам рассказ командира предыдущего отряда про Черного Волка и даже записку показал. После чего в палатке повисла тяжелая пауза.

— Может, и вправду показалось сержанту? — доктор нарушил молчание.

— А мина? — поднял на него взгляд командир второго взвода Карташов.

— Да стояла она тут, может, не одну неделю, а старшина наш только сегодня на нее наткнулся.

Старков молча рисовал прутиком на земле узоры, потом бросил ветку через левое плечо и повернулся к врачу.

— Исключено, Владимир Андреевич, мы с саперами каждую пядь вокруг просмотрели. МОНку сегодня ночью поставили.

— Разову простительно, док, он в первый раз на Кавказ приехал, — Makeев тоже смотрел на врача, от чего тот поежился, — а тебе, стреляному воробью, стыдно в призраков верить. Завтра у нас по горам да ущельям белые кони в кроссовках поскочут. Это, Владимир Андрееч, тот самый Черный Волк, который нам мстит.

— Неуловимый Джо, — осклабился Карташов и зло сплюнул под ноги.

— Так тот никому не нужен был, Валера. А этот нам нужен. Ой как нужен. Это он только начал, вкус крови почувствовал, — продолжал Makeев, — значит так: командиры взводов будут у нас заниматься службой. Ты — док, своими вопросами. А к тебе, Саша, — и тут Makeев просто посмотрел на Старкова, — у меня будет особое задание. Даю тебе две недели, чтобы извести этого призрака. Об этом будем знать только мы пятеро. Попрошу товарищей офицеров об этом никому ни гу-гу. А то вся операция потеряет смысл. Что и как, это мы все вместе прикинем. Докладывать о результатах будешь лично мне, каждый вечер. Понятно?

— Есть, — просто сказал Старков.

— Вот и ладно. На хитрую задницу найдется прибор с винтом. Достанем мы этого Кара-Борза.

Весь день Саня Старков ходил как потерянный. Он что-то шептал, шевеля губами, размахивал руками, чертил пальцем в воздухе знаки, а иногда, резко развернувшись, шел в другую сторону.

К вечеру он решительно заходил в командирскую палатку.

— Я вот что думаю, Иваныч, если это кто-то из местных — то их от меня отвлечь надо. Чтоб думали, что я «казачок засланный». Может быть, найти ребят, недовольных порядком сегодняшним? То да се — поговорить с ними, что хотел бы в горы уйти, стать настоящим джигитом...

— Не получится, — Makeев снова достал из кармана пачку сигарет и принялся щелчком выбивать одну из них, — времени у нас мало. Горцы — народ осторожный. Это тебе тут пару годков пожить надо.

— А что если, — вступил в разговор Корнев, — сделать из нашего Сани пьяницу горького?

И Makeев, и Старков выпучили на доктора глаза и даже не сообразили сперва, о чем это он. Первым в себя, как ему и полагается, пришел командир.

— Вот это ты, Андрееч, выдал! Не пойму я, про что ты?

— А вот про что, — и Корнев хитро сощурился, — ты же говорил: местные не пьют, спиртного я имею в виду. Так?

— Ну, так, и чего?

— А если наш офицер постоянно будет пьяным: на улице, в кафе сельском и везде, короче. Они по-любому к нему будут относиться по первости враждебно, а потом рукой махнут. Мол, никчемный человечешко, и бдительность потеряют.

— И чего мне каждый день горькую пить? — вступил в разговор капитан. — Так сопьешься раньше времени.

— Необязательно, — повернулся к нему доктор, — ты что, пьяного изобразить не сможешь? Не валяться на улице, конечно, а так — вести себя не вполне адекватно.

— Так-так, понимаю, — теперь уже заулыбался Макеев, — но я же говорил, горцы — народ внимательный и очень осторожный. Могут не поверить...

— Поверят, — хлопнул себя ладошкой по ляжке Корнев, — я тебе, Саня, такие капли дам — зрачок будет как у совы — во весь глаз, а под губу нижнюю ватку будешь класть, спиртом смоченную, разить от тебя сивухой будет за три километра. И вот в таком виде садишься ты в чайхану, в руках у тебя фляжка, ну — или бутылек за пазухой, ты знай из нее прихлебывай да отключайся время от времени. Через эту чайхану, почитай, все местные мужики проходят. Может, что и услышишь, может, чего и увидишь...

— Есть одно но, Андреич, — усмехнулся Старков, — языками не владею...

— А вот тут ты не прав, — в свою очередь перебил его командир, — здесь с десяток национальностей живет. Родные языки порою не похожи один на другой в корне. Язык общения для них — русский, а это нас полностью устраивает.

— Ладно, — Старков разминал ноги от неудобной позы, в которой так и застыл с самого начала разговора, — раз совет в Филях постановил, значит, превращусь в никчемного и потерянного для общества человека. Только как бы кто из своих не прибил.

— Об этом не беспокойся. По ночам будешь выходить в свободный поиск. Обо всем будешь докладывать по окончании каждой засады, Саша. Примечай все, даже самые, как тебе кажется, мелочи. Одна голова хорошо, а две или даже больше, — тут он одобрительно посмотрел на Корнева, — лучше. Будешь брать с собой только самое необходимое: фонарик, карту, рацию носимую, два боекомплекта, да чего я тебя учу — не первый год ведь замужем.

— Понял, командир, — Старков, скинув с себя сомнения, мучившие его весь день, потихоньку наполняясь азартом, как собака перед охотой, — все необходимое возьму. Подумаю над этим хорошенько — только рация не нужна, может заскрипеть в самый неподходящий момент, если услышите звуки боя — подскочите меня прикрыть. Волк этот поблизости всегда, вот и я буду пасти его. Постараюсь быть либо на шаг впереди, либо за его спиной. И боекомплект один. Хватит. Брать буду только калибр пять сорок пять, несколько «эфок» и один рожок с трассерами. Если возьмут меня в клещи, вдруг этот перец не один работает, трассерами покажу направление при вашем подходе, — и Старков вопросительно посмотрел на Макеева.

— Согласен. Добро, — на секунду задумавшись, сказал тот.

Солнце потихоньку пряталось за горы. Их вершины, покрытые снежными шапками, сыпали вниз снежную крупу, превращавшуюся в легкую дымку, достигая предгорий.

Из села потянуло запахом сгоревшего кизяка. Саня тенью промелькнул мимо караулов, выставленных по периметру военного лагеря, и, сторонясь дороги, свернул в частые посадки из невысоких деревьев.

— Сначала обойду кишлак, посмотрю — кто и чем дышит. А потом прочешу близлежащую местность, — сказал он сам себе и сразу испугался. Ему показалось, что сказал это вслух. Но вокруг царили тишина и умиротворение, природа засыпала на время прохладной южной ночи, лишь со стороны села слышались звуки, характерные для мест, где живут люди: мычание коров, кудахтанье куриц, плач ребенка.

Эти звуки успокаивали Саню, настраивая на спокойный лад, будто и нет никакой войны. Но он, сбросив оцепенение, настроился на рабочее настроение.

Прокравшись вдоль деревьев, прилегающих к окраине Кара-Юрта, он занял

удобную наблюдательную позицию. Прележав минут двадцать, он поднялся повыше, найдя на горе небольшую площадку и подстелив под себя коврик снайпера, достал ночник и принялся внимательно осматривать село.

Схему села нарисовал ему прапорщик Колесниченко. Серега Колесниченко был давнишним приятелем Сани. На плечах Сереги лежали очень непростые и нужные в командировке обязанности: кормить личный состав подразделения. И надо заметить, справлялся с этими поручениями прапорщик мастерски.

На какое бы место и в какое время года ни приехал отряд, Серега на второй день обзаводился нужными знакомствами, так как от природы был веселым и контактным парнем.

Вот и здесь, в Кара-Юрте, через неделю все местные жители уже приветливо здоровались с ним.

Первый час ничего примечательного Саня не заметил, после двух часов ночи, когда село полностью уснуло и луна стала прятаться за перистыми облаками, подмигивая бойцу то левым, то правым глазом, он услышал, как стукнула калитка.

Из дома вышел человек, он огляделся по сторонам и уверенно зашагал по дороге в сторону зеленки.

Саня быстренько скатал коврик, прицепил к ремню, взял автомат на ремень и, крадучись, последовал за неизвестным.

Человек нес в руках вещмешок, шел уверенно и даже непринужденно, по сторонам не смотрел и наверняка знал цель своего похода.

Саня бесшумно крался по обочине дороги, метрах в трех, то пригибаясь к земле, то передвигаясь короткими перебежками.

Дорога поюлила по перелескам и начала карабкаться в гору. Здесь пришлось побавить пыл, так быстро перемещаться уже не получалось: мешали камни, на которые время от времени натывались армейские «берцы».

Человек бодрой походкой продолжал свой путь, пока не вышел на горную поляну. Вокруг костра сидели чабаны и кипятили чай. В нос Сани сразу ударили запахи крепкого чая и табака. Кавказская овчарка, лежавшая у костра, подняла голову, принялась, лениво встала и поплыла в сторону разведчика.

Саня, чертыхаясь, встал на ноги и быстренько ретировался. Встретаться нос к носу с охранником овечьих отар не входило в его планы.

— Ну, рассказывай, военный, чего ночью видел или слышал, — Макеев расположился на кресле, сделанном из зеленых армейских ящиков из-под гранатометных выстрелов.

— Ничего особенного, Иваныч, чабан сегодня ночью попутешествовал слегка.

— А чего-нибудь необычного не заметил в его путешествии?

— Проводил его до лугов, посмотрел на жизнь простых чабанов, потом, правда, с собачкой в прятки пришлось поиграть, но сыпнул на тропу табаку, она интерес ко мне потеряла. Потом еще с часок понаблюдал и до дому. Через час рассвело.

— Ну, так. Чего сказать тебе, Саня, быстро только кошки рожатся. Продолжай наблюдение. С твоим разложением денька три подождем. Можешь отдыхать.

Саня вышел из штабной палатки и отправился к своему другу Сереге Колесниченко.

Пункт временной дислокации жил своей жизнью: взвод Карташова отрабатывал вводную — подъем по тревоге и выдвижение на позиции в случае нападения на ПВД или обстрела.

Дымила походная кухня, бойцы, переговариваясь, шли за водой, часовые вглядывались в окрестности, а около палаток нахально паслась местная корова, иногда кося на людей в камуфляже перепончатым глазом.

— Здоров, Серега, — Старков присел рядом со старшиной.

— И тебе не хворать, — тот невозмутимо чистил картошку, пряча в уголке рта «беломорину».

— Ничего не слышать в нашем дворе и его окрестностях?

— Пока вроде Бог милует, — Колесниченко понизил голос, — насчет задания твоего, Саня, — откровенных боевиков в селе нет. Все в горах. Приходили зимовать, да как солнышко пригрело — опять воевать отправились. Мадина, это которая нам хлеб печет, и вправду вдова ваххабитская, но она, на мой взгляд, на такие штуки не способна, жидковата...

— Думаешь?

— Я их, знаешь, сколько повидал, думаю, не она это. Дальше чабаны, отары у них большие, люди в селе по горским меркам не бедные. За ними уход нужен, тут не до баловства. Овцы — продукт стратегический, можно сказать, единственно жизненно важный. Земля здесь никудышная, в огородах — сам видел — айва да дыни иногда. Остается наш глава поселения, чайханщик и малый один — он вроде как пришибленный слегка. Во время первой войны еще контузило его прилично, вот крышу у него и сносит время от времени.

— Это как?

— Да, говорят, находит на него: может в горы убежать — его потом с фонарями ищут, то орать начнет — сутками напролет. Для него родные клетку деревянную соорудили. Вот и сажают его под замок иногда — а он орет, как потерпевший, да прутья от клетки грызет.

— Понял, старшина. Спасибо тебе. Присмотрюсь. Может, упустил кого?

— Может, и упустил, Сань. Народу вроде в селе не так уж и много. Понаблюдаю еще — приходят людишки: кому инструмент напрокат нужен, кто молоко на сахар меняет. Попытаю...

— А народ-то к нам как, ну, настроен вообще?

— Да по-разному, но откровенно никто власть не хаает, осторожничают, да и открыто нас приветствовать побаиваются. Хотя в одном все сходятся: при нас порядка и закона побольше. Горцы — народ справедливый.

Саня Старков второй день «разлагался» в чайхане. Расположившись на циновке, он заказывал себе чай, время от времени подливая в пиалу пойло, доставая бутылку из-за пазухи. Спирта в ней было немного, в основном вода, но разило сивухой за километр.

Чайханщик Ваит вначале только морщился, в чайхану люди в первый день вообще не заходили. Косились недовольно на русского пьяницу и, перекинувшись парой фраз с хозяином, уходили.

На второй день Ваит нашел компромисс, с русскими ссориться было не в его планах, заходили они часто и заказывали много. Чайханщик перенес Санину циновку в дальний угол, была бы его воля — отгородил бы это место частоколом, но и этого хватило. Местные вернулись. Садились за чаепитие, разговаривали, смеялись, но потом перестали обращать на Саню внимания — только морщились от запаха спиртного.

Саня в разговоры не лез, да и разговаривать с ним никто не стал бы. Пользы от его сидения на Шипке пока не было никакой. Разговоры были о погоде, о дождях, о заболевшей корове, об урожае айвы — короче, полный порожняк.

— Ваит-джан, налей еще чайку, пожалуйста, — Саня приоткрыл сначала правый, потом левый глаз.

Чайханщик уже нес ему пузатый чайник, затем, ловко убрав со стола пустой, поставил перед ним новый.

- Зачем пьешь, Саня?
- Так жизнь такая, Ваит, не мы такие. Что ж еще тут делать, скука.
- Может, тебе манты или шашлык? А то не кушаешь совсем, только пьешь водку свою, — Ваит поморщился. — Одна женщина спрашивала уже: что этот русский тут водку пьет, у него дома, что, не продается?
- Насмешила... конечно, продается. Нет, доттага, есть не хочу совсем.
- Ты хороший воин, Саня, хороший джигит. Зачем пьешь только — не пойму.
- Да я и сам не знаю.
- Ты перестань, Саня. Надо домой вернуться, а пить будешь — горы этого не любят. Останешься здесь. Навсегда останешься.
- Может, ты и прав, Ваит. Буду помаленьку прекращать.
- Вот и молодец, — Ваит, довольно улыбнувшись, уже отходил от него.

Старков, постучавшись о деревянную стойку, стоял на пороге командирской палатки.

- А, заходи, Саня. Похмелить?
 - Хоть ты не подкальвай, командир, — Саня, откинув полог, зашел и сел напротив Макеева.
- Тот разглядывал карту, иногда делая на ней пометки красным карандашом.
- Ну, рассказывай, — командир отодвинул карту и ловко закинул карандаш в граненый стакан.
 - От чайханы пока результатов никаких, правильно ты говорил: местные — народ осторожный и внимательный. Информации больше от Колесниченко, он слово заветное знает, наверное. Ему горцы душу готовы раскрыть.
 - А ночные вылазки как?
 - Прошерстил окрестности вдоль и поперек. Результата пока ноль.
 - Ну, этого и следовало ожидать. Волк этот осторожный. Он после каждой вылазки затаиться должен. Это мне и предыдущий командир говорил. Хитрый и очень осторожный противник. Ты продолжай поиск, Саня. Не останавливайся, снайпер, как работает, знаешь?
 - Знаю, командир. Сутками цель высиживает.
 - То-то и оно, капитан. А тут цель сложная, неделями вокруг нее ходить надо, а может, и месяцами. Но ты тоже не пальцем деланный. Мне про твою службу в Таджикистане кое-что тоже поведали. Занимайся, Саня.

Ночью Саня устроил лежку под огромным раскидистым дубом. Тот стоял на сопке, и окрестности просматривались очень хорошо с трех сторон, с четвертой мешала зеленка.

Пока село еще не уснуло, Старков решил пораскинуть мозгами. Иногда это очень полезно, всем давно известно.

Он опять взял в руки прутик и уселся спиной к стволу дерева.

— Ага, так и запишем: чайханщик Ваит — фигура в селе известная, днем он все время на виду, человек уважаемый. В чайхане ему помогают два сына-подростка и старуха. Свой дом, довольно неплохой, недалеко от рабочего места, значит. Продукты для чайханы привозит ему старик на мотоцикле с коляской, два раза в неделю привозит. А вот ночью, что делает чайханщик ночью? Хотя если весь день как белка в колесе крутишься — какие ночью приключения? Ночью спать надо!

Саня отломил от прута веточку и положил на землю.

— Номер два — сумасшедший Лом-Али. А может, он только прикидывается умалишенным? Сделает дело, и орать как резаный начинает? Хотя так светиться

настоящий волк не стал бы... ну, так или иначе, со счетов его сбрасывать пока не будем...

Он опять обломил веточку и положил рядом с первой.

— Номер три — глава поселения. Скорее нет, чем да: в разъездах все время, опять же на виду. Кто-нибудь что-нибудь увидел или услышал бы. Да и предыдущая смена хороводила тут по этому призраку, если только сообщник или один из сообщников...

Третья веточка легла на поляну рядом с двумя предыдущими. А прут полетел через левое плечо.

Со стороны села потянуло дымом. Он вначале поднимался вверх, а затем рассеивался от дуновения прохладного ветерка и стелился по траве.

«Кизяком топят», — Саня шмыгнул носом.

Над горами взошла луна, круглая и желтая, как апельсин, какие бывают только в детстве.

Капитан взялся за цевьё автомата, чтобы переложить его поудобнее, и вдруг почувствовал, как по телу побежали мурашки. В воздухе повисло напряжение, и даже звуки на секунду затихли. С той самой непросматриваемой стороны зеленки что-то уже происходило, но что — этого Саня пока не понял. Он на долю секунды замер, и тут же ему в нос ударил резкий и неприятный запах то ли слежавшейся шерсти, то ли псины. Капитан поднял глаза и оцепенел. Слева метрах в трех в лунном свете стояли два волка, стояли и спокойно рассматривали Саню в упор. Появились они бесшумно, как будто выросли из-под земли. Один — крупный, лобастый вожак — черного окраса и поменьше — серый с подпалинами, матерый.

Глаза волков светились в полумраке, как горящие угольки.

«Сколько раз по следам вашим ходил, а увидеть вот так — впервые довелось, — промелькнуло в голове, — вот он, Черный Волк. Да только не два их, минимум с десяток — остальные в засаде, команды ждут».

Саня, не торопясь, перевел руку с цевья автомата на курок, а второй рукой медленно достал из разгрузки армейский нож с костяной ручкой.

Я для вас трудная добыча, братцы, — шепотом произнес он, — не ровен час, троих из ваших положу...

Серый волк поскулил чуть слышно ему в ответ. Но черный стоял, как изваяние, глядя глаза в глаза. От чего Саня поежился, но взгляда не отвел — нельзя. Видно было, что животным неприятны незнакомые запахи: ружейного масла, стали, прокопченного на кострах камуфляжа. Они переминались с лапы на лапу, видимо, думая — нападать или нет.

Волки исчезли так же мгновенно, как и появились. Сане даже вначале подумалось: а не показалось ли все это, а может, и меня заморочило, как сержанта Разова тогда. Но сколько он не таращил глаза в разные стороны, сколько ни смотрел в ночник — волков и след простыл. И следов не отыскал — тропа каменистая.

— Вот и славно, все правильно сделали, парни, — сказал Саня в темноту и сам удивился, насколько чужим показался ему свой голос.

Несколько часов просидел Саня, прислонившись спиной к дубу, отходя от произошедшего. И только прохладный ветер с гор да еще рассвет привели его в чувство. Спать не хотелось совсем: еще вечером он применил старый армейский метод — ложка растворимого кофе с глотком чистого спирта. Сон отбивает напрочь, и глаза как два фонаря, только под утро голова кружится и тошнит слегка.

Но не зря говорят на Руси: «Пришла беда — отворяй ворота». Хотя беды никакой не приключилось, но могла. Могла.

На рассвете Саня скатал снайперский коврик, проверил разгрузку, пару раз зевнул и осторожно двинулся в лагерь.

На тропинке, которая была уже на подходе к кишлаку в одном месте, его больно укололо в сердце. Стоп, боец. Саня присел на корточки, отсоединил от «калаша» шомпол — несколько раз ткнул в землю вокруг, чисто. Затем приподнял траву слева, справа. Входящее солнце ослепило глаза, и на долю секунды в полуметре впереди на тропе что-то ярко вспыхнуло и пропало. Саня гусиным шагом прополз это расстояние и ножом поддел зеленую проволоку. Натянута — у самой земли, припорошена грунтом. По ниточке, по ниточке. Вот она, растяжечка. На меня? А на кого же еще? На меня. Выследил волчара, а может, ему те ночные шепнули.

Вжжж, вжжж, чпок, чпок. Саня успел только свалиться — куда-то вправо. Над ухом прожужжала пуля. Он перекатился с места, в которое упал, схватил автомат и прицелился. Только вот куда стрелять? Саня зорко, очень внимательно огляделся. Вон там впереди, метрах в десяти качнулась ветка. Вот ты где, Кара-Борз. Обойду-ка я тебя слева. Саня аккуратно выдвинулся по-пластунски. И, рывком поднявшись, кинулся к месту засады. Такой прыти призрак от него не ожидал, на долю секунды показался. Мелькнул впереди и сразу пропал.

Саня преследовал его, пригибаясь к земле, где-то замирая, где-то прячась за деревья и пригорки.

«Невысокого роста, очень подвижный, юркий, можно сказать. В маскхалате зеленого цвета — наш армейский. Местность знает феноменально, двигается уверенно, где-то семенит. Где-то перепрыгивает препятствия, как кошка. Пацан? Похоже, что подросток или девушка. Та, Мадина, которая хлеб печет, высокая, стройная. А этот — вьюн вьюном. Все, потерял я его. Сейчас отдышусь. Прочешу лес».

Саня дышал и не мог надыхаться, как тогда в Таджикистане. Впереди послышался треск веток. Саня спрятался за кустом и навел автомат на звук. По тропе, еле-еле передвигая ноги, тащилась старуха. На горбе у нее помещалась огромная вязанка хвороста. Бабка шла прямо на Саню. Саня оглядел ее с ног до головы. Черный платок, черное платье с длинными рукавами, юбка в пол, на ногах калоши. Она опиралась на палку, кряхтела и стонала. Тяжеловат груз для тебя, бабушка. Глаза полускрыты, губы плотно сжаты, орлиный нос, бровей почти нет — да и немудрено, лет-то, наверное, под сто. Слева под глазом небольшой, но заметный шрам. Бабка остановилась в нескольких саженьях от Сани, горестно вздохнула, вытерла рукавом соленый пот, и поплелась дальше. Она прошла в паре метров от капитана, не заметив его в густом кустарнике.

«Все, охота закончена. Всю масть ты мне перебила, мать. Светиться нельзя, хоть и старая бабка, но горянка — внимательная. Запомнить может».

Саня посидел еще минут двадцать и выдвинулся к месту засады.

«Вот здесь я сидел на корточках. Стреляли по мне оттуда. Ага. По ниточке. „Эфка“ у корней дерева, грамотно поставлена. Кабы не солнышко-колоколнышко, вовек не заметить. На колечке гранаты клочок шерсти, даже в косичку заплетен — не поленился диверсант, так хотелось марку поддержать. Саня снял косичку, понюхал, в нос ударил слабый запах слежалой псины. Волчья».

Теперь вернемся назад. Пули, стало быть, полетели в ту сторону. Поищем, вдруг как повезет?»

Саня обходил местность, внимательно разглядывая каждое дерево, каждую ветку. Есть. Вот они, девять граммов в сердце.

У одного из платанов пуля зацепила самый краешек да и застряла в коре, прямо сбоку. Саня выковырнул пулю ножом. Подержал на ладошке, разглядывая, подкинул вверх, поймал, улыбнулся и двинулся в лагерь.

— Выследил волка, молодец капитан, — командир отряда Макеев рассматривал пулю со всех сторон.

- Нет, Константин Иванович, он меня выследил. Засаду на меня устроил.
- Ты ее на зуб еще попробуй, командир, — врач отряда Корнев тоже внимательно рассматривал пулю.
- Калибр девять на тридцать девять. ВСК — войсковой снайперский комплекс. Наше оружие — спецназовское, — Старков доставал сигарету из пачки.
- Думаешь? — поднял на него глаза Макеев.
- Не думаю, знаю, командир. Стрелял бесшумно, с глушителем.
- Дневальный! — командир откинул полог палатки. — Ну-ка бери журнал ориентировок и ко мне.
- В палатку вбежал боец с выдавшей виды конторской книгой.
- Здесь я, товарищ полковник.
- Молодец. Ищи сводки за апрель этого года. Давай-давай шевелись. Десятого или четырнадцатого числа. Нашел? Читай.
- Дневальный встал по стойке смирно и нараспев, как стихотворение, прочитал:
 - Четырнадцатого апреля в десять ноль две у села Кара-Юрт было совершено нападение на машину УАЗ военной комендатуры...
 - Дальше, вон там на третьей строке, — нетерпеливо перебил его Макеев.
 - Где? А-а-а, здесь. Похищены два автомата АК-47 и одна винтовка ВСК. Прокуратурой заведено уголовное дело по статье терроризм номер...
 - Все. Хорош. Свободен.
 - Есть, — козырнул дневальный и вразвалку вышел из штабной палатки.
 - Наш Черный Волк. ВСК у комендачей позаимствовал...
 - Я ж и говорю, — затыкнулся сигаретой Старков.
 - Каков из себя?
 - Маленький, юркий. Бегает быстро — не угнаться. Не мужчина — либо подросток, либо девчонка. Местный — это точно. В зеленом маскхалате.
 - Бегает хорошо, стреляет плохо, — задумчиво протянул врач, вертя в руках пулю.
 - Выходит, так, Андреич!
 - Лица не заметил? — командир поднял глаза на Старкова.
 - Нет. Все время со спины его видел. На голове капюшон.
 - Да-а-а. Задал ты, капитан, задачку. Девчо-о-о-нка. Ну ладно, мы тут по-своему поищем. А ты Колесниченко еще задачу поставь — пусть поспрашивает местных — и в поиск каждую ночь. Давай, Саня, время выходит.
 - Есть, командир, — Саня затушил сигарету о каблук берца и вышел на воздух.

Сергея Колесниченко, как всегда, занимался своим любимым делом — чистил картошку и покуривал. Это — по его словам — как-то успокаивало нервную систему.

- Ого, какие люди, салам, Саня, — старшина приветливо улыбался, — сидай рядышком.
- Здорово, братское сердце, — Старков присел, — давай сигаретку.
- Колесниченко вытащил из кармана смятую пачку сигарет.
- Это — последние, Сань, — не привезли. В горах камнепад сошел, дорогу к нам отрезало. С МЧС сказали: только через пару недель расчистят.
- Эге, и чего же делать нашему курящему брату?
- Табаку тебе отсыплю. Козью ножку умеешь крутить или научить тебя?
- Умею, а бумагой где разжиться?
- Вон смотри — рядом с полевой кухней стопка газет — местные принесли. Бери сколько хочешь, закончатся — приходи еще. У меня этого старья навалом.

— Спасибо, Серега, — Саня засовывал в карман разгрузки пакет с махоркой, — я задачку поставить тебе хотел: поспрошай местных насчет пацаненка или девчонки бойкой. Видел я сегодня утром призрака этого. На черного волка никак не тянет, скорее волчонок. Но бегаёт по лесу — лося обгоняет.

— Хорошо. Не вопрос.

Саня поднялся, чтобы уйти, но почувствовал: не договаривает чего-то старшина.

— Что-то случилось, Серый?

— Да я тебя, Саня, уже неделю спросить хочу, да все недосуг как-то, — Колесниченко смотрел в сторону.

Старков снова сел рядом.

— Ну, спрашивай, коли хочешь.

— Говорят, ты за два месяца перед командировкой развелся...

— А, вон ты о чем. И что еще говорят?

— Да видел я твою бывшую пару раз — ничего вроде баба...

— В том-то и дело, что ничего — пустое место, фальшивка...

— Не жалко тебе? Все ж столько лет вместе...

— Серег, самый короткий путь — это путь правды. Как можно жалеть о человеке, который льет лживые слезы при расставании, пишет лживые письма, составляет лживые дневники, радуется, поет тебе песни под гитару — и все это оказывается блефом? Все нормально, ни о чем не жалею...

— Как-то невесело ты это говоришь...

— Старшина, ты о сроке давности что-нибудь слыхал?

— Ну, мы же с тобой в милиции служим, юристы какие-никакие, конечно, слыхал. Знаю, что это такое...

— У каждого преступления, Серый, есть срок давности. У каждого, даже у убийства. Одного только люди никогда не могут простить. Предательства. Видимо, считается, что предать человека или людей, которые тебе доверяют, — самое страшное и подлое. У предательства срока давности нет...

— Все правильно, Саня, — старшина поморщился. — Да я что, Полина Ивановна моя письмо мне прислала из дома, две недели назад еще. Пишет: видела Санину бывшую, переживает, мол, баба, ты там поспрошай его, может, поостыл малый. А теперь вижу, все правильно: предателей надо вычеркивать — из памяти, из сердца, из жизни — безжалостно. Все, закрыли тему. А насчет пацаненка я поспрошаю, это ты не волнуйся. Сделаю в лучшем виде.

Этой ночью было совсем темно. Луна спряталась за черные тучи. Саня посмотрел на небо — тучи по ходу беременные, поутру дождичек брызнет. Хотя как в горах может «брызнуть» дождик, он знал не понаслышке.

«Ну и хорошо, что луны нет, — подумал капитан, — в ночник наблюдать удобнее». И он достал из разгрузки старый добрый «ворон».

Правда, понаблюдать за селом и обходными тропами не пришлось. Совсем рядом, метрах в пятидесяти, он услышал сначала рык, потом волчий вой, а затем и вовсе леденящий душу крик.

Саня, быстро собрав боеприпасы, взяв наизготовку оружие, тихо двинулся на звук.

Осторожно приблизившись, он посмотрел в прореху забора из старых деревянных слег. В глубине двора стояла большая деревянная клетка, усиленная стальными прутьями. В клетке метался человек. Он то садился на задние ноги, то подпрыгивал, ударяя головой в потолок, то вертелся волчком. Саня посмотрел на него через ночник: человек сел на корточки, поднял голову вверх и завыл по-волчьи. И

столько боли и муки было в этом вое, что у Сани невольно пробежали мурашки по спине. А через прибор ночного видения глаза человека сверкнули, как тогда у волка, — раскаленными угольками.

«Да, в таком состоянии не до диверсий. Вдруг в самый ненужный момент клеммы перемкнет. И ведь он меня не видел. Спектакль играть не перед кем — зритель отсутствует. Скорее всего, и как на сообщника призрака на него положиться невозможно. Разве я бы взял такого в напарники? Никогда».

В горах откликнулись несколько голосов. Волки выли, приветствуя друг друга. В селе залаяли собаки, заскрипели, открываясь и закрываясь, двери. Пора было сворачиваться, что Саня и сделал. При таком шухере засаду не сделать.

Саня сидел у буржуйки, скручивая козью ножку. Да, без курева трудно приходится. Первое время чуть легкие не выплевывал. Крепким оказался табачок. Рядом лежала стопка старых пожелтевших газет. Их безжалостно кромсала и рвала уверенная «омоновская» рука. Дровишки попались сырые да сучковатые. Благо бумага на растопку хоть отбавляй. Со вчерашнего утра шел мелкий моросящий дождь. Теперь может на неделю зарядить — это как повезет.

«„Спортивный вестник Кавказа“. Ну что же, почитаем. Таблицы союзного еще чемпионата по футболу. Ого, „Заря“ (Ворошиловград) — и такая команда тогда была. И вверху таблицы — хорошо играли, наверное. „Динамо“ (Тбилиси), ереванский „Арабат“». Саня перебирал стопки газет, иногда прочитывая передовицы, иногда просто бросая газеты в топку.

И вдруг тревога пробежала по его телу, пробежала и занозой засела в мозгах. Как будто только что он пропустил что-то очень важное. Саня лихорадочно стал пересматривать прочитанные уже газеты, искал глазами старые таблицы и статьи.

С одной из страниц на него смотрела молодая красивая горянка. «Гордость республики — Аминат Адиева. Мастер спорта СССР по спортивному ориентированию, призер молодежного чемпионата Советского Союза». Ну и что? Саня перевернул газету — 21 мая 1971 года. Так это же было при царе Горохе, когда людей было трохи.

Нет, где-то он уже видел это лицо. Миндалевидные глаза, черные брови дугой, орлиный нос, плотно сжатые губы. Слева под глазом небольшой, но заметный шрам.

— Серега, — Саня быстро зашел в палатку взвода обеспечения.

Колесниченко резко вскочил на деревянных нарах, больно ударившись головой о деревянную слегу.

— Блин, ты, Саня, чего стряслось-то? Пожар, что ли?

— Вспоминай: бабка старая, глаза серые, нос орлиный, рост примерно метр шестьдесят. Зовут Аминат. Знаешь такую?

— Ну, знаю. Приходила пару раз, козу искала. Живет в крайнем доме на окраине аула, одинокая, неразговорчивая. Да ты куда?

Но Саня быстро выбежал из палатки.

— Малахольный, далась ему эта старуха, — старшина потирал рукой ушибленную голову.

Капитан Старков положил газету на стол перед командиром.

— Это она.

Полковник Макеев отложил в сторону карту и недоуменно смотрел на Старкова.

— Она — призрак.

— Понял. Быстро и по делу.

— Тогда утром в лесу я за призраком гонялся. А встретил ее. Она и есть —

Кара-Борз. Притворилась, правда, старой и дряхлой, но с ней наперегонки побегать — ушатает вусмерть.

Макеев глазами пробежал статью.

— Дневальный! — в палатку ввалился старшина Разов. — А, это ты, боец. Командуй — в ружье. Сейчас поквитаемся мы с твоим призраком. Только это, Разов, без шума, толкотни и суеты. Понял?

— Есть, товарищ полковник, — и сержант исчез, взмахнув палаточной полой.

Отделение омовцев взяло дом на окраине села в плотное кольцо.

— Товарищ полковник, можно я ее сам возьму? Две с половиной недели по ее следам ходил, — Старков с надеждой смотрел на командира.

— Ладно, давай, Саня, как учили. На рожон не лезь, если бабка отстреливаться начнет — сразу назад. Мы ее дом гранатами закидаем. А то мороки потом — вези ее в комендатуру, в прокуратуру. Да еще в доме ничего как не найдем — доказывай потом. Вдруг она всю приبلуду в лесу прячет! Понятно, капитан?

— Понятно, Константин Иванович. Она хоть и осторожная, да только я ей как снег на голову свалюсь. Неожиданно.

— Ну, давай-давай, действуй много текста, — и полковник нервно улыбнулся.

К дому Саня подполз по-пластунски. Краешком глаза глянул в окно. Занавески плотно зашторены, но в глубине виден свет. Старков аккуратно продвинулся к двери, ни замка, ни засовов на ней не было.

Дверь открылась без скрипа. Саня перенес через порог сначала одну, потом другую ногу. Посидел в сенях, отдышался, постарался успокоить колотящееся, как овечий хвост, сердце. И аккуратно открыв вторую дверь, сделал кувырок внутрь. В доме было тихо, только тикали на стене старые ходики. На столе стояла керосиновая лампа, лежала газета, на ней очки и связка волчьих зубов на нитке. Саня перевел взгляд направо. Рядом с тахтой лежали на полу две противотанковые мины, на них пирамидкой высилась американская противопехотка «клэймор» и подмигивала ему то зеленым, то красным глазком.

«На движуху сработает. Не успею», — пронеслось в голове у Сани.

Последнее, что он увидел, это то, что мины были старыми и ржавыми, и еще мамины глаза. А потом сверкнула молния и тишина.

Взрыв внизу в селе ухнул неожиданно. Гордость республики Аминат Адиева, мастер спорта СССР по спортивному ориентированию, повернув голову, посмотрела с горы вниз. Над селом клубились черные разводы дыма. Лицо ее, прочерченное сединами, не выражало ничего: ни радости, ни сожаления, ни печали. На запястье из стороны в сторону болтались четки из волчьих клыков.

Она поправила лямки армейского рюкзака и уверенной походкой зашагала вверх по горной узкой тропе.

Ирина КОСТЕНКО

* * *

Избытком жизни обдаёт природа,
Разлит над миром несказанный свет.
И только в сердце мрак и непогода,
Душевного согласия с миром нет.

Но что осталось мне? — Найти резоны
И уломать себя до мировой,
Все жестче выживания законы...
Но мне не жить холодной головой.

Где время то, когда была любовью
И вольным воздухом пьяным пьяна?..
Душа скорбит, захлестнутая болью,
В объятьях летаргического сна.

А день поет цветущий и беспечный.
Но разрывая боли оком,
Все пристальней я думаю о вечном,
О неземном отечестве своем.

* * *

О да! Мир виделся бездонным,
Лелеющим твои мечты.
Вставал зарей в виденье сонном,
Манил звездой из темноты...

И ты искал единства с миром,
Тепла, а жизнь летела прочь
По голубым волнам эфира
Сквозь обезличенную ночь.

Ты разучился жить любовью,
И в притяженье пустоты
Душа, захлестнутая болью,
Однажды пала с высоты.

Ирина Михайловна Костенко родилась в 1979 году в Хабаровске. Член СП России. Публикации в журналах «Дальний Восток», «Наш современник», «Филологические науки», в сборнике «Новые писатели». Окончила Высшие литературные курсы, аспирантуру ИМЛИ им. А. М. Горького. Живет в Москве.

И посреди земной пустыни,
Где жизнь не стоит и гроша,
Сном, мукой о нездешней сини
Забылась гордая душа.

* * *

Листья падали с веток покорно
И протяжно кружились в конце.
Ты ушел, улыбаясь притворно,
Сохраняя покой на лице...

Только после паденья такого
Мне уже не войти в колею...
Все — тебе, что осталось живого,
Я тебе каждой ночью пою.

* * *

Безвольна мысль, бессильны руки,
Когда не спишь в аду ночном:
Вобрав движения и звуки,
Пугает сумрак за окном
Всей жизнью, отнятой, напрасной
И ставшей пыткой навсегда...
Я днем хожу на пруд, где ясно
И где прозрачная вода.

Гуляют праздничные люди,
Играет с леской рыболов...
И кажется, все так и будет —
Безоблачно, без трудных слов...
Но знаю: мука возвратится —
Все в прошлом принято всерьез.
И снова будет память биться
В глухом отчаянье без слез...

* * *

Ты не был близок мне, но иногда
Я вспоминаю, словно день вчерашний,
Далекую весну, тот май, когда
Любовь манила нас под тучей страшной.

И разразилась, грянула гроза,
И сила внешняя нас властно разлучила.
Я в церковь шла и, встав под образа,
Беззвучно плакала и Господа молила.

Казалось мне: я сном тяжелым сплю...
Во всей моей судьбе глотком свободы

Был только ты, и я тебя люблю,
Твой голос мне звучит сквозь эти годы...

* * *

Я возвращаюсь мысленно назад
К падению империи. Пожаром
Над городом взметнулся листопад,
Горит листва, а с ней порядок старый.

Окружя пепла, словно островки,
Кленовый лист, как пена, под ногами...
Ты направлял течение реки —
Историю с кровавыми листьями.

Мотивчик осени — любовь и тлен —
В той оргии и буйстве передела.
Его один дыханьем перемен
Разбуженная музыка нам пела.

Я шла за ней сквозь годы наугад.
Ты осязал тот мир, а я лишь вижу смутно:
Смывает контуры событий листопад,
И листья падают на землю поминутно.

* * *

Над темным зеркалом пруда
Прозрачны краски небосвода.
Бесцельно плещется вода,
Симфонией звучит природа.

А разум тщится подобрать
Слова и вычленишь детали...
Безудержный, учись внимать
Стихам, что сами зазвучали

В протяжном говоре пруда —
Дыханье трав и мерном плеске.
Той музыке, что разлита
Над головой в нездешнем блеске.

Игорь ХАРИЧЕВ

ПИКНИК НА ПЛАТФОРМЕ

Рассказ

Он и она встретились в метро.

- Ты не забыл, что сегодня – годовщина нашего знакомства?
- Забыл, – виновато признался он. – Прости.
- Надо это отметить. Вот. – Она раскрыла цветастый пакет, демонстрируя бутылку сухого вина и коробку шоколадных конфет.

Когда они поднимались на эскалаторе, она долго смотрела на него с тихой нежностью, потом прижалась к нему, прошептала:

- Ты рад, что мы вместе?
- Да.
- Я тебя очень люблю.
- Я тебя тоже очень люблю.
- А еще я ужасно соскучилась по тебе. Мне очень-очень хочется.
- Мне – тоже.

Из метро они попали в подземный переход. Вдоль стенки тянулись освещенные витрины коммерческих киосков, яркие, заставленные всякой всячиной – мелкой радиоаппаратурой, видеокассетами, грубоватыми детскими игрушками, галантереей, сувенирами. Все это сомнительное богатство было аляповатым, китайского производства. Он помрачнел – терпеть не мог эти набитые дешевым товаром будки и домики, появившиеся два года назад, в тысяча девятьсот девяносто втором. Прямо-таки ненавидел.

На улице их встретил резкий студеный ветер. Он трепал ее черные длинные волосы, бросал в лицо пригоршни маленьких колючих снежинок. Отворачиваясь от ветра, она улыбалась, поглядывала на него тихими, ласковыми глазами. Он отвечал ей любящим взглядом.

Они шли мимо выстроившихся в ряд коммерческих киосков. Он вновь помрачнел. Косо поглядывал на витрины, ломящиеся от сомнительных товаров. Но вовсе не показное изобилие злило его. Была иная причина для недовольства.

Она почувствовала перемену его настроения.

Игорь Александрович Харичев родился в 1947 году в Куйбышеве (ныне – Самара). Окончил физический факультет Латвийского государственного университета, аспирантуру при Астрономическом совете АН СССР. С 1991-го по 1997 год работал в Администрации Президента РФ, в том числе помощником руководителя Администрации. С 1997-го по 2004 год – в общественных организациях, в частности, в Конгрессе интеллигенции России. Генеральный директор научно-популярного журнала «Знание-сила». Секретарь Союза писателей Москвы, автор 9 книг и более 40 публикаций повестей и рассказов в литературных журналах «Литературная Россия», «Литературная учеба», «Сельская молодежь», «Кольцо А», «День и ночь», «Дети Ра», «Зензивер», в альманахах «Родники», «Словесность», «Учительской газете» и др. Живет в Москве.

— Ты какой-то невеселый. Что-то случилось?

— Нет... Просто задумался о делах. — Не хотел он рассказывать о своей заботе. — Боюсь, что из-за этой дурацкой либерализации все захиреет. И надеяться на какие-то положительные перемены бесполезно...

Она жила в большом бестолковом доме, возвышающемся над округой. Забитые фанерой проемы, оторванная ручка, грязные стены с нацарапанными пакостями. Можно было подумать, что люди давно покинули столь убогое обиталище. Он уже привык к этой парадной — где сейчас порядок, где нет варварства? В своем доме он каждодневно видел похожую картину.

Они вошли в грязный лифт с обгорелыми кнопками.

— Эта страна никогда не будет процветающей, — раздражение взметнулось в нем.

— Что случилось?

— Да вот. — Он обвел рукой лифт. — У нас то же самое. Это везде. Это образ жизни. Наш народ не может жить порядочно. Ему нужен хлев.

— Успокойся, — сказала она, глядя тонкими пальцами его щеку. — Я стараюсь не замечать. Иначе — сплошное расстройство.

Ее этаж был предпоследний.

У двери она долго шарила в карманах шубы, перерыла сумочку. Вид у нее был растерянный.

— Нет ключей, — беспомощная улыбка выскользнула на ее лицо.

— Может, ты их дома оставила?

— Утром были. Я в поликлинику заходила. Были. Я точно помню. Наверно, выпали, когда я шубу снимала. Я ее на стул положила, там, у кабинета.

— Посмотри еще раз, — попросил он.

Она вновь принялась копаться в сумочке, проверять карманы — ключей не было. Он печально улыбнулся. Вот так. Быть у самых дверей квартиры — и не иметь возможности войти. Чертовски обидно!

— Надо сходить в поликлинику, — сказал он.

— Я тоже так думаю.

И вновь неприветливый февральский денек принял их. Продирающий ветер заставил плотнее застегнуть ворот. Асфальт покрывала вязкая жижа — снег, перемешанный с грязью. Улица казалась скучной, унылой до невозможности. Город — равнодушным. Блеклым. Надоевшим самому себе.

В холле первого этажа поликлиники, словно пытаясь взять вошедшего в кольцо, теснились киоски в виде отдельных будочек, втиснутые в проемы. Выпивка, видеокассеты, косметика, радиотовары — все то же, что и везде. Яркие этикетки. Обилие красок, названий.

«Боже, и сюда они добрались», — подумал он с тоской.

Они поднялись на третий этаж, прошли к стоящим вдоль стены стульям, на которых сидели рядком люди, уже превратившиеся в пациентов. Она стала заглядывать под крайние стулья, пациенты с удивлением наблюдали за ней. Ключей нигде не было.

— Простите, ключи никто не находил?

— Нет, — ответила за сидевших с краю полная пожилая женщина с печальным лицом. — Вы у врача спросите.

Спросили. Врач ничего не знал.

— Может быть, кто-то нашел и передал вниз? — мрачно предположил он.

В регистратуре ключей не было. У гардеробщицы их тоже не оказалось. Злой рок не давал им возможности уединиться в ее квартире.

— Что будем делать? — Тихая ирония высветилась на его лице.

— Не знаю, — упавшим голосом проговорила она и виновато глянула на него. — Ты сердисься на меня?

— Ну, что ты... Просто обидно.

И опять ветер, неприятный, нахальный, норвящий забраться за ворот, заставить ежиться. И грязная улица, с полузамерзшими лужами, с черной жижей на асфальте, которую приходилось месить.

Она взяла его под руку.

— Прости. Я же не хотела.

— Я понимаю... — Он тихо улыбнулся. — А как ты домой попадешь?

— К четырем сын вернется.

Они шли назад, к ее дому. Хотя непонятно было, зачем они туда идут.

— Как у тебя в институте?

— Плохо, — сказал он. — Опять нет денег на зарплату. Непонятно, как дальше жить.

— А твоя книга?

— Смешно сказать. Полтора года работы, а на гонорар пальто не купишь. Говорят, научно-популярные книги плохо идут, поэтому больше платить не могут. — Он тяжело вздохнул. — Умственным трудом сейчас не проживешь. Какой-то идиотизм. Нет, этой стране ученые не нужны, — с обидой закончил он.

— Успокойся, — она смотрела на него так, как смотрят на ребенка, которого надо утешить. — Все будет нормально. Я уверена, что тебе дадут грант.

— А я не уверен.

— И зря, — строго проговорила она. — Нечего себя так настраивать. Куда мы идем?

Он с раздражением смотрел на одинокую коммерческую палатку, притулившуюся на тихой улочке. Он не мог себя сдержать. Дело в том, что два года назад его жена бросила науку и пошла работать в палатку — сидеть через день с утра до вечера в ярко раскрашенной будке, продавая выпивку, сигареты и жвачку. Поначалу его смущало то, что она стала получать гораздо больше него. Позже он заметил, что у нее появилась неумная страсть к вещам, к пустой болтовне. Ей названивали ее новые знакомые с неприятными голосами.

Они с ней стали чужими людьми. Дочь — вот что держало их вместе. И какая-то сила инерции, остатки давних чувств.

Дочь любила его. И он ее — тоже. Он переживал, видя, что она постоянно торчит у матери в палатке. Он боялся, что она пойдет по стопам матери, которая уже не мыслила себя без мелкой коммерции, без какой-то пустой, бездумной, жалкой, хотя и сытой жизни.

Февраль окружал их. Они шли не спеша, не зная, как им быть. Вдруг его лицо оживилось.

— Знаешь что, поехали ко мне на дачу. У меня с собой ключи. Я их забыл выложить.

Троллейбуса, как назло, долго не было. На остановке мало-помалу скопился народ. Потом приехал набитый битком усталый троллейбус. Они с трудом влезли на заднюю площадку. Платить за проезд он не стал: при такой тесноте никакие контролеры не станут проверять талоны. Ему было немного стыдно, и, как всегда в подобных случаях, он успокаивал себя, что при такой зарплате не то что имеет моральное право, а просто обязан ездить бесплатно.

Они стояли, прижавшись друг к другу. Им было хорошо вместе. Их толкали в спину, в бока те, кто пробирался к выходу, но они почти не замечали этого. Они смотрели друг другу в глаза и молчали. Потом он прошептал ей на ухо, тихо-тихо:

— Я тебя люблю.

Она кивнула ему в ответ, ее голубые глаза светились нежностью.

— Давай куда-нибудь сходим на будущей неделе, — сказала она позже. — На выставку или в кино.

— Хорошо, — согласился он.

Едва они приехали на вокзал, он сразу кинулся к стенду с расписанием. Она шла за ним следом. Глянув на расписание, он тотчас разозлился.

— Ну, ты подумай! Все против нас. Черт возьми! Все против. Последняя электричка только что ушла. Теперь два часа перерыв. Если бы троллейбусы ходили нормально, мы бы на ней уехали. А теперь что? Я же не могу исчезнуть на работе до вечера. Дурацкая страна. Как тут жить?

И вновь она смотрела на него так, как смотрят на ребенка, которого необходимо утешить:

— Не сердись. Конечно, обидно. Отнесись ко всему философски. Почему мы считаем, что судьба должна всегда быть к нам благосклонна? Спасибо ей за то, что мы встретили друг друга. Ну, а сегодня не все удастся. Зато мы сейчас вместе, и это главное.

Он посмотрел на нее с кислым выражением лица и улыбнулся вымученно, через силу.

Они пошли обратно. Она сжала своей узкой ладонью его крепкую ладонь. Он молчал. Раздражение почти улетучилось. Но мозг его продолжал искать выход. И секундой позже он встрепенулся:

— А если ты возьмешь ключи у сына?

Она обдумала его слова и произнесла неуверенно:

— Я не помню, когда ближайшая перемена.

— Ничего страшного. Если будет урок, заглянешь в класс, попросишь прощения у учительницы, объяснишь, что потеряла ключи.

Она весело посмотрела на него.

— Ладно. Поехали.

На этот раз им не пришлось ждать троллейбуса. И даже нашлось место, чтобы сесть рядом. Она положила голову ему на плечо.

— Видишь, как хорошо, — проговорила она. — Мы вместе, над нами не каплет. Тепло. Маленький кусочек счастья. Ты рад?

— Рад... — не слишком бодро ответил он.

За окном проплывали старые дома, запущенные за долгие годы советской власти, уставшие от тяжелого воздуха, от мельтешения людей, от человеческой вздорности.

— Давай уедем в Париж, — тихо сказала она.

— В Париж?! — удивился он. — Как?!

— Не знаю. Как-нибудь. Хочется какой-то другой жизни. Красивой, устроенной... Может же хотеться?

— Может, — снисходительная улыбка тронула его лицо.

— Как они там живут? У них ведь совсем другие проблемы.

— Другие.

Около ее дома они вышли, миновали грязный, заставленный железными гаражами двор и оказались на другой улице.

— Проедем две остановки на трамвае, — сказала она. — Так быстрее будет.

Он не собирался возражать. Ему хотелось одного — побыстрее оказаться с ней наедине. В ее уютной квартире. И это теперь было почти реальным. Оставалось чуть-чуть. Похоже, злой рок, который преследовал их сегодня, отступил.

Он смотрел на нее радостными, веселыми глазами — все-таки она красивая. И ужасно добрая. Идиот ее бывший муж, такую женщину бросил.

— Ты что? — спросила она.

— Ничего, — и шепотом: — Я тебя люблю.

Она поцеловала его.

Трамвая все не было и не было. Он начал нервно поглядывать на часы. Всмотривался вдаль. Зло смотрел на коммерческие киоски, обступившие трамвайную остановку. Очередная задержка тревожила его.

— Наверно, опять авария, — проговорила она. — Пошли пешком. Что делать.

— Надо было сразу идти, — хмуро сказал он.

— Ну, я же не знала, что так будет. Не расстраивайся.

Минут через двадцать они приблизились к скучному серому зданию в четыре этажа. Судя по всему, шли уроки. Он остался на улице, а она вошла внутрь.

И вновь он поглядывал на часы. Он прикинул, сколько времени надо для того, чтобы подняться на третий этаж, заглянуть в класс, объяснить учительнице, в чем дело, взять ключи. Она должна была уже вернуться, но ее не было. И он нервничал.

Когда наконец она появилась, у нее был виноватый вид.

— Что случилось? — обреченно произнес он. — Твой сын тоже потерял ключи?

— Нет, — сказала она. — Я не знаю, где его искать. У них урока нет. Учительница не пришла. Он куда-то ушел с ребятами.

Вот оно. Он расслабился, решил, что все в порядке, и на тебе. Надежды на то, что они смогут наконец очутиться в ее квартире, окончательно разрушились.

— Я чувствовал, что какой-то злой рок висит над нами. — Вид у него был мрачный. — Вот тебе и годовщина. Все было бесполезно. Зря только время потеряли.

— Но мы были вместе.

— А что толку?

Она не ответила.

Они молча шли назад. Мимо пронесся трамвай, который он проводил мучительным взглядом — теперь, когда уже некуда спешить, это шумное чудо техники тут как тут.

— Ну, не расстраивайся, — наконец проговорила она. — Я тебя прошу. Конечно, я во всем виновата. Не надо было ключи терять. Я сама расстроена. Мне так хотелось нашу с тобой годовщину отметить. И на тебе...

Они опять молчали. Рядом деловито неслись автомобили, урчали настырными моторами, спешили неведомо куда. А они — он и она — шли не спеша.

Вдруг она взглянула на него озабоченно:

— Наверно, ты страшно голоден.

— Да.

— А там тебя ждет прекрасный обед. Надо же, как получилось... Идем, — решительно проговорила она.

Сначала они зашли в булочную, и она купила булку, потом в соседнем гастрономе — заморского плавленого сыра с ветчиной. Он с усмешкой наблюдал за ее действиями.

— И где мы устроим трапезу? — поинтересовался он, когда они вышли из гастронома. — На улице сыро и мерзко. В каком-нибудь подъезде? Неохота.

— Есть одно место, — спокойно проговорила она. — Увидишь.

Он с недоумением обнаружил, что они идут к метро. Мимо в очередной раз тянулись витрины коммерческих киосков. Он терпеливо ждал, чем все кончится.

Они в самом деле зашли в метро, спустились вниз, прошли в самый конец платформы, туда, где стояли две длинные скамейки вдоль стены. Сели на последнюю.

Он с интересом наблюдал, как она вытащила из пакета булку, сыр, вино. Бутылку протянула ему:

— Ты можешь открыть?

— Попробую, — игриво сказал он, снял фольгу и, достав большой ключ от дачи, принялся продавливать пробку внутрь.

Из тоннеля донесся нарастающий шум, потом выскочил поезд, заполнил тесное пространство грохотом. Замелькали смазанными светящимися прямоугольниками окна. Как бы нехотя поезд остановился, и его последняя дверь, лениво раскрывшаяся, оказалась как раз против них. Находившиеся в вагоне люди стояли неподвижно — на этой станции из последнего вагона никто не выходил. Пассажиры с любопытством смотрели на него с бутылкой в руках и на нее, держащую булку. Ему стало неловко. Он повернулся к ней, тихо проговорил, стараясь быть непринужденным:

— Мы так и будем выпивать под присмотром?

— Они сейчас уедут, — сказала она. — И ты их больше никогда не увидишь.

Дверь закрылась, отделяя от него любопытные взгляды, поезд мягко тронулся, увозя тех, кто мешал ему.

Он продавил-таки пробку внутрь, попробовал вино и крякнул от удовольствия.

— Хорошее.

— Давай выпьем за нас с тобой. За то, что мы уже целый год вместе, — сказала она и протянула ему большой кусок булки.

Он глотнул вина, поставил бутылку перед ней и откусил булку, удивительно мягкую, вкусную, добавил кусочек сыра. Это было блаженство. И тут вновь возник издали шум, приволок за собой поезд. Вновь раздвинулись створки, и люди смотрели на них: он с полным ртом, с куском булки в руках и она — с бутылкой. А между ними — булка, оторванная с одной стороны, сыр в раскрытой фольге, коробка конфет. Пикник на платформе. Все логично: ведь они познакомились на этой станции, когда он помог ей нести тяжелую сумку.

«Видела бы жена, — мелькнуло у него. — Видели бы сослуживцы. Выпиваю в метро. Как последний бомж... Ну и пусть».

И вновь сомкнулись створки двери, и поезд увез любопытные взгляды.

— Ты на самом деле не обижаешься на меня? — спросила она.

— За что?

— За то, что так все получилось. Что ключи потеряла. Праздник испортила.

Он долго смотрел ей в глаза, думая, как хорошо ему с этой женщиной. Даже здесь, в метро, в столь странной ситуации. Потом нежно улыбнулся, произнес:

— Нет. Праздник ничто не испортит. Я тебя очень люблю.

И он притянул ее к себе, губы их слились. Он слышал, как очередной поезд влетел на станцию, замедлил свой бег, раскрыл двери. Он чувствовал взгляды тех, кто смотрел на них. Ему было плевать. Пусть смотрят. Пусть.

Владимир ИВАНОВ

* * *

Спи подробно, ангелок,
Все в твоих руках.
Спи не так, как прежний лох —
Наспех, впопыхах.

Вправо-влево не виляй
За любой косою,
Всякой время уделяй
Мелочи простой.

Ибо что он значит — жук
Или там — паук?
Трубки сталинской мундштук,
Метронома стук.

Прежний, под любой галдеж,
Сладко дрых в пивных.
По Освенциму бредешь
В поисках родных.

Жми назад, но не газуй,
В зеркала гляди.
Да глаза во сне разуй,
Резкость наведи:

Кто там — леший или куст?
Ближе подойду.
Или буду я мангуст
В яблочном саду.

Спи к родимым, спи к своим,
Спи на Землю, спи...
Где, притихшие, стоим
В ледяной степи.

Владимир Николаевич Иванов родился в 1976 году в г. Городец Нижегородской области, окончил Нижегородский юридический институт МВД РФ. Печатался в журналах «Арион», «Новый мир», «Октябрь», «Волга». Автор книги стихов «Мальчик для бытия» (2009). Живет в Костроме.

ЭГО

Бедный мальчик, тебя я люблю.
И когда-нибудь усыновлю.
Разгадаем и раздвоимся —
Ты останешься маленьким принцем,
Я — в финансовый вуз поступлю.

Не оставим мальчика без отца.
Вот я старше на четверть часа,
Вот на год, расшатался молочный,
Лезет клык желтоватый, но прочный,
И спина прорастает борца.

Вот ярчайшую неба звезду
Я на хату, поддатый, веду,
Обхватив ее взрослой рукою...
Ты же грезить не смей про такое,
Стой под музыку в летнем саду.

В ОЖИДАНИИ БЛЮДА

Оторвись-ка на миг от бифштекса, хомяк,
И ответь — почему нам все время хамят?
Почему растворился гарсон без следа?
Ладно, лопай, приятель,
И слушай сюда.

Говорят, у услуги зарплата мала,
Мол, нужда вынуждает рабочих стола
Разевать на гостей ядовитый свой рот
И плевать по дороге нам в борщ и компот.

Говорят, что не учат у нас персонал,
Прямо так запускают в обеденный зал,
И они там парят и такое творят...
Как стервятники, гнезда чужие зорят.

Может, школа виновна, а может, детсад,
Может стоит кому-то начистить фасад?
Знамо, стоит, и знать не желают причин
Сотни женщин нарядных, опрятных мужчин.

Я бы к ним с удовольствием, кстати, примкнул —
Тоже к роже нахальной кулак протянул...
Нет, спокойно! Сиди, ковыряй свой гарнир.
Миру — мир! А не Миру — боксерский турнир.

Дело в том, что в свихнувшейся этой стране
Мы с товарищем Богом давно наравне,

Мы с тобой наравне, чем же хуже оне —
Третий час подающие окуня мне?

* * *

Соседу Юре

Не скажу! Все равно не поверят
Поздней жертве войны мировой
Те, кто, походя, наши потери
Обзывают землей и травой.

Мол, за давностью десятилетий,
Звался Лавром, зовись лебедой.
Из вещей же на каждом скелете
Только пряжка цела со звездой.

Ни имен, ни фамилий, ни званий.
Даже если отроют кого,
Ивановым каким-нибудь Ваней
Занесут в поминальник его.

Но когда над собой **мы** заносим
Поллитровку любого говна...
Тише, мыши! Земля произносит
Безымянных солдат имена.

Мы дудим молчаливо, по кругу,
Счет паденьям веда кадька,
А она нам под руку, под руку,
И дрожит (от волненья) рука.

Ритуал этот самый, обряд ли
Старше трех ваших залпов скупых.
Понял, нет? Так подай на снаряд для
Поминальных орудий слепых.

ГОП-СОНЕТ

А. Пермякову

Когда зажгут над площадью салют
И волки на окраинах завоют,
Студента при подруге изобьют,
Сыграют в пас ученой головою.

Все зашипят: «Мешаете смотреть!»
Студент, очки в платочек собирая,
Своей подруге запретит реветь —
Очки, мол, пустяки, не надо, Рая.
Раиса будет всхлипывать, а он...

Отсутствовать, в расчеты погружен,
Весь скорбный путь — от площади к общаге:

- а) Вундеркинд с отсрочкою в войска;
- б) Эти — явно годные в войска;
- с) Все по **эту** сторону присяги.

РУССКАЯ ЭЛЕГИЯ

Мне вчера в новостях показали
То, с чем в жмурки играла душа.
Помню, в детстве дрались на вокзале —
Морда в кровь, вся любовь... а детали,
Нету в памяти их ни шиша.

Или в отпуске — случай недавний,
Там разбился при нас скалолаз.
Я не видел, мешала спина мне,
Чья — не помню. К тому же в глаза мне,
Солнце было в глаза мне как раз.

Пью за вас, слепота с амнезией,
За тебя, хмурый брат Ленинград,
Где на саночках мертвых возили,
Но табличку «Герой» водрузили,
Затерев депрессивное «Ад».

Перекрой же, Господь, им каналы,
Про кубанских крути казаков,
Где Ладынина роли играла,
У тебя их, я знаю, немало,
Где поет про танкистов Крючков.

Сергей ЗАХАРОВ

РАССКАЗЫ

БЕЛЫЙ ПУХ НАШЕЙ ЯДВИГИ

Всю жизнь, сколько мы ее помнили, Ядвига мела.

Шаркала и шаркала неспешно метлой; осенью сгребала и жгла за ржавыми гаражами бурые, едким дымком исходящие листья; зимой, вооружившись совковой лопатой или скребком, она убирала снег. Железо скрежетало о мерзлый асфальт, взвизгивало и рычало, царапало нам нервы и слух — потому, может быть, мы досадовали порой на дворничиху Ядвигу.

В минуту отдыха Ядвига, устроившись на желтой скамье, потягивала дешевое вино из плоской импортной фляжки, подаренной непутевым сыном Николаем. Для того, чтобы опьянеть, в ее возрасте требовалось не так уж много, да она, казалось нам, и родилась такой — слегка уже навеселе.

Подвыпив, Ядвига пела — каждый раз одну и ту же, выученную нами давно наизусть песню о черном вороне, какой, невзирая на просьбы дворничихи, с редкостным упорством вился и вился над ее головой.

— Думаете, всю жизнь Ядвига старухой была? — говаривала, обращаясь к нам, дворничиха. — Нет деточки, раньше все не так у Ядвиги было! Раньше Ядвига красавицей была — и какой красавицей! В хоре пела, в сарафане да кокошнике, перед Сталиным самим один раз выступала, в Кремлевском Дворце Съездов — в пятьдесят первом, как сейчас помню, году. Не-е-т, деточки, Ядвига — другие знала времена, другие пела песни!

А мы, дети девяносто шестого дома — недоверчиво улыбались. Да — по тому, как кружил в ее исполнении ворон, можно было сказать наверняка: когда-то она действительно умела петь, и очень, должно быть, неплохо — но теперь растрескавшийся от старости, потускневший от времени голос ее не вызывал особых симпатий.

— Да уж — перед Сталиным! — хмыкали мы. Сама возможность этого представлялась нам смехотворной: Сталин — он был из учебников по истории, командовал шестой частью суши, жил в Кремле, ухоженные имел усы и миллионами истреблял врагов народа, за что гореть ему в аду неугасимо — а кто, скажите на милость, Ядвига?

Дворничиха — обычнойшая из обычных. Но все же...

Вечная дворничиха, живая реликвия нашего двора, ничуть не менявшаяся с годами — только новые борозды резало время на усохшем ее лице. Да и вся она, в неизменно-небесной спецодежде, скрадывалась и истончалась, мумифицировалась

Сергей Валерьевич Захаров родился в 1976 году в Белоруссии. Окончил Гомельский Государственный университет по специальности «Преподаватель английского языка». Служил в пограничных войсках РБ Беларусь, работал преподавателем английского языка, переводчиком, переводчиком-синхронистом, переводчиком технических текстов, сотрудником газеты, грузчиком, охранником, фермером, экспедитором, консультантом и т. д. Автор книги: Сергей Захаров, Maria del mar. «Сука, не взявшая верх». М.: Издательство ООО «Эрфольг-А», 2008. Член Союза российских писателей. Живет в Испании.

до предела — но, как прежде, мела и мела, шаркала мерно метлой, а где-то там, за периметром нашего двора, уходили Генсеки, умирали Генсеки и являлись новорожденные Президенты — чтобы тоже потом уйти.

Не выдвигаясь за ажур ограды, Ядвига совершала головокружительные путешествия из государства в государство: начав мести в Советском Союзе, она, с нехитрым своим инвентарем, перебралась в СНГ, а оттуда уже — в Беларусь, где и обосновалась на завершительное жительство.

Вот такая была она, Ядвига — мела, тянула винцо, перелитое в заморскую, недобрым сыном привезенную фляжку, распевала песню об упрямом, как осел, вороне и грешила, как казалось нам, чрезмерным хвастовством.

Подвыпив, путаясь в мыслях и словах — в голове у нее и без вина перемешалось все, пылью покрылось и плесенью, заткалось густо паутиной, как на ветхом чердаке под снос назначенного дома — она хвалилась, какой замечательной красавицей ходила когда-то и скольких мужиков лишила покоя, сна и остатков разума. Гордостью Ядвиги и главным ее аргументом в те времена была русая, чуть ли не до пят, коса — так, во всяком случае, утверждала она сама.

А нам, признаться, трудно было поверить в это, глядя на легчайший и белый, как снег перводекабрьский, пух на голове дворничихи, сквозь который просвечивала желтовато-розовая, в пятнах пигментных кожа.

Так жила эта Ядвига, управлялась по дворничьим своим делам, тянула копеечное винцо, единственную пела песню, хвасталась напропалую на желтой скамье — а мы, пацаны девяносто шестого дома, подрастали, заканчивали школу, шли в армию и институт, мы женились и уже наши дети шевелились в животах наших жен — мы окончательно привыкли к Ядвиге, древнему, по большей части пьяненькому и любящему прихвастнуть существу.

* * *

Тем более были мы удивлены, узнав, что Ядвига — умерла.

Как это так — умерла? С чего бы вдруг — умерла? Глупости какие-то — не может этого быть! Столько лет жила себе да поживала, не меняясь ничуть с годами: все тот же белейший пух, морщины в палец толщиной на съезжившемся лице — а тут вдруг умерла!

Мы рассердились даже — нельзя же так нарушать установленный некогда ход! Но фактом оставался факт — дворничиха Ядвига действительно, как говорят чопорные британцы, присоединилась к большинству.

Николай, сын ее и поздний ребенок, давно уже обретался на кладбище; кое-кто вспомнил, что во Владивостоке должна проживать Ядвигина дочь — но адреса ее никто, разумеется, не знал. И, поискав в квартирке Ядвиги — пахло там непередаваемым, чуть-чуть едким запахом вековой старости, близкой, нестрашной и ожидаемой смерти — наши старухи обнаружили коробку от конфет «Ласточка», завернутую аккуратно в целлофан и перетянутую резинкой, а в коробке этой — фотографии, документы и корреспонденцию: открытки и письма отдаленной, дальше некуда, дочери.

Да, да — именно тогда без особого удивления познакомились мы с прежней красавицей Ядвигой, с длиннейшей русой косой, в сарафане и кокошнике, Ядвигой, глядящей на нас с фотографии, сделанной в пятьдесят первом году, в том самом Дворце Съездов... Без особого удивления — мы ведь не были больше детьми. Мы в положенный срок прозрели и поняли, что Ядвига не умела просто-напросто врать — не дано ей было этого искусства от природы.

Дочке Вале отправили телеграмму, но Владивосток подальше, чем магазин «Символ», да и дочь — давно уже бабушка, и вряд ли можно было рассчитывать на своевременный ее приезд.

И тогда за дело взялись старухи — интеллигентные городские старухи.

Старухи пошли по квартирам — и каждый, даже самый безденежный из обитателей девяносто шестого дома, дал, сколько мог.

Покойницу обмыли, одели соответственно случаю и поместили в новенький, пахнущий свежей сосной гроб, в изломанные старостью пальцы сунули тоненькую восковую свечку — торжественно сделалось и хорошо.

Ядвига лежала строгая, с окостеневшим, как-то разгладившимся лицом; белейший, легкий пух ее забран был траурным платком. Городские старухи молились — сдержанно, аккуратно, негромко; в два часа пополудни прибыл пастор Камоцкий, живущий в соседнем подъезде. Этот пастор запомнился нам душевным и свойским человеком; когда-то он инженерил на Химкомбинате, но настоящее его призвание заключалось в другом.

Постояв немного, вглядываясь в лицо покойной, отдалив движением ладони сгрудившихся людей — их слишком много набилось в необъемную Ядвигину комнату, пастор сказал короткую, трогательную и простую проповедь — тем несравненным, напевным и глубоким голосом, каким обладают воистину талантливые священники.

* * *

Не припомню, что и говорил Камоцкий — сам я, замороженный музыкой его голоса, особенно не вслушивался в смысл произносимого, но, из-за неведомого угла сознания, из чужой и смутной глубины явились на поверхность слова, никем не сказанные и, должно быть, пришедшие на ум потому лишь, что я разглядывал белейший пух Ядвиги, полоску его, не скрытую за черным узорчатым краем: « пусть будет ей пухом земля».

Они, слова эти, зацепились, вгрызлись абордажной кошкой и не отпускали, и тащили назад — в далекое, мифическое и недоступное детство

...Вспомнился единственный сын Ядвиги, поздний ребенок и бесконечный любимец. Сын этот, как знали мы из разговоров родителей, был прижит Ядвигой от залетного художника-проходимца, оформлявшего в свое время интерьер автовокзала. Художник оформил, пожил с Ядвигой год и уехал, оставив дворничихе на память белокурого отпрыска. Коля, смысленный и смазливенький мальчуган, подавал немалые надежды, учился даже в Москве на актера — но вышиблен был за неизвестные подвиги; потом он ходил в заграничные плавания и побывал чуть ли не во всех портах мира.

Кубинские курил он на Кубе сигары, и пил на Яве яванский ром, и мадеру он пил на Мадейре, и в Глазго пил тамошнее виски, и пил что ни попадя и где угодно, и курил что зря, и нюхал не-зубной порошок, и делал себе уколы, не будучи вовсе врачом, и подрался раз с капитаном, и кого-то к чему-то склонил, и вышвырнут был к чертовой матери из торгового флота — но все это было до нас.

Потом же этот развязный, порочно-обаятельный красавец, неудавшийся актер и отставленный моряк причалил к квартире матери своей, Ядвиги — и больше в моря не ходил.

Сын дворничихи прожил сумасшедшую, нелепую и короткую жизнь.

Вспомнилось мне, как сын этот, с бешеными и несчастными глазами, принимался иногда истязать Ядвигу прямо во дворе нашего дома. Он, ухватив мать за бе-

лый, перводекабрьский пух волос, выводил ее из подъезда — как правило, вечером, когда во дворе полно было народу, будто нарочно старался подгадать время, чтобы обеспечить себя наибольшей аудиторией — и приступал.

— Вон, опять, начинает Колька свой спектакль! Паскуда! — говорили хмуро старухи и отворачивались, чтобы не видеть.

А он, все еще фактурный, по-прежнему красивый, хоть уже и с гнильцой, ухватившись надежно за белый пух, мотал голову Ядвиги из стороны в сторону, и вслед за головой таскалось невесомым паяцем и тело несчастной дворничихи; она, должно быть, нестерпимую испытывала боль, но — молчала, истекая крупными, стремительными слезами: как и всякий зверь, при виде слабости жертвы сын ее делался еще кровожаднее.

Ядвига молчала — а что же мы, бывшие во дворе? Мужчины и женщины, старики и старухи, дети и все, все? Мы — тоже молчали, или что-то там поварчивали вполголоса, будто не зная, что лучше — никак, чем только наполовину. Мы — тоже молчали, потому что было, было в нас это: не лезь в чужие дела, если не хочешь усложнять себе жизнь. Не суйся не в свое дело — и не сунутся, придет время, в твое.

И сын Николай, совершив экзекуцию, оглядывал с вызовом людей во дворе, и каждый из находившихся там прятал взгляд — потому что в его, сына, глазах, читалось прозрачно-вызверенно-жаркое: я перешагну через все!

И, так же держа Ядвигу за белоснежный пух ее, он поворачивался картинно и уводил мать домой — чтобы вторую начать, домашнюю серию. А на асфальте оставались, подлетая от малейшего ветерка, клочья целые нежного, невесомого пуха.

И каждый раз, когда мы, дети, наблюдали, сторало что-то безвозвратно внутри — и человек маленький делался закаленной и взрослей. И не один, верно, я мечтал поскорее вырасти и убить — но сын Ядвиги не предоставил нам этой возможности.

Февральским утром его нашли у подъезда, вмерзшим в заляпанный кровью снег.

Он мог перешагнуть через все, но другие нашлись, посерьезней — перешагнувшие через него. Одиннадцать колото-резаных ран насчитали у него на теле — и ни одна из матерей не убивалась так над погибшим детенышем, как выплакивала себя Ядвига! А он-то и сделал ей только хорошего, что подарил несчастную, заморскую эту фляжку — так виделось нам.

Но тогда, зачарованный пасторским голосом, вот что представил я себе — глупо, конечно, нелепо, но чего уж теперь врать: увиделась мне сухонькая Ядвига, там, в земле, в целом облаке легчайшего, перводекабрьского пуха, с неизменной, плоской своей фляжкой. Как, должно быть, приятно будет лежать ей в белом пуховом тепле, потягивать копейное винцо, хвастать былой красотой и распевать единственную свою песню! И ворон, февральская птица, перестанет ей докучать.

Картинка эта маячила в глазах, как живая. Ядвига возлегала, торжественная и строгая, как требовал того момент,

— ...Аминь, — завершил музыкально Камоцкий, и — в души наши сошел непривычный, обманчивый и краткий покой.

Пастор, прихватив ветхозаветный, коричневой кожи саквояж, удалился; стали потихоньку расходиться и мы.

Я, оказавшись во дворе, закурил и кинул взгляд на часы — освобожденное время истекало, и нужно было двигать по грязноватым своим делам.

СРЕДНИЙ ВОСТОК

Я разучился спешить — в октябре простреленного года.

...Младшие сестры наших друзей остаются надолго в тени. Более того — откровенно раздражают. Ябедничают родителям, не дают поболтать вволю о своем-нашем, мужском — вертятся перманентно перед глазами и встречаая то и дело с идиотскими, не по существу, замечаниями. Такие они — младшие сестры наших друзей...

Ты уже бреешься, куришь, куришь весело, ходишь в ДК на дискотеку, участвуешь в драках «район на район», пробовал «Агдам» и познал женщину, девушку, женщину, пьяную бабу, пожилую ****ъ из соседнего дома и снова девушку, а они все еще носят банты, возятся со своими куклами и обмирают при голосе Юры Шапунова — младшие сестры наших друзей. Удивительно противные, случается, сестры. Как у Гришки — друга моего, правильного пацана из еврейской семьи. Правильного пацана — такое тоже бывает.

Ходила-была Ада, четыремя зимами младше нас — девочка злаязыкая, носатая, черненькая, с коленками острыми птичьих ног... С прозорливостью недетской замечала все наши потуги перепрыгнуть скорей во взрослую жизнь — и потуги эти выстригала под ноль.

Разрезая ехидным форштевнем воздух, врывалась в неприветное пространство — комната у Ады с Гришкой была одна на двоих, и половинное свое право она использовала охотно и сполна — выбирала мгновенно цель и била килотоннами сарказма ниже нашей новомужской ватерлинии. Ах ты, мелкая сучка!

На момент отъезда семьи их в Израиль такой мне Гришкина сестра и запомнилась — худющим, язвительным и, вообще, вредным редкостно существом.

Время, совершив пару ложных движений, выровнялось, определилось, взошло в янтарный вагон — и поехало на Средний Восток, громыхая на стыках взрослеющим басом.

Я заканчивал свои университеты. Гришка ничего не заканчивал — он адаптировался, ассимилировался, и вкалывал в Тель-Авиве таксистом. На одной из присланных им несколько лет спустя фотографий (друг возмужал, отпустил усы и приобрел законченный облик мелкого деляги, так свойственный его честнейшему и бестолковейшему, в силу этого качества, отцу, инженеру-химику) он стоял в обнимку с беспощадной красы брюнеткой, жгущей дотла зеленью глаз.

О, небо без явных границ! Моника Белуччи, случись ей тогда заглядывать мне через плечо, искусала бы патентованные губы на нет. Пенелопа Крус, ругнувшись сквозь белую кость, собрала чемодан и воротилась бы к Крузу. Но — вряд ли стал бы я о том сожалеть.

Снедаемый жесткой завистью, впивал я злополучное фото — ну, как такое вообще возможно!? Как можно, чтобы Гришка, низкорослый, аномально-брюхастый, с откровенно барыжьей своей физиономией — и выдрал из когтей ухватистых судьбы такую принцессу!? Где, скажите, справедливость?!

Я продолжал созерцать, ощущая недопонятое нечто, и — понял. Понял! Заземленный друг мой и межпланетного масштаба красавица явно носили одни гены — но в каких же взаимоисключающих интерпретациях! Подтверждение догадке я нашел на тыльной стороне глянца, где имелась надпись: «Я с сестричкой Адкой. Алленби. Тель-Авив, 1999».

Вот, оказывается, как... Гадкий утенок уехал и приказал долго жить, непостижимым путем обратившись в сокровенное достояние нации. Я, за дальностью расстояний и отсутствием своевременной информации, проспал волшебство гормонального взрыва — а теперь должен был спешно наверстывать упущенное.

И я таки полыхал желанием — навестить. Замудоханный долгим бездельем ангел любви проснулся по внезапному звонку и, почесывая в мышках и паху, принял эбонитовую трубку. Гришка собирался прилететь в июле — и взять в качестве бесплатного приложения сестру.

...Впрочем, можно, можно было еще все поправить, исправить, не допустить. Остановить в точке, откуда возможен возврат, когда бы не две июльских недели, проведенных нами вместе — две недели, поменявшие всё. Нужные для того, чтобы понять и убедиться: если и создан кто-то для единственного другого — это как раз наш с Адой случай.

Препарировать блажной и алый туман, в просторечии именуемый любовью, я не стану. Скажу лишь одно: к завершению четырнадцати этих дней я четко знал, что, случись мне отвечать на вопрос «что же такое счастье?» — я нимало бы не задумался, а вывел Аду куда-то в центр, на свет и обозрение сколь угодно великой аудитории, и с убежденностью полной молвил:

— Вот оно, счастье! Какие могут быть сомнения? Целых пятьдесят восемь кило — счастья-то! И пусть попробует здесь кто-то возразить! — и таких, я уверен, не нашлось бы.

Две недели истекли, Ада улетела в Тель-Авив, за скобяной прилавок, я же — полноценным ходил дурачком, улыбаясь случайным собакам. Любовь наяривала марши. Волынки упоенно фальшивили Мендельсоном. Я готовился стать мужем и отцом — в октябре она должна была вернуться и сделаться мне женой.

Время же — монолитный блок на стабильных рельсах — вдруг трещиной пошло сверху донизу, ухнуло и распалось на две половины. И звались они — время-вместе и время-порознь. Причем, если первое исчезало влет — две совместных недели, по субъективным моим ощущениям, сопоставимы были с искрометным получасом — то второе, время-порознь, ползло ревматическим и престарелым, норовящим загнуться вот-вот удавом.

И тогда, по большому счету, впервые — я впал в агонию спешки.

Неумолимо медлительный временной ход раздражал меня самым серьезным образом. Ну, давай же, давай — какого черта ты еле дышишь! Я не хочу — порознь! Двигай, дергай, шевелись — сделай так, чтобы октябрь наступил быстрее!

Давай, давай, давай — я жил в сплетеньях оптоволокна, в кабине переговорного пункта, в предвкушении вскрытия очередного электрописьма... Жил ТОЙ и ТАМ, жил ТЕМ, чего, так или иначе, нужно было дожидаться, выждать, переждать — а время-удав подвигало едва тяжеленные свои кольца. Вот ползучая сволочь!

Все безнадежнее я выпадал из рутины дневного зла, и на одной из сентябрьских облавных охот едва не застрелил коллегу, сочтя его искомым кабаном — после чего выезды в лес, убоявшись, прекратил. Да что там... Я любил — любил свирепу, лихорадочно и нетерпеливо — и знал, что точно так же любит и она, Ада.

Лихорадочно... Нетерпеливо. Билеты для Ады и Гришки были забронированы на двенадцатое. Нетерпеливо... Лихорадочно... Так же, зараженная мною, торопила время и она, Ада. Ей зачем-то и вдруг непременно понадобилось успеть к четверть-вековому моему юбилею. К пятому дню октября. Просто успеть — ко мне. Ада тоже спешила — и потому в последний момент изменила планы и решила лететь раньше, одна. Рейсом № 1976 по маршруту Тель-Авив — Город-Где-Мы-Будем-Счастливы. Она, как выяснилось позже, готовила мне сюрприз.

Вот, собственно, и все. Четвертого октября Ту-154, принадлежавший авиакомпании «Сибирь» вылетел из Бен-Гуриона — а примерно без четверти два пополудни искореженными фрагментами рухнул в Черное море, в двух сотнях километров к юго-западу от Сочи. Сбитый отклонившейся от учебной цели ракетой украинских ПВО. Выживших, понятно, не оказалось.

Такое бывает — и не надо делать из этого трагедию. Достаточно посмотреть вокруг — что-то подобное регулярно происходит во всем мире. От ошибок не застрахован никто. Как бы там ни было, мы с самого начала старались действовать максимально прозрачно. Это слова не мои — президента Кучмы. Пусть и сказанные им несколько позже — когда уже нельзя было просто молчать и делать вид, что ничего из ряда вон не случилось.

Да я, надо сказать, и не собирался — делать трагедию. Всю полусознательную жизнь я откровенно ее не любил — трагедию. Тем паче, мелодраму. Так случилось, она полюбила меня — в простой и извращенной формах. Тогда, в силу скудости интеллекта, я не мог знать того, о чем давно и глобально ведал древний один англичанин: вся жизнь, в сущности — она и есть: мелодрама с урезанным безбожно бюджетом. Не хватающая звезд мелодрама. Провальный концерт. Ты заказываешь музыку, ожидая сэра Пола Маккартни — а является багровоносый, вечно поддатый ханыга — учитель музыкальной школы по фамилии несерьезной — Петрушка, с сильно подержанным синтезатором «Ямаха» и группой поделльников-лабухов. И вместо «Hore of Deliverance» приходится внимать упоительно-пошлomu ****ству кабацкого репертуара. А надежды — нет. Как нет и спасения.

— Вот, суки... — помнится, единственное, что смог я произнести, услышав невозможную весть. Остановите черную музыку, отмотайте пленку назад! Я ничего не слышал. Никто не звонил. Отмотайте пленку назад! Заберите меня отсюда — за месяц, день, час, полчаса, хотя бы пять минут ДО! Дайте, дайте мне, прошу вас — хотя бы пять минут ДО! Я привык ничего и никогда не просить — а теперь прошу. Прошу! Прошу на низжайших коленях! Самую малость — пять безмятежных минут. Пять счастливых бесконечно минут — там, где все, как прежде. Телефон не звонил. Я не спешил, роняя пепел, из кухни — в надежде услышать самого дорогого мне человека. Никто не кричал и не плакал в трубку, Гришкиным голосом ругаясь вперемишку на русском и своем — и узнать ничего я не мог. Чай еще не остыл и ждет в деревянной кухне. Все, как и должно быть. Теплый октябрьский вечер, теплый октябрьский мир. Хоть что-то, хоть как-то, но дайте мне — пять невозможных минут, верните Землю на место! Только пять минут — я же не прошу больше! Ну, что же вы...

— Вот, суки... — сказал я тогда, только, чтобы сказать что-то. Кто они, эти «суки» — я не знал. Кто-то. Никто. Все и каждый. И главной, нечистой самой из сук был я сам. Сукой, которой нет и не будет прощения. За то, что родился в неправильный день. За то, что грешил и не был за грехи выездным — все тяготы перемещений-перелетов оставив Аде. За то, что ввел в организм ей чрезмерную дозу нетерпения-яда — дозу, оказавшуюся смертельной. Но она-то, она, черт побери! Неужели не могла она вылететь двенадцатого, как планировалось ранее!? Вылететь и долететь? Еще ребенком она поражала своей вредностью и своенравием — такой, выходит, осталась и по сей день! Я зол был, как опытный черт — и злился теперь именно на нее, Адку. Все такая же вредина! Как можно всегда и всюду поступать по-своему! Как вздумается левой ногой и мочке правого уха! А потом — я поостыл.

Поостыл и понял, что злиться на нее — глупо. Потому что я — был, как была подаренная ей немецкая зажигалка, которую я без конца открывал и закрывал, пытаюсь будто найти в равномерных этих щелчках несуществующее успокоение... — был-остался я, была зажигалка, кричали все так же за окном вечные дети, и кто-то не мог никак отключить сработавшую сигнализацию — сука, сволочь, гад, да выключи, заглуши, уничтожь ты эту дрянь, или я спущусь сейчас и раздолбаю твою тачку, нахрен!.. — все было-оставалось по-прежнему, и только ее, Ады — здесь уже не сыскать. И злиться на нее — глупо. Все глупо. Глупо и ни к чему. Ведь ничего нет.

Нет, не было и не будет. Можно расслабиться. Выпить и закурить. И еще выпить. Напиться даже. И никуда не спешить, пытаясь обмануть время. Потому что ни к чему хорошему это не приводит. Никогда не приводило — к чему-либо хорошему...

...У нее был грудной, с картавинкой малой, голос, а в словах, там и здесь, про-скальзывал обретенный на растрелянной родине акцент. Там ракеты падали регулярно, порой совсем рядом, и сердце, сжавшись в тысячный раз, таким однажды навсегда и осталось: маленьким, злым и сильным — так рассказывала мне Адка. Совсем и не маленьким, возражал я — если нашлось в нем место для такого здорового обалдуя, как я... От волос ее почему-то пахло всегда чабрецом, а когда Адке случалось рассердиться, она морщила смешно нос и темнела, едва ли не в чернь, глазами. Мы и провели-то вместе — всего ничего. Четырнадцать дней. А рассчитывали — на сорок. Лет. Мне и вспомнить-то будет нечего — потом. Вот чего я опасался, но, как выяснилось, я не особенно и хотел — вспоминать.

Напротив даже — я забывал. Забывал планомерно и против воли. Память включила механизмы защиты, и я терял с обвальнoй быстротой. Забывал все, что у нас было — или, точнее, могло быть. Ведь ничего и не было. Не успело. Не случилось — что, вероятно, и к лучшему. Счастье лишь поманило точеной рукой — и тут же сделало ноги.

...Я вообще плохо помню то время. То безвременье — так будет вернее. Я что-то делал, куда-то ходил, разговаривал с кем-то — но жил откровенно мимо. В сторону, вкривь и вскользь.

Вскользь... Так скользя, я начинал временами верить, что все неподъемное уже изжито. Слабее делались ледяные и жаркие волны, топившие меня каждым утром, когда, проснувшись, присваивая в новый раз мир, несколько секунд я бывал почти светел — а после приходило осознание невозможного, забирало с собой и било плашмя о дно, чтобы долго еще, на откате — мордой по острым камням...

Но слабее, слабее — иногда почти хорошо. В формате серого кино проскакивали вдруг посторонние и приятные краски: хрустящая, новорожденная зелень огурца в черных руках старухи на центральном рынке; молочно-розовый детский писк из весенних колясок; одна из моих незамужних коллег — помню кровавый рот ее, кривоватый, очень тонкий и белый правый клык, который мне так хотелось потрогать языком; помню тревожные колени и хвост, который определенно ей пригодился бы, чтобы обозначить свои намерения максимально ясно...

Хотя куда уж яснее — лифт, ром, сломанная рейка дивана, слепые обоюдные пальцы, лиловое мягкое кружево, губы на ощупь и губы на вкус — а после стоп-кадр, мгновенная пауза, взрыв — и нет ничего. Фрагментами в Черное море — и все потому, что духи у коллеги — те самые, от великой одной и несчастной француженки. Те самые, что любила Адка.

И пойми ты это сразу — не пришлось бы человека обижать, не пришлось бы бормотать, извиняясь, невнятное — и снова в серый формат. Да, катился мой янтарный вагон, вот только рельсы были хрустальными и шли мы меж минных полей.

И еще — неосознанно и вряд ли понятно — я активно выжигал в себе Украину. Перестал есть национальный борщ и вареники — два любимейших мною блюда. Перестал бывать у дядьки Анатолия в Чернигове — невзирая на отличнейшую рыбалку, какой он до того угощал меня каждое лето. При звуках украинской мовы меня корбило и трясло. Даже Гоголь утратил бесценные россыпи мистического, полусумасшедшего своего очарования, а Тарас Бульба из былинного гиганта превратился в излишне грузного, страдающего одышкой старика со вздорным харак-

тером и врожденной замашкой мокрушника. Нетребко больше не пела. София не устремлялась ввысь.

Я знал, что это нехорошо, неверно, и Гоголь, по большому счету, вряд ли в чем-то повинен, как не виноваты борщ, вареники, галушки и князь Владимир над суровым и вечным Днепром — знал, но поделаться с этим ничего не мог. Есть вещи, которые сильнее нас. И на Черное море я больше не ездил. Я выдавил его из себя, излил в никуда, предал анафеме и похерил так же, как и многое другое.

Природный инстинкт, убедившись в несостоятельности разума, взял меня на иждивение и помогал, как умел, примириться с новым беспорядком вещей. Я с упорством обреченности забывал.

Но одно проросло и осталось, запустив корни в клетку каждую угнетенного мозга: время должно жить шагом. На бегу ему нечем дышать.

Время живет только шагом. Я разучился спешить — в октябре простреленного года. И удачно, пусть с опозданием, начал взрослеть. Открыв глаза очередным хмурым утром (на море был полный штиль), изучив взметаемую слабым сквознячком паутину в ближнем углу потолка, я как-то сразу и вдруг осознал, что уже не бес смертен — а это самый верный признак выздоровления.

И поезд с янтарным вагоном прибыл-таки на Средний Восток. С неизжитым и новообретенным своим зверинцем я выгрузился на вечерний перрон — и перевел дух. Воздух был узнаваем.

Я улыбнулся, и вокзальная нищенка, углядев золотой зуб, истребовала — и тут же получила — с меня мзду. В сорока километрах к северу, посыпанные крупной морской солью, маячили трехтысячники гор. Ехать дальше было нельзя — да и некуда. Рельсы заканчивались здесь.

И теперь, спустя годы, я с полным основанием могу утверждать: вряд ли вообще кому-то захочется — уезжать отсюда. Люди здесь существуют бесконечно долго, побивая свои же рекорды, воздух тягуч и вкусен, а голуби, переходя дорогу, предпочтут скорее погибнуть под колесом, чем ускорить хоть на йоту шаг свой. Здесь не взрывают больше, и худшее, чего можно ждать — подожженный мусорный бак.

И, главное, здесь есть волынки. Волынки, фальшивящие Мендельсоном — но фальшь их снова приятна, как и всякому, кто готовится стать мужем и отцом.

Нет, Средний Восток — замечательное место. Исключительное. Уникальное. И стрелки, прилипшие к циферблату, всегда показывают нужное мне время — теплый октябрьский вечер, без пяти минут семь.

Антон НЕЧАЕВ

ТЫ ВСПОМИНАЕШЬ

Лампа шестидесятого года...
— Как там погода?
— Точно не знаю. А впрочем,
белые ночи...
— Очень
хочу туда...
Стучит вода
по полу с батареи,
шеи
полузасохших растений
жмутся к стене.
— Все во мне
бережется
с тех времен:
зелень колонн,
статуи, анфилады,
картины: Дега, Матисс...
Лист
водяной травы
сворачиваешь,
углы рта
опускаются
чуть не в плаче,
незряче
хватает книгу —
рассыпает паприку.

НАШИ ПРОДУЛИ

Наши продули. А что же завтра?
Что, продуют опять?
В комнате атмосфера затхлая,
нечем ее прогнать.

Тряпки истлели, газеты
пишут, что босс велит.

Антон Николаевич Нечаев родился в 1970 году. Учился в Литературном институте им. Горького, работал в Сибирском федеральном университете, в литературном журнале «День и ночь». Публиковался в журналах «Воздух», «Смена», «Сибирские огни», «Вестник Европы», «Байкал», «Дети Ра», «Иркутское время» и др. Автор четырех книг стихов. Живет в Красноярске.

Когда играли Советы,
хоть бегали, как могли,
а тут, извини, нули.

ПРОПАЛИ ДЕТИ

Родители прибежали в милицию:
— Пропали детишки! Пожалуйста, разыщите!
Один был в зеленом свитере,
другой же зовется Витей,

Виктором... Понимаете?
— Понимаем, — фиксирует все милиция, —
но где их искать, не знаем.
Подскажите что, может и пригодиться.

И родители вспоминают,
что говорили, спрашивали их дети.
Милиционеры кивают:
— Может, поможем. А в общем, не вы одни такие на свете.

Посему не волнуйтесь.
Оставьте здесь фотографию,
идите домой, разуйтесь
и фильм смотрите про мафию.

Там очень все симпатично:
наркотики, секс, пальба,
и сделано преотлично
и правдоподобно. Да.

ФАНТАСТИКА

Придумали аппарат:
считывает человечесью душу.
Кто ты: преступник, гад,
любишь селедку, грушу
или воруюешь сок,
работая на разливе,
или любить не смог
и утопился в пиве.

И всякого — во дворе —
у выхода — чики-пики:
приложил к голове,
и вот вам ходы, интриги...
Паскудничал? Нарушал?
Наручники и в тюрьгу!
Приборчик тебя узнал,
горемыку, беднягу...

БЕЖИТ СТАРУХА

Старуха через дорогу
бежит — в магазин? В аптеку?
На сходку — молиться Богу?
Молимся ее бегу.

Машины ее сбивают
тяжелые, дорогие.
Гаишники обижают
здоровые, молодые.

— Не видите перехода?!
— Да тут переходов нету!
— Не видите светофора?!
— Да тут светофоров нету!

Старушка не унывает,
несется, вокруг не глядя.
Поодаль веселый дядя
бутылку в нее кидает.

Совсем помешалась ведьма,
аль жить ей уже не мило?
— Сыночек, да ведь, да ведь я
и хлеба хочу, и мыла.

Немного. Чуть-чуть... В авоське
громадные дырря светят.
Машины режут от злости.
Старуха за всех ответит.

КВАРТИРА (ЛЕСНОЙ ТОВАРИЩ)

Иду по лесу: травка, мотыльки,
а за сосною — старый холодильник.
Вот это да! Как будто лес — квартира:
тропинка — коридор, в сторонке — кухня,
иголки сосен — шторы... Плитка где?
В режиме гриль наяривает солнце.

Тут дверь открылась, выполз человек,
зброшенный, заросший, начал бриться....
— Который час, скажите, гражданин?
И у меня часы остановились.

ЧИНОВНИКА ГРАБЯТ

Я из Пенсионного фонда.
Ну и что, что толстая морда?

Это нарушенья в обмене.
Я не понимаю по фене...
Ах, вон те бумажки и эти?
Золото лежит в туалете.
Что еще? Конечно, валюта...
А валюта, милые, тута.

МОЛОДОСТЬ

Забрали деда
в КПЗ,
хотели бить,
да страшно —
сдохнет;

в окошко к бабке ночью лез,
Вертинского распевая.

Андрей НЕКЛЮДОВ

РАССКАЗЫ

ПАРТИЗАНЫ

Дорога

Шоссе давно осталось позади, и автомобили трясло и подбрасывало на бугристой, разъезженной лесовозами грунтовке.

Впереди двигался синий «ниссан» с четырьмя человеками, метрах в ста позади него — белый микроавтобус «фольксваген» еще с восемью пассажирами.

Антон, худощавый, но круглолицый паренек, студент второго курса биофака, ехал в первой машине. При каждой встряске он терпеливо поправлял съезжающий с коленей рюкзак.

Летучие весенние запахи проникали в приопущенное окошко. Справа чередовались нежно-зеленые, с оранжевым крапом одуванчиков луга, купы кустарников и, в понижениях, широкие, голубые, отороченные тростником озера. Слева монотонно тянулся смешанный лес, отделенный от дороги порослью черемухи и ольховника.

Антон перевел взгляд на своих спутников. Как ни странно, те выглядели абсолютно спокойными. Можно было подумать, что едут они на пикник, а не на рискованное, всерьез опасное дело.

Между порослью и лесом тем временем появилась высокая металлическая сетка, укрепленная на черных, шеренгой стоящих столбах.

— Это и есть наши враги? — кивнул в ту сторону спортивного сложения смуглый черноволосый парень, которого остальные звали Родиком.

— Да, это и есть незаконно огороженная территория, — не поворачивая головы, лишь глянув в зеркальце над передним стеклом, промолвил полный, аккуратно остриженный мужчина, сидящий за рулем; звали его Эдуард.

— И сколько они захапали леса? — деловито осведомился Родик.

— Полторы тысячи гектаров. Это пятнадцать квадратных километров, — все так же не оборачиваясь, проинформировал Эдуард. — А на территории лесного фонда, согласно статье одиннадцатой Лесного кодекса, что-либо огораживать запрещено. Внутри вольера — два озера, к которым теперь нет доступа, а это уже нарушение Водного кодекса. И все это без какой-либо экспертизы проекта, на основании лишь договора аренды под охотугодье.

Помолчали.

— Они не знают, что мы приедем? — осторожно спросил Антон.

— Кто? Охрана? Не думаю.

— Да хоть бы и знали, — с пренебрежением бросил Родик. — Нас десять человек. Это же сила!

Андрей Геннадьевич Неклюдов родился в 1959 году. Окончил геологический факультет ЛГУ. Работал в геологии, в настоящее время — редактор в издательстве. Член Союза писателей России. Автор книги прозы «Нефритовые сны», а также ряда журнальных публикаций. Живет в Санкт-Петербурге.

— Весь смысл операции в ее неожиданности, — возразил Эдуард. — Очень надеюсь, что они нас не ждут. Хотя это уже второе наше нападение на их вольер.

Антон снова уставился в окно. Там проплывали сваленные вдоль обочины штабеля леса.

— Если это все незаконно, то почему этим не займутся органы? — возмутился вдруг Родик.

— Мы обращались в местную администрацию, — терпеливо отвечал Эдуард, — направляли запрос природоохранному прокурору. От первых получили отписки. Прокурор ответил, что нарушений не видит. Суд тоже на их стороне.

— Да этот ваш прокурор сам тут будет охотиться! Разве не ясно? Вместе с судьями! — обернувшись, воскликнул долговязый и длиннолицый Лешка, который даже на переднем сиденье не находил пространства для своих ног и сидел, неуклюже сложившись.

— Необязательно, — ровным тоном возразил Эдуард. — Просто это один клан. Круговая порука.

И снова Антон в который раз подивился крепким нервам своих соратников. Сам он не способен был думать, сколько гектаров территории огорожено и какова реакция властей, а думал лишь о том, как все пройдет, как он себя проявит и не кончится ли эта их затея чем-нибудь ужасным.

Но не поехать он не мог. Когда он наткнулся в Интернете на сайт экологического движения «Чистый лес», он сразу понял, что эти люди не болтают попусту, а пытаются делать что-то конкретное для сохранения природы. И хотя их методы не были ему близки, он ясно почувствовал, что ему — с ними. Со временем он надеялся доказать им, что лучше воздействовать на губителей природы убеждением, собственным примером (очищая леса от мусора, сажая деревья), чем грубой силой.

— Мы будем ломать только забор или что-то еще? — Антон взглянул через зеркальце на бесстрастное лицо водителя.

— Только забор.

Небольшое утешение...

— А по мне дак — сжечь их сторожки на фиг! — потряс кулаком Родик. — Получимте по полной, господа!

— Сторожки и бытовки — это уже другая статья, уголовная, — компетентно разъяснил Эдуард. — А так мы лишь сносим незаконный забор. Осуществляем свое право доступа в лес.

— Мы их домики жечь не будем, мы их просто спалим! — с веселым лицом опять повернулся к сидящим сзади Лешка.

— Что-то кабанчиков не видно, — проговорил он через минуту. — Они же недавно их запустили — кабанчиков и коз.

— И что, много запустили? — поинтересовался Родик, обращаясь не к Лешке, а скорее к Эдуарду.

— Точно не скажу, — отвечал тот, следя за дорогой. — Вместе с пятнистыми оленями — несколько сот голов.

— Половину, наверное, уже перебили, — предположил Лешка, и снова, как показалось Антону, это прозвучало с неуместным задором.

Последовало долгое молчание. Вторая машина, похоже, сильно отстала.

Антон тоскливо глядел на беспрерывно тянущийся забор.

— И когда все начнется? — вырвался у него тревожащий его вопрос. — Я имею в виду нашу партизанскую акцию, — прибавил он.

— Как стемнеет.

У перекрестка дорог Эдуард остановил машину. Ограда образовывала здесь

прямой угол и уходила вдоль левого отвилка. Вправо дорога поднималась в горку, поросшую березняком и ольховником. Водитель достал из бардачка мобильник.

— Игнат, ну что? Куда нам сворачивать? — спросил он в трубку. — Здесь угол вольтера. Ладно. Ждем. Сказано подождать, — передал он пассажирам.

Выбрались наружу. Грузный Эдуард, морщась, прижимал к пояснице ладонь. Родик энергично двигал руками, разминая затекшие плечи, затем бросил на землю куртку и улегся среди пестрящей цветами травы. Потянулся и устремил взгляд на небо с видом совершенно праздного, довольного жизнью человека.

Стрекотали кузнечики, и облака плыли совсем уже летние. Был первый по-настоящему теплый день, выходной. День, в который так хорошо поехать куда-нибудь отдохнуть — в парк, на залив, а то и просто погулять по городу...

Подошла вторая машина. Из нее сначала стали вываливаться рюкзаки, спальные мешки, туго сжатые «компрессорами», а уж потом показались люди.

— Вы что, разгружаетесь? — подошел к ним несколько озадаченный Эдуард.

— Да нам не вылезти из-за вещей. На коленях держим. Это вы как короли, — отозвалась сухопарая остроносенькая девушка, загорелая, с короткой, но дерзко взбитой прической.

— Женя, где будем вставать? — спросил у нее вылезший следом парень. — Там же, где и в прошлый раз, у озера?

Женя извлекла из сумочки сложенную карту и, опустившись на колени, развернула ее на траве:

— Думаю, нам лучше заехать за этот холм. Мы там были с Игнатом. Дальше, за холмами, речка и мостки через нее. Перед мостиками крутой спуск, по которому не съехать, — там обычно оставляют транспорт. А нам как раз и надо затеряться среди отдыхающих.

— Но оттуда нам топать до забора, наверное, с час, — возразил кто-то.

— И хорошо. Меньше вероятности, что нас найдут. В прошлый раз они вызвали полицию, и нас быстро обнаружили, — напомнила Женя. — А сейчас они наверняка подготовились к нашей атаке, так что надо быть осторожными вдвойне. Игнат, а ты как думаешь? — окликнула она невысокого, плотного парня, который в это время энергично вышагивал туда-сюда по дороге, разговаривая с кем-то по телефону. Женя подошла к нему с картой:

— Едем туда, куда задумывали? Это еще километра четыре.

— Да, — коротко и твердо ответил тот.

Игнат, с которым Антон познакомился еще в городе, был лидером движения и руководителем данной операции.

— Я бы встал поближе, — высказался Родик. — Что они нам сделают? Инструменты спрячем. Даже если найдут — не наше это, и все. Докажите!

Но командирское слово было сказано, и все снова полезли в машины, заталкиваясь сами и заталкивая рюкзаки.

Лагерь

На площадке перед спуском к реке стоял всего один автомобиль. Пристроились рядом с ним; нагрузившись рюкзаками, сумками, спальниками, двинулись цепью вниз.

На другой стороне речки за высокими кустами ольхи сыскалась ровная травянистая площадка.

— Вот, тут даже кострище есть! — обрадовалась Женя, остановившись у отдельно растущей высокой кряжистой березы со следами старых зарубок. — Не придется траву жечь.

— Ставим палатки, часа два отдыхаем, едим и будем готовиться, — распорядился Игнат. — Как начнет смеркаться — выдвигаемся.

Антон взялся разжечь костер. Когда огонь запылал, над ним повесили сразу два больших котелка — для каши и для чая.

— Кабанчика зажарим, — пошучивал длинный Лешка, жердью возвышаясь над присевшим у огня студентом.

— Захотел! Кабанчики для VIP-персон, — напомнил ему Эдуард.

Кроме Жени, в группе была еще одна девушка — Дина, крепко сбитая, коренастая и хмурая. Она приехала с таким же коренастым, но менее хмурым дружком Сашей, и сейчас они вдвоем сосредоточенно ставили палатку в стороне от всех.

— Дина у нас ниндзя, — хохотнул Лешка, когда суровая девушка подошла к костру.

Одетая в буро-зеленый камуфляжный костюм, высокие мужские ботинки, Дина действительно походила на вояку.

— Меча только не хватает, — заметил Родик.

— Будет и меч, — пробурчала «ниндзя».

На примятую траву выложили из рюкзаков чашки, миски, колбасу, помидоры, батон, печенье. Расселись тесно вокруг. Чай черпали каждый своей чашкой прямо из котелка. Антон оказался без посуды, и ему дали крышку от термоса.

Водитель микроавтобуса, щуплый и неприметный, сидел, ссутулившись, на бревнышке за березой. Его все же заметили:

— Ты что там спрятался? Иди поешь, Слава.

— Я ничего не взял, — стыдливо отвечал тот.

— Ну и что?! Ты нас вез!

Между тем один из парней, направляясь к ручью ополоснуть помидоры, наткнулся на кучу пустых бутылок и смятых пластиковых контейнеров.

— Вот, полюбуйте! — обратил он внимание остальных. — Даже здесь! В такой дали! Мы боремся против захвата озер и лесов, против заборов, а все же там, за заборами, земля так не захламлялась бы.

— Стас везде мусор найдет! — хмыкнул Лешка.

— Будем уезжать — заберем, — взялась собирать мусор в пакет Женя. — На Ладоге мы в прошлое лето по десять мешков собирали.

— Народ еще надо воспитывать, — вырвалась у Эдуарда казенная фраза.

— Или штрафовать.

— Не все же бросают, — негромко возразил Антон.

— Бросает быдло, — зло сказала Дина, — а их большинство.

— И жлобье, — прибавил кто-то.

— Это одно и то же.

— Не скажи!

— А вот мы Леню спросим.

— Вам определение быдла и жлобья? — с готовностью заговорил бледный веснушчатый парень в криво заправленной, вылезшей из брюк рубашке. — Быдло, если быть точным, это самая бессознательная, равнодушная и покорная часть населения. И таких большинство.

— А жлобы тогда кто же?

— Жлобы в моем понимании — это подвид быдла. Если типичное быдло всегда готово подчиняться, то жлоб желает выглядеть крутым, желает подчинять и унижать, особенно людей более тонкого склада. Жлоб агрессивен, хотя силу он уважает и охотно ей подчиняется, тем более властям. — Увлеченный своей речью, Леонид даже привстал на колени. — Есть еще гопота — полуобразованная, обычно

пэтэушная, молодежь, агрессивная, тупая, ведущая стадный образ жизни. Бить, разрушать, грабить и гадить — вот их главные устремления.

— А «нашисты», «молодогвардейцы» — этих куда? — спросил кто-то.

— По моему пониманию, это все же часть гопоты, хотя и частично образованная, студенты. У этих тоже потребность бить и крушить, но якобы по идейным соображениям и обязательно под чьим-то хитрым руководством.

— Леша наш состоял в «Молодой гвардии», — заметила с легким укором Женя.

— Всего месяц, — пожал Лешка плечами. — Они меня быстро раскусили — засеки, что я не ору их лозунги. Отбиваться пришлось.

— Значит, ты месяц был гопником, — скривил губы Родик.

— Может, мы все гопники? — парировал Лешка. — Мы агрессивные. Одна Дина чего стоит. И мы разрушаем. Заборы, например.

— Дурак! Нашел, с кем сравнивать, — огрызнулась Дина.

— Мы разрушаем, чтобы сохранить — природу, животных! — горячо возразила Женя. — Мы отстаиваем право людей на доступ в леса и на берега водоемов!

Лешка захлопал в ладоши, довольный, что вызвал такой всплеск праведного гнева.

Какое-то время пили чай молча.

— Неужели нельзя с ними по-хорошему договориться? — пользуясь паузой, промолвил Антон. — С теми, кто этот забор поставил.

— Спустишь на землю, Антоша! — мягко осадил его Игнат. — Ну как ты себе это представляешь? Люди откажутся от бизнеса, от своих немалых барышей? Сами снимут пятнадцать километров забора? Мы с Женей пытались говорить с ними по-хорошему — на общественных слушаниях. И что, ты думаешь, они нам сказали? Главный охотовед области заявил, что они еще мало загородили, что сейчас они готовят два аналогичных полигона в других районах. А если это противоречит закону, то они добьются изменения закона. А ты: «договориться».

— Я не понимаю, — немного смущенно взглянул на старшего Антон. — Ведь у них же есть друзья, родственники. Неужели никто из них не скажет им: «Что же вы делаете?»

— Идеалист! — бросил Динин приятель Сашка, жуя кусок батона и одновременно разбалтывая в кружке сахар.

— Антон, это такая категория людей, пойми. Их родственники точно такие же. Это и есть жлобы. Жлобы, дорвавшиеся до кормушки.

— А как же местные жители? Почему они не протестуют?

— Местных жителей тут полтора человека, да и тем все побоку, — вклинился в разговор Родик, — они и трезвыми вряд ли бывают.

Родик не сидел, а прогуливался по поляне, порой подходил к «столу» и, нагнувшись, отламывал кусок лепешки или колбасы.

— Не скажи, — не согласилась с ним Женя. — Когда проводили общественные слушания, про которые Игнат сейчас сказал... проводили, между прочим, когда забор уже стоял... местные все были против. Все до одного. Тогда им популярно объяснили, что им грозит, если они попытаются сломать ограду.

Опять все замолчали. Эдуард шумно вздохнул и поднялся, морщась и потирая поясницу.

— Костер с горки виден будет, — кивнул он на луг, постепенно переходящий в широкий холм с группой берез на гривке. Говорил он, ни к кому конкретно не обращаясь, но было понятно, что реплика адресована Игнату.

— У нас есть газовые горелки, — отозвался тот. — Ночью можно пользоваться ими — тому, кто останется в лагере.

— У меня идея! — оживился Лешка. — Бутылки, которые Женя собрала, разбросаем вокруг палаток. Если менты приедут, мы разыграем из себя гопников: «Мы тут гасимся! Ты че-е?!»

— Неплохая мысль, — серьезно воспринял Игнат. — Надо было купить бутылку водки и всем сделать по глотку, чтобы от нас пахло сивухой.

— И включить русский рэп. Чтобы орал на всю округу! — добавил презрительно Ленья.

— Ну что, насытились? — спросил Эдуард у всей компании. — Если присутствующие не против, я проведу небольшой ликбез. Думаю, немного теории не помешает. Готовы слушать и внимать?

Подготовка

Сидя на широком низком чурбаке, одетый не по-походному, как остальные, а цивильно, Эдуард повел речь, и видно было, что выступать перед аудиторией для него — дело привычное.

— В советское время, — начал он, — которое я застал, в отличие от многих здесь, был наработан большой опыт по организации и деятельности добровольных дружин. И немало в этом наследии содержится полезного, что могло бы пригодиться и нам.

— Красные повязки, например, с надписью «ДНД», — ввернул Лешка.

— Вот правило, которое подтверждено большой практикой, — не обратил ни малейшего внимания на шутку Эдуард. — Правило следующее: у вас должно быть численное превосходство. Вопрос: какое? Если нарушителей двое, какая, по-вашему, должна быть численность группы?

Женя, подражая школьникам, вытянула вверх руку.

— Пять человек, — отчеканила она.

— Молодец. Четыре-пять человек. То есть, перевес должен быть не менее чем вдвое. Если их пятеро, то вас, соответственно, не меньше десяти. Только тогда вы можете проводить задержание и другую работу с нарушителями. Был, например, эпизод, когда дружинники решили отобрать у браконьеров сеть. Их было трое. А потом из кустов вышли еще двое и присоединились к первым. Получился паритет сил. В такой ситуации остается только ретироваться, сохранив по возможности лицо.

— Каким образом? — заинтересованно спросил Ленья.

— Мол, ладно, мужики, мы вас на первый раз предупреждаем. Типа того.

— Но сейчас ситуация обратная, — выступил Динин приятель Сашка. — Сейчас МЫ нарушители, и НАС будут пытаться задержать.

— Правило все равно остается: у вас должно быть преимущество по числу людей. Вас десять человек. Я не думаю, что охранников будет больше пяти.

Пока Эдуард читал свою лекцию, а остальные *внимали*, сидя на травке, лидер группы тренировался. Быстрым движением он взваливал на спину большую черную сумку с бензорезом, пробежал с ней несколько шагов по поляне, быстро сбрасывал на землю. Повторив это упражнение раз пять, он оставил в покое бензорез и вооружился новенькой саперной лопаткой. Наступая на воображаемого противника, он резкими взмахами рубил этой лопаткой воздух. Лицо его прямо-таки светилось отвагой. Также и Родик не сидел, а, расправив плечи, прохаживался по поляне, своим уверенным видом как бы показывая, что ему эти теории ни к чему. Подойдя в какой-то момент к делающему свои выпады Игнату, он внезапно схватил того за рукав, одновременно заведя ногу ему сзади, и ловко повалил на траву, прижав руку с портативной лопатой к земле.

— Где ты обучался? — уважительно спросил Игнат, вставая.

— Три года занятий борьбой, пока в Лесгафта учился, — отвечал тот не без гордости.

— Отлично! Нам такие люди нужны.

Антон откровенно позавидовал Родикю. Как бы он хотел быть таким же физически крепким, ловким и уверенным в себе. С такими мышцами и знанием приемов, конечно, можно не волноваться по поводу предстоящей операции.

— Мне все-таки неясно, что мы делаем при появлении охраны. Убегаем? — вернул общее внимание к инструктажу Леня.

— Если их существенно меньше, чем вас, зачем вам убегать? — спокойно отвечал Эдуард. — Кто-то один вступит с ними в переговоры (я думаю, Игнат или Женя): мол, забор незаконный, наши действия согласованы с комитетом по природопользованию. А остальные, невзирая ни на что, продолжают пилить. Если же дело перейдет к схватке, вы их одолеете.

«Одолеем ли? — усомнился про себя Антон. — Их может быть и больше пяти, и они могут быть вооружены...»

Сашка привстал со своего места:

— Если действия согласованы, то почему пилим ночью, спросят они.

— Потому что целый день до этого крушили забор в другом месте, — сострил Лешка. — Сутками молотим, понимаешь!

— Это наше дело, когда нам этим заниматься, — вскинула острый носик Женя.

— А если менты?

— Ну, если полиция, то все: или убегать, или сдаваться. Никакого сопротивления. Но и с полицейскими надо пытаться говорить, — настаивал Эдуард. — Ведь закон на нашей стороне.

— Кстати! — воскликнул, продолжая размахивать лопаткой, Игнат. — Телефоны помощи задержанным у всех есть? Забейте в мобильники — у кого нет. — Бросив лопатку, он продиктовал номер, считав его со своего телефона.

— А теперь вот что, друзья, — провозгласил старший группы. — Обращаюсь к тем, кто с нами впервые. Надо быть готовым ко всяким вариантам. Вполне реально, что нас попытаются избить. Или арестовать, как в прошлый раз. Поэтому: кто не чувствует в себе уверенности, для кого это психически тяжело, советую остаться в лагере. Антон?

— Почему «Антон»? — вспыхнул студент. — Почему ты у других не спрашиваешь? Вон Родик тоже в первый раз.

— Ну, Родик... Родик серьезно подготовлен, владеет приемами рукопашного боя.

— Зачем тогда я ехал? Чтобы сидеть в лагере?

— Смотри: обратного пути не будет. Одного я никого не отпущу. Только всей группой. Я за каждого в ответе. Леня, а ты как?

— Я все-таки не новенький. Я, конечно, не владею приемами рукопашного боя и не в такой боевой форме, как Родик, но я считаю, что за свои идеи надо бороться, а не только декламировать их.

— Похвально. Значит, так, друзья. У кого есть с собой газовый баллончик? — решив, что с теориями покончено, приступил к конкретной подготовке Игнат. — У кого нет, получайте у Жени. С баллончиками аккуратно: не распылите их у себя в кармане.

Женя распахнула лежащую под деревом сумку, наполненную всяческими спецсредствами.

— Дальше! — командным голосом продолжал Игнат. — Скажите: кто готов поджигать и бросать петарды в случае появления собак? Кто не растеряется в такой ситуации и сможет, убегая, бросать их да еще распылять газ?

Антон попытался представить себе, как он, убегая, поджигает и бросает петарды и одновременно распыляет газ. Сможет ли он так?

— Чего тут сложного, не пойму, — дернул плечом Родик.

— Не все, наверное, учились в Лесгафта, — подковырнул его Леня.

— Петарды оснащены запалом, — продолжал главный, — черкаешь о коробок и бросаешь. Но коробок может ночью отсыреть, и поэтому лучше пользоваться зажигалкой. Тут пять зажигалок, — кивнул он на раскрытую сумку, — разбирайте, кто готов.

Первой подошла и молча взяла баллончик и зажигалку с петардами Дина. Все это она решительно и как будто сердито рассовала по карманам своей милитаристской куртки.

— Почему Дина такая... суровая? — тихо спросил Антон у Лешки.

— Дина? А кто ее знает? Характер такой. Она у нас недавно. А еще кто-то говорил, что у нее отца арестовали за участие в митингах и не выпускают. А она, значит, продолжает дела отцов...

— Давайте сейчас решим: если кого-то схватят, остальные как? — старался прояснить все моменты Леня. — Никого не бросаем?

— Ни в коем разе! — отрезал Игнат. — Отбиваем, если возможно, — решительно взмахнул он лопаткой. — Если же схватят менты — все возвращаются и присоединяются к задержанному.

— И ведете переговоры, — напомнил Эдуард.

— Вряд ли они примут нашу сторону, — покачал головой Стас. — Они силовики. А охота — это как раз любимое хобби силовиков. Возможно, они сами на этом полигоне собираются развлекаться.

— Думаю, тут будут развлекаться фигуры покрупнее: олигархи, чиновники первого ранга, — не согласился Эдуард. — Вип-охота, одним словом.

— Разве это охота?! — возмутился Антон. — Это просто расстрел!

— Какая все-таки у современного человека происходит во всем подмена, — философски изрек Леня. — Отсутствие истинной мускулинности подменяется ее видимостью: убил зверя, у которого тут в загоне нет шансов уйти, и сфотографировался с его трупом, чтобы всем друзьям показывать и в Интернете выставить. Герой!

— Не отвлекаемся! — призвал внимание Игнат. — Значит, запомнили: никого не бросаем, отступать стараемся всей группой, чтобы никого не потерять. Но на всякий случай у всех должны быть компасы. У кого нет — у меня три запасных, могу дать. Дальше! Карты. У нас всего две карты, надо, чтобы все их посмотрели. Женя, покажи. Каждый должен понимать, где мы находимся, в каком месте будем работать, в каком направлении отступать. Если кто отбил от группы, знай: лагерь к северо-востоку от загона.

— А если кто-то все же заблудится? — не унимался Леня.

— Никаких сигналов. Сидеть и ждать рассвета. Связываться по мобильному.

Антон представил себе, как он сидит один в какой-нибудь сырой яме и ждет рассвета.

— ...Так. И насчет одежды. Ничего не должно быть яркого. Черное, серое, темно-зеленое. Обувь должна надежно сидеть, не сваливаться. Проверьте.

На самом Игнате была пятнистая курточка, похожая на Динину, с множеством карманов и кармашков, такие же штаны и крепкие ботинки. Он несколько раз проверил себя, ощупывая карманы.

— Так: тут баллончик, тут петарды, тут зажигалка. Нож, — хлопнул он по висающему на поясе ножу, — фонарик, мазь от комаров...

Для проверки своей боеготовности он быстро выхватывает одно, другое — баллончик, зажигалку. На поясе в петле у него — черная резиновая дубинка. Он выдерживает ее из петли и наносит условные удары, так, что дубинка изгибается от резких взмахов.

— Лучше попрыгать, — с едва заметной иронией посоветовал Ленья. — Ничто не должно выпасть и не должно звенеть. Так казаки себя проверяли, у Толстого описано.

Игнат, не уловив насмешки, подпрыгнул старательно несколько раз. Ничего не выпало.

— Балаклавы! — вспомнил он. — Балаклавы есть на всех, разбирайте! Но только не терять.

И сам он тотчас напялил на себя до подбородка черную шапочку-маску с прорезями для глаз.

— Страшо-о-он! — протянул Лешка. — Настоящий камикадзе.

— Не уверен, что это хорошая идея, — скептически покачал головой Эдуард. — Зачем они? Только внимание привлекать. Любой проезжающий увидит вас в таком наряде и сразу же позвонит в полицию.

Женя тоже взяла шапочку:

— Знаешь, в прошлый раз они видели ниши лица, — повернулась она к Эдуарду. — И на суде видели меня, Игната, Лешу. Без масок они нас сразу опознают.

— Если они будут с полицией, вас все равно заставят маски снять.

— Если догонят, — уточнил Лешка.

— Распределяем инструмент. Кто несет диски? — Игнат потряс в руках плоский, но явно увесистый рюкзачок с запасными абразивными дисками для бензореза. — Это должен быть человек дисциплинированный, чтобы всегда был под рукой. Только диск кончается — он выхватывает из рюкзака новый и подает мне.

— Я могу понести, — вызвался Антон. Он был серьезен и бледен.

— Хорошо. Бензин. Кто-то также должен быть рядом со мной с бензином. Леша, ты?

— Нет, я буду курочить забор.

— Родик?

Родик в эти минуты, обнажив свой бронзовый рельефный торс, стоял у края луга, поглощая последние в этот день лучи солнца.

— Я? — ткнул он пальцем себя в грудь. — Нет уж, оруженосцем быть я не намерен. Я возьму ломик. Буду крушить все, как Терминатор! — и он, подойдя и взяв лом, грозно потряс его в своей мускулистой руке.

— Александр, может, ты будешь с бензином? Отлично, забирай. Рюкзак с запчастями, ключами и прочим... Где он, не вижу! А, Дина уже взяла. Молодец. Так, ломик. У нас три ломика. Один у Родика, другой у Лешки, третий... Ты, Стас? Бери. Теперь важное! Ты, Алексей, ты, Родион, и ты, Стас, ребята вы крепкие, кроме работы с ломиками, вы составите группу прикрытия.

— Кого прикрывать?

— Меня. Это если охранники станут мешать мне резать. И Женю, чтобы не разбили фотокамеру. Они это любят. Еще — вода. Одному мне надо минимум два литра: я много выпиваю, когда работаю.

— Воду я взяла, литров пять. И перекусить, — доложила Женя, явно довольная своей предусмотрительностью.

— Отлично! Итак, инструменты не терять! Каждый отвечает за то, что он несет и с чем работает. Ну что, готовы? — Игнат оглядел сгрудившихся вокруг него «партизан». — Ну, тогда — вперед на амбразуры!

Солнце к этому времени село, желтое, в одуванчиках поле потускнело, от ручья, из темной гущи ольхи и черемухи потянуло сырым земляным холодком. Такой же холодок Антон ощущал у себя где-то в позвоночнике.

Операция

К углу полигона подъехали на автомобилях. Было около полуночи, наступали самые темные для этого времени года часы. Чуть светлело небо, светледа каменистая дорога, но деревья и кусты по ее краям, отдаленные лесистые холмы — все это было черно.

Машины тотчас уехали, одна в сторону лагеря, другая, микроавтобус, — в обратном направлении.

— Куда это Слава подался? — удивился кто-то.

— Начинается, — процедил Игнат. — Только говорили о дисциплине. Кто знает, куда Слава поехал? — окинул он взглядом столпившиеся на дороге темные фигуры своих бойцов.

— Сказал, что поедет на шоссе, — передал Родик.

— Зачем?

— Неизвестно.

— Может, домой мотанул? — предположил Сашка. — И больше не вернется.

— Нет, вернется, — поддержал шутку Лешка. — С ментами. Покажет сразу, где лагерь, где инструмент.

Игнат вытащил из кармана загудевший телефон:

— Звонит! Слава, ты куда рванул? Говорит: на шоссе заночует, — передал он остальным.

— Осторожный, — заметил Сашка.

— Не у всех людей психика переносит экстрим, — вступилась за водителя Женя. — Тем более он не из нашего движения и не обязан рисковать.

— Просто кишка тонка, — пренебрежительно бросил Родик.

— У меня она тоже не толстая, — задиристо, по-петушиному вытянул шею Леня.

— Друзья! Мы тратим ценное время! — прервал разговоры командир. — Нам сейчас надо определиться, с какой стороны забора начинаем — с северной или с восточной.

— С восточной, — убежденно заявила Женя.

— Эта сторона самая открытая, тут нас быстрее застукают, и мало что успеем сделать, — возразили ей.

— Вопрос: какова цель нашей операции? — оглядел всех Игнат. — Цель — не только нанести максимальный урон, но и сделать так, чтобы это было максимально заметно — и местным жителям, и всем проезжающим и приезжающим. Значит, пилим и ломаем восточную сторону — до ворот, а потом, если позволит время, возвратимся и поработаем с северной.

В эту минуту в отдалении запрыгали вверх-вниз яркие в темноте лучи света.

— Что это? — встревожились все. — Слава возвращается?

— Вряд ли.

Скоро стал различим и все нарастал гул двигателя. На обрамленной кустами дороге показалась машина — высокий темный джип с целым рядом ярких фонарей на козырьке его крыши.

Стоящие на дороге на миг замерли — группа одинаково одетых людей с рюкзаками, с ломиками в руках. Некоторые уже напялили балаклавы и вид имели крайне подозрительный.

— Прячемся! Все в овраг! — скомандовал Игнат, и сам, со своей огромной черной сумкой-рюкзаком, вломился в кусты. Беспорядочной толпой партизаны бросились следом, вниз по мшистому, сырому склону овражка, оскальзываясь, спотыкаясь о гнилые валежины и ветки. Упали, прижались к земле.

— Блин, крапива! — слышались ругательства Родика.

— Тише!

Антон лежал, почти уткнувшись носом в мох, вдыхая прелый болотный дух, ощущая локтями и коленями мокроту. Спину придавливал рюкзак с дисками.

Рокот двигателя и лучи света приближались. Вот они уже рядом. Казалось, машина проедет мимо, но у перекрестка, в десятке шагов от залегшей в овраге группы она внезапно остановилась.

Партизаны не двигались. Прошла минута, другая... Не выдержав, Антон приподнял голову и сквозь переплетение ветвей разглядел на дороге несколько человеческих фигур. Одна из фигур подошла к ограде, постояла возле нее и вернулась к остальным.

— Лежим! — прошипел неподалеку от Антона Игнат, делая знак рукой.

Антон снова уткнулся в мох. В этот момент он вдруг ощутил себя настоящим партизаном времен Второй мировой. Все как в кино: вражеский транспорт и засевший в кустах у обочины отряд бойцов, готовых к атаке. И, наверное, как и те, бывшие партизаны, он испытывал нервную дрожь, напряжение, даже легкий страх, но одновременно — азарт и острое желание сразиться.

Хлопнули дверцы, зарычал двигатель, машина повернула и двинулась вдоль северной стороны полигона.

— Выходим! — скомандовал Игнат.

— Мне кажется, у нас здорово получилось! — возбужденно провозгласила Женя, выходя на дорогу и отряхиваясь. — Нас совершенно не видно было, я наблюдала со стороны. Теперь я понимаю, как действовали в войну партизаны.

— Лежишь — землей пахнет, — лирически вздохнул Леня, — комары поют...

— Хорошо, что мы не начали пилить, — заметил Сашка, подавая Дине руку (но она выбралась самостоятельно). — Они бы сейчас увидели дыру — и конец нашему мероприятию.

— Да это не охрана, — заявил Родик.

— А кто же?

— Спортсмены. В этом районе, я читал в Интернете, проходит ралли.

— А я думаю — охрана, — не согласился Сашка. — Как они осматривали забор! Наверное, у них регулярные объезды.

— По уму, хорошо бы выяснить, с какой периодичностью они это делают, — рассудил Леня.

— Говорю вам: это не охрана! — повторил Родик.

— Неважно, кто это, — твердо сказала Женя. — Нельзя, чтобы вообще нас видели — ночью, десять человек, с ломиками и в масках. Правильно, Игнат?

— Значит, так, — вновь взял руководство в свои руки командир. — Приступаем! Но сначала еще раз пересчитаемся. Один, два, три, четыре... Девять? Почему девять?! Где десятый? Кого нет? — не на шутку встревожился он.

— Стаса нет, — подсказали ему.

— Где он может быть?! Стас! — позвал он негромко.

Тишина.

— Может, его взяли в качестве языка, — предположил Лешка.

— Без шуток! — оборвал главный. — Так, я ему звоню. — Он вытащил из одного из своих бесчисленных карманов мобильный. — Стас! Ты где?

В ту же минуту из-за кустов появилась плечистая фигура Стаса:

— По нужде отойти не дадут.

— Игнат! — подошла к старшему Женя. — Я поняла: мы должны ломать там, где поблизости есть лесок, в котором можно спрятаться. Это был полезный урок с той машиной.

— А если она вернется, эта машина? — предостерег кто-то.

— Вот что: надо выставить пост. Метрах в пятистах от нас. Кто пойдет?

Вызвался Леня.

— Как замечу что-то — сразу звоню, — сформулировал он задачу и легкими прыжками побежал по дороге в ту сторону, куда уехал джип.

Основная группа проследовала вдоль ограды метров сто.

— Вот хороший участок, — остановилась Женя. — И лес рядом, и забор у самой дороги — всем будет виден результат.

— Так, — Игнат сбросил со спины на землю свою тяжелую поклажу и развязал тесемки. — Достая бензорез, — по своему обыкновению, принялся он комментировать свои действия. — Сначала я его прогреваю.

Он несколько раз дернул шнур стартера. Ночную тишину разрезал оглушительный, как всем показалось в первые минуты, рев мотора.

— Мне кажется, впереди тоже надо выставить пост, — прокричала, наклонившись к Игнату, Женя.

— Согласен! — прокричал тот в ответ.

Вперед по дороге отправили Дину, забрав у нее рюкзак с ЗИПом.

Ограда тянулась ровной линией метрах в пяти от обочины дороги. Высотой она была не менее двух с половиной метров. Между черными четырехгранными столбиками была натянута сетка из толстой проволоки, прутья которой, пересекаясь, образовали крупные ромбы.

Не дожидаясь Игната, трое человек уже крушили эту сетку ломami, отшибая ее от столбов. Звякающие удары разносились по округе, перекрывая треск бензореза. Проволока гнулась, корежилась под этими ударами, пока не отрывалась от мест крепления, сетка тряслась, словно в агонии.

Но вот Игнат опустил на глаза защитные очки, поднял свой внушительных размеров инструмент с бешено вращающимся большим диском и подступил к одному из столбов. Диск, расплевывая снопы огненных искр, вгрызся в железо. Звук изменился — сделался еще громче и пронзительнее. Искры били то слабее, то взрывались мощным фонтаном. Игнат, в стойке автоматчика, в своих очках, грубых перчатках, представлял собой внушительное зрелище. Антон даже почувствовал некий восторг, глядя на него и на брызги огня. А Женя сделала несколько снимков.

Захотел сфотографироваться и Родик. Он натянул на лицо маску и принял грозную позу, замахнувшись ломиком.

— Терминатор-р-р! — прорычал, комично вытаращив глаза, Лешка.

Между тем столбик накренился. Игнат отвел инструмент и слегка подтолкнул столб — тот рухнул вместе с секцией обрубленной от соседнего столба сетки. На нее тотчас взобрался Сашка и принялся сминать прутья ногами. Не снимая рюкзака с дисками, к нему присоединился и Антон. Вдвоем они отломали окончательно и оттянули в сторону столб.

А Игнат уже резал следующий.

Когда было повалено метров тридцать ограды, приостановились перевести дух.

— Товарищи партизаны! Игнат! — воскликнула, обозревая с дороги проделанную брешь, Женя. — Все хорошо, но вида нет. Забор лежит, как будто сами арендаторы его демонтировали.

— Точно! — поддержал Стас. — Нет художественного беспорядка.

— Игнат, а ты что скажешь?

— Да, в этом есть резон, — согласился предводитель. — Так, вот что мы делаем. Рубим сетку, но оставляем через четыре-пять пролетов один пролет целый. А еще лучше два оставлять, но один из столбиков накренишь с обрывками сетки, чтобы видно было, что это ломали, а не демонтировали.

— Вид должен быть вандальный! — провозгласил долговязый Лешка.

В эту минуту запиликал телефон Игната.

— Это Дина, — взглянул командир на экран. — Дина, что? Машина? Все в кусты, быстро! — приказал он. — Инструменты!

Партизаны уже отработано, подхватив свою поклажу, побежали прочь от забора и нырнули в лесок с противоположной стороны дороги. Приникли к земле.

Слева появилось свечение, затем силуэт машины, уазика. На козырьке ее крыши помигивал удлинённый синий фонарь. «Полиция», — скорее угадал, чем прочитал Антон надпись.

— Полиция! — послышался сбоку тревожный шепот.

— Тише вы! — прозвучал сердитый голос Игната.

Как Антон и ожидал и боялся, у пролома в заборе машина притормозила.

— Увидели дыру, — прошептал кто-то.

«Ну вот, — подумал Антон обреченно, — и сделать ничего толком не успели, как уже...»

Проследовала долгая минута, другая... Машина тронулась с места и медленно покатила дальше.

— Ну, сейчас начнется!.. — поднялся на ноги Сашка.

— Что начнется? — спросил Стас. — Выстроятся цепью и начнут прочесывать окрестности?

— Шумиха поднимется, охранники набегут.

— Возможно, кто-то сообщил им, полиции, — высказалась Женя. — Как считаешь, Игнат?

— Ребята, у вас уже паранойя, — присел на поваленный ствол Родик. — У ментов плановые объезды. Может, они и не заметили ничего, просто притормозили, чтобы по стопочке пропустить. А если и увидели, они же не знают, когда это совершено.

— Нам-то что делать? — снова обратилась к старшему группы Женя. — Будем продолжать?

— А какие еще могут быть варианты? — отвечал тот. — Ехать домой? Столько готовились, четыре часа добивались, дополнительную машину наняли...

— Но это же риск!

— Все наше дело — сплошной риск. Кто не готов рисковать, может вернуться в лагерь.

Таковых не нашлось.

«Будь что будет, — подумал Антон. — Только скорей бы уж рассвет».

Работа возобновилась на новом месте.

«Просто пахота»

Над лесом появилась большая, безупречно круглая луна. Однако вряд ли кто из орудующих у ограды людей обратил на нее внимание. Игнат с ревом, дымом и фейерверком искр рушил один за другим столбы. Трое человек ломачами наносили удары по сетке, отшибая ее от крепежа. Еще трое, едва столб с фрагментом сетки накренился, валили его и сминали прутья ногами. На специально оставленных пролетах ча-

стично обрывали и загибали сетку. Женя, стоя на дороге с телефоном наготове, ожидала сигналов с постов. Дым от горелого металла смешивался с выхлопными газами и стлался близко к земле. От него жгло в горле и хотелось пить. Время от времени Игнат останавливался, чтобы глотнуть воды, заправить горючим бензорез или сменить диск.

— Отработанный диск куда? — спросил у него Антон при первой замене. — За ограду им бросить?

— Не вздумай! Женя увидит! — сделал страшные глаза Игнат. — Она у нас главный эколог. Клади пока себе в кармашек рюкзака.

Перед тем как переместиться на новое место, Женя связывалась с наблюдателями:

— Леня! Смещаемся еще метров на двести. Дина, смещаемся.

Когда главный резчик выдыхался, его сменял ненадолго Стас. Получалось у него похуже: то диск вибрировал, то искры летели в него самого, но худо-бедно, а дело двигалось.

— Все, руки уже не служат, — отдуваясь, Лешка воткнул в землю ломик.

Антон подошел, вытащил лом.

— Тоже захотел повандалить? — усмехнулся снисходительно Лешка.

— Попробую, — отвечал студент. — А тебе взамен — рюкзак с дисками.

Игнат в это время как раз потребовал новый диск. Когда он наклонился над инструментом, освещаемым налобным фонариком, частые капли с его лица буквально заморосили на горячий бензорез.

— Воды! — потребовал резчик. Ему подали бутылку, и он жадно присосался к ней и пил, пока не опустошил ее полностью.

— Давайте подкрепимся, — предложила Женя, развязывая рюкзак. — Время уже — три часа. Кто хочет перекусить?! — крикнула она.

Подошел Родик с ломом.

— Пятьдесят пролетов срубил! — доложил он.

— Надо тебе медаль, — сказал Лешка. — В виде бронзовой копии ломика.

— Будем продолжать? — спросил Родик у старшего группы.

— А как же! — воскликнул Игнат. — Еще и половины намеченного не сделали.

— У нас же еще северная сторона...

— Эта важнее. Антон, иди к нам, подкрепишься! — позвал Игнат.

Сгрудившись, по очереди откусывали от кольца колбасы и заедали печенюшками, поскольку хлеб забыли.

— Смотрите, какая луна! — заметила Женя.

Все на минуту замерли, подняв головы, разглядывая такую, казалось бы, знакомую, но вместе с тем как будто и незнаваемую сейчас, странно увеличенную планету.

— Волчья, — оскалился Лешка. — Может, повоем? — и он затанул по-звериному: — У-у-у-у!

— Тише ты! — шикнула на него Женя. — Всех коз переполошишь. Доведешь какую-нибудь до инфаркта.

— Игнат, разреши мне спилить хотя бы один столбик, — попросила она через минуту, надевая полегчавший рюкзачок. — Ты же обещал нас обучить.

— Не сейчас. В другой раз. Сейчас нельзя терять время. Только Стас может меня подменять. — Дернув стартер, он вновь завел свою адскую машину.

В эту минуту Антон заметил шагающую по дороге приземистую человеческую фигуру.

— Кто это? — невольно напряжились и другие.

— Да это Дина, — угадал кто-то.

Девушка была в маске и угадывалась только по костюму и невысокому росту.

Игнат приглушил мотор:

— Что случилось, Дина?

— Там впереди, у озера — две легковушки и палатки. И все хорошо слышно.

— Лучше тогда перейти на северную часть, — предложил Родик, который уже не рубил сетку, а взялся носить рюкзак с бензином, от которого вначале наотрез отказывался.

— Пусть слышно. Что они нам сделают? — спокойно проговорил Стас.

— Да увидев наши рожи в балаклавах, они со страху сами попрячутся в кусты! — хохотнул Лешка.

— Мы людям отдыхать мешаем, — заметил Антон.

— Ха! «Мешаем»! Да они уже «анестезина» приняли, и им все по барабану!

— Пилим дальше, — постановил Игнат и с работающим на холостом ходу бензорезом зашагал к ограде.

«Странно, что охранники не слышат этот наш грохот, — подумал Антон. — Или слышат, но просто не показываются, а сами что-то затевают?..»

Незаметно начало светлеть. Кусты и деревья постепенно обретали свой привычный зеленый цвет, еще более осветлела дорога, стали различимы лица (или глаза скрытых под балаклавами лиц).

В пятом часу добрались до ворот, сваренных из металлических уголков и толстого прута и запертых изнутри на блестящий навесной замок.

— Ворота надо обязательно уничтожить, — постановил Игнат. — И так, чтобы они не подлежали восстановлению.

Столбы ворот были также четырехгранные, но большего сечения, и с ними пришлось повозиться. Но прежде пришлось повозиться с верхними петлями. Инструмент Игнат вынужден был держать на вытянутых вверх руках, петли оказались из прочного металла и резались медленно. Два раза Игната подменял Стас.

Рухнувшие наконец ворота расчленили на несколько кусков и свалили кучей вместе со столбами на выезде с полигона.

— Чтобы проехать сразу не смогли, — прокомментировал Игнат, поднимая на лоб очки и утирая пот.

На кучу обломков Лешка демонстративно поставил ногу, точно на поверженного зверя.

Женя сделала групповой снимок. Все при этом опустили на лица свои шапочки-маски. Один Игнат остался, как был: с очками на лбу, с бензорезом в руках.

— Игнат, опознают, — предупредила Женя.

— И так опознают.

— Вообще-то у них четверо ворот, — сообщила Женя. — Хорошо бы еще хоть одни спилить.

— Ребята, время! — напомнил Родик. — В понедельник на работу, надо еще до дому добраться. Игнат, половина группы устала.

— Тогда будем продолжать со второй половиной, — отозвался вожак.

На дороге, уже легко узнаваемая издали, вновь появилась Дина.

— Там у них вагончик, — доложила она, приблизясь. — Есть ли в нем люди — не знаю.

— Что будем делать? — спросил Антон.

— Сожжем, — шутливо предложил Лешка. — Хотя нет, сжигать мы его не станем, мы его просто спалим, — снова вернул он свою хохмочку.

Никто не улыбнулся. Народ был явно утомлен. Антон заметил, что рука его, в

которой он держал ломик, мелко вибрирует от перенапряжения, а рубаха под свитером неприятно прилипла к спине.

Сашка, которому Родик отдал свой лом, уселся на обочине дороги. Расслабленным движением он сунул в рот сигарету, поднес к ней огонек зажигалки (он единственный из всех курил).

— Я думал, мы будем от собак и охранников отбиваться, а тут просто пахота, — несколько разочарованно произнес он.

— Подожди еще... — зловеще предрек Лешка.

— Для того мы сюда и приехали — забор ломать, — сухо молвила Женя.

— Ребята, шесть часов, совсем светло, — снова напомнил о времени Родик. — Я предлагаю заканчивать с этой стороной. У нас есть еще северная.

Было уже и вправду светло, и сквозь деревья проблескивало взошедшее и кажущееся сейчас совершенно неуместным солнце.

— Зачем дальше испытывать судьбу? — чувствуя, что и другие колеблются, убеждал Родик. — Может, нас уже засекли и скоро нагрянут.

— Нас могут и на северной сцапать, — возразили ему.

— Там лес гуще.

— Ну, что решаем? Как большинство? — обвел взглядом сподвижников Игнат. Лицо его было красным, мокрым от пота, с припухшими веками.

Сподвижники молчали.

Молчал и Антон. Мог ли он признаться, что думал он сейчас так же, как и Родик?

К Сашке между тем подошла Дина и, забрав у него ломик, принялась в одиночку ожесточенно колотить им по сетке.

— Ниндзи не сдаются! — кивнул на Дину Лешка.

— Дина — крепкий орешек, — одобчительно отозвался Игнат. — Ну что, друзья? Женя, а ты как?

— На этот раз, Игнат, я тоже за то, чтобы тут заканчивать. Мы и так уже немало сделали, гораздо больше, чем в прошлый выезд. Ты, Игнат, должен быть доволен. Ты вообще молодец!

— Тем более что мы прошли километра три-четыре, а еще от угла полигона до лагеря около пяти. Итого топать восемь-девять кмэ, — весомо прибавил Родик.

— Ладно, — с сожалением согласился лидер, — отходим к северной стороне. Снимаем посты. Вернее, один пост. Женя, позвони Лене. Кто понесет бензорез?

Отход

Брели медленно, растянувшись цепью по дороге.

— Ну как тебе, Игнат, плоды наших трудов? — обратилась Женя к предводителю, когда проходили мимо одного из разрушенных участков ограды.

Игнат не ответил, занятый своими мыслями.

— Как будто Годзилла тут резвился, — сравнил Лешка.

— Вот бы козы с кабанами разбежались, пока дырки не заделали, — пожелал Антон.

Стас, ссутулившись под тяжестью бензореза, обернулся к нему:

— Вряд ли. Их наш грохот скорее в дальний край вольера отогнал.

Когда подходили к углу полигона, солнце уже сияло всюду, золотило стелющийся по лугам слоистый туман, пригревало парящую землю. Гуще пахло свежей листвой, теплой влажной травой, цветами. Птицы гомонили, свистели и трещали на все лады.

— Игнат, я насчитала в сумме почти четыреста метров снесенного забора, — доложила Женя. — По секциям считала. Для нас это рекорд!

Тем временем шедшие впереди достигли перекрестка, но свернули не влево, вдоль ограды, а вправо, в сторону лагеря.

— Что, в лагерь? — разочарованно спросил, ни к кому конкретно не обращаясь, Игнат. Однако чувствовалось по его голосу и шаркающей походке, что и он устал, что нет уже у него энергии и духа останавливать команду и заставлять работать дальше.

— Игнат, правда: время позднее, а мы сделали максимум, что смогли, — попыталась примирить его с ситуацией Женя. — Тебе грех жаловаться: мы столько еще никогда не делали.

— Это как в горах, — вздохнул лидер. — Где-то упустишь двадцать минут — и все расчеты коту под хвост, теряешь дальше и силы, и время.

— Ты занимался альпинизмом? — поинтересовался Антон уважительно.

— Был период.

— Здорово! А на Эверест поднимался?

— Ну, до этого я пока не дорос. На Эльбрус.

— Тоже неслабо. Тяжело?

— Не тяжелее, чем у нас сегодня.

Оставшиеся километры до лагеря шли бодрее, видимо, радуясь невольной, что работа закончена и что их не «сцапали». Впереди, оторвавшись от всех, шагали Родик и Сашка. За ними легким, прыгающим шагом скакал Леня, периодически останавливаясь и поджидая других. Далее шествовала основная группа во главе с Игнатом. Замыкала вереницу Дина.

— Хорошо, что все нормально прошло! — весело потер ладони Леня, дождавшись большинства.

— Нормально будет, когда мы отсюда выедем, — заметил на это Стас.

— Слышали? — проговорил Игнат. — Через Думу собираются протащить закон, расширяющий полномочия ЧОПов.

— Что значит — расширяющий?

— А то, что до этого они и так избивали людей, пробивали головы и прочее, теперь же будут делать это на законных основаниях. Возможно, и оружие разрешат им применять.

— Зачем им оружие?! — не прерывая широкого шага, воскликнул Лешка. — Передавали: в России очень популярна в последние годы игра в бейсбол. Продаются миллионы бит. А вот мячики почему-то покупаются гораздо хуже.

— Придется тоже вооружаться, — серьезно заключил Леонид.

Антон слегка замедлил шаг, и когда с ним поравнялась Дина, он пошел рядом. Они шли, не произнося ни слова. Просто шагали устало, глядя под ноги.

В лагере

В лагере царила тишина, если не считать щебета птиц. У тлеющего костра стояли два закоптелых котла — с чаем и с вареной картошкой.

На голоса выполз из крохотной палаточки Эдуард с припухшим, сонным и одновременно озабоченным лицом.

— Все целы? — оглядел он утомленную команду. — Поешьте. Сейчас чай разогрею, — и он бросил в кострище хворосту.

Антон, не дожидаясь, зачерпнул из котелка чьей-то чашкой:

— А я и теплого с удовольствием, — и он одну за другой выпил залпом три чашки.

- Сразу инструменты в кусты! — распорядился Игнат.
- А баллончики, балаклавы? — спросил Антон.
- Потом мне все сдадите.

Кто-то сразу полез в палатку спать, кто-то присел у костра с кружкой чая. Женя и Игнат рассказывали Эдуарду, как прошла операция. Игнат все досадовал, что не добрались до северной стороны.

- Ничего, — соглашался с Женей Эдуард, — главное — фасад.

Антон подсел к ним. Пережитая вместе напряженная ночь как будто снимала с него некое бремя — хотелось общаться, открыть свои тайные мысли и сомнения.

— Скажите: есть ли польза от этих наших акций? — заговорил он. — Ну, сломали мы забор. А они опять его поставят. И сколько таких заборов в одной только нашей области!

— Вопросик ты задал, Антоша... — вздохнул Игнат, и чувствовалось, что он сам думал над этим вопросом не раз. — Это самый краеугольный момент в нашем деле. Одно могу сказать: мы пытаемся изменить ситуацию — привлечь внимание населения, СМИ к этой проблеме, заставить власти хоть немного шевелиться.

— И что не менее важно, — подхватила Женя, — привлечь сторонников, последователей.

- Если бы еще не пассивность людей, — задумчиво произнес Антон.

— Это дело времени, — подключился Эдуард. — Настроение в обществе меняется. Я работал в нескольких избирательных кампаниях в девяностые и сейчас и вижу разницу.

— Мы не одни, — продолжал Игнат. — По всему миру люди встают на защиту природы, рискуют здоровьем, а то и жизнью. В Америке экологи забирались на деревья, которые валяли в парке, вставали под пилы. Потом это повторили наши защитники Химкинского леса, которых избивали сколько раз, арестовывали, а они все равно не сдаются. Гринписовцы вон даже в тюрьме у нас посидели. Возможно, они действуют в интересах каких-то коммерческих или политических групп, но природе по большому счету все равно, по каким мотивам ее защищают.

— Не знаю, насколько наши акции меняют ситуацию в целом, — проговорила Женя, — но лично я не могу в них не участвовать.

- Ради самоуважения? — спросил Антон.

— Не совсем. Природу жалко, животных. Столько кругом губителей! А вот защитить почти что некому.

- Ну а ты сам?.. Не жалеешь, что поехал? — дружески взглянул на Антона Игнат.

— Мне кажется, после сегодняшней ночи я по-другому стал смотреть на некоторые вещи, — признался студент. — Обычно, если болтаем с друзьями, часто негодуем, критикуем то, что творится. И считаем: как здорово мы все понимаем и как остроумно критикуем. А сейчас мне думается: а имею ли я моральное право критиковать да умничать, если сам ничего не сделал?

— Именно поэтому много лет назад я влез в политику, — как-то грустно усмехнулся Эдуард.

- И чем занимаетесь? — осведомился Антон.

— Чем только не занимался. Сейчас помощник депутата ЗАКСа. Плюс — юридическая сторона нашей деятельности. Благо образование позволяет.

- А еще мы здесь — чтобы не быть быдлом, — высказался за всех Игнат.

К костру подошел Леня, присел неуклюже на корточках:

- Почему-то спать не хочется.

— Леня, скажи: а ты почему в наших акциях участвуешь? — адресовала ему вопрос Антона Женя.

— По убеждению. Я же социалист, — без заминки отвечал тот. — И чтобы был противовес правым, которые просачиваются во все общественные движения. У нас вообще народ разный, сами знаете. Дина, к примеру, эконоархист, Стас нацдемократ. На политическом поле мы враждуем, но тут мы едины.

— Скажите мне, пожалуйста, — после непродолжительного молчания оглядел он сидящих у огня, — с моей стороны не замечалось малодушия во время нашей сегодняшней кампании?

— Нет, ты молодец, — заверила его Женя. — Без наблюдателей мы бы не смогли так спокойно работать. Это было правильное решение.

Антону подумалось: а хватило бы ему самому смелости, чтобы вот так прямо говорить о своем возможном малодушии?

— Вода вскипела, — снял он с огня котелок. — Будет кто-нибудь еще чай? Тогда я заварю.

Игнат встал:

— Нет, поспать надо. Хотя бы два-три часика. И ехать.

Он стянул с себя куртку, промокшую от пота, отцепил от пояса дубинку и нож, расшнуровал ботинки, дубинку и нож забросил внутрь палатки; встав на четвереньки, забрался и сам. С дальнего конца лагеря уже доносилось чье-то похрапывание. Сашка, которого Дина не пустила к себе в палатку, спал на «пенке» под кустом, прикрыв голову полкой курточки.

Громко и самозабвенно свистали и щелкали соловьи, куковала в отдалении кукушка, басисто гудели над цветками шмели. Становилось все теплее.

Так прошло с полчаса.

От реки донесся звук мотора.

— Слава возвращается? — прислушался Леонид.

— Не знаю, не знаю, — привстал Эдуард. — Похоже, не одна машина. Две, как минимум.

Побоище

Слева, со стороны речки, на плоскую вершину холма въехали два джипа и остановились возле группы берез.

— Спортсмены, что ли? — вспомнил Антон слова Родика.

— Не уверен, — покачал головой Эдуард. — Все же плохо мы замаскировались.

— Может, просто проезд ищут?

Однако в следующую минуту обе машины резко развернулись и покатали под уклон прямо на палаточный лагерь.

— Игнат! — затряс палатку Эдуард. — Будите всех! — крикнул он стоящим у костра.

— Тревога! — прозвенело над лагерем.

Из отдаленной палатки высунулись голова и плечи Родика.

— Зря паникуете, — проговорил он. — Это ралли. — Однако прежней уверенности в его словах не ощущалось.

Показался заспанный Игнат.

— Что, менты?! — тут он сам увидел автомобили и, снова нырнув в палатку, выскочил из нее в одних трусах, но с дубинкой в руке.

Подбежали Лешка, Антон, Дина, голый по пояс Стас. В этот самый момент машины достигли лагеря и остановились метрах в пятнадцати, обдав столпившихся «партизан» выхлопными газами.

Из ближнего черного джипа вышли двое. Один, полный и рослый мужчина, держал за отворот куртки второго, тщедушного, азиатской внешности.

— Они? — коротко и резко спросил он.

— Вон эту знаю, — показал худой пальцем на Женю. — И этот, — перевел он палец на длинного Лешку.

Рослый махнул рукой, и из всех дверец машин, как по мановению мага, вынырнули человек восемь или девять. В руках у всех были клюшки для игры в гольф.

— Они! — жестом полководца указал на лагерь рослый.

— Бежим! — одновременно крикнул кто-то из природозащитников. Часть группы кинулась в кусты, ломая ветки, путаясь в высокой траве. Часть осталась на месте. Приехавшие бежали на них с поднятыми для удара клюшками. Антон четко видел их вытаращенные глаза, оскаленные зубы. Ему не верилось, что это реальность.

— Стойте! Не смейте! — властно поднял руку Эдуард, но его слова не остановили бегущих.

Вперед выскочил Игнат, полуголый, размахивая, как на своих тренировках, гнущейся резиновой дубинкой. Глаза его горели каким-то диким огнем. Он даже изловчился выбить из рук первого подбежавшего кочергу, но его самого тотчас же ударили с двух сторон палками, свалили и несколько раз пнули.

— Игнат! — вырвался у Жени вопль.

Дальше все смешалось. Действуя скорее бессознательно, Антон схватил из костра котелок и плеснул из него в незнакомую оскаленную физиономию. Но вода, очевидно, остыла и не оказала никакого эффекта. Зато в следующий миг самому Антону словно обожгло кипятком грудь. Дыхание остановилось. Корчась на земле, он подумал, что лучше не вставать, тогда есть шанс остаться живым.

А со всех сторон доносились глухие звуки ударов и крики боли. Крепкие, загнутые на конце палки с легким присвистом пронеслись в воздухе, врезались в человеческую плоть. Били умело — так, чтобы не убить, но чтобы боль была максимальной — по плечам, рукам, по коленям.

— Сволочи! Сволочи! Вы защищаете губителей природы! — взвился над поляной голос Лени, сменившийся криками: — Не бейте! А! А-а-а! — Дальше он лишь хрипел и кашлял.

Антон приподнял голову. Что же это творится?! Как такое может быть?! И как он может лежать, когда вокруг такое?.. Забыв про боль, он подполз к ближней палатке и подобрал лежащую возле нее саперную лопатку Игната.

Перед ним мелькали темные фигуры, мелькали палки; голоса, хрипы, звуки ударов мешались в одно жуткое звуковое месиво.

— Ах ты, с...! — раздалось поблизости.

Один из карателей, словно налетев на преграду, согнулся, зажимая ладонью глаза. Перед ним в воинственной позе стояла Дина с черным газовым баллончиком в руке. Дымная струя вырывалась из него, рассеиваясь в воздухе.

Стиснув в кулаке свое оружие, Антон бросился к ней, чтобы прикрыть со спины. Он даже сумел отсечь острием лопаты кончик колюшки, уже занесенной над девушкой. Но его самого тотчас ударили по руке выше локтя, и лопатка выпала. Другой чоповец кулаком сбил с ног Дину. Он ухватил за шиворот своего напарника, присевшего на четвереньки, и повлек к машинам.

Кашляя, закрывая глаза руками, матерясь, остальные также отступали. Один, отходя, поддал ногой котелок, и по золе, по траве раскатились крупные желтоватые картофелины. Пинали попутно и лежащих.

— Это вам урок! — проорал рослый мужчина. — Следующий раз будет хуже!

Взревели моторы; обе машины, швыряя из-под колес землю, развернулись и помчались в сторону речки и мостика через нее.

Лагерь представлял собой свалку. Палатки были смяты, разорваны, рюкзаки, спальные мешки разбросаны. На истоптанной траве лежали и сидели партизаны. Дина, шмыгая, вытирала рукавом бегущую из носа кровь и пыталась осмотреться, но глаза ее, пораженные газом, едва открывались. Рядом с ней, также растирая одной рукой глаза и кашляя, сидел Антон. Вторая его рука висела безвольно, распухшая в предплечье.

— Это не люди, — едва слышно шептал он. — Люди такими не бывают. Это роботы...

Леня, опираясь о землю руками и свесив голову, вздрагивал и тихонько покусывал.

— Сво...лочи, — повторял он и как будто давился и зажимал себе ладонью рот.

Женя, выбравшись из ручья, куда ее столкнули, перепачканная илом, присела возле лежащего Игната. Затем сбегала к ручью и принялась промакивать мокрым платком сочащуюся из рассеченной головы командира кровь. Неподалеку от них, обхватив руками плечи, сидел, покачиваясь, Лешка.

— Гопота! — прохрипел неожиданно Игнат. — Вот вам настоящая гопота. У них одно в мозгах — бить. А руководил ими типичный жлоб.

— Дина молодец, задала им перцу! — позлорадствовала Женя.

— Нам бы побольше таких бойцов, — проговорил Игнат и чуть приподнялся потюленьи, отыскивая взглядом бойца Дину, но тотчас же со стоном опять лег.

Игнату, похоже, досталось больше всех. Лицо его было распухшим, а глаза, и без того небольшие, едва проглядывали, губы кровоточили.

— Игнат, тебя в больницу надо, — подошел Эдуард. Он предусмотрительно еще вчера прихватил из машины автомобильную аптечку и уже успел перебинтовать голову себе и Лешке. — Держи, — передал он Жене бинт и флакончик с перекисью водорода.

— Я тоже так считаю, — поддержала Эдуарда Женя. — Рана глубокая. Может быть, трещина...

— Я сам решу, куда мне надо, — промычал Игнат. — Посмотрите лучше, кому еще нужна помощь.

Помощь понадобилась Антону и Дине.

— Как в город приедем — сразу иди в травмпункт, — наказал Эдуард студенту после того, как тому забинтовали туго руку. — Скажешь: упал.

День набирал силу. Весело гомонили птицы, сияло солнце, и теплый ветерок шевелил ольховые ветки.

Женя бродила по озаренной поляне, как будто что-то разыскивая. Подойдя к березе, она воскликнула негромко:

— Ура!

— Что такое? — недоуменно обернулись к ней другие.

— Фотоаппарат они не увидели. Я думала, разбили, а он висит целый и невредимый. В отличие от нас, — прибавила она, нахмурясь.

В это время из кустов почти бесшумно вышел Родик. Тоже целый и невредимый. Не подходя к остальным, он сел на траву в отдалении, точно чужой. И это никого не удивило. Его не прогоняли, но и не приглашали сесть ближе. Всем как будто неловко было смотреть в его сторону, и все держались так, будто там никого нет.

Позвонил на телефон Игната Слава. Трубку взяла Женя.

— Как дела? — переспросила она. — Приезжай — увидишь.

— Столько интересного пропустил! — из-за Жениной спины крикнул в телефон перебинтованный Лешка.

Недосчитались Сашки.

— Надо позвонить ему на мобильник. Может, ему нужна помощь, — обеспокоился Эдуард.

— Не думаю, — возразила Женя. — Я видела, как он убежал на той стороне ручья. Надеюсь, еще вернется.

— Не вернется, — буркнула, вставая на ноги, Дина.

— Уверена? Это ведь ты его пригласила, Дина?

— Я взяла его, чтобы проверить. Вот и проверила.

— Скажите, а я не проявил малодушия? — пылливо оглядел всех Леня, бледный, с оголенным лиловым коленом.

— Нет, ты вел себя как истинный партизан, — как-то по-матерински взглянула на него Женя.

— Меня сразу вырубили, я не успел ничего сделать.

— Неважно, — Женя подошла и погладила его плечо. — Ты не струсил и в следующий раз себя еще проявишь.

— Купим ему бейсбольную битку, — предложил окончательно оклемавшийся Лешка.

— Знаете что?! — провозгласила Женя после того, как она сама и остальные более-менее привели себя в порядок, обмылись и почистили одежду. — Ужасно все это, конечно, — то, что произошло. Но знаете... я получила очень важный опыт. Опыт, который никакими теориями не заменишь. Я теперь четко знаю, как мы будем действовать в следующий раз.

— И у меня есть идея, — шевельнулся Игнат, лежащий уже на спальном мешке. — Вот что нам надо...

— Смотрите! — внезапно расширила глаза Дина и показала куда-то рукой.

Все повернулись в указанном направлении.

— Что это? — прошептал Антон, замерев.

— Козы!

В правой части холма, у опушки леса, как ни в чем не бывало пощипывали травку два некрупных, палевой окраски животных.

Женя медленно сняла с березы фотоаппарат, осторожно открыла крышечку, навела объектив...

Точно расслышав мягкий щелчок спуска, козули синхронно вскинули головы и, вдруг скакнув в сторону, в несколько прыжков скрылись в лесу.

А люди все смотрели туда, где животные только что стояли. Даже Игнат оперся на локоть и глядел заплывшими глазами, придерживая у губ окровавленную тряпицу.

— Нашли-таки проход, — то ли вслух, то ли про себя молвил Антон.

Ярко синело небо, и по рыжему от одуванчиков лугу, по поляне со старой порубанной березой, по бледным лицам партизан щедро разливалось солнце.

АИСТ

Деревня Рáдимичи, некогда большая, имевшая свою ферму, силосную башню, выгон, теперь насчитывала только шесть жилых домов. Да и проживали в них большей частью одинокие старухи.

Мы с женой, родители которой происходили из этих мест, приехали сюда после многолетнего перерыва и деревни не узнали. Силосная башня давно обрушилась и угадывалась лишь по густо обросшему крапивой холму. Пруд, в котором я когда-

то удил карасей, превратился в неподступное болото. Не было бегающих по пыльным улицам ребятишек и мычащих по утрам и вечерам коров. Тишина и оцепенение поселились тут.

Впрочем, поля окрест были возделаны. Из соседнего, более крупного села сюда временами напознала техника — углублялись мелиоративные каналы, косилась на лугах трава. Признаться, ухоженный вид этих лугов, зеленых полей кукурузы, желтых ковров рапса, как и волшебное исчезновение борщевика, поразили нас еще на въезде в Белоруссию.

Километра за четыре до деревни мы сделали остановку возле небольшого, уставленного соснами холма. На этом холме, под его сухим песчаным одеялом покоились родители жены и более далекие ее предки. Тут было как-то не по-земному тихо, пахло хвоей и увядшими цветами. Меж оградок росли кусты черники с нетронутыми ягодами, можжевельник и боярышник. Могилы, в отличие от городских кладбищ с их тяжелыми полированными надгробиями и пышными цветниками в каменных рамах, были тут совсем обыкновенны: кресты — деревянные либо отлитые из бетона, холмики — поросшие травой, с воткнутыми в них пластмассовыми цветочками, кое-где — поникшие цветы в баночках с позеленелой водой. На таких простых деревенских кладбищах мне всегда почему-то чудится, будто лежащие тут отжившие люди откуда-то глядят на меня — не снизу, из-под земли, а откуда-то сбоку или сверху. Глядят, как глядит на тебя твое отражение в воде.

Кладбище называлось Рябинкой — по имени речки Рябинки, протекающей в подножии холма. Рябинка эта, по воспоминаниям жены, была некогда вполне приличной речкой, а теперь представляла собой ручеек, теряющийся в гуще камышей.

Немногочисленные обитатели Радимичей Нину, мою жену, помнили и отнеслись к ней с радушием и теплотой. И в первую очередь — соседка Фаина.

Это была крупная, даже грузная женщина с ясными серыми глазами и лицом, сохранившим следы былой красоты, из-за чего слово «старуха» к ней никак не лепилось. Хотя была она далеко не молода и обременена болезнями. Фаина родилась и до зрелых годов жила в Радимичах, знала и всегда хорошо отзывалась о родителях Нины, была с ними одного поколения. Зимой Фаина отсиживалась в городе, где имела квартиру, а с первым теплом ее доставлял в родную вотчину на своей легковушке дальний родственник, и он же поздней осенью забирал ее обратно в город. По хозяйству управляться она была уже не в силах, даже из дому редко выходила из-за больных ног, а помогал ей во всем Степан Сотник, щуплый и крикливый мужичонка, о котором речь еще впереди.

Дом у Фаины небольшой, аккуратный, обшитый вагонкой и выкрашенный в ровный зеленый цвет, оттеняющий белые наличники.

При входе во двор всякий новый человек (а таким человеком в данный момент являлся я) невольно должен был оторопеть. И, правду сказать, я оторопел. Оторопела и жена. И было, отчего: выкошенная поляна перед крыльцом сплошь была уставлена диковинными деревянными фигурами. Тут были и кабан с острыми клыками, и рыба неопределенного сорта, и семейство зайцев, и леший с носом-сучком, и синий крокодил на пяти ногах, сделанный из пня с корнями. Казалось, мы попали на выставку народных промыслов. Но как скоро узналось, все это было творением рук Степана.

Нине особенно понравился еж с выточными из дерева и окрашенными в серый цвет «иголками» и курносой мордочкой. Мое же внимание привлекли две толстые змеи, переплетшиеся между собой в каком-то мучительном напряжении.

— Нашел такой корень пригодный, возиться, почитай, не пришлось! — прокричал мне из огорода автор, видя, что я задержался возле змей.

И была еще более искусная работа, правда, незавершенная, — аист с приподнятыми ажурными крыльями. Именно приподнятыми. Прежде я встречал фигуры аистов со сложенными либо с широко распахнутыми крыльями. У этого же они были чуть воздеты, как будто выражая сомнение: лететь или не улетать? Трудно было поверить, что из дерева, пусть даже не из цельного, можно вырезать столь тонкие, едва ли не прозрачные крылья. Аист был неокрашенный, желтовато-белый и едва уловимо пахнул липой.

Фаина это увлечение своего работника откровенно не одобряла.

— Делом бы занялся, чем безделицами своими, — не раз впоследствии корила она при мне Степана. — Крыша у бани течет, забор, того и гляди, ляжет...

Однако гостям (в частности — нам с Ниной) хозяйка дома говорила про эти рукоделия не без гордости:

— Это Сотник все сам вырезал! Нигде этому ремеслу не обучался, а вон как похоже! Я иной раз пугаюсь, из дому выходя: что за заяц-великан сидит?

Разговаривали мы в просторной комнате у покрытого голубой рельефной скатертью стола. Фаина подробно расписала нам свои хворобы.

— Почему и пришлось этого Сотника взять, — заключила она.

— И давно он у тебя? — спросила Нина.

— Уж третий год.

Фаина знала о своем помощнике немного.

Попал Степан в эти места еще в юности, из Приуралья. Жил поначалу в дальней от Радимичей деревне, там женился, однако попивал и работал неважно. Все больше резал свои «безделицы». А когда жена, видимо, стремясь выручить хоть какую-то копейку, продавала эти поделки, Степан еще горше запивал. В конце концов женщина не вытерпела и прогнала непутевого мужика из дому. Изгнанник ютился сперва у соседей в сарае и там же пил с соседом, за что и соседка его прогнала. Поскитавшись, Сотник прибрел в полуопустевшие Радимичи и вселился в один из заброшенных домов. Стал подрабатывать у местных вдовствующих старух: какой дров наколет за стакан дешевого вина и пачку сигарет, у какой крышу подправит за миску вареной картошки. Фаина тогда была еще не совсем разбитой — он ей воду из колодца таскал, по осени картошку помогал выкапывать. Получал за то полный обед. А как она занемогла, так уже и весь огород, и дрова, и баня, и вода, и все остальное хозяйство перешло под его опеку. И сам он жил теперь при Фаине, спал на топчане на веранде ее дома. А в сарае гремел цепью и ворчал его злой косматый пес Мухтар.

— У него что, никаких родственников нет? — сочувственно спрашивала у Фаины про Степана моя жена.

— Ниночка! Какие у него родственники! Его родители родили да и выпустили, как лягушку. И не узнавали ни разу, как он и что. Так и вышел непутевый, необразованный. Два класса в школе проучился, а ему пять записали, пожалели, а ума так на два класса и осталось. И по мужицкой работе никуда он не годится — забор вон подправить не может, веревкой подвязал, а тот опять падает. Только и знает ерунду эту, «безделицы» свои вырезать, точно ребенок. В детстве, видать, не наигрался. А по годам — дак мой сверстник, седьмой десяток уже.

Степан и выглядел немолодо: сутулый, сморщенный, с жиденькой светлой порослью там, где бывают усы, и редкими волосками на коричневом подбородке. Один глаз его всегда был прищурен, придавая ему хитроватый вид. Хотя по натуре, как я убедился, это был человек на редкость уникально бесхитростный. Ходил он в разных сапогах (один черный и большой, другой — черно-синий, поменьше), в каких-то женских светло-серых трикотажных штанах и синем свитере с дырками на локтях.

Каждое утро и вечер Сотник шествовал мимо нашего дома с коромыслом и двумя ведрами — к колодцу. Коромысло походило на лошадиный хомут, с вырезом под шею. Ведра болтались, бренча, на крючках из проволоки, соединенных с «хомутом» короткими цепочками.

И всякий раз Степан неизменно останавливался против нашего крыльца у старой скамьи из одной доски и закуривал, не спуская с плеч коромысла. Затем, потоптавшись нерешительно, кричал (такова была его манера говорить):

— Ну что, молодые?! Спите еще?

И лишь когда я выходил из дому на его крик, он со звяканьем ставил ведра на землю и присаживался на скамье с видом человека, которого пригласили присесть побеседовать.

— Ну что? — повторял он уже не столь громко, но все же достаточно громко, чтобы слышали ближние соседи. — Что делаете? Нинка печку топит?

Ни меня, ни саму Нину почему-то не оскорбляло это его фамильярное «Нинка». Так он звал всех женщин, за исключением Фаины. Печь же была его излюбленной темой. При каждой встрече он осведомлялся, не топила ли Нина печь и не собирается ли топить. Возможно, в его голове сложилось представление, будто топить печь для женщины — это не меньшее удовольствие и, так сказать, неотъемлемое регулярное занятие, как, например, причесываться или подкрашивать губы.

— А ты что делаешь? — отвечал я вопросом же.

— Вот за водой иду. Фаина воды просила наносить, баню топить буду. Фаина говорит, чтобы по полведра носил! — снова раздражался он криком, очевидно, желая, чтобы Фаина у себя в доме также слышала. — Мне что, по двадцать раз туда-сюда ходить?! Не натаскаешься!

— А что, в городе у вас плохая вода? — спрашивал он через минуту. — Фаина говорит, плохая.

— Да, не очень, — подтверждал я.

— А у нас тут хоро-о-ошая, чи-и-иста-ая, — растягивал он слова и растягивал в довольной улыбке блеклые губы.

— А ты кем работаешь? Директором? — спрашивал он в другой раз.

Как я убедился, всех приезжающих из больших городов Степан считал директорами. «Фаину троюродный племянник привозит, директор». Или: «Фаина говорит, у вас сын уже большой? Наверное, директор».

Поначалу, пока не привык, меня удивляла и смешила эта Степанова прямо-таки ребячья наивность. Как-то угостил меня другой житель Радимичей сушеной рыбой, подлещиком, но, не будучи любителем пива, я отдал ее Сотнику.

— Хорошая рыба! — громко одобрил тот, сгибая корявыми пальцами рыбеху. — Откуда? Из города привез?

— Да нет, здесь засушил, — решил пошутить я. — Вчера рыбачил — вот и засушил.

— Молоде-е-ец! Быстро! Быстро ты! — искренне восхитился старик.

В один из первых дней по приезде Нина вывесила во дворе освежить залежавшееся за годы постельное белье. Степан, проходя мимо со своим коромыслом, остановился, закурил, покачал головой, после чего прокричал:

— Ого! Уже настирала сколь! Быстро! Быстро управилась, молоде-е-ец!

— Степан, — спросил я его однажды во время утренней беседы на скамье, — где ты научился такие фигуры вырезать?

— А нигде! — энергично выкрикнул он. — Так, баловался в молодые года, ножичком резал, стамеской, напильником шоркал. А потом один приезжий, бабки Нюрки внук, директор, подарил мне два специальных резака. Ими куда сподруч-

нее. Я ему за то орла дал. Большой орел, с крыльями вширь, — и Степан растопырил руки в продранных рукавах, показывая размах крыльев подаренного орла.

Как-то я застал Степана за вырезанием. Вернее, за подготовкой к вырезанию: топором он вытесывал болванку для будущей поделки.

— И что это будет? — поинтересовался я, подойдя ближе.

— Ящера вот хочу сделать, по телевизору видел, — с прищуром глядя на меня, проговорил вполголоса мастер. Но потом не выдержал и закричал на весь двор: — А Фаина ругается! Кабачки, говорит, поливай, а не безделицами занимайся! А что их каждый день поливать-то?! Сгниют! Ясное дело: сгниют!

— Крыша в бане течет, огород в сорняках! — слышалось на это из дому.

— Вишь: ругается, — кивнул на дом Сотник, как будто даже довольный, что хозяйка его ругает. — Бульбу прополос, воды нанес, малину набрал — все ей мало!

— Как он мне надоел! — горестно качая головой, жаловалась нам с женой Фаина. — Кричит, матерится! Всем в деревне надоел. А как его прогонишь? Сама ничего не могу. И ведь делать ничего толком не умеет. Пол в бане фанерой застлал — где такое видано? Руки не из того места выросли, вот что. Только безделицы свои и умеет вытачивать.

Но когда какой-то проезжающий через деревню горожанин прельстился Степановыми поделками и за стакан водки выменял у него фигуру кабана, Фаина ругала Сотника весь вечер.

— Дурак! — не столько зло, сколько с досадой восклицала она. — Ну какой же ты дурачина! Тебя вокруг пальца обвели, а ты и рад. За стакан бурды такого кабанчика променял! Невдомек дураку, какой славный был кабанчик. Но аиста — слышишь? — как доделаешь, не смей отдавать! Слышишь, Сотник?! Умру как — поставишь его на мою могилу на Рябинке — пусть меня крылами прикрывает.

Степан как будто намеренно не спешил довершить это свое произведение, тщательно обтачивая, зачищая наждачной бумагой каждое перо. Даже при небольшом дождике он заносил аиста на веранду, остальные же фигуры просто накрывал кусками полиэтилена.

— На зиму я все эти его деревяшки в сарае запираю и ключ с собой увожу, — поведала как-то Фаина нам с Ниной, — иначе все их пропьет, ничего не останется. Он такой: чуть выпьет, и — ой! — беда!

По словам Фаины, приезжая после долгой зимы в Радимичи, она заставала Степана изможденным, оборванным, совсем больным. Как он жил все это время, можно было лишь гадать.

— Как он тут без меня — не знаю. Знаю только, что пьет. Пенсию всю пропивает, так что и есть нечего, — сокрушалась Фаина. — Придет к Пилипычу: «Дай картошки на драники», — просит. А я оставляю ему — пять мешков! Пять мешков на один рот! Куда деваает?!

— А при вас не пьет? — поинтересовался я.

— Что ты! Разве я позволю?

— А пенсия?

— И пенсию забираю. Я так поставила вопрос: если хочешь нормально питаться — отдавай деньги все до копейки. А нет — чеши к себе на горэ! В развалюху свою. Живи там с крысами. И он все отдает, боится. То было лисички собирал, сдавал и пил на это, — повествовала Фаина. — Но сейчас перестал. А деньги его я откладываю и покупаю ему на зиму муки бидон — знаете, в каких молоко с фермы раньше возили — и бидон макарон и круп. Ну еще краски просит — рукоделия свои красить — да клею.

— А в доме у себя ты его на зиму не решаешься оставлять? — спросила моя жена.

— Ой, Ниночка, упаси Господи! Он пьет — это одно. А другое — что курит. Ой, сколько курит! Я его называю: «живая кочегарка». Идет — и дым следом, как из трубы. Оставь его в доме — он точно дом спалит. Я и тут на веранде не хотела его поселять. Скажут: мужичка себе подобрала, полюбовника. Бабы-то эти деревенские такие зловредные, злые на язык. — Фаина, пожив в городе, похоже, уже не относилась к деревенским. — Всякое мелют. А того, что мне уж на Рябинку собираться пора — этого не видят. Не хотела его брать, но совсем здоровья не стало, одной уже никуда. А больше на деревне и мужиков-то нет, кто бы стал помогать. Вот и терплю.

Она с трудом, вперевалку подошла к газовой плите и принялась помешивать что-то в булькающей кастрюле. Вкусно запахло.

— Готовлю вот Сотнику, мясо тушу, — пояснила она нам. — Первое уже и не варю: сил нет. Еле сажу. Сама вот помидор съела да кефиру и больше ничего не буду — нет аппетита. Сейчас буду давление мерить и таблетку от давления пить.

— И мне таблетку давай! — донесся неожиданно из сеней громкий возглас Сотника, услышавшего, видать, конец разговора. — У меня от твоей работы тоже давление. — Он вошел в избу с мешком, грохнул его на пол у печи.

— Постыдился бы! — огрызнулась Фаина. — Какая у тебя работа! Больше лежишь или в игрушки свои играешь.

— «Игрушки!» Щепэ вот таскаю, потому что ты каждый день топишь. Мерзнешь среди лета.

Фаина действительно сидела в теплом доме одетая в свитер, толстую юбку, шерстяные носки, накинув на плечи и спину большой серый шерстяной платок.

По субботам, когда Степан готовил баню, Фаина вознаграждала его за труды пивом, купленным в автолавке.

— Пива он выпьет — еще ничего, — как бы оправдывалась она перед нами. — Покупаю иногда. А вот «белой» ему нельзя: совсем дурной после нее. Ниночка, я вас с Сашей прошу: никогда не давайте ему этой балды, — и она выразительно щелкнула себя пальцем по горлу. — Он и без того дурак дураком, а как выпьет, так — ой!.. Упаси господи!

Заслуженное пиво Степан пил на скамеечке перед крыльцом, в компании своих деревянных существ. Пил он неспешно, с довольным прищуром поглядывая по сторонам.

— Выпей пива! — крикнул он раз мне, как всегда громко и грубовато, когда я проходил мимо их калитки. Для наглядности он поднял за горлышко и потряс темно-коричневую пластиковую бутылку.

— Спасибо, Степан, но пиво я не потребляю, уже говорил тебе.

— Нинку боишься? — понимающе покивал он головой. — Не бойся, она не узнает.

Сказано это было без малейшей иронии, а наоборот, серьезно и сочувственно. Верно, у Степана в сложилось представление о матриархальном устройстве человеческого общества. Когда-то, видно, его гоняла мать, потом жена, теперь командовала им Фаина. Получалось, что женщины созданы для надзора за мужичинами.

Когда же я прошел во двор и присел с ним рядом, он пожаловался:

— Купила мне пива два литра и себе почти пол-литра сразу отлила — на лекарство, говорит. «Ты мне покупала», — говорю. А она: «Хватит тебе, меньше пьяный будешь». Такая жадная!

Но я-то знал, что Фаина вовсе не жадная. Сколько раз она предлагала Нине: «Пойди в огород луку нащидай и укропу, картошки молодой вам Сотник накопает». А когда, съездив в город в магазин, мы привезли ей коробку хорошего печенья, она воскликнула: «Ой, Ниночка, зачем? Куда мне?! Нельзя мне сладкое. Ладно, Сотнику дам, он любит».

Степан отхлебнул пива, после чего прибавил:

— Деньги все забирает, рубля не выпросишь. Работаю на нее как раб — за миску супа.

— Кто же тебя неволит? — возразил я. — Никто ж тебя не заставляет служить. Ушел бы, если так уж в тягость.

— Как я ее брошу, Фаину?! — повернулся Степан ко мне. — Она ж без меня пропадет!

Плотнув пива, он неожиданно заухмылялся:

— Говорю ей: «Вот женюсь и уйду от тебя». А она мне: «Степа, а меня на кого покинешь? Что я буду делать, если ходить не могу?» Фаина без меня пропадет, — убежденно и как будто с ощущением своей тяжкой, но важной миссии повторил Степан. И снова повторил, по своему обыкновению: — Женился бы, да Фаину жалко. Да и баб хороших нет, — прибавил, подумав.

Похоже, он и сам в эти минуты верил, что мог бы в любой момент жениться и уйти от Фаины, но что оставался лишь из человеколюбия.

— Ты ведь был женат, — напомнил я. — И где же твоя жена?

— Одна — в своей деревне, другая — в Витебск уехала.

— Удрали от тебя?

— Я сам их прогнал, — нахмурился Сотник, и даже прищуренный глаз на секунду зло округлился.

— Что, плохие были жены?

— А ну их! — неопределенно отмахнулся он.

А вот Фаина была убеждена, что это Сотник без нее пропадет.

— Сварить себе ничего не умеет, — сокрушалась она при очередном нашем визите. — Ни постирать. Я ему не стираю, конечно... грязь его... я брезглива. Замочу вон в корытце с порошком, а сам уже стирает. А без меня и этого не делал бы. Каждый год одежду ему какую привожу: плащ хороший в прошлый год отдала, брюки мужа покойного. Да и другие деревенские, бывает, отдают, жалеют его. Приеду — а он опять в обносках! Куда деваает, не пойму. Дарит кому или продает за копейки — сказать не могу. Сам молчит, не признается, матерится только.

Говоря это, Фаина привстала, болезненно морщась, из-за стола и, отведя занавеску, стала всматриваться в окно.

— Вон куст трясется! — произнесла она сердито. — Это уже ягоду жрет.

— Кто? Сотник? — не понял я.

— Птицы! Сотник, наоборот, гоняет их. Правду сказать, плохо гоняет, ленится. Уж сколь пообъели! Черной смородины вовсе не осталось. Теперь вон красную жрут.

В следующую минуту послышались громкие хлопки ладонями и свист.

— Дрозды эти драные опять смородину клюют! — донесся сварливый возглас Степана. — Если бы я их не гонял — ничего бы уже не осталось, ни одной ягоды!

Степан действительно гонял птиц, но толку от этого, на мой взгляд, было немного. Пока он свистит и хлопает ладонями в одном конце двора, дрозды, точно издеваясь над ним, нахально трещат и клюют ягоды в другом конце.

— Вот черти драные! — топает ногами Сотник. — Ружья на вас нет!

Нередко, стоя посреди двора, Степан кричит в сторону соседнего дома (с дальней от нас стороны):

— Давно этого черта не видно лысого! Не выходит! Боится! Фаину боится! Украл дрова — теперь не выходит.

Зимой у Сотника была обязанность (вероятно, добровольная) присматривать за Фаиным домом. И вот, по его словам, однажды он застал соседа Петра бродящим по Фаиному участку.

— Я ему: «Ты что тут ходишь?» — рассказывал он в десятый раз. — «Что ты, черт, вокруг чуждого дома выхаживаешь? Что ты тут высматриваешь?» А он: «Бу-бу-бу» — и все. После того дрова из сарая и пропали. Он уволок, больше некому. Не зря высматривал. Погоди, Фаина тебе пиндюлин задаст за дрова! — проорал он в расчете, что услышит подозреваемый. — Возьми еще хоть одну палку — получишь пиндюлей!

Но все было тихо на соседском дворе. От нелюдимого, действительно практически не выходящего за пределы своей территории соседа я не слышал ни разу ни слова в ответ на Степановы обвинения.

— Да, такой это человек нехороший, — подтверждала Фаина. — А может, и на голову больной. Ни с кем в деревне не здоровается, в автолавке ничего не берет, сам все из магазина на велосипеде привозит...

Последний довод, похоже, был для Фаины особенно убедителен.

— С палкой ходит, с клюкой, — добавлял Степан. — Станет нормальный человек с палкой ходить? Боится, что его за дрова отмутузят. Здоровый бугай, а меня боится. Я ему прямо сказал: только сунешься к Фаиному дому — я тебе задам!

— Про дрова я, правда, не уверена, — высказалась вполголоса Фаина, когда Сотник вышел из дому. — Не пойман — не вор. Может, и сам Сотник на водку обменял, кто знает? От него всякого можно ждать.

Нам нравилась здешняя спокойная, простая жизнь. Бывало, я даже просыпался среди ночи от непривычной, необыкновенной тишины. Лишь мышь прошуршит где-то за обоями да мотылек забьется, застучит мягко о стекло, и снова тишь. Старый дом по-своему, по-деревенски неспешно отсчитывает ползущее время. Я вдыхал запах этого старого дома — пыльный запах сена, набитого под кровать, разошедшегося дерева, половиков. И лежа так в темноте, думал порой про Степана и Фаину, про то, как они ругают друг друга и как друг в друге нуждаются. Человечество в миниатюре. Россия и Беларусь...

Однажды ранним утром (Нина еще спала) я расслышал с улицы какие-то повторяющиеся охающие или стонущие звуки. Вышел: у калитки стояла, тяжело дыша и опираясь одной рукой на столбик, а другой держась за сердце, Фаина.

— Ой, скорее! — проговорила она, задыхаясь. — Скорее, помрет!

— Кто помрет? — сразу не понял я.

— Сотник. Прибил он его... Петька-сосед... совсем прибил.

Опережая с трудом, вперевалкудвигающуюся грузную Фаину, я почти бегом припустил к ее дому.

Степан, серый, небритый, похожий лицом на прошлогоднюю картофелину, сидел у крыльца, опираясь локтями на ступеньки и вытянув по земле ноги в своих разномастных сапогах. Глаза его были — один приоткрыт, другой, как всегда, с прищуром, но оба странно неподвижные. Никаких видимых ран я на нем не обнаружил, не считая круглой шишки на затылке.

— Палкой он его приварил, — разъяснила подошедшая Фаина, — клюкой своей. Степка застал его, как он бидон из бани алюминиевый волок. Ой, Господи, неживой совсем! Я уж «скорую» по мобильному вызвала. Милицию надо вызвать еще.

— На кой черт твоя милиция! — проворчал вдруг, поморгав глазами, Сотник. — Я ему тоже, знаешь, каких пиндюлин задал! Сидит сейчас, небось стонет.

— Ожил, слава тебе, Господи! — сложила у груди пухлые руки Фаина. — Я уж думала: не жилец мой Сотник.

— «Думала»! Сколько тебе говорил: запирать баню следует. А тебе денег на замок жалко!

— Твоя правда, повесить надо замок, — согласилась Фаина, но тут же возразила себе: — Да когда ж такое было, чтобы баню запирать! Дожили!

Позднее Степан рассказал, что его верный Мухтар почуял происки врага на расстоянии.

— Лает да лает. «Что ты лаешь, черт?» — говорю. А он на меня смотрит, да рычит, да рвется. Вот какой пес! — с гордостью произнес хозяин. — Молодец! Умный пес. Он Петьку этого давно не любит.

Врачи «скорой» установили, что, помимо легкого сотрясения мозга, у Сотника имеются более серьезные недуги.

— Нина, у него давление такое! — восклицала, округляя глаза, Фаина. — Не поверишь! Сто восемьдесят на сто пятьдесят! И пульс семьдесят восемь. Я обалдела просто! Сказали: тяжелое ему нельзя таскать. Я ему давно говорила: по полведра носи. Так разве он слушает? Я ему: «Сотник, ты что делаешь?!» Я прямо матом на него! А ему, дураку, все не доходит — таскает полными ведрами. Дала ему от пульса таблеток — так у него давление от них еще выше. За черникой теперь уж не хочу его отправлять, боюсь.

Фаина после этого происшествия стала трястись над здоровьем своего работника.

— Два раза сегодня ночью выходила, все спрашивала: «Не холодно тебе, Степа?» — самодовольно рассказывал всем встречным Сотник. — Да что мне делается! Сама под двумя одеялами спит, а мне и под одним нипочем. Какой летом холод?!

Жители деревни сочувствовали Сотнику и проклинали и без того всеми отвергнутого Петра.

— Все мне: «Степа, как ты? Степа, как ты?» — не без удовольствия делился со мной Сотник. — А что?! Я плохого никому не делаю. Потому и люди ко мне так. Я не как этот х... — по чужим баням да сараям не лажу! — прокричал он уже во все горло, чтобы слышал его враг. — Ишь, затихарился! Сидит, как бобер в норе, носа не кажет. Бидон хотел слямзить. Я тебе слямжу! Спасибо скажи, милицию не вызвали, а то получил бы тюрьму! Пожалел я его, — признался мне Степан уже не столь громогласно. — Разве это дело — соседа сажать? Да какой ты сосед! — снова заорал он. — Х... ты, а не сосед! Надо было вызвать. Да пожалел, вишь ты... — словно дивясь самому себе, этой своей мягкости, повторил он.

Короткий наш отпуск окончился. Вот уже и дом заперт, и вещи уложены в машину. Осталось зайти к Фаине попрощаться.

— Давай купим что-нибудь из Степиных поделок, — предложила жена, пройдя во двор. — Вот эту лягушку, например. Какая она смешная! А еще лучше — аиста. Он замечательнее всех получился. Такого — хоть в музей.

— Во-первых, он еще не доделан, — охладил я супругу. — Во-вторых, Фаина просила никаких денег Сотнику не давать, чтобы он не напился. А в-третьих, Фаина сама присмотрела этого аиста, просит поставить его ей на могилу.

— Ну, это она, наверное, несерьезно, — предположила жена. — Рано ей еще на тот свет собираться. И она же понимает, что такого аиста сразу стащат.

— Может, и понимает, может, и несерьезно, а все же нам тут вклиниваться негоже.

— Пожалуй, — согласилась Нина. — Ну, тогда что-нибудь другое. Вот хотя бы ежа. Как он сумел его так сделать? Колючки выточить... и покрасить каждую — наполовину серым, наполовину темно-серым. Это ж сколько труда! Мы ему что-нибудь за ежа подарим, раз уж деньги ему нельзя давать. Дождевик твой! Ты сказал, он тебе тесен.

Так с нами в город поехал этот рукодельный Сотников еж.

А сам Степан, провожая нас, стоял на дороге в ярко-синем пластиковом плаще (хотя с неба едва накрапывало). Плащ сидел на нем широким колоколом.

Как позже мы узнали, дождевик этот так же загадочно исчез, как исчезали у Степана и другие вещи, про которые упоминала Фаина.

Уезжать было почему-то грустно. И все стояла перед глазами неказистая фигура Степана в синем дождевике.

Мы ехали молча, и по сторонам нам открывались зеленые поля кукурузы и желтые выкошенные луга. Однако на границе с Россией поля и луга сменились зарослями, торжествующими джунглями борщевика.

Зимой мы не единожды звонили Фаине, справлялись о ее здоровье. Она жаловалась на болящие ноги и поясницу, на прыгающее давление, на плохой аппетит. И все говорила о деревне, о Радимичах. Как там дом без нее? Как Сотник, не спился ли совсем, не пропал ли?

По весне, однако, в деревню она не поехала: слегла. А осенью ее похоронили на Рябинке (по ее на то указанию и на отложенные ею для этого деньги). Дальнему ее родственнику, что возил ее из города в деревню и обратно, перешла ее квартира, а дом, как стало ясно из завещания, она передала во владение Степану Сотнику.

Мы в то лето в Радимичи не ездили и о последующих событиях узнали только через год от тамошних жителей.

Рассказывали, что Степан, узнав о смерти Фаины, пил, не просыхая, несколько дней. Пьяный, расхаживал по деревне, предлагал всем выпить за упокой души умершей и, потрясая ключами, похвалялся, что Фаина, дескать, никому другому, а именно ему, Степану, оставила дом и все хозяйство. Наконец протрезвев, измятый и больной, он обнаружил, что пропил не только очередную пенсию, но и весь запас дров, оба алюминиевых бидона, телевизор и все свои резные фигуры, прежде запертые в сарае.

Два дня, говорили, он ходил мрачный, ни с кем не разговаривал, а на третий день отправился в соседнее село, куда, во двор некоего ценителя народного творчества, перекочевали его изделия. Как долго велись и на каких условиях завершились переговоры, точно не известно, а только вернулся Сотник с аистом.

Аиста он отнес на Рябинку, поставил его у могилы Фаины и ушел из деревни со своим косматым Мухтаром. Никто о нем ничего больше не слышал.

Аист же, понятно дело, не простоял на кладбище и недели. Как будто спорхнул и улетел. Но ведь и приносимые на могилы живые цветы тоже недолго стоят — истлевают.

Уже гораздо позже, через третьи-четвертые уста, дошел слух, что кто-то, дескать, видел похожего, тонкой работы аиста в селении за восемьдесят километров от Радимичей. Хотя, возможно, это и не тот аист, а другой, совсем другого мастера-самоучки.

Игорь ЕФИМОВ

КРУТЫЕ СТУПЕНИ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Судьбою павшей Византии
Мы научиться не хотим...

Владимир Соловьев

Вглядываясь в туман грядущего, великий русский «дозорный», Федор Михайлович Достоевский, так описал, каким ему представляется XX век:

«Раскольникову грезилось в болезни, будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу. Все должны были погибнуть. Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные. Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали. Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать. Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе. Собирались друг на друга целыми армиями, но армии уже в походе, вдруг начинали сами терзать себя, ряды расстраивались, воины бросались друг на друга, кололись и резались, кусали и ели друг друга»¹.

Сегодня мы можем составить длинный список названий, под которыми «новые трихины» прокатились и продолжают катиться по земле: анархисты, эсеры,

Игорь Маркович Ефимов — русский писатель, философ, историк, публицист. Окончил Ленинградский политехнический институт, Литературный институт. Член Союза писателей, автор книг «Смотрите, кто пришел!», «Лаборантка», «Свергнуть всякое иго», повестей и рассказов для детей, радио и телефес. В Ленинграде 1960-х входил в литературную группу «Горожане» (Б. Вахтин, В. Губин, В. Марамзин). Основал в США издательство «Эрмитаж», которое выпускало стихи, романы, мемуары, эссе, не имевшие шанса быть напечатанными в Советской России. Здесь же выходят романы Ефимова «Как одна плоть», «Архивы Страшного суда», «Седьмая жена», историческое исследование об убийстве президента Кеннеди. После 1991 года почти все книги Ефимова были перепечатаны в России. Три его романа — «Не мир, но меч» (1996), «Суд да дело» (2001) и «Новгородский толмач» (2003) были первоначально опубликованы в журнале «Звезда». Там же был напечатан его философский труд «Стыдная тайна неравенства» (отдельной книгой вышел в Москве в 2006). В 2005 году вышли воспоминания Ефимова об Иосифе Бродском «Нобелевский тунеядец», а в 2006 — роман «Неверная». Пять книг Ефимова изданы в Америке в переводе на английский, его книга об убийстве президента Кеннеди в 2006 году была переведена и опубликована во Франции.

¹ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. Собр. соч в 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 6. С. 419–420.

большевики, нацисты, фашисты, хунвейбины, черные пантеры, красные кхмеры, талибы, хамас, хезболла, Аль-Каида, Боко Харам, ИГИЛ. Все они в какой-то момент, как и предсказывал Достоевский, начинали резать и убивать друг друга. Но тем не менее успели произвести опустошения, которые превзошли опустошения, принесенные эпидемиями чумы, холеры, желтой лихорадки, малярии, испанки.

Многие мыслители считают, что человеческой душе одинаково присуща и жажда свободы, и жажда справедливости. Мы не устаем восхвалять порыв к свободе и склонны забывать, какую высокую цену приходится платить за нее в реальной жизни. Свобода моего ближнего не только облегчает для него возможность напасть на меня, ограбить, унижить, убить. Она также дает ему возможность превзойти меня во всех жизненных начинаниях, обнаружить мою слабость, ограниченность, бедность ума и чувства, наполнить душу завистливой тоской, от которой я буду искать спасения в равенстве всеобщего рабства.

Именно на страхе миллионов людей перед последствиями свободы и держится могущество старых и новых «трихинов». Под их тоталитарной властью неравенство сохраняется, но оно обезличено. Мой ближний, поставленный на высокий пост, занимает его не потому, что он лучше меня, а потому что господствующая партия или мусульманская улема поставили его туда. Регулярные чистки правящего аппарата, уничтожение верхнего слоя только укрепляют рядового человека в преданности режиму.

Другое благо тоталитаризма: он дарует подданным сознание непогрешимости. До тех пор пока я разделяю догматы марксизма, нацизма, Красного цитатника, Корана, душа моя защищена от микроба сомнений. Я упиваюсь своей гарантированной правотой во всем, цельностью картины мира и готов растерзать всякого, кто посмеет покуситься на нее.

Американцы воображают, будто тоталитаризм рождается там, где группа злых заговорщиков прорывается к власти и подчиняет себе благонамеренное большинство. Они не замечают, как легко метастазы деспотизма возникают в их собственной среде в виде всевозможных культов. Харизматический проповедник обращается к своим слушателем с простым призывом: «Отдайте мне свою свободу, подчинитесь моим заповедям и правилам жизни, и я вознагражу вас сознанием исключительности и непогрешимости». Именно на это откликнулись последователи Рона Хаббарда, создавшего учение и церковь Саентологии, Джима Джонса, увлекшего тысячу своих приверженцев в Гайану, где они отравили себя и своих детей, Дэвида Кореша, закончившие самосожжением в своем лагере в Вэйко (штат Техас). Если подобные массовые добровольные отказы от личной свободы возможны в стабильной структуре цивилизованного государства, мы не должны удивляться тому, что целые народы совершают их после революций, разрушивших социальный порядок.

Порыв к свободе порождает революции, которые, как правило, сопровождаются кровавыми раздорами, от которых люди ищут спасения под сильной государственной властью. В междуусобной послереволюционной борьбе Сталин, Муссолини, Гитлер, Ататюрк, Франко, Мао Цзедунг, Кимирсен, Кастро продемонстрировали наибольшую силу и вознеслись на вершину абсолютной власти над своей нацией. Но выстраивали свои культы они на том же фундаменте: на отказе миллионов людей от бремени опасной свободы.

Наши мыслители, философы, социологи, аналитики, ученые играют роль дозорных на мачтах государственного корабля, всматривающихся в туман грядущего и в тайны мироздания. Но есть среди них и очень важный отряд тех, чей взор обращен не вперед, а назад. Мы называем их *историки*. И за последние сто лет им

удалось необычайно расширить наши представления о пути, пройденном человечеством за обозримые пять-шесть тысячелетий. Они открыли для нас дела, обычаи, верования, семейный уклад, военные столкновения «племен минувших», которые не были известны Локку, Монтескье, Адаму Смиту, Жан-Жаку Руссо, Гегелю, Марксу, Шпенглеру и другим политическим философам прошлого.

Картина, открываемая для нас новыми поколениями историков, опровергает убеждение Экклезиаста в том, что «нет ничего нового под солнцем». Повсюду мы видим, как медленно, но неуклонно менялась жизнь народов, населяющих землю. Почти каждый из них проходил разные стадии овладения силами природы. Сегодня уже с уверенностью можно выделить четыре ступени цивилизации: народ-охотник, народ кочевник и скотовод, народ-земледелец, народ-машиностроитель².

Примечательно, что рудиментарные остатки даже первых двух ступеней существуют и в наши дни. Охотой и рыболовством продолжают жить племена в верховьях Амазонки, на некоторых островах Гвинеи, отдельные группы австралийских аборигенов. Кочевниками-скотоводами остались многие семейные кланы в Монголии, бедуины на Синайском полуострове и в Израиле, масаи в Кении, ненцы, пасущие оленей на Севере России. Но основная территория земной суши поделена — захвачена — земледельцами и машиностроителями.

Самыми драматичными и трудными в истории народов являются моменты переходов с одной ступени на следующую, которые растягиваются на десятилетия и века. В эти периоды особенно сгущаются военные конфликты, кровавые раздоры, социальные потрясения.

Вглядимся сначала в феномен военного противоборства. Для упрощения разобьем известные нам войны на три типа:

Первый: противники говорят на разных языках, но обладают почти одинаковым вооружением. Примеры: войны между племенами американских индейцев, войны Древнего Рима с Карфагеном и Персией, Наполеоновские войны в Европе, две мировых войны в XX веке.

Второй: противники одинаково вооружены и говорят на одном языке. Примеры: любая гражданская война на любой ступени цивилизации.

Третий: противники говорят на разных языках и находятся на разных ступенях, поэтому один сильно уступает другому в качестве и количестве вооружений. Примеры: колониальные захваты, нашествия кочевников-скотоводов на земледельческие страны, экспансия викингов-норманов, войны американцев с индейцами, США против Вьетнама и Афганистана.

То, что мы расплывчато называем сегодня Страны Третьего мира, есть на самом деле народы, стоящие перед необходимостью перехода со ступени земледельческой на ступень индустриальную. В их городах уже есть электричество, радио, асфальтированные улицы, заполненные автомобилями, есть аэродромы, шахты, нефтяные вышки и прочие достижения технического прогресса, но нет одного: собственного машиностроения. Почти всю технику и все современное вооружение они должны покупать в индустриальных странах.

В течение всего XX века переход на индустриальную ступень совершали Россия, Испания, Турция, Мексика, Китай, Индия и многие другие страны. Эта трансформация влекла за собой такие огромные социальные сдвиги, что каждая страна расплачивалась за них тяжелейшими гражданскими войнами и революционными взрывами. Но и страны, обогнавшие их, в свое время заплатили за переход такую же кровавую цену.

² Подробно эта тема разработана в книге: Игорь Ефимов. *Метаполитика*. Л.: Лениздат, 1991.

XVII век — Голландия завоевывает независимость от Испании, на территории Германии полыхает Тридцатилетняя война, гражданская война в Англии и свержение короля, религиозные войны и Фронда во Франции.

XVIII век — Война за независимость в Америке, революция и гражданская война во Франции.

XIX век — революции в Германии, Франции, Венгрии, гражданские войны в Италии, Соединенных Штатах, революция Мэйдзи в Японии, Парижская коммуна во Франции, революции в Южной Америке.

Примечательно, что в веке XX одна за другой распались великие многонациональные империи: Испанская, Австрийская, Турецкая, Британская, Российская. Одновременно многие европейские страны предоставили независимость своим колониям: Франция, Бельгия, Португалия, Голландия. И то, и другое произошло потому, что после вступления в индустриальную стадию земля перестает быть главным источником богатства, и народы начинают усиленно развивать свои промышленные и технологические потенциалы.

Проступающую здесь закономерность можно сформулировать так:

В истории человечества народы проходят разные ступени освоения сил природы, и каждый переход с одной ступени на другую чреват социальными и военными потрясениями огромной силы.

Опираясь на этот постулат, мы можем по-новому взглянуть на судьбы народов прошлого, открывшиеся для нас в новейших исследованиях дозорных-историков. Изучение процессов перехода кочевников к оседлому земледелию позволяет нам лучше понять и даже предсказать пути, по которым будут двигаться народы Третьего мира, пытающиеся в наши дни достичь индустриальной ступени. И в первую очередь нас будет интересовать феномен иррациональной враждебности оставших народов по отношению к ушедшим вперед.

Параллельно с войнами Первого и Второго типа, войны Третьего типа заполняют три тысячелетия, разделенные посредине датой рождения Иисуса Христа. И главная черта этих войн: безжалостность нападающих к обороняющимся.

Уже в Книге Бытия мы находим свидетельства того, как жестоко обходились кочевники-иудеи с земледельческим населением покоряемых территорий.

«И прогневался Моисей на военачальников, тысяченачальников и стональничков, пришедших с войны, и сказал им Моисей: „Для чего вы оставили в живых всех женщин?.. Убейте всех детей мужского пола, и всех женщин, познавших мужа на мужеском ложе, убейте; а всех детей женского пола, которые не познали мужеского ложа, оставьте в живых для себя”» (Числа, 31:14-17).

Это поголовное истребление местного населения продолжается и в Земле Хананской. При взятии Иерихона иудеи «предали заклятию все, что в городе, и мужей и жен, и молодых и старых, и волов, и овец, и ослов, все истребили мечом» (Иисус Навин, 6:20).

Вот в 390 году до Р. Х. кельты врываются в Рим. «Стоны женщин, плач детей, рев огня, треск рушащихся зданий терзали сердца воинов на стенах Капитолия... Толпы вооруженных варваров носились по знакомым улицам, неся гибель и разрушение. Никогда еще люди с оружием в руках не были в таком жалком положении — запертые в крепости, они должны были смотреть, как все, что было им дорого, гибло под мечами врагов»³.

Арабы, начавшие в VII веке по Р. Х. нападения на близлежащие страны, часто вырезали поголовно захваченные селенья, если жители отказывались принять му-

³ Livy. The Early History of Rome Baltimore: Penguin Books, 1960. P. 388.

сульманство. «Семьсот мужчин были перебиты в захваченном после осады еврейском городке. Им связывали руки, обезглавливали и сбрасывали в вырытый заранее ров»⁴.

Особую свирепость демонстрировали монголы. «При осаде в 1221 году персидского города Нишапур (родина Омара Хайяма) зять Чингис-хана был убит стрелой со стены. Чингиз предложил своей овдовевшей дочери, беременной к тому времени, выбрать наказание для города. Она приказала перебить всех жителей и сложить отрубленные головы в три пирамиды: одну из мужских голов, другую — из женских, третью — из детских. Ее пожелание было выполнено»⁵.

Киевская Русь долго отбивалась от кочевников печенегов, половцев, хазар, болгар, но монголо-татарское нашествие сломало ее и пронизало страхом народное сознание на три века вперед. При взятии Рязани «князь Юрий, его семья и все приближенные были перебиты. Рязанцев расстреливали на улицах, насаживали на кол, сдирали кожу, сжигали живьем в пылающих домах... Монахи и жители, запершиеся в храмах, могли лишь беспомощно взирать, как насиловали молодых женщин и монахинь... Потом и они погибли в подожженных церквях»⁶.

Князь Владимир тоже был сожжен в храме вместе с женой, дочерьми и внуками, «и их обугленные тела валялись на полу среди других трупов и растоптанной знаменитой иконы Богородицы, которая в прошлом одарила жителей Владимира столь многими чудесами»⁷.

«6 декабря 1240 года Киев был взят улица за улицей. Последним оплотом сопротивления был храм Богородицы... но так много перепуганных горожан вскарабкалось на крышу и в колокольню, что здание рухнуло, погребая не только беженцев, но и защитников... Город, который когда-то правил Россией, был полностью разрушен и разграблен, могилы святых осквернены, их мощи разбросаны»⁸.

Тщетно рациональный ум будет искать причины или мотивы этих зверств. Здесь явно демонстрирует себя та же иррациональная злоба отставших к ушедшим вперед, которую мы в таком изобилии наблюдаем в наши дни. Только «смерть большой сатане — Соединенным Штатам», только полное уничтожение индустриального Израиля видит своей целью земледельческий мир Ислама. «Джихад — это только Коран и автомат». Ал-Каида, Боко Харам, ИГИЛ, йеменские хуситы обуреваемы теми же страстями, что и кочевники древнего мира. Как те атаковали Египет, Рим, Китай, Индию, Византию, Русь, так эти будут продолжать свои атаки на индустриальный мир, не считаясь с реальным соотношением сил.

Иррациональность этой ненависти высвечивается тем фактом, что не только отдельные воины часто идут на верную смерть, но и целые народы пускаются в самоубийственное противоборство с более сильным противником. Когда в 102 году до Р. Х. племена кимвров и тевтонов напали на Римскую республику, превосходство римских легионов было настолько очевидным, что кимвры были уничтожены полностью и исчезли из мировой истории. Сегодня Израиль настолько сильнее сектора Газы, что мог бы стереть его с лица земли за неделю. Тем не менее Хамас снова и снова провоцирует израильтян ракетными обстрелами и подземными туннелями для заброса террористов, навлекая на бедных жителей анклава сокрушительные ответные удары.

⁴ Armstrong, Karen. Muhammad. San Francisco: Harper Collins Publishers, 1992. P. 207.

⁵ Weatherford, Jack. Genghis Khan. New York: Free Rivers Press, 2003. P. 73.

⁶ Chambers, James. The Devil's Horsemen. New York: Atheneum Books, 1979, P. 73.

⁷ Ibid. P. 74–75.

⁸ Ibid. P. 80.

В арсенале приемов террористов все чаще мелькает такой: выносятся смертный приговор деятелям культуры индустриального мира якобы за оскорбление Корана и пророка Мухаммеда, а приведение его в исполнение оставляется на долю фанатиков ислама, которые уже живут на Западе и имеют возможность свободно перемещаться там. (Последний пример — убийства членов редакции сатирического Парижского журнала «Шарли».) Однако недавно этот прием был расширен: джихадистам удается узнавать имена и адреса летчиков, бомбящих их базы, и командиров подразделений, ведущих антитеррористические операции, и они размещают в интернете угрозы расправиться с семьями своих врагов. По сути, это равносильно захвату заложников, и может производить такой же парализующий эффект.

Выше я перечислил гражданские войны, полыхавшие в странах, переходивших с земледельческой ступени на индустриальную в XVII–XX веках. Но такие же кровавые междуусобия окрашивали и жизнь кочевников накануне скачка в сторону оседания.

Свирепо враждовали между собой колена Израилевы в течение двух веков, предшествовавших созданию их собственного земледельческого государства.

То же самое — персидские племена накануне их броска на завоевание Вавилона, Двуречья, Малой Азии под водительством царя Кира.

То же самое — гунны, которые разделились на южных, ассимилировавшихся в земледельческом Китае, и северных, ушедших на Запад, на завоевание Европы.

Война между племенами, населявшими Аравийский полуостров, предшествовала объединению их под знаменем пророка.

Первую половину своей жизни Чингисхан участвовал только в междуусобных войнах монгольских племен.

Следует ожидать, что эта закономерность будет соблюдаться и в странах Третьего мира в наши дни. Никакой народ не может перейти на следующую ступень цивилизации единодушным и единовременным скачком. Раскол Кореи, Китая, Вьетнама отражал разную степень готовности их населения к переменам. Там, где более готовым не удавалось отвоевать для себя территорию, происходило массовое бегство, как, например, кубинцев во Флориду или «лодочных людей» из Индокитая.

Гражданские войны, раздирающие сегодня Ирак, Ливию, Сирию, Ливан, Египет, Судан, Нигерию, Руанду, Сомали и другие земледельческие страны многими чертами похожи на междуусобия кочевников, переходивших на новую ступень. Поэтому индустриальному миру необходимо готовиться к тому моменту, когда в каком-то из народов появится лидер, способный объединить враждующих и обратить их военную энергию вовне⁹. Тогда тлеющие сегодня войны Третьего типа перерастут в полномасштабное нашествие, последствия которого будут опустошительными.

Осама Бен Ладен был близок к тому, чтобы продолжить линию знаменитых завоевателей прошлого — персидского Кира, гуннского Аттилы, арабского Мухаммеда, монгольского Чингиз-хана, тюркского Тамерлана. Но он не смог вырваться из рамок своих суннитско-вахабских верований и традиций и призвать под свои знамена *всех мусульман* без различий. Когда на сцене появится лидер, которому удастся объединить суннитов и шиитов, это может высвободить энергию такой же силы, какая высвобождается при соединении двух половинок атомной бомбы.

Индустриальный мир убаюкан сознанием своего технического превосходства, его правительства видят главную опасность в усилении той или другой термоядерной державы — России, Китая, Индии, Пакистана. Но точно так же в VII веке по Р. Х. Византия и Персия изматывали друг друга бесплодными войнами, не замечая

⁹ Подробнее об этом см. в книге: Игорь Ефимов. Грядущий Аттила, СПб.: Азбука, 2008.

того, что происходило у них под боком на Аравийском полуострове. Нашествие кочевников-арабов застало обе земледельческие державы врасплох, и они потерпели полное поражение.

Арабский военачальник Халид, вторгшийся в персидскую провинцию в 634 году, отправил ее губернатору послание, предлагавшее жителям на выбор: принять мусульманство, стать вассалами и данниками арабов или готовиться к смерти. В конце послания была фраза: «Пришли люди, для которых смерть за веру так же желанна, как для тебя жизнь». Персы попробовали сопротивляться, но были разбиты, губернатор убит, и вскоре страна стала частью Арабского халифата¹⁰.

Ту же самую тему готовности к смерти поднимает Осам Бен Ладен в своем призыве, написанном в декабре 2001 года: «Если мусульманин спросит себя, почему наши братья по вере достигли такой степени унижения и разгрома, ответ очевиден: потому что они безумно рванулись к наслаждениям жизни и забросили книгу Аллаха. Евреи и христиане соблазнили нас дешевыми удовольствиями и жизненным комфортом, они сначала наводнили наши души тягой к материальным благам и лишь потом вторглись со своими армиями... А мы стояли, как женщины, и ничего не предпринимали, потому что жажда смерти за дело Аллаха покинула наши сердца. О, юноша-мусульманин! Возжаждай смерти, и жизнь будет дарована тебе»¹¹.

Одиннадцатое сентября 2001 года показало всему миру, какие страшные удары могут нанести индустриальному миру войны, «возжаждавшие смерти за веру». Их воспаленная гордость не может смириться со статусом второсортности, в который их ставит принадлежность к земледельческой ступени. И какую альтернативу может предложить им индустриальный мир? Демократию, права человека, мультикультурализм, отделение церкви от государства? Алкоголь, карикатуры на пророка, женщины, разгуливающие голышом по пляжам или, еще хуже, восседающие в судейских креслах? Не напоминает ли это попытки христианских священнослужителей обороняться от монголов при помощи икон и святых мощей, выносимых в крестном ходе перед воротами крепости?

Все вышесказанное можно свести к нескольким постулатам.

1. Переход любого племени и народа с одной хозяйственно-технологической ступени цивилизации на следующую чреват необычайным внутренним напряжением, которое может привести и к расколу. (Недавние примеры: Корея, Вьетнам, Судан, Китай–Тайвань, Индия–Пакистан–Бангладеш, Эфиопия–Эритрея и т. д.)

2. Переход этот не сводится к овладению трудовыми приемами и навыками новой ступени, но связан с глубинными переменами в моральном и психологическом строе народа, которые растягиваются на жизнь многих поколений.

3. Враждебность отставших народов к народам, ушедшим вперед, имеет иррациональный характер и не поддается объяснениям в категориях причиненного вреда или ожидаемой выгоды.

4. Кочевники-иудеи, кочевники-арабы, кочевники-монголы часто поголовно уничтожали население покоряемых земледельческих стран без всякой видимой пользы для себя. И точно так же в наши дни, мусульмане, застрявшие на ступени земледелия, считают заранее оправданным убийство любого американца, россиянина, израильтянина, вообще «неверного гяура».

5. Уступая земледельцам в вооружении и численности, кочевники компенсировали это необычайной сплоченностью в бою. В XXI веке сплоченность наступающих будет выражаться в том, что любой приказ, отправленный по интернету из ка-

¹⁰ Durant, Will. *The Age of Faith*. (New York: Simon & Schuster, 1950. P. 151–152.

¹¹ Bergen, Peter. *The Osama Bin Laden I Know*. New York: Free Press, 2006. P. 369–370.

кой-нибудь горной пещеры, будет безоговорочно выполнен отрядами террористов, разбросанными в городах индустриального мира.

Мне бы очень хотелось заинтересовать постулатами, перечисленными выше, дозорных индустриального мира. Но еще больше мне бы хотелось, чтобы они растались с сочиненным Жан-Жаком Руссо образом доброго и разумного «естественного» человека, права которого необходимо защищать во все времена и во всех странах.

Любой человек есть клубок страстей, среди которых полыхают и созидательные, и разрушительные. Как сказал Экклезиаст, «всему свое время: время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить; время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру» (Эккл., 3: 1–8). Страсти творить, любить, спасать в одной и той же душе могут ужиться с не менее сильными страстями разрушать, мучить, убивать.

Особенно последняя проявляет себя в наши времена с пугающей наглядностью. Никакие «новые трихины» не могли бы вербовать себе миллионы соучастников и сторонников, если бы микроб душегубства не таился в человеческом сердце. Благодатная среда для его размножения — ненависть, гноящаяся в душах народов, оставших на переходе в индустриальную стадию. Я рискну высказать предположение, что и традиционная враждебность ирландцев к англичанам, басков — к испанцам, северокавказцев — к россиянам, черных американцев — к белым, скорее всего, имеет ту же природу.

Противоборство Древнего Рима с наступающими кочевниками длилось тысячелетие. Когда империя распалась, на ее территории образовались земледельческие государства, сохранившие в своих названиях отзвук имен тех народов, которые мечами прокладывали здесь себе путь к оседанию. Франция напомним нам о франках, Германия — о германцах, Бельгия — о бельгах, Шотландия — Scotland — о скоттах, Венгрия — Hungary — о гуннах (Hunnu), Саксония — о саксах, Болгария — о булгарах.

Можно ли по аналогии предсказать распад Америки на независимые государства? Какую-нибудь Мексику, Кубу, Пуэрторико, Исламфараханию? Думается, до этого еще слишком далеко. Гораздо более вероятным представляется повторение другого момента античной истории: перерождения Римской республики в Римскую империю в I веке до Р. Х. Это произошло не потому, что Сулла, Помпей, Катилина, Антоний, Юлий Цезарь, Октавиан Август были какими-то неукротимыми честолюбцами, жадными до власти. Просто и сенату, и всадникам, и легионерам, и рядовым гражданам в какой-то момент стало ясно, что сохранить государственный порядок в гигантской многонациональной стране будет невозможно без перехода к единовластию. Так и в сегодняшней Америке патовая ситуация в противоборстве президента и конгресса парализует все законодательные и административные инициативы.

История великих империй длилась тысячелетия. История великих республик, вступавших на путь экспансии, расширения, открытия своих границ миллионам инородцев, до сих пор не превысила 250 лет. (Примеры: Афины, Карфаген, Венеция, Флоренция, Генуя, Новгород, Псков и так далее.) Если это правило сохранится, нам следует ожидать кризисной точки для Американской республики в 2025 году. Недаром проницательный американский политик и мыслитель, Патрик Бьюкенен включил эту дату в название своей книги: «Самоубийство сверхдержавы. Просуществует ли Америка до 2025 года?»¹².

¹² Buchanan, Patrick J. *Suicide of a Superpower. Will America Survive to 2025?* N.-Y.: St. Martin Press, 2011.

Стремительный технический прогресс наших дней может привести к тому, что человечество окажется перед лицом нового скачка: со ступени индустриальной на пятую ступень — назовем ее предположительно электронно-космической. Если это будет сопряжено с такими же социальными и военными катаклизмами, какие сопровождали предыдущие скачки, разрушительные последствия их предсказать невозможно. Нужно считать чудом, что за 70 лет, прошедших с Хиросимы, человечество проявляло достаточную сдержанность, чтобы не использовать термоядерное оружие в своих непрекращающихся войнах. Но вечно это длиться не может. Рано или поздно «новые трихины» доберутся до бомбы и используют ее для утоления своей иррациональной ненависти.

Модель ступенчатого развития мировой цивилизации разрабатывает и известный американский политолог Чарльз Купчан. Он считает, что народы, пережившие в свое время охотничью, скотоводческую, земледельческую, индустриальную стадии, оказались сегодня на входе в следующую ступень, которую он назвал *digital era*¹³. Необычайные возможности эффективного обмена информацией, вносимые компьютером и Интернетом, в огромной степени влияют на все производственные процессы, повышая их эффективность. Такую же роль в свое время сыграла письменность для народов, поднявшихся с кочевой ступени на земледельческую, или телеграф, телефон, радио для народов, входивших в индустриальную эру. В отличие от Фрэнсиса Фукуямы, Купчан считает, что мы достигли не конца истории, а начала следующей технологической эры, и что на этой новой ступени США утратят свою доминирующую роль в мире.

В своей книге «Без буржуев», вышедшей в 1979 году¹⁴, я описал кризисное состояние СССР, но и представить себе не мог, что двенадцать лет спустя советская империя развалится. Сегодня я тоже не имею в виду пророчить гибель США. Страна выживет, может быть, даже усилится в военном и экономическом отношении при усилении исполнительной ветви власти за счет трех других ветвей, как усилился Древний Рим во втором веке по Р. Х. при императоре Траяне. Но это будет закат и перерождение той страны, которую мы знаем и любим сегодня.

Одно ясно: в ситуации противостояния с бурлящим и непредсказуемым Третьим миром искусственное раздувание враждебности со стабильной индустриальной Россией, является ничем иным, как проявлением величайшей безответственности и близорукости американских политиков обеих партий. В привычной погоне за голосами избирателей они состязаются друг с другом в обвинениях в адрес Кремля, не утруждая себя анализом конкретных историко-политических ситуаций. При этом собственные акты попрания международного права полностью игнорируются. Попытки «ракетно-бомбовой демократизации» делались уже в отношении Боснии, Сербии, Афганистана, Ирака, Ливии, Йемена и унесли сотни тысяч жизней. В результате волна ненависти к индустриальному миру вздымается все выше и выше и поставляет тысячи мстителей в ряды ИГИЛа.

Сегодня долг дозорных индустриального мира — американских, российских, британских, немецких, французских — взглянуть в туман ближайших десятилетий, вслушаться в гул волн Океана Истории, разбивающихся о грозные утесы. Избежать вступления на новую ступень цивилизации невозможно. Опять какие-то народы вступят на нее первыми, и на них обрушится враждебность отставших. Но, как сказал Шекспир — «готовность это все». Если мы осознаем историческую неизбежность противоборства между народами, находящимися на разных ступенях, мы сможем встретить очередную волну «новых трихинов» во всеоружии.

¹³ Kupchan, Charles A. *The End of the American Era*. New York: Vintage Books, 2002.

¹⁴ Ефимов Игорь. *Без буржуев*. Франкфурт: Посев, 1979.

Муса КОСТОЕВ

РЕПРЕССИРОВАННОЕ ДЕТСТВО МОЕ...

Все, что описано здесь, — правда. Единственная вольность, которую автор себе позволил, — не называть имена некоторых действующих лиц. Сделано это по морально-этическим соображениям: то было трудное, голодное время, и не каждого можно упрекнуть за бездушие и скарденность. Хотя не зря, наверное, настоящим называют человека, которого не сломит ни голод, ни холод, ни гнет государственного ярма. Такой выдержит все, не сломается под грузом напастей, отдаст последний кусок хлеба голодному. Такой будет славен не только при жизни, но и после смерти. Он, как птица Феникс, возродится из пепла в памяти людской. О том, как судьба меня свела с таким настоящим человеком, я и хочу рассказать.

Трехмесячный «враг народа» в Сталинградской битве

Холодный февраль 1944 года. Именно в ту ночь, с 22 на 23 февраля, в ночь на трагическую для сотен тысяч ингушей и чеченцев среду, выпал в том году первый снег. Наутро жителям села Экажево, как и всем ингушам и чеченцам Чечено-Ингушетии, не пришлось, как обычно, убирать во дворах глубокий снег. На рассвете 23 февраля всех взрослых мужчин села согнали на школьный двор, якобы на собрание в честь дня Красной армии, оцепили войсками, навели пулеметы. В один миг у людей не стало ни дома, ни родины, ни республики. На сборы оставшимся в домах женщинам с детьми дали где 10 минут, где полчаса. Но нигде и никому — больше часа. И колонна армейских грузовиков-«студебеккеров», закупленных по ленд-лизу и перегнанных из Ирана на Северный Кавказ, начала свозить плачущих детей и женщин к железнодорожным станциям. Многие не успели взять даже теплую одежду и еду.

Эшелон за эшелон, извиваясь на поворотах змеей, увозили сотни тысяч несчастных в неведомый край — «Сибаре» (так в просторечии ингуши называли Сибирь), в Казахстан и Среднюю Азию. В одном из вагонов-«телятников» во все свое детское горло орал автор этих строк. Будучи всего трех месяцев от роду, этот «враг народа» требовал еды. Замученная такими же требованиями доброго десятка голодных ртов, больших и малых, бедная мать не знала, что делать, чем накормить

Муса Магометович Костоев родился в 1943 году. Окончил Казахский государственный университет. Победитель Всероссийского профессионального конкурса журналистов «Вместе» (2006) за лучшую публикацию о проблемах беженцев. Работал заместителем главного редактора общественно-политической газеты «Сердало», редактором газеты «Парламентский вестник». Основные публикации: «А Карфаген, конечно, должен быть разрушен» («Сердало». № 8 от 25.01.2006); «13 лет из жизни героя» («Сердало». № 127 от 18.10.2005); «Патриарх далеких сражений» («Сердало». № 3 от 18.01.2005); «Есть в чем покаяться перед чеченцами и ингушами» («Сердало» № 133 от 15.10. 2005). Живет в Республике Ингушетия, Назрановский район, с. Экажево.

малышей. Твердый кукурузный чурек и соленый творог грудному ребенку не скор- мить, а грудное молоко, естественно, после пережитого пропало.

Не в лучшем положении были и другие семьи с детьми. Отчаявшиеся матери, не имея сил смотреть на полуголодных детей, просили Всевышнего прибрать к себе их самих, а заодно и их голодных детей. Голод и болезни косили и старых и малых. На каждой станции из вагонов выносили и складывали на снег в чистом поле десятки окоченевших трупов... Так эшелон экажевцев, в котором находилась и наша семья, дополз наконец до Сталинграда. Разрушенный войной город, по воспоминаниям старших, представлял собой страшную картину: руины, руины...

Именно в этом месте моей измученной матери пришла в голову бесчеловечная по своей сути, но единственная по своей пригодности идея. Посоветовавшись с мужем, моим отцом, она решила оставить меня на перроне разрушенного Сталинградского вокзала. Дескать, так будет все же лучше, чем ждать, когда сын умрет от голода у нее на глазах. А с перрона, возможно, кто-нибудь из местных русских подберет ребенка и не даст ему умереть. Осторожно отойдя за разбитый киоск, стоявший на заснеженном перроне, мать, по ее словам, уложила меня на более видимое со стороны вокзала место, защищенное от ветра. Ребенок, завернутый в наспех взятое тряпье, уже не имел сил ни плакать, ни есть.

Вернувшуюся в «телятник» уже без сына мать встретил отец. Встретил с растерянным видом. Наконец не выдержал.

— Нельзя так делать, — сказал он плачущей матери. — Ведь меня знают многие односельчане. Я их успокаиваю, говорю, что все в руках Аллаха, что Он не оставит нас своей милостью. И в то же время выбрасываю своего сына на перрон. Вернись, принеси его обратно. Выживет — будет жить, а нет — так на все воля Всевышнего. Если умрет в дороге — тогда похороним в снегу. Мы будем не первые, у кого в семье умер ребенок...

Как видно, не судьба мне была остаться жить или умереть в городе, который носил имя того, по чьей злой воле меня положили на перрон. К счастью, эшелон на каждой станции простаивал долго, сутками. Не успел тронуться и наш, и мать успела подобрать меня, еще живого. Так, несостоявшийся «сталинградец», я через полтора месяца оказался вместе с семьей в промерзлых степях Центрального Казахстана — в Акмолинской области.

«Шаг вправо, шаг влево — расстрел...»

Этих слов А. Солженицына из повести «Один день Ивана Денисовича» тогда, в конце 40-х и начале 50-х, еще не было. Они появились в период так называемой хрущевской «оттепели», в начале 60-х годов. Однако в обиход эта сатанинская фраза вошла начиная с 1947 года. До 1947 года передвижение ингушей и чеченцев не сильно ограничивали во времени и пространстве. Мы могли ездить в соседние села в поисках родственников, покупать продукты в отдаленных селах. Но в конце 1947 года вышло постановление Президиума Верховного Совета СССР, в котором передвижение репрессированных ограничивалось расстоянием пять километров. Нарушение этого драконовского закона каралось тюремным заключением сроком до 25 лет. Кроме того, ссыльных обязали два раза в неделю отмечаться у коменданта. Дескать, для подтверждения того, что ссыльный находится на месте и закон не нарушил.

Именно в эту жестокую пору меня угораздило заболеть какой-то глазной болезнью. Старики почему-то называли ее «арабской» болезнью. Шести лет от роду, я в 1950 году почти полностью потерял зрение на оба глаза. С большим трудом мог

отличать солнечную погоду от пасмурной... Глазных врачей в руднике Бестюбе (так назывался поселок, в котором мы жили с 1949-го по 1957 год) не было. Ближайший окулист находился на расстоянии 200 километров, в районном центре Атбасар.

Три месяца мой отец обивал порог комендатуры, прося выдать ему пропуск для поездки в атбасарскую больницу. Брал меня с собой для убедительности, показывал направление местных врачей. Результат был нулевой. Комендант, косноязыкий от природы и недоучка по жизни, стоял на своем:

— Моя пропуск не даем. Твоя — враг народа...

В одну из последних ходок в комендатуру отец завел меня в кабинет коменданта и сказал тому:

— Оставь его у себя, я больше не могу смотреть на его мучения. Поводыря для него у меня тоже нет...

Оставив меня на деревянной скамье во дворе комендатуры, отец отправился домой. Идти надо было 12 километров, с одного конца поселка на другой. Примерно через час я услышал, как кто-то заводит мотоцикл.

— Эй, ты, слепой! Садись сюда! — закричал кто-то комендантским голосом.

Где находится это «сюда», я не мог определить, поэтому продолжал сидеть на скамейке. Догадавшись, в чем дело, комендант подошел, взял меня за руку и подвел к мотоциклу. Взобравшись сам на переднее сиденье, он посадил меня на заднее и велел крепко держаться за его ремень... Через полчаса мы догнали отца, который шел домой пешком и уже успел пройти больше половины пути.

— Вот тебе пропуск, — зашуршал бумагой комендант. — И забери этого себе. — С этими словами он сбросил меня с мотоцикла прямо на дорогу. До дому мы добрались только к вечеру: я не мог идти так быстро, как отец. Но тяготы пути с лихвой окупилась радость моей семьи, которая узнала, что теперь-то меня повезут на лечение. Спустя несколько дней мы с отцом на попутном грузовике уехали в районный центр Атбасар...

Больница представляла собой небольшое кирпичное здание бывшего купеческого особняка. Но неказистый вид здания не являлся мерилем работы врачей. Сегодня мне трудно судить, сколько и какие отделения в ней были. Могу сказать, что глазное отделение тут работало на высоком уровне. Сужу я так по тому, как много тут было больных с оперированными глазами. И взрослые, и дети с зашитыми и смазанными зеленкой веками ходили по двору больницы, держась за зрячих больных — «поводырей». Забегая вперед, хочу сказать, что со временем, едва прозрев, таким «поводырем» стал и я. Моим «ведомым» стал мой односельчанин, ныне покойный Абдул-Мажит Ахметович Бочалов, которого привезли в больницу позже меня. В Назрани он долгие годы работал зубным техником, а с 90-х годов был владельцем Назрановского завода по переработке маслосемян...

Хождение... по мусорным свалкам

Но вернемся к далеким 50-м годам. В глазном отделении меня держали месяц. Затем выписали на амбулаторное лечение. Зрение улучшилось, я уже мог ходить самостоятельно. Поэтому мне предложили посещать ежедневно офтальмолога. Однако эту проблему разрешить было куда сложнее, чем достать пропуск. Родственников в Атбасаре у нас не было, а обратиться к знакомым с просьбой кормить сына несколько месяцев было неудобно. Хотя голодные послевоенные 40-е годы и прошли, но в начале 50-х люди отнюдь не жировали, хотя голода как такового уже не было.

Но «не имей сто рублей, а имей сто друзей», говорят в народе. Отец сумел при-

строить меня в одну семью, с которой сам был знаком еще до выселения, а сам уехал. Срок пропуска заканчивался, а продлить его мог только тот, кто выдал. Теперь мне предстояло ежедневно являться для амбулаторного лечения.

Дело прошлое, и я не собираюсь кого-то укорять в скаредности. Но в моей жизни наступила полоса, которую сытой не назовешь. Если находился кусок хлеба, который мне бросали, как волчонку, то и бросаться на него мне приходилось, как волчонку. В семье было много «конкурентов», которые с удовольствием отбирали его у меня, да еще при этом и колотили: я был самым маленьким в их семье... Мне быстро пришлось усвоить смысл русской поговорки: «Голод не тетка». Голод же научил меня и своего рода предпринимательству. Я начал исследовать мусорные свалки по всей округе. Конечно, сегодня в это никто не поверит, когда нам ничего не стоит выбросить целый батон черствого хлеба, а то и сковородку подгорелого мяса. Но тогда я не находил на свалках ни корки хлеба. Дело шло к осени, и свалки изобиловали в основном арбузными корками. Маленькие казахстанские арбузики, похожие больше на полосатые мячики! Вам, без сомнения, я обязан тем, что выжил! Точнее, вашим коркам, которыми я набивал карманы рваных штанов.

Как правило, наши сосланные земляки мало что сажали в Казахстане, разве что картошку. Коренное же население, казахи, не сажали и вовсе ничего, даже картошку. Овощи и фрукты в основном выращивали местные русские и, как и мы, ссыльные немцы, которых сослали двумя годами раньше нас из Саратовской области. Так вот, по соседству с моими хозяевами жила семья русских. Именно на их свалке я находил самые, если можно так сказать, «лакомые» корки, на которых кое-где иногда оставалось немного розовой мякоти. Я умудрялся так прогрызть арбузную сторону корки, что после меня она просвечивала как промасленная бумага. Особый шик я видел в том, чтобы на внутренней стороне корки не оставалось ничего белесого, что напоминало бы мякоть арбуза. Много лет спустя я видел, как куры выклевывали арбузную дольку изнутри, доходя до зеленого наружного слоя. Так вот я «работал» на порядок лучше кур. После меня курам нечего было бы делать с корками. Часто на свалке меня видела соседская девочка Таня, моя ровесница. Иногда мне удавалось разжиться у нее куском пирожка с луком и картошкой. Но основным «рационом» оставались арбузные корки. Хозяйки выбрасывали их чаще не с помоями, а отдельно. Но чистить их надо было и при этом. Науку же чистить я освоил быстро. Берешь корку, проводишь по ней рукавом в локтевом изгибе руки — и в карман. Набив таким образом все карманы, я прятался за хозяйским сараем и пировал.

Лечение, конечно, забросил: некому было водить меня к врачу. Да и своим страшным видом голодного и грязного звереныша я бы, наверное, врача испугал.

Однако голод давал знать о себе гораздо чаще, чем я мог находить пропитание. Насытиться арбузными корками тоже проблематично. Не один раз я, лежа на глиняном приступке за задней стеной хаты, в слезах молил Всевышнего послать мне кусок хлеба. Время от времени старуха хозяйка попрекала меня своим очередным вынужденным «милосердием», говоря: «Позвони своему отцу, пусть он заберет тебя, я не могу тебя кормить».

От ее упреков я не чувствовал ничего. Потому что голоднее, чем я был, я быть не мог, а на сытость старуха расщедриться и не думала. Совет же ее я понял в самом буквальном смысле и следовал ему по несколько раз в день. Где-то в сарае я нашел метровый обрывок ржавой цепи и бил им регулярно по стене сарая, в слезах приговаривая: «Отец, приезжай и привези мне хлеба, пока я не умер от голода». Откуда мне было знать, что ингушское «звонить» — это не что иное, как телеграм-

ма. Отправить же отцу телеграмму мне было куда сложнее, чем чеховскому Ваньке Жукову письмо дедушке Константину Макарычу...

Так я прожил в гостях два месяца. Наступила осень, и арбузных корок на свалках становилось все меньше. Забегая вперед, хочу сказать, что с тех пор я не могу есть арбуз без того, чтобы на корке не оставить полтора-два сантиметра розовой мякоти.

Однажды старуха испекла лепешки с картофельной начинкой. До сих пор не могу забыть запах политых топленным маслом чуреков из темной муки простого помола. Увиваясь вокруг старухи, я, держась все же на приличном расстоянии, чтобы не получить затрещину, попросил:

— Нани, дай кусочек!

В ответ старуха схватила веник и кинулась на меня с воплем.

— Да гори ты огнем! Я их испекла для своих внуков, которые должны прийти из школы. Попроси у своего отца.

Я пулей вылетел из хаты. Желание же съесть четвертинку лепешки пропало бесследно: больше всего я боялся, что меня ударят веником по ногам. Среди детей тогда бытовало суеверие, что мальчик, которого ударят веником по ногам, никогда не вырастет. Я предпочитал лучше остаться голодным, чем недомерком...

Но веник в тот день все же прогулялся по моим ногам. Случилось вот что. Выгнав меня на улицу, старуха спрятала блюдо с лепешками в духовку и стала дожидаться внуков. Я осторожно пробрался на кухню. Смотрю: старуха стоит на молитвенной овечьей шкуре и истово молится. Не знаю, о чем она просила Создателя, подозреваю, что молила освободить ее от нахлебника в моем лице.

Улучив момент, когда она опустила на колени, я шмыгнул к печке, открыл духовку, рванул дольку лепешки и был таков. В следующий миг на мою правую, и без того костлявую лопатку обрушился удар. Рука отнялась, и злополучная четвертушка из обдирной муки упала на заплыванный глиняный пол. Навстречу второму удару я поднял левую руку. Дворницкая метла из грубых прутьев обрушилась и на левую руку. Я упал. Старуха с наслаждением прогулялась метлой по моим ногам, а задом и бокам. Я орал от боли, но просил не бить меня по ногам, дескать, иначе не вырасту.

— Чтоб ты не вырос, гори ты пламенем, — старуха отводила душу.

Истекая кровью, я вырвался из рук старой ведьмы, выскочил на улицу и пошел куда глаза глядят. Много часов спустя я обнаружил, что нахожусь на очередной мусорной свалке и собираю последние арбузные корки. Уже поздно вечером, далеко от дома, меня отыскала моя мучительница старуха и сообщила новость:

— Приехал твой отец! Но смотри мне: если скажешь, что тебя у нас били или плохо кормили, я тебя убью. Отец завтра уедет домой, а тебе все равно оставаться у нас!

С этими словами она схватила меня за руку, подвела к грязной луже на дороге и сполоснула мою грязную мордочку грязной же водой и вытерла своим передником, который вряд ли был чище навозной лужи. Потом поволокла домой.

Едва переступив порог комнаты, я увидел отца и кинулся к нему с криком: «Отец, отец! Ты мне хлеба принес?» Остолбневший отец со жгучей обидой смотрел то на меня, то на старую каргу.

— Ты посмотри, Магомед, что он говорит! Вот такой и есть детский разум. Он обманывает! Смотри, вот сковородка с лепешками, которые он отказался есть!

С этими словами она извлекла на свет божий злополучную сковородку, на которой действительно лежало несколько долек лепешки, оставшихся от ее внуков.

— Это неправда, — сказал я отцу. И показал ему вспухшие рубцы на теле, объяс-

нив, за что их получил. Отец посмотрел на рубцы, потом на мою мучительницу. Показал я отцу и арбузные корки.

— Да... — сказал отец хозяйке. — Я никогда не предполагал, что ты можешь оказаться таким человеком...

И вдруг из глаз отца медленно скатилась крупная слеза. Медленно протекла по щеке и затерялась в двухнедельной щетине уже поседевшей бороды.

— Но видно, время меняет людей.

С этими словами отец встал. Схватив обеими руками его ногу, я заплакал и сказал, что больше здесь не останусь, что лучше брошусь под поезд, чем умру от голода.

— Не бойся, тут ты не останешься больше, — отец взял меня за руку, и мы оставили этот негостеприимный дом.

Это было ровно 53 года назад. Так, в первый и последний раз я видел слезы на глазах отца, причиной которых была не богобоязненность, не страх наказания на том свете за земные грехи, а обида на судьбу за ее безысходность и, возможно, на людей за их черствость...

«Житие» отъезжего «князя»

Боясь, что старуха меня перехватит вопреки обещанию отца, я бежал по улице впереди него, поминутно оборачиваясь и спрашивая, куда нам повернуть. Часа через два мы дошли до дома других знакомых отца по Кавказу.

На стук отца в дверь из дома вышел молодежавый, крепко сбитый кавказец лет 60, с благородной осанкой, с умными, добрыми глазами на худощавом лице.

— Салам алейкум, — отец протянул руку хозяину дома.

— Алейкум салам! — хозяин оторопело смотрел на отца. — Нет. Нет! Этого быть не может! Сын Миди Магомед? Это ты?

Мужчины обнялись и так, обнявшись, простояли долго. Отрываясь друг от друга, они вновь и вновь бросались в объятия... Первым пришел в себя хозяин дома.

— Эй, вы! Выходите, — закричал он в дверь. — Посмотрите, кто к нам пожаловал.

Из дома вышли пожилая женщина — жена хозяина, молодые крепкие парни и девушки — сыновья и дочери хозяина.

Все они обнимали отца и плакали, не стесняясь слез. Понять их можно было: шесть мучительных лет они не видели друг друга, с тяжелой среды 23 февраля 1944 года... Я стоял, ошарашенный таким вниманием к отцу. Наконец дошла очередь и до меня. Несколько рук подхватили меня. В конце концов я оказался в объятиях пожилой хозяйки дома...

Так я попал в большую, дружную и хлебосольную семью Магомед Джангиреевича Чумакова, выходца из села Насыр-Корт. Старый знакомый отца по потерянной родине, он не знал, куда посадить отца, как ему услужить. Я же, конечно, сразу попал в руки заботливых женщин. Были тут и хозяйские дочери и снохи.

Несмотря на мое упорное сопротивление, меня отвели в другую комнату, где одна из женщин уже приготовила деревянное корыто и горячую воду. Мне предстояло перенести процедуру купания, чего я никак не мог позволить молодым девушкам. Я жутко стеснялся своего босяцкого вида, а еще больше — своей наготы. Много сил потратили девушки на то, чтобы раздеть меня и усадить в корыто.

Наконец, расставшись с многомесячной грязью на теле и рваным тряпьем, в которое я был обряжен и которое мои «банщицы» тут же бросили в огонь, я, завер-

нутый в одеяло, оказался за отдельным от взрослых столиком. Никогда мне не передать, какую вкусною была та незатейливая еда, которою меня потчевали от души. Горячая вареная картошка, домашний хлеб, сладкий чай — все это я уплетал за обе щеки, будто ел в первый и последний раз в жизни.

Как я понял много позже, после многонедельной полуголодной жизни наедаться до отвала было опасно. Мои невольные няни это, видимо, знали и на середине моих усиленных стараний наполнить желудок впрок отняли тарелки и отнесли меня в постель. Мягкая постель после многомесячного лежания на голых нарах была чудом. Я опомниться не успел, как провалился в сон. Иногда мне и сейчас кажется, что на такой мягкой постели я с тех пор не спал... Так в один действительно для меня прекрасный день моя горькая жизнь изменилась. Из пасынка судьбы я превратился в ее баловня. В баловня большой и доброй семьи.

Наутро отец уехал домой, а я остался на попечении Магомета Джангиреевича Чумакова и его семьи. Милые, добрые люди! Я в вечном неоплатном долгу у вас за вашу материнскую теплоту ко мне. Вы, старики, Магомет Джангиреевич и Мууминат Баадуловна, давно находитесь в лучшем из миров.

Но я помню, помню уже более полувека твои по-матерински нежные руки, дорогая моя «нани». Ни до, ни после тебя я никогда никого не называл этим нежным именем — «нани». Мне казалось, назови я так кого-то другого — я этим предаю тебя, твою ласку ко мне. Даже родную мать я привык называть по имени, говоря ей, что «нани» бывает только одна. Мне не забыть, как ты прятала самые лучшие куски еды, гостинцы от своих родных внуков и отдавала мне. Я почти зримо ощущал твою ангельскую доброту ко мне.

Даже место для сна я отбирал у твоих внуков. Помнишь, нани, я засыпал только тогда, когда меня укладывали между вами, тобой и воти — Магометом Джангиреевичем — на одну постель. Я еще помню, нани, как во время еды удивительно для меня хрумкали твои вставные зубы-челюсти. Я тогда не знал, что это такое, и вечно надоедал тебе: «Нани, вытащи свои зубы». И ты в угоду мне, мальчонке, выдавливала их языком изо рта, а когда я хотел их потрогать, то быстро прятала их обратно. Я изумленно смотрел на такое диво дивное, а ты говорила мне: «Вот будешь себя хорошо вести, и у тебя тоже вырастут такие же съемные зубы...»

Воти — благородный и кристальной души человек! Я и тебя помню в самых мельчайших подробностях. Помню, как ты с ног до головы одел меня в новую одежду, не дав сделать это отцу. Помню, как ты ежедневно за руку, а по глубокому снегу на руках отводил меня в больницу на прерванное ранее лечение. Помню один из твоих первых приказов своей семье в отношении обращения со мной.

— Что бы этот мальчик ни сделал, не смейте трогать его даже пальцем, — сказал ты. — Он в этом доме имеет больше прав, чем все вы, вместе взятые. Для вас он — князь.

Сопливый «князь» со временем неплохо отъелся и начал выкидывать детские шалости. Помню, однажды второй сын воти, ныне здравствующий Иса, привез воз сена. Была зима, сено надо было заскирдовать. Иса как раз метал стог, когда я вальяжно, как отъевшийся кот, вошел к нему во двор (а жил он по соседству с отцом). Недолго думая, я стал кувыркатся на сене, раскидывая его в стороны.

— Не балуй, оставь сено, слазь со стога, — не раз урезонивал меня Иса, вновь и вновь собирая раскиданное мною сено.

Но я не унимался. Наконец, выведенный из терпения, Иса легонько шлепнул меня ниже спины. Шлепок был легкий, я его даже и не почувствовал через плотную шубейку. Тем не менее я счел своим долгом заплакать и пожаловаться воти. Взяв меня за руку, воти вновь отвел меня к Исе.

— Разве вы не знаете, кто этот мальчик! Я же вас всех предупредил, что он «князь» и имеет право делать в моем доме все, что захочет, — разгневанный дед начал дубасить взрослого женатого сына клюкой по спине.

Очень может быть, что сделано это было «понарошку». Но я готов поклясться, что удары были самые что ни на есть серьезные. Плакать же я, конечно, перестал с первым ударом палки, опустившейся на широкую спину Исы...

Удивительной и очень редкой в людях, понятной даже мне, малышу, чертой Магомета Джангиреевича было то, что он умел находить общий язык с людьми всех возрастов. В беседе со взрослыми это был мудрый, много знающий и много повидавший старец, который познал жизнь и вращался среди настоящих мужчин. С детьми он не был ни стариком, ни ровесником. Был товарищем. Старшим товарищем и другом, который всерьез и на равных выслушает детские обиды, поможет во всем и защитит. Никогда не сюсюкая с детьми, он умел завоевывать их симпатию и доверие.

Помню один из многих примеров его общения со мной, шестилетним ребенком. Была у него дома незамужняя дочь Асма. Все то время, что я жил у них, Асма ухаживала за мной, стирала, штопала, кормила. Я так по-детски влюбился в девушку, что самым серьезным образом сказал ей и старикам, что высватаю ее за моего старшего брата Юсупа, которому в ту пору шел восемнадцатый год. Нас с Асмой так и дразнили дома — «сноха — деверь». Однако в одно прекрасное для моей детской души утро мое сватовство потерпело крах. Моя несостоявшаяся «сноха», к которой я так прикипел душой и жизнь без которой не представлял, выскочила замуж. То ли в шутку, то ли всерьез взрослые подначивали меня, говоря, что, дескать, твоя «сноха» убежала замуж через окно. На то, что в то время в частных домишках Казахстана не было раскрывающихся окон, ни они, ни я не обращали внимания. Масла в огонь подлил и отец беглянки.

— Пока ты спал, у тебя из-под носа увели твою сноху, — сказал дед. — Разве деверь должен быть таким трусливым? На твоём месте я бы отбил свою сноху...

Шутка деда попала на хорошо подготовленную почву моего израненного изменой «снохи» сердца. Благо я знал, где живут похитители, и поэтому вознамерился отбить Асму. Откуда мне было знать, что перемирие уже состоялось и моя «сноха» стала уже настоящей, но чужой снохой...

Я потихоньку пробрался в дровяной сарай, полчаса вытаскивая крепко всаженный в чурбан топор, и, волоча его за собой, отправился отбивать Асму. Идти в студеную погоду по скользкому снегу было трудно, а с тяжелым топором — и подавно. Где-то на полпути к дому похитителей я промерз основательно, но возвращаться не намеревался. Я повернулся спиной к ветру и зашагал задом наперед. И вдруг уперся спиной в чьи-то большие валенки, и голос, так хорошо мне знакомый и такой родной, сказал:

— Ты куда идешь?

Передо мной, а точнее, за моей спиной стоял мой добрый и чуткий воти — Магомет Джангиреевич, одетый в добротную шубу и затянутый башлыком. Я насутился и не отвечал. Топор вывалился из моих промерзших пальцев. Но мудрый и добрый дед чуткой душой догадался, куда я держал путь. Присев на корточки, он обнял меня и с самым серьезным видом сказал:

— Видишь ли, сынок, тебе одному с похитителями Асмы не справиться, да и оружие у тебя не больно подходящее. Если ты согласен, то мы вот что сделаем. Сейчас пойдем домой, отогреемся, нани нас вкусно накормит, а потом возьмем ружье и пойдем отбивать твою сноху. Согласен?

Конечно, я согласился, и воти взял меня за руку, другой рукой подхватил выро-

ненный мною топор, и мы медленно пошли домой. И еще много дней на мои настоячивые просьбы отбить мою «сноху» Магомет Джангиреевич отвечал уклончиво. Дескать, то ружье не смазано, то патронов у нас мало, то на улице слишком холодно, и мы можем замерзнуть. А под конец и вовсе разуверил меня в том, что Асму нужно отбивать у похитителей.

— Зачем тебе такая сноха, которая не посчиталась с тобой как с деверем и выскочила замуж? — сказал он. — Мы найдем тебе сноху лучше, чем Асма.

На том мы и порешили...

Так проходила моя жизнь в этой безмерно доброй семье. Через полгода, весной, отец перевез меня долечиваться в областной центр — город Акмолинск...

Патриарх родового клана

Прошло 53 года. И вновь я в гостях в этой семье, точнее, в семье среднего сына Магомета Джангиреевича — Исы Магометовича Чумакова, того самого, по спине которого по моей милости более полувека назад гуляла клюка его отца...

Сегодня Исе Магометовичу намного больше лет, чем было его отцу в 1950 году. Восьмидесятилетний патриарх с длинной белой бородой сегодня — старший не только среди однофамильцев, но и среди всего рода. А род большой. В него входят много фамилий: Бузуртановы, Абадиевы, Чумаковы и т. д. Но Иса Магометович по-прежнему бодр и легок на подъем. В их с супругой Лейлой дружной семье растут более шестидесяти детей, внуков и правнуков.

— Я хорошо помню тебя, — рассказывает Иса Магометович. — Конечно, как и любой ребенок, ты малость баловался. Но защита у тебя была сильная — наш отец. Он любил тебя больше своих внуков.

В разговор вступает жена Исы Магометовича Лейла. Трудно поверить, что эта еще не старая темноволосая женщина прожила с мужем 56 лет и воспитала такую большую семью.

— Ты очень боялся кошек, — добавляет Лейла. — И если вдруг начинал безобразничать, то я брала кошку и показывала тебе, и ты сразу становился тише воды ниже травы.

Рассказал мне Иса Магометович и о своих родителях:

— Отец, Магомет Джангиреевич, был 1880 года рождения, умер он здесь, на родине, в 1975 году, на девяносто пятом году жизни. Мать, Мууминат Баадуловна, была на десять лет моложе отца, но умерла на пять лет раньше его, в 1970 году. Нас, детей, было восемь человек: трое братьев и пять сестер. В живых сейчас остались мы вдвоем с сестрой Маликат. Если сосчитать все потомство нашего отца, то нас более ста человек, включая внуков и правнуков. Кстати, твоя несостоявшаяся сноха Асма была самой младшей. К сожалению, она погибла в 1992 году.

Магомет Джангиреевич, дорогой мой воти! Аллах действительно наградил тебя бесценным даром, соразмерным разве что с твоей широкой душой и добрым сердцем! У тебя достойное потомство, которое помнит и чтит тебя. Помню и чту тебя и я, твой маленький и любимый «мальчик»!

Юлия ЩЕРБИНИНА

Джейсон Эклз как лицо российской фантастики. О моде в книжном дизайне

1

Мода в оформлении книг начинается фактически с того момента, когда книгопечатание стало массовой, но задолго до возникновения понятия «дизайн». Однако в прошлом отношение к украшательству книг было двойным, чаще недоверчивым, а то и вовсе скептическим. «Печатный каждый лист быть кажется святым», — писал баснописец Иван Дмитриев. И это было если не догмой, то неким общим убеждением просвещенных людей XVIII–XIX веков.

Внешнее оформление должно отражать, а не подавлять содержание. Идеальный образ книги — в гармонии ее внешнего облика и смыслового наполнения. Еще в древнерусском сборнике изречений «Пчела» содержится упрек тем, кого прельщает в книгах не столько чтение, сколько тонкость пергамента и краса букв.

Примерно в том же ключе думали и европейцы. В Париже 1759 года имела большой успех книга маркиза Луи Антуана Караччоли «La Livre a la Mode», оформление и содержание которой высмеивало распространенную тогда моду на разноцветные страницы, вычурные шрифты, пышное убранство корешков, избыточные украшения обложек и нелепые салонные игры с книгами наподобие карточных¹. На русский язык это издание было переведено только в 1789 году с названием «Модная книга», но тоже было принято на ура.

Знаменитый издатель и журналист Николай Новиков в сатире «Каковы мои читатели» (1770) выводит образ читателя Нелепа, которому более всего нравится, что журнал «печатан со украшением». В 1772 году русский журнал «Живописец» опубликовал Письмо Щеголихи (его автором считают драматурга Дениса Фонвизина), которая обращается к издателю с просьбой напечатать цветными буквами «Модный женский словарь». И подкрепляет просьбу вдохновенным обещанием: «Мы бы тебя до смерти захвалили». Читающая публика хохотала от души.

В 1810 году литературный критик Николай Страхов издал книгу «Мои петербургские сумерки», где, возможно, впервые в российской типографике был использован синий шрифт. Согласно замыслу цвет текста отражал душевное состояние автора и передавал атмосферу написанного. Но современники не вполне поняли сей творческий «мессидж» и не спешили рукоплескать типографскому чуду.

Юлия Владимировна Щербинина — доктор педагогических наук, специалист в области книговедения и коммуникативных дисциплин. Автор ряда научных, научно-популярных, учебных книг и многочисленных статей в журнальной периодике. Лауреат премий журнала «Нева» (2015), журнала «Октябрь» (2015).

¹ Подробнее об этом, см., например: Бердников Л. Нечто о книжной пародии // Новый берег. 2015. № 47.

Журнал «Цветник» язвительно сравнил его со «щеголем с голубою манишкою или с голубым на шее платком», однако справедливо предрек Страхову армию наивных подражателей.

Не симпатизировали истинные ценители книг и бездумным «собираателям редкостей» вроде Якова Березина-Ширяева — обладателя сколь огромной, столь же и бессистемной библиотеки. Предметом его особой гордости был оттиск статьи, напечатанной в единственном экземпляре на цветной бумаге и содержащей на пятнадцатой странице замену точками слова «неряшество». «Вся эта пестрота безобразна», — писал об избыточном книжном декоре Пушкин, очень трепетно относившийся к оформлению своих изданий и предпочитавший печататься «без всяких типографских украшений, состоящих из простых и волнистых линеек, звездочек и т. п.».

Нынче же неумные фантазии оформителей соревнуются с крутыми разработками программистов и финансовыми аппетитами маркетологов, демонстрируя все достижения и возможности цифровой эпохи.

2

В условиях перепроизводства книгопечатной и (шире) полиграфической продукции, в ситуации жесткой конкуренции на издательском рынке книга должна притягивать взгляд, заставлять потрогать себя, полистать и даже понюхать. Сейчас едва ли не всякая новая книга — девица на выданье, которую обряжают поярче да позаметнее. Раньше создатели книг жаждали прежде всего гармонии формы и содержания, теперь — потребительского интереса. Что только ни делается для привлечения покупателя!

Начнем с «верхней одежды» — обложек. Нынче они делаются не только из бумаги, но также из ПВХ, полиуретана, лавсановой пленки. В сегменте детской и подарочной литературы выходят книги с дутыми обложками — из толстого картона с воздушной прослойкой, которые так и хочется потыкать пальцем, словно пухлых младенцев. Популярна практика фрагментарного глянцеваания обложек — так называемая выборочная лакировка. Блестящие элементы тоже сразу тянет трогать и тереть. Не верите — зайдите в любой книжный и украдкой понаблюдайте за посетителями.

В 2014 году американское издательство «Riverhead» выпустило роман Чанг-Рей Ли «On Such a Full Sea» — первую в мире книгу в 3D-обложке и трехмерном футляре с объемными буквами. Тираж составил всего 200 экземпляров из-за сложности изготовления.

Что там Твардовский писал про «запах первой книжки»? Не только косметические каталоги и глянцевые журналы, но уже и книги — комиксы, бизнес-издания, поэтические сборники — выпускаются с ароматизированными страницами. Американцы вообще додумались до «тематических» запахов: рождественские сказки пахнут хвоей, издания о море — водорослями, книги по цветоводству — сиренью и жасмином. Можно прогнозировать появление в ближайшем будущем нового издательского формата — «аромакнига».

Современные издания не только пахнут, но и разговаривают, и поют, и даже светятся. Для детей предлагаются познавательные и развивающие издания с музыкальными и голосовыми модулями — гибрид бумажной и аудиокниги. Но этим уже никого особо не удивить. А вот в 2012 году российское издательство «Рипол КиТ» выпустило экспериментальную детскую серию «Светящиеся книги». Открываешь помеченные особым значком страницы, обработанные специальным соста-

вом, держишь секунд двадцать на свету, затем выключаешь свет — и можно читать в темноте. Зачем — это другой вопрос, главное — удивить, заинтересовать, развлечь.

В подтексте все это означает, что «просто» книга, «обыкновенная» книга уже стара и скучна — ей нужен дополнительный функционал для подтверждения социального статуса и доказательства культурной ценности.

3

Посмотрим теперь на полиграфическое оформление печатных изданий. Здесь парадоксальным образом соединяются два направления — «креатив» и «примитив».

С одной стороны, заметно стремление книжных дизайнеров к искусности, изобретательности, изошренности. Например, возвращается практика художественного окрашивания обзоров. Если прежде она ограничивалась преимущественно нанесением золоченого, серебряного либо мраморированного напыления на дорогие коллекционные издания, то сейчас книжные обзоры раскрашиваются в самые радикальные цвета и украшаются затейливыми рисунками.

Российское издательство «Clever», выпускающее литературную классику для школьников, дублирует на разноцветных обзорах названия произведений. Роскошные рисованные обзоры — в толстенных однотомных изданиях книг Джорджа Мартина «Буря мечей», «Пир стервятников», «Танец с драконами». Причем интересно, что указанное в выходных данных издательство АСТ открестилось от этих книг, признав их «самопалом». Может, рисунки выполнялись септонами, присылаемыми трижды в год из Великой Септы Бейелора?..

Однако в целом современный книжный дизайн целиком во власти «цифры». Раньше иллюстрации тщательно вырисовывались ведущими мастерами — теперь ручная техника все чаще заменяется компьютерным моделированием. Билибиных и Конашевичей победил господин фотошоп. Нехватка воображения и мастерства маскируется всяческими изысками.

Актуальны «наивные» рисунки в духе «каляки-маляки», будто выполненные детсадовцами после чтения сказки воспитателем. Популярны «кислотные» картинки и гротескно-утрированные изображения в стилистике комиксов. Востребованы фотоколлажи из готовых изображений в качестве иллюстраций. В фаворе также подчеркнутый минимализм: на обложке только фамилия автора и название произведения.

Причем каждую из этих тенденций при желании можно соотнести с какими-нибудь ультрамодными образцами либо классическими эталонами — и тем самым обеспечить ей полнейшее социокультурное «алиби». Скажем, примитивизм назвать «жизненностью», «натуральностью», а минимализм — ассоциировать с классикой книжного оформления, например, знаменитыми трехполосными обложками британского издательства «Penguin».

Интернет-сервис «Read Write Think» вообще позволяет создавать красочные обложки для любых существующих или еще даже не написанных книг. Основной вектор — визуальное упрощение; главная цель — внешняя броскость при минимизации усилий. Упрощение компенсируется количеством, «умножением сущностей». Писк книжной моды — несколько разных обложек для одного издания. Этот фокус используется для коммерческого продвижения как развлекательной литературы, так и интеллектуальной прозы. Скажем, роман «Casual-2» Оксаны Робски выходил в четырех вариантах, а «Санья» Захара Прилепина — минимум в девяти.

Новая «картинка» создает иллюзию нового содержания. Кроме того, здесь срывает тот же эффект, что и с новыми упаковками пищевых продуктов: визуаль-

ный жонгляр способен привлечь разные категории покупателей, расширить целевую аудиторию.

4

Не менее актуальны кинообложки. Произведение еще только готовится к экранизации, как уже переиздается с портретами актеров и узнаваемыми кадрами. Иногда обложка представляет собой просто перепечатку рекламного постера фильма.

Аналогичный эффект достигается размещением на обложках заставок компьютерных игр, известных репродукций живописи и лиц знаменитостей. Нещадно эксплуатируясь издателями, многие живописные полотна превращаются в визуальные клише, игровые сюжеты сливаются с книжными, публичные персоны отождествляются с литературными персонажами. Так, обложки литературной классики часто оформляются классическими же картинами: «Мона Лиза» Леонардо да Винчи и «Странник над морем тумана» Каспара Давида Фридриха сделали уже визуальными клише. А еще — много-много-много Сальвадора Дали и Рене Магритта (например, на книгах издательства «Азбука-классика»).

Почему? Во-первых, репродукции эстетически привлекательны, благородны и самодостаточны. Свойства живописи автоматически проецируются на книжные обложки. Во-вторых, такие изображения свободны по авторским правам — значит, можно сэкономить на оплате работы оформителя.

Но, пожалуй, наиболее востребованы современным книгоизданием модельные, музыкальные и кинозвезды. Киноактер Джейсон Эклз отлично «прижился» на обложках российской фантастики. Фото Роберта Паттисона — вампира из «Сумерек» — перерисовали на обложку фэнтези Александры Дружининой «Оборотная сторона». Красавчик Джаред Лето из «Реквиема по мечте» переключился на обложку романа Степана Мазура «Клятва рода». Колоритным обликом Орландо Блума украшен роман Иара Эльтерруса «Серый смерч». «Доктор Хаус» Хью Лори из своей больницы попал сразу в «Рай» Василя Барки, а Хейден Кристенсен — даже в «Рай беспощадный» Артема Каменистого.

Вайнона Райдер и Ума Турман стали «книжными лицами» проекта Дмитрия Глуховского «Метро 2033». Кира Найтли стараниями российских оформителей превратилась в «Лорну Дун» Ричарда Блэкмора, Эмма Уотсон — в «Обреченную» Клаудии Грэй, Оливия Уайлд — в «Ночную гостью» Юлии Архаровой. Но больше всех не повезло Джонни Деппу и Николь Кидман: первый попал на обложку хрестоматии «Психология террористов и серийных убийц», вторая стала лицом книги Игоря Малюка «Экстремальное порно».

Знаете, что все это пародийно напоминает? Раннепечатную иллюстрацию, схематизм и условность которой позволяли размещать одно и то же изображение в разных книгах, использовать одинаковые картинки для представления разных сюжетов и персонажей. Выходит, и здесь цифровая эпоха не изобрела, по существу, ничего нового — изменились лишь цели и смыслы.

Внимательные и дотошные читатели уже создают интернет-коллекции подобных изображений, а на сайте «Shameless Russian Covers» («Бесстыдные российские обложки») их набралось уже, наверное, на целый альбом. Примеры можно приводить до бесконечности — очевидно одно: многократное тиражирование известных картин и «звездных» лиц становится основой плагиата книжных обложек. Но претензии по авторским правам здесь чаще всего не предъявляются, поскольку рисунок — не фотография: «просто похож герой» — вот и весь сказ.

5

Конкуренцию кинозвездам и фотомоделям на обложках составляют сами... авторы книг. Обычно на задней стороне, небольшие, в квадратной либо овальной рамке, рядом с краткой биографической справкой. В последнее время лица размещаются уже не только на художественных изданиях, но и на учебных, научных, нон-фикшн. По мнению маркетологов, это «приближает» писателя к читателю и создает эффект доверия: вот, мол, убедитесь — книжка написана не абстрактным существом, а живым человеком.

На первый взгляд в таком подходе нет ничего необычного и тем более неправильного. Однако стоит всмотреться поглубже — и выявится скрытый диссонанс. Много вы видели прижизненных изданий классиков с их портретами на обложках? Портреты если и размещались, то на фронтиспise — развороте титульного листа. Видимо, неспроста — и тут есть над чем поразмыслить.

Кроме того, изображения авторов на обложках все чаще становятся сугубо декоративными элементами, деталями общего орнамента, что фактически отождествляет писателей с теми же кинозвездами. Такой прием широко используется, в частности, для книг Захара Прилепина. Вот Захар «попирает» ботинком табличку-заголовок своего сборника. Вот лицо Захара крупным планом во всю полосу обложки книги. Вот сидящий в задумчивой позе Захар на фоне разрушенной стены с торчащей арматурой. Вот стилизованный под граффити прилепинский лик на кирпичной стене... Вообразим Льва Николаевича в форме гусара 1812 года, позирующего на фоне пушки, или Федора Михайловича, принимающего жеманные или brutальные позы для обложек своих изданий. Странно, не сказать — дико.

Аналогично и размещение биографических сведений об авторах на задней стороне обложек выглядит культурной пародией колофона — текста на последней странице рукописной или старопечатной книги, сообщающего об авторе, времени и месте создания произведения. Причем заметим: сегодня биографии помещаются чаще снаружи, а не внутри, что придает изданиям вид сиюминутных и «одноразовых».

Это впечатление усиливается комичными, а иногда и откровенно нелепыми формулировками вроде «Лучший писатель года по версии газеты такой-то», «увлекается дайвингом и горными лыжами», «имеет персональную страничку в Фейсбуке». А еще — рекламные пояски (так называемые бандероли), уродливые штампы «Номинант на такую-то премию», кричащие слоганы «Хит этого лета!», «Бестселлер 2015 года!», «От создателя самого смешного романа сезона»...

6

Отдельно следует сказать еще об одном элементе оформления книги — посвящении. В последнее время оно тоже сделалось очень популярным.

Прежде издания открывались главным образом восхвалениями духовных наставников и светских покровителей. Порой доходило до явного заискивания и раболепия. Хотя иные панегирики стоили немалых денег. Хрестоматийный пример — посвящение трагедии Пьера Корнеля «Цинна» финансисту Монтерону, сочиненное за 200 пистолей.

Многие посвящения были очень пространны и многословны. «Государю Императору Александру Павловичу, Самодержцу Всея России. Всемиловитейший Государь! С благоговением представляю Вашему Императорскому Величеству

плод усердных, двенадцатилетних трудов...» — и далее в том же духе еще на добрых полторы страницы. Так начинается «История государства Российского» Карамзина. Подобные тексты именовались «посвятельными письмами» (лат. *dedicatory epistle*).

Современные книги посвящаются в основном родным, друзьям, любимым, коллегам. В качестве дополнения часто прилагается список благодарностей тем, кто помогал написать и выпустить книгу. С распространением краудфандинга («народного» финансирования проектов) в такой список могут включаться также имена пожертвовавших деньги на публикацию. Понятно, что, присутствуя во всем тираже книги, посвящение куда как солиднее и круче, нежели дарственная надпись, пусть сделанная рукой самого автора, но только на одном экземпляре.

В интеллектуальной прозе и нон-фикшне посвящение иногда выступает вводным компонентом, предупреждением, обобщением основных идей книги, порой заменяет либо дополняет эпиграф. В коммерческой литературе посвящение может выполнять рекламную функцию, интригуя и завлекая читателя. Желая сразу «наладить диалог», создать эффект персонализации, интимизации повествования, некоторые авторы адресуют посвящение своему обобщенному Читателю.

«Эта книга посвящается семерым людям сразу: Нэйлу, Джессике, Дэвиду, Кензи, Ди, Энн — и тебе, если ты готов остаться с Гарри до самого конца». Так начинается «Гарри Поттер и Дары Смерти». Напоминает рекламные слоганы вроде «Эксклюзивное предложение», «Только для тебя!», «Ваш персональный консультант» и т. п.

Иные сочинители делают посвящения очень краткими и афористичными, явно рассчитывая на их запоминание и последующее цитирование. Такие формулировки, часто иронические, можно считать современным вариантом «антидедикаций» — популярных в прошлом пародийных посвящений и предисловий как форм литературной полемики. Здесь современные писатели тоже не изобретают велосипед, а наследуют традиции Михаила Чулкова, Василия Березайского, Николая Осипова и других авторов XVIII века.

«Памяти среднего класса» (Виктор Пелевин «Generation „П“»). «Тем, кто никогда не сможет этого прочесть» (Василий Авченко «Правый руль»). «Всем моим мертвым посвящается» (Артемий Ульянов «Записки санитаря морга»)..

В переводных книгах посвящения часто сокращаются либо исключаются вообще. То же самое нередко происходит в переизданиях, по поводу чего авторы обижаются на издателей, и, надо признать, вполне обоснованно.

В наше сложное время посвящение в книге — дело ох какое непростое! Иначе откуда специальные руководства по его созданию? Заботливый Интернет отправляет нас, например, к сайту wikihow.com, предлагающему алгоритмизованные пошаговые инструкции «Как посвятить книгу». Ну да: «могу уметь, практикую» — как сейчас тоже модно говорить.

7

В обществе сверхпотребления существенно возрастает роль сопутствующих товаров и всевозможных аксессуаров. К новому мобильному телефону покупаются воз и маленькая тележка «милых мелочей» вроде чехольчиков, подставочек, брелочков, наклейечек... И для книг сейчас изобретаются не только оформительские новшества, но также всяческие украшения и полезные «девайсы».

Так, в продаже полно всевозможных книгодержателей — в виде статуэток, вазочек, аквариумов и даже самих книг. Нередко это самоценные предметы интерьера: диорамы, инсталляции, скульптурные композиции. Не хотите громоздкий держатель — есть магнитный степлер, удерживающий вертикально несколько книг. А для экономии мышечных усилий предлагаются распорки-фиксаторы книжных разворотов. В моде также украшения для книжных полок: всевозможные висячие, креативные таблички, креативные ограничители — в виде плоских фигурок животных, веселых человечков, сказочных персонажей.

Но, пожалуй, ничто так не будоражит дизайнерское воображение, как книжная закладка. Нынче настоящий творческий бум, причем как в поточном производстве, так и среди авторских работ. Выпускаются 3D-закладки — с эффектом голографических изображений. Светящиеся закладки-напоминалки «Lightleaf». Закладки-резинки с указателями для строк, на которых было прервано чтение. Магнитные закладки-фиксаторы страниц — в форме гвоздиков, стрелок, колец и прочего. Угловые закладки — в виде бумажных накладок, выполненных в стиле оригами. Фигурные закладки — снежинки, сердечки, птички, туфельки... Закладки-мотиваторы — с афоризмами классиков и цитатами о пользе чтения. Закладки-подвески — с кистями, самоцветами, брелками. При этом книжная закладка может быть одновременно линейкой, календарем, блоком для записей, шпиргалкой по разным школьным предметам и даже часами.

Что остается дизайнерам-одиночкам и небольшим творческим коллективам? Проявлять находчивость и придумывать нечто еще более оригинальное, «авторское-авторское». Мастера Gokhan Yucel и Fikr'et выпустили тематические закладки — в виде предметов-символов из разных произведений. Для повести Лавкрафта «Зов Ктулху» — щупальца фантастического существа; для оруэлловского «1984» — камера слежения; для «20 тысяч лье под водой» Жюль Верна — перископ; для «Моби Дика» Мелвилла — рыбий хвост.

Японские дизайнеры Кожи Симица и Эри Акутса предложили книжную закладку в виде чайного пакетика и съемную обложку в форме чашки. Дизайнерская студия «Kyouei Co ltd», тоже японская, представила «жидкие» закладки — имитирующие кляксы и пятна.

Ян Хан Ли, Вон Сик Че и Риа Джонг удивили всех хайтековской закладкой с говорящим названием «Abracadabra». Кладем ее в книгу на нужном месте, плотно закрываем — и встроенная подушка с воздухом перемещается из одного отделения закладки в другое, обретая выразительный объем.

Формально избыток закладок проходит под лозунгом борьбы с «собачьими ушами», как в просторечии именуют вульгарно загнутые уголки книжных страниц. Однако на поверку закладка давно уже конкурирует с книгой за автономность и самоценность. Это такой же «девайс» для личного самовыражения, как антибука, книгля и прочие изобретения новейшего дизайна.

8

Мода распространяется не только на внешнее оформление книг, но и на типографский набор.

Верстальщики все чаще пренебрегают красной строкой, делая выключку (выравнивание) текста в левый край полосы, — так называемое тупое начало, отсутствие отступа в начальной строке абзаца.

Другая актуальная тенденция — обилие «воздуха» (англ. *whitespace*), то есть всевозможных пространственных пустот. Эффект достигается разными способами

ми: шрифтовая разрядка, расширение полей, введение дополнительных пробелов и отступов, увеличение расстояний между строками и абзацами, выборочное заполнение страниц текстом. Раньше данный прием использовался преимущественно в газетах, а сейчас проник и в дизайн книг.

Гораздо чаще и шире, чем прежде, используется также модульная сетка — разделение страницы условными горизонтальными и вертикальными линиями. Текст печатается не «сплошняком», а блоками.

Все это внешне уподобляет печатный текст электронному. Книга становится похожа на «вордовский» файл, веб-сайт, ленту в соцсети. Модульные сетки делают похожей книжную страницу на интернет-страницу с всплывающими окнами. Вдобавок некоторые книги снабжаются еще и ссылками в виде QR-кода, который при сканировании переадресует читателя на какой-либо интернет-ресурс — сайт писателя, тематический форум, сетевую библиотеку, социальную сеть книголюбов.

Гораздо шире, чем раньше, в книжном дизайне используются сейчас цветной фон и выворотный шрифт — например, белые буквы на черном фоне. Зачастую пренебрегая принципами гигиены чтения, таким способом набирают не отдельные фразы, а целые тексты. Еще одно сходство с интернет-форматом.

Кроме того, в детских книжках и арт-изданиях стали широко применять шрифты с тенью, дополнительную обводку букв, фоновые подложки и градиенты (цветовые переходы). Подобные изыски тоже порой делают текст нечетким, плохо читаемым. Здесь книжный дизайн напоминает высокую моду, произведения которой рассчитаны скорее не на практическое использование, а на самовыражение кутюрье.

В качестве декоративных типографских элементов все чаще используются фрагменты самих текстов — так называемый наборный орнамент: бордюры, заставки, концовки. Популярна косынка — фигура из печатных строк в виде трапеции или сужающегося книзу равнобедренного треугольника.

Очень моден леттеринг (англ. *lettering* — начертание букв) — создание декоративных шрифтов и (шире) шрифтовых композиций. Блоги и мастер-классы дизайнеров-леттеристов пользуются бешеной популярностью. Изобретаются разнообразные способы фигурного оформления слов, реконструируются старинные и создаются новейшие начертания букв. Это своеобразная альтернатива упрощенчеству: акцент на трудоемкости, скрупулезности, сложности. На создание одной буквы порой уходит несколько часов.

Если на этапе перехода от рукописной книги к печатной шрифт должен был исторически доказать свое преимущество над почерком, то в цифровую эпоху конкурируют уже целые полчища самых разнообразных шрифтов. Притом некоторые из них имитируют почерк. Уподобление шрифта рукописи — очередная модная тенденция, особенно в детских и подарочных изданиях. Тем самым лишний раз подтверждается известная аксиома: новое — это хорошо забытое старое. А цель все та же: искусственное, вторичное «оживление» текста, создание визуальных эффектов «индивидуальности» и «естественности», попытка очеловечивания компьютерных технологий.

Наконец, во внешнем облике книг отражаются не только тенденции моды, но и движения общественной мысли. Так, после вступления в силу закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» на книгах появилась обязательная возрастная маркировка: 6+, 12+, 18+. А после внесения изменений в закон «О государственном языке Российской Федерации» — о запрете нецензурной лексики в произведениях литературы и искусства — произво-

дителей обязали размещать на обложках фразу «Книга содержит нецензурную брань» и выпускать такие издания в целлофановой упаковке.

При этом производители часто не затрудняют себя объективной оценкой содержания книг и толком не разбираются ни в возрастной психологии, ни в лингвистических понятиях — потому действуют либо «на авось», либо по принципу «кабы чего не вышло». В результате законы начинают работать не на пользу, а во зло читателю. Нынче в книжном магазине легко нарваться на явно взрослую книжку, беспечно допущенную для чтения малышам. Либо, наоборот, на угрожающий знак «18+», неведь почему наклеенный на произведение, уже лет сто как читаемое школьниками. Например, одна из омских библиотек отказалась выдавать школьникам роман Теодора Драйзера «Финансист» как маркированный 18+.

9

Очевидный и бесспорный факт: новые форматы книг и актуальные тенденции книжного дизайна обнаруживают примат формы над содержанием, вещиности над сущностью. Как ни высок полет творческой мысли, сколь ни совершенны полиграфические технологии, но форма узурпирует содержание.

Вспомним сюжет знаменитого романа Стивена Кинга «Сияние». Начинающий писатель устраивается сторожем в горный отель «Оверлук» и, обуреваемый темными силами, постепенно сходит с ума. Якобы работая над романом, он на самом деле попросту исписывает горы бумаги единственной фразой «Я пишу роман». Реальный результат подменяется имитацией процесса.

Аналогично организована современная культура в целом и книжная культура в частности. Постоянная трансформация внешней формы Книги дискредитирует и обесценивает ее эталонный прототип. Более того, все новые и новые эксперименты с внешним обликом размывают само понятие Книга.

В настоящее время *книгой* называют все что угодно. Поваренная книга, жалобная книга, амбарная книга... В этот перечень устойчивых словосочетаний можно внести и так называемую «книгу художника» (произведение актуального искусства), и рукотворный альбом (продукт также модного сейчас скрапбукинга), и виртуальный роман, существующий лишь в Интернете (произведение сетевой литературы). Книгу сейчас способно выпустить не только издательство, но любая полиграфическая фирма, а с недавних пор — вообще любое частное лицо, овладевшее компьютерными технологиями самопечати (селф-паблишинг).

Здесь скрывается очередной любопытный парадокс. Непременным исходным условием производства и массового распространения книги была не уникализация, а именно стандартизация ее внешнего облика. При этом облик печатной книги обусловлен и предопределен обликом книги рукописной, что является нагляднейшим образцом преемственности культурных форм.

Если же вспомнить, что первой печатной книгой была Библия, то становится понятным внутренний, духовный смысл стремления Иоганна Гутенберга сделать ее гармоничной и совершенной — по образу и подобию Божию. Не в последнюю очередь поэтому первопечатные книги (инкунабулы) более всех прочих напоминают иконы в богатых окладах — искусно украшенные и одновременно тяготеющие к выверенной пропорциональности всех элементов.

Современность не только поставила под сомнение первичные критерии бытования книги в культуре (единообразие и постоянство), но и превратила нарушение этих критериев в набор легитимных и популярных практик. И если преж-

де в книгопроизводстве просматривалась скрытая конкуренция книги рукописной и книги печатной (вторая должна была доказывать свою «прогрессивность» возможностью воспроизведения всех внешних параметров первой), то сейчас эта логика утрачена — и конкуренция переместилась совершенно в иную плоскость.

Казалось бы, на современном этапе должны соревноваться уже электронная и печатная книги. Отчасти так и есть: изобретаются особые экраны, электронные чернила, наностраницы и т. п. Но настоящая борьба ведется не между текстовыми носителями, а между носителями идей: издателями, маркетологами, книжными дизайнерами.

В результате на технологическом (бытовом) уровне производство книг продолжает интенсивно развиваться, а на онтологическом (бытийном) оно постепенно движется в сторону деградации. Но кого нынче волнуют такие философские вопросы? Кому охота рефлексировать, когда так много возможностей самовыразиться, получить яркие впечатления, обрести новый опыт?

Так незаметно и постепенно мы переезжаем в отель «Оверлук», где нас обуревают демоны современности: размывание, смешение, искажение, подмена понятий. Каковы перспективы? Пытаясь доказать всему миру, что он действительно пишет книгу, герой Кинга начинает убивать людей...

Владимир ЧИСНИКОВ

Л. Н. ТОЛСТОЙ
В ПЕТЕРБУРГЕ
В ФЕВРАЛЕ 1897 года:
Поиски и находки

7 февраля 1897 года Л. Н. Толстой приехал в Петербург, чтобы попрощаться со своими друзьями и последователями В. Г. Чертковым и П. И. Бирюковым, высылаемыми властями из столицы за их деятельность в защиту духоборов. В Петербурге Лев Николаевич находился с 7 по 12 февраля. Несмотря на значительное количество разнообразных источников (дневник писателя, воспоминания современников, материалы полицейской слежки и т. д.), этот период в биографии Л. Н. Толстого не нашел должного освещения в научной литературе (1). Поэтому не случайно, что в имеющихся публикациях по данной теме содержатся как неточности, так и ошибки, требующие уточнения и исправления. Кроме того, остаются вопросы, касающиеся дат встреч писателя в Петербурге с профессорами Н. И. Стороженко, Д. И. Менделеевым, сенатором А. Ф. Кони, академиком А. Н. Веселовским, генералом К. А. Дитерихсом (2). На эти и другие вопросы мы и попытаемся дать ответы.

Владимир Николаевич Чисников родился в 1948 году в городе Шахтерске Донецкой области, кандидат юридических наук (1984), доцент, полковник милиции в отставке, ныне ведущий научный сотрудник ГНИИ МВД Украины, член Международной ассоциации историков права, Международной полицейской ассоциации (Украинская секция), член зарубежной секции редакционного совета журнала «Оперативник (сыщик)» (Москва). Проживает в г. Бровары Киевской области. Автор, соавтор, составитель и редактор более 700 публикаций и печатных изданий по историко-правовой проблематике, один из ведущих специалистов по истории профессионального сыска. Более тридцати лет занимается исследованием темы «Лев Толстой под надзором тайной полиции». Участник Международных Толстовских чтений и Международных Толстовских конгрессов. Печатался в журналах «В мире спецслужб» (Киев), «Новом журнале», «Неве» (СПб.), «Законность», «Шпион», «Оперативник (сыщик)» (Москва) и др.

І. С кем Л. Н. Толстой приехал в Петербург?

В литературе ответ на этот вопрос, как правило, однозначный: Лев Толстой приехал в столицу вместе со своей женой Софьей Андреевной (3). Некоторые авторы указывают еще и профессора Московского университета Н. И. Стороженко (4). Основанием для такого утверждения послужило «Дело отделения по охранению общественной безопасности и порядка при управлении С.-Петербургского градоначальника „Лев Николаевич Толстой“» от 7 февраля 1897 года. (5). В «Деле...» имеются подлинные записи наблюдений филеров («Сведения»), справки полицейских надзирателей, а также жандармская сводка всех филерских проследок за 7–12 февраля — «Дневник наблюдений за писателем графом Львом Николаевичем Толстым». Все материалы этого дела были в свое время опубликованы (6). В «Дневнике наблюдений...» за 7 февраля 1897 года, в частности, указано: «...как известно, граф Толстой прибыл 7 февраля вместе с женой Софией Андреевной и профессором Московского университета Николаем Стороженко...» (7).

Данное утверждение охранников было принято исследователями на веру и никаких сомнений в его достоверности не вызывало. Однако более критический анализ имеющихся в нашем распоряжении источников дает основания усомниться в таком утверждении.

Для начала вспомним события, которые предшествовали приезду Льва Николаевича в Петербург. 31 января 1897 года Л. Н. Толстой вместе с дочерью Татьяной Львовной уехали из Москвы к знакомым, Олсуфьевым, в их подмосковное имение Никольское. 5 февраля к ним по пути в Петербург заехала Софья Андреевна. На следующий день сюда же прибыл из Петербурга И. И. Горбунов-Посадов, сообщивший Льву Николаевичу о предстоящей высылке В. Г. Черткова за границу, а П. И. Бирюкова — в Курляндскую губернию. «В тот же день, — пишет дочь писателя Александра Львовна, — Толстой, вместе с Софьей Андреевной, выехал в Петербург, чтобы проститься со своими друзьями» (8). Добавим, что вместе с ними поехали также дочь Татьяна Львовна и И. И. Горбунов-Посадов.

По приезде 7 февраля в столицу Лев Николаевич и Софья Андреевна поселились в доме Олсуфьевых (Фонтанка, 14), а Татьяна Львовна — у двоюродной сестры, М. А. Эрдели (урожд. Кузминской), проживавшей в доме №28 по набережной реки Фонтанки (9). Узнав о приезде Л. Н. Толстого в Петербург, столичное охранное отделение организовало за ним непрерывное негласное наблюдение.

Следует заметить, что в имеющихся публикациях о пребывании Толстого в Петербурге, авторы допускают много неточностей, связанных именно с организацией полицейской слежки за ним. Так, Л. И. Кузьмина пишет, что полиция «не спускала с Толстого глаз. Особых трудностей это не представляло, так как III отделение и штаб корпуса жандармов находились неподалеку от дома Олсуфьевых на Фонтанке» (10). В Полном собрании сочинений Л. Н. Толстого (Юб. изд.) в примечаниях к дневнику писателя за 7 февраля 1897 года, в частности, говорится: «...Петербургское охранное отделение было немедленно осведомлено о поездке Толстого в Петербург и организовало непрерывное наблюдение за ним. К Толстому был приставлен особый агент, который следовал за ним всюду по пятам и вел особый „Дневник наблюдений за писателем графом Львом Николаевичем Толстым“» (11). Об особом агенте, который вел «Дневник наблюдений», упоминает в своей монографии и Л. Д. Опульская (12).

С утверждениями данных авторов нельзя согласиться. Во-первых, в описываемое время (1897 г.) III отделение было уже упразднено (в 1880 г.) и заменено Департаментом полиции. Кроме того, слежку за Л. Н. Толстым осуществляло Петер-

бургское охранное отделение, которое помещалось в здании на Мойке, 12, где когда-то скончался А. С. Пушкин (13).

Во-вторых, никто охранников не осведомлял о приезде Толстого в Петербург, а попал он в их поле зрения в связи с тем, что посетил 7 февраля квартиру В. Г. Чертова, за которой велось негласное филерское наблюдение (14).

В-третьих, за писателем наблюдал не особый агент, а несколько пеших агентов наружного наблюдения: Черников, Березин, Ростованов, Муравьев, Ладкин (подменный) и один конный («извозчик») — Алексей Макаров (15). В конце рабочего дня они представляли начальству результаты своих проследок — письменные «Сведения», именуемые филерами как «рапортички». По этим «Сведениям» полицейские надзиратели охранного отделения Неклюдов, Щербаков и помощник надзирателя Сафронов производили «установку», то есть наводили справки о лицах, с которыми встречались фигуранты наблюдения, устанавливали адреса их проживания и т. д. (16). Причем делалось все это негласно. Был еще один «доброволец» — полицейский надзиратель Наумов, который 8 февраля случайно ехал вместе с Толстым в конке и наблюдал встречу писателя со студентами университета. О своих наблюдениях он незамедлительно сообщил своему начальству (17).

В-четвертых, «Дневник...» составлялся не агентом, который вел наблюдение, а жандармским офицером на основании «Сведений» представленных филерами, и справок, полученных от полицейских надзирателей (установщиков). Офицер, после соответствующей редакторской обработки этих первичных материалов, чаще всего безграмотно составленных, вносил свои коррективы и делал в «Дневнике...» записи, которые приобретали *зитабельный* вид (18).

Для примера сравним выдержки из «Сведений» (рапортичек) (орфография сохранена), составленных филерами Ростовановым, Березиным и Черниковым, за 8 февраля и записью жандармского офицера в «Дневнике...» за то же число, касающиеся Н. И. Стороженко. Именно в этот день его впервые зафиксировали агенты наружного наблюдения.

«Сведения»

«...по выходе из библиотеки граф Толстой встретился с Бирюковым прошли по Невскому пр. зашли в кондитерскую по Невскому пр. д. № 54 по выходе оттуда отправились в д. № 14 по Фонтанке в подъезд откуда чрез 10 м. вышли *стрелились с неизвестным с которым граф Толстой расцеловался* за тем отправились в д. № 28 по Фонтанке в подъезд...» (курсив наш. — В. Ч.) (19).

«Дневник»

«Выйдя через непродолжительное время из библиотеки, Лев Толстой встретился с состоящим под особым наблюдением отставным коллежским секретарем Павлом Ивановичем Бирюковым, пройдясь с которым по Невскому пр., зашли вдвоем же в кондитерскую д. №54 по Невскому пр., откуда вскоре Лев Толстой с Бирюковым вернулся к себе в квартиру. Спустя минут 10 Лев Толстой вышел из квартиры вместе с Бирюковым, и по набережной р. Фонтанки встретили Николая Стороженко, затем все трое зашли в дом №28 по Фонтанке...» (20).

Как видим, эти записи по своему содержанию почти не отличаются друг от друга. В них имеются лишь два незначительных отличия. В «Сведениях» указывается «неизвестный», а в «Дневнике» (после проведенной установки) «неизвестный» становится «Николаем Стороженко». И еще. В «Дневнике...» опущено одно обстоя-

тельство, которое зафиксировали филеры в своей проследке: при встрече Толстой и Стороженко *расцеловались*. Для жандармского офицера, составлявшего «Дневник...», данное обстоятельство, по всей вероятности, не имело принципиального значения, и он его опустил. Однако для нас этот факт играет важную роль, ибо, судя по нему, мы можем сделать вывод, что Толстой и Стороженко *долго не виделись* и поэтому при встрече расцеловались. Если принять на веру утверждение охранников, что Толстой и Стороженко действительно приехали накануне вместе, переночевали под одной крышей, то вряд ли им была необходимость при очередной встрече на набережной проделывать столь трогательный ритуал.

В пользу версии о том, что Стороженко встретился с Толстым 8 февраля, свидетельствует и еще один источник — «Ежедневник» Софьи Андреевны Толстой. В период пребывания в Петербурге она сделала следующие записи: «5 февраля. Поехала в Петерб(ург), захала к Олсуфьевым. 7. Приехали с Л. Н. в Петербург. 8. Бирюк(ов). *Стор(оженко)*, конц(ерт) с Т(анеевым). 9. Волн(овала) флейта, визиты в П(етербурге). 10. Три дня чистая оттепель и дождь. 11. Конц(ерт) Гофмана в Пет(ербургской) акв(арельной) выставке. 12. Проводы, прощание с Чертковым и Бирюковым. Уехали из Пет(ербурга)» (курсив наш. — В. Ч.) (21).

Фамилия Стороженко, как видим, фигурирует в записи за 8 февраля. Если допустить, что Николай Ильич прибыл в Петербург вместе с Толстыми 7 февраля, то его фамилия в записях С. А. Толстой должна была появиться, вероятнее всего, раньше 8 февраля.

Таким образом, обобщая филерские проследки за 8 февраля и дневниковую запись С. А. Толстой за тот же день, можно с уверенностью утверждать, что встреча Л. Н. Толстого с профессором Н. И. Стороженко произошла в Петербурге 8 февраля 1897 года, и, следовательно, последний не мог приехать вместе с Толстыми в столицу 7 февраля.

Какие же тогда основания были у охранников утверждать, что Стороженко прибыл в Петербург вместе с Толстыми?

Обратимся к первоисточникам.

Полицейский надзиратель Неклюдов, производивший установку в отношении Л. Н. Толстого, представил начальству две справки. В первой указывалось: «Гр. Лев Николаевич Толстой, 60 лет, отставной поручик, остановился в д. № 14 по Фонтанке, в квартире № 1 у отставного генерал-лейтенанта Адама Васильевича Олсуфьева, живущего в Московской губернии, Дмитриевского уезда, сел. Никольское, в квартире № 3, по тому же подъезду проживает граф генерал-адъютант, Александр Васильевич Олсуфьев, 52 лет с женой Екатериной Львовной, 41 года и сыном Георгием, 18 лет, у которых Толстой обедает. *Гр. Толстой прибыл с женой Софьей Андреевной, 52 лет и профессором московского университета статским советником Николаем Ивановичем Стороженко, 60 лет. Прибыли 7 февраля 1897 г.* Заняли квартиру графа Адама Васильевича Олсуфьева» (курсив наш. — В. Ч.) (22).

В другой справке указывались приметы Льва Николаевича: «Отставной поручик Гр. Лев Николаевич Толстой следующих примет: выше среднего роста, лет 65, длинную серой бородой, глаза серые, лицо морщавое, одет в простой дубленый полушубок, простая войлочная светло-коричневая шапка и коричневые брюки на выпуск» (23).

Даты составления этих справок не указываются. Установка, вероятнее всего, производилась после 8 февраля, так как по филерским проследкам за это число Стороженко еще фигурирует как «неизвестный».

Еще раз подчеркнем, что наведение справок полицейскими надзирателями охранного отделения производилось негласно, то есть с помощью опроса дворников,

швейцаров, прислуги и т. д. Поэтому наличие в отчетах установщиков различных неточностей было явлением обычным. Примером тому служат и справки Неклюдова: в одной из них он указывает, что Толстому 60 лет, в другой — 65, хотя в действительности ему было 68. Далее, отчество Стороженко не Иванович, а Ильич.

А теперь попробуем реконструировать ситуацию, в которой оказался полицейский надзиратель Неклюдов. Наводя справки в отношении Л. Н. Толстого (вероятнее всего, 9 февраля), он установил, что в доме Олсуфьевых проживают Л. Н. Толстой, его жена и профессор Н. И. Стороженко. Узнав о том, что Толстые поселились в указанном доме 7 февраля, Неклюдов предположил, что и Стороженко приехал вместе с ними, хотя в действительности последний поселился там на сутки позже, то есть 8 февраля. Составляя затем справку по результатам своих установок, охранник и указал, что Л. Н. Толстой прибыл с женой и профессором Стороженко. На основании этой справки такую же запись сделал в «Дневнике наблюдений...» и жандармский офицер.

В заключение хочется высказать еще одно предположение, связанное с приходом Н. И. Стороженко в Петербург (24). Не исключена возможность, что именно он привез из Москвы Льву Николаевичу драповое пальто с барашковым воротником и серую поярковую шляпу, которые необходимы были писателю для «светских» визитов в столице. На такую мысль наталкивает письмо А. П. Чехова, отправленное А. С. Суворину 8 февраля 1897 года. В нем Антон Павлович, в частности, писал: «...Л. Н. Толстой поехал в Петербург, чтобы проводить его (Черткова. — В. Ч) и вчера повезли Льву Николаевичу теплое пальто...» (25). Именно в этом пальто филеры впервые зафиксировали Толстого вечером 8 февраля (в день приезда Стороженко), когда писатель отправился в Зимний дворец на встречу со своей родственницей, графиней А. А. Толстой (26).

2. Встречался ли Л. Н. Толстой в Петербурге с Д. И. Менделеевым?

Если раскрыть «Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого», составленную секретарем и биографом писателя Н. Н. Гусевым, то на одной из страниц можно прочитать: «Февраль 7 [1897]. Приезд в Петербург. Остановились у Олсуфьева... Т[олстой] у художника Н. Я. Ярошенко. [Дневник]. У Н. А. Ярошенко Т[олстой] встречается с Д. И. Менделеевым» (курсив наш. — В. Ч.). Далее автор делает ссылку на источник — книгу жены ученого А. И. Менделеевой (урожд. Поповой) «Менделеев в жизни», указывая 49-ю страницу (27).

Утверждение такого авторитетнейшего толстоведа, как Н. Н. Гусев, о встрече Толстого и Менделеева в Петербурге стало литературоведческой аксиомой и, как это нередко бывает в науке, перекочевало в многочисленные книги, статьи и даже солидные монографии. Так, известный толстовед А. И. Шифман пишет: «С Д. И. Менделеевым Толстой познакомился в 1897 году у художника Ярошенко и с тех пор с особенным интересом следил за его научной деятельностью» (28). При этом ссылка на источник не дается. Другой толстовед Н. П. Пузин, ссылаясь на воспоминания А. И. Менделеевой, также утверждает, что «в начале февраля 1897 года Толстой, будучи в Петербурге, провозая высылаемых за границу В. Г. Черткова и П. И. Бирюкова, посещает Ярошенко на Сергиевской улице. У него Толстой встречается с Д. И. Менделеевым» (29). О данной встрече упоминается также и в монографии Л. Д. Опульской, где автор, в частности, пишет: «В тот день, 7 февраля, Толстой навестил художника Н. А. Ярошенко (больного туберкулезом) и встретил там Д. И. Менделеева» (30). Далее дается ссылка на уже упоминающийся источник, только не 49-ю, а 40-ю страницу.

Изучая материалы о пребывании Л. Н. Толстого в Петербурге, мне, естественно, захотелось узнать, при каких обстоятельствах произошла встреча, о чем говорили великий писатель и знаменитый ученый, какое впечатление произвели они друг на друга.

Сначала решил посмотреть дневник Л. Н. Толстого. За 7 февраля 1897 года там имеется запись: «Поехал к Чертков(ым). У них радостно. Потом у Ярош(енко). Вечер дома с С(оней). Нам хорошо. Молюсь чтобы и здесь и везде не отступать от созн(ания) посланничества, исполненного добротой» (53, 136). Фамилия Менделеева, как видим, не упоминается. Нет ее и в записях «Ежедневника» С. А. Толстой, которые она вела в период пребывания в Петербурге (31). Поэтому ответы на интересующие меня вопросы следовало искать прежде всего на страницах книги А. И. Менделеевой. Ведь это единственный источник, на который ссылаются упомянутые авторы. Прочсть ее оказалось не так-то просто. Изданная в Москве в 1928 году небольшим тиражом, она давно стала библиографической редкостью. В киевских библиотеках ее, к сожалению, не оказалось. Пришлось ехать в Москву, в Государственную библиотеку им. В. И. Ленина (ныне ГНБ). Правда, и там, получив свой заказ, я был немного огорчен: вместо книги мне выдали микропленку.

Усевшись поудобней за диаскоп, нахожу нужную мне 49-ю страницу и начинаю читать, пытаюсь поскорее удовлетворить свое любопытство. Прочитав страницу до конца, застыл в недоумении: ни о какой встрече Толстого с Менделеевым здесь не упоминается! На указанной странице Анна Ивановна, в частности, пишет: «Общество, которое у них (Ярошенко. — В. Ч.) собиралось, было очень разнообразно: художники, студенты, доктора, общественные деятели, профессора, но все одного круга интеллигентных людей с либеральным образом мыслей. Я там встречала Владимира Соловьева, его сестру Поликсену Сергеевну, Владимира Васильевича Стасова, его сестру Надежду Васильевну, Плещеева, поэта, доктора Симоновского. Был у них и Л. Н. Толстой, когда приезжал провожать за границу Черткова» (курсив мой. — В. Ч.) (32). Далее мемуаристка ведет речь о жене Черткова, Анне Константиновне, (урожденной Дитерихс), а о встрече Толстого с Менделеевым... ни слова. Отыскиваю 40-ю страницу книги, на которую ссылается Л. Д. Опульская, и... тоже ничего искомого для себя не нахожу.

Может быть, Н. Н. Гусев перепутал страницу, или в текст его «Летописи...» вкралась досадная опечатка? Внимательно перечитываю книгу сначала и до конца. Однако все мои старания оказались напрасными: фамилия Толстого на других страницах книги больше не упоминается.

Быть может, ясность в этот вопрос внесут биографы ученого? Заказываю «Летопись жизни и творчества Д. И. Менделеева». В сведениях за февраль 1897 года никаких данных о встрече Менделеева с Толстым нет. Более того, в именном указателе фамилия Л. Н. Толстого вообще отсутствует (33). Просматриваю пять томов Юбилейного издания Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, в которых упоминается фамилия Менделеева. Ни в одном из них о встрече Толстого с Менделеевым не говорится! Не упоминает о такой встрече и сын писателя С. Л. Толстой, посвятивший в своих воспоминаниях целый раздел взаимоотношениям с Д. И. Менделеевым» (34). Следует также принять во внимание и такой немаловажный аргумент: Толстой посетил квартиру Ярошенко в пятницу, а на журфикусы к художнику собирались по субботам (35).

Таким образом, исходя из вышеизложенного, оснований для утверждения, что 7 февраля 1897 года в Петербурге Л. Н. Толстой встречался с Д. И. Менделеевым на квартире художника Н. А. Ярошенко, *нет*.

3. Когда Владимир Кривош фотографировал Л. Н. Толстого?

Во время пребывания Льва Николаевича в Петербурге словак Владимир Кривош (36) сделал на память несколько любительских фотоснимков. На одном из них Толстой запечатлен во дворе дома Чертковых вместе с друзьями и знакомыми (37). То, что фотосъемка производилась Кривошем, установлено достоверно — на обороте одного из отпечатков фотографии имеется печать «Фотограф-любитель Кривош» (38). Точная же дата фотографирования до недавних пор оставалась неизвестной (39). В различных изданиях, где помещена репродукция этой фотографии, как правило, указывается: «февраль» или «7–12 февраля 1897 г», то есть время пребывания писателя в Петербурге (40).

Некоторые исследователи, утверждая, что фотосъемка производилась 7 февраля, выдвигают в качестве аргумента тот факт, что Толстой был одет «в тот день именно так, как видим на снимке» — заплатанный полушубок и круглую войлочную шапку (41).

С таким утверждением трудно согласиться.

Обратимся к воспоминаниям современников Толстого, его дневнику, а также «Дневнику наблюдений за писателем графом Львом Николаевичем Толстым», где содержатся записи негласного наблюдения филеров Петербургского охранного отделения за весь период пребывания Толстого в столице.

Для лучшего уяснения рассмотрим имеющиеся источники отдельно по дням и попытаемся как бы разложить их на основные элементы, воображая рассказчиков рядом, припоминающих и фиксирующих факт за фактом те события, непосредственными участниками которых они являлись.

7 февраля 1897 года (пятница)

Л. Н. Толстой: «Поехал к Чертк(овым). У них радостно. Потом у Ярош(енко). Вечером дома с С(оней). Нам хорошо. Молюсь, чтобы и здесь и везде не отступать от созн(ания) посланничества, исполняемого добротой» (53; 136)

«Дневник наблюдений...»: «При наблюдении за отставным штаб-ротмистром лейб-гвардии конного полка Владимиром Чертковым было установлено, в 4 ч(аса) 20 м(инут) пополудни он вышел из квартиры своей № 3/4 по Симанской и Канареечной улицах вместе с известным писателем графом Львом Толстым, с которым посетил д(ом) 14 по набережной реки Фонтанки, куда, как дознано, граф Толстой прибыл 7 февраля вместе с женой Софией Андреевной и профессором Московского университета Николаем Стороженко, причем все трое поселились в квартире отставного генерал-лейтенанта графа Адама Васильевича Олсуфьева... Граф Толстой был одет в некрытый полушубок, подпоясанный серым кушаком, в брюках темного цвета навыпуск, на голове вязаная темно-серая круглая шапка и с палкой в руках» (42).

Из приведенных свидетельств видно, что в этот день Толстой действительно находился у Черткова и был одет в ту же одежду, в которой он запечатлен на фотографии. Исходя из этого, исследователи и пришли к заключению, что Владимир Кривош сфотографировал Льва Николаевича 7 февраля.

Однако они не обратили внимания на две существенные детали. Во-первых, посещая Чертковых, писатель был одет в полушубок и круглую шапку не только 7 февраля, но и в другие дни. Во-вторых, в источниках нигде не упоминается фамилия известного художника Ильи Ефимовича Репина, который на снимке стоит в одном ряду с Львом Николаевичем (третий справа). Именно последнее обстоя-

тельство с несомненностью исключает 7 февраля как день фотосъемки, так как из воспоминаний современников достоверно установлено, что Репин был у Черткова вместе с Толстым два раза: 8 и 9 февраля. Следовательно, фотографирование могло происходить только в эти дни. Но в какой именно?

Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим события следующего дня. Нам необходимо установить, по крайней мере, два факта, неразрывно связанных между собой, и имевших место в один и тот же день. Первый — Толстой и Репин находились вместе во дворе дома Чертковых; второй — Лев Николаевич при этом был одет в полушубок и круглую шапку.

8 февраля (суббота)

Л. Н. Толстой: «Был жив, но не записал два дня» (53; 136).

Как видим, писатель за эти дни, которые нас особенно интересуют, записей в своем дневнике не вел. Поэтому, чтобы проследить его маршруты по Петербургу, обратимся к другим источникам.

«Дневник наблюдений...»: «В 9 часов утра граф Лев Толстой отправился в дом на набережной реки Фонтанки, но сейчас же вышел оттуда, и, посетив ближайшие аптекарский и галантерейный магазины, вернулся в свою квартиру. Спустя час Лев Толстой снова зашел в вышеозначенный дом, но также сейчас вышел и отправился в Публичную библиотеку. Выйдя через продолжительное время из библиотеки, Лев Толстой встретился с состоящим под особым наблюдением отставным коллежским секретарем Павлом Ивановичем Бирюковым, пройдясь с которым по Невскому проспекту, зашли вдвоем же в кондитерскую д. № 54 по Невскому пр., откуда вскоре Лев Толстой с Бирюковым вернулся к себе в квартиру...» (43).

Е. М. Бем, художница: «Получив письмо от Черткова (о произведенном у него жандармами обыске и предстоящей высылке. — В. Ч), я поехала в Публичную библиотеку к В. В. Стасову. Он уже знал о случившемся и перебил меня словами: «А знаете, кто в Петербурге? Лев Николаевич приехал повидаться с Чертковым, был сейчас в библиотеке, но, не застав меня, пошел к Репину» (44).

«Дневник наблюдений...»: «Спустя минут 10 Лев Толстой вышел из квартиры вместе с Бирюковым, и по набережной реки Фонтанки встретили Николая Стороженко, затем все трое зашли в д(ом) № 28 по Фонтанке. Пробыв там минут 15, Лев Толстой, Бирюков и помянутый мужчина отправились к Аничкову мосту, откуда конно-железнодорожной поехали в Академию Художеств, причем граф Толстой сел на империял, а у Казанского собора переместился во внутрь вагона...» (45).

Наумов, полицейский надзиратель Петербургской охранки: «Проезжая сего числа (8 февраля. — В. Ч) в конке по Невскому проспекту от Знаменской улицы, я заметил, что когда вагон остановился на разъезде у Казанского собора, то с империяла спустился известный писатель Лев Николаевич Толстой, который, войдя в вагон, возбудил в публике оживление, причем к нему тотчас же подошли бывшие в вагоне студенты университета и в разговоре с ним просили его посетить их акт, на что граф Толстой изъявил свое согласие; причем один из бывших в вагоне этом студентов поцеловал руку Льва Толстого. Граф Толстой был одет в следующем костюме: русский дубленый ничем не крытый полушубок (в некоторых местах заплата), подпоясан серым кушаком, в войлочной круглой шапке, брюки навыпуск и в руках палка» (46).

И. Е. Репин, художник: «Моя академическая мастерская в Петербурге также удостоилась посещения Львом Николаевичем, даже в обществе Софьи Андреевны и ревностных его последователей — Черткова, Бирюкова, Горбунова и др.

Было около 11 часов утра, когда неожиданно появились гости, как буря с гро-

зой, освежили мои работы. Дорогие гости зашли ко мне по дороге к Черткову в Гавань, где он жил в доме своей матери. Лев Николаевич приехал из Москвы проводить Черткова за границу, куда его высылали с Бирюковым административным порядком.

И вот в моей огромной мастерской собралась группа близких, преданных Льву Николаевичу. Посетившие ходили гурьбой за учителем и слушали, что скажет он перед той или другой картиной. Счастье выпало на долю картины „Дуэль“. Перед ней Лев Николаевич прослезился и много говорил о ней с восхищением. Все смотрели картину и ловили каждое его слово.

После осмотра целой гурьбой по академической лестнице мы спустились на улицу, где нас уже ждала порядочная толпа. Соединившись, мы заняли весь тротуар и двигались к Большому проспекту, к конкам. Кондуктор конки, уже немолодой человек, при виде Льва Николаевича как-то вдруг оторопел, широко раскрыл глаза и почти крикнул: „Ах, батюшки, да ведь это же, братцы, Лев Николаевич Толстой!“ — и благоговейно снял шапку.

Лев Николаевич, в дубленом полушубке, в валенках, имел вид некоего предводителя скифов. Что-то несокрушимое было в его твердой поступи — живая статуя каменного века» (47).

В своем рассказе Репин не указывает точную дату посещения дома Чертковых, не упоминает о фотосъемке, не говорит о встрече с Толстым на следующий день. Эти упущения, видимо, связаны с тем, что воспоминания художник писал спустя двадцать лет после происходящих событий. Поэтому некоторые детали, естественно, стерлись из его памяти. Но для нас важно другое: Репин вместе с Толстым в этот день находились у Чертковых, и Лев Николаевич был одет в «дубленый полушубок». О том, что писатель посетил мастерскую Репина именно 8 февраля, убеждает содержание филерского сообщения.

«Дневник наблюдений...»: «Пробыв в здании Академии около часа, Лев Толстой вышел из Академии с теми же лицами и состоящим под особым наблюдением отставным гвардии штаб-ротмистром Владимиром Чертковым, и все поехали к матери Черткова д(ом) № 79 по Большому проспекту, где пробыли до 6-ти ч(асов) вечера... Негласно дознано, что... в здании Академии художеств граф Толстой, Стороженко, Чертков и Бирюков посетили мастерские Академии» (48).

Сопоставляя воспоминания Бем, Репина, а также материалы негласной слежки петербургских филеров, отметим их полное совпадение в основных моментах, хотя в «Дневнике наблюдений...» фамилия Репина и не фигурирует. По всей вероятности, среди тех, кто выходил из здания академии, филеры не заметили художника.

Итак, в приведенных источниках за 8 февраля есть все необходимые данные, которые дают основание утверждать: в этот день Кривош мог фотографировать Льва Николаевича: Толстой и Репин вместе находились в доме Чертковых, причем писатель действительно был одет в полушубок и войлочную круглую шапку.

Но ведь Толстой был вместе с Репиным у Чертковых и на следующий день. Может быть, Кривош фотографировал их 9 февраля? Проверим.

9 февраля (воскресенье)

«Дневник наблюдений...»: «В 9 ч(асов) 20 м(инут) утра граф Лев Толстой отправился в парикмахерскую д(ом) № 5 по Пантелеймоновской ул(ице), где подстриг себе волосы и бороду. Спустя полчаса возвратился к себе на квартиру.

В 11 ч(асов) к нему пришли Чертков и Бирюков. В 2 ч(аса) дня Лев Толстой, Стороженко, Чертков и Бирюков направились на Невский пр(оспект) и Б. Морскую

ул(ицу), где посетили книжные магазины: в Пассаже, Малье и газеты „Новости“, после чего все возвратились в квартиру графа Толстого, причем Лев Толстой с Чертковым зашли на непродолжительное время к штаб-ротмистру Эрдели...» (49).

В. И. Репина, дочь художника: «9-го февраля Лев Николаевич должен был быть у Чертковых, и в 2 часа дня мы отправились к ним в Гавань. Дорогой папа рассказывал, как накануне (8 февраля. — В. Ч) Лев Николаевич, едучи к Чертковым, вскочил в конку; он был в полушубке, и кондуктор сначала резко остановил его, а потом вдруг узнав, испугался и спросил: „Лев Николаевич?“, и все глядел изумленно и улыбаясь» (50).

Своим рассказом Репина еще раз подтверждает, что Толстой вместе с ее отцом 8 февраля ездил к Чертковым. Кроме того, мы также убеждаемся, что Репин вместе с семьей был у Чертковых и на следующий день, то есть 9 февраля. Эту знаменательную для нее дату дочь художника запомнила на всю жизнь, указав в своих воспоминаниях.

В. И. Веселитская, писательница (псевдоним В. Микулич): «Публика все прибывала (в доме Чертковых. — В. Ч.). Кроме друзей и сочувствующих, являлись и любопытные, желающие воспользоваться случаем взглянуть на Толстого. Все ждали его выхода... Помню, что в числе приехавших была жена художника Репина с двумя симпатичными дочерьми» (51).

«Дневник наблюдений...»: «Пробыв у графа Толстого минут 30 Чертков и Бирюков уехали домой, а час спустя Лев Толстой и Стороженко поехали к Черткову, где пробыли до 10 1/2 ч(асов) вечера, после чего граф Толстой и Стороженко возвратились в свою квартиру, причем: Чертков и Бирюков провожали их до Невского проспекта» (52).

Следовательно, Толстой и Репин действительно были в этот день у Чертковых. Но следует еще установить, в чем был одет Лев Николаевич. Обратимся снова к материалам полицейской слежки.

«Дневник наблюдений...»: «В течение дня Лев Толстой был одет в драповое пальто с барашковым воротником, темно-серые брюки и серой поярковой шляпе» (53).

Данное утверждение филеров убедительно свидетельствует, что 9 февраля Лев Николаевич, находясь в доме Чертковых, не был одет в полушубок и войлочную круглую шапку. Следовательно, в этот день Кривош не мог его фотографировать. Подтверждением тому являются и воспоминания Репиной, Бем и Веселитской, которые ничего о фотографировании не говорят и их на снимке нет.

Таким образом, проведенное нами исследование дает все основания заключить, что Владимир Кривош фотографировал Льва Николаевича Толстого в кругу друзей и знакомых 8 февраля 1897 года.

В заключение отметим, что В. Кривош появился в доме Чертковых не случайно, а выполняя задание Петербургского охранного отделения, секретным сотрудником которого он являлся (54).

4. Когда и где встречался Л. Н. Толстой с генералом К. А. Дитерихсом?

Н. Н. Гусев в «Летописи...» пишет, что в феврале 1897 года писатель, находясь в Петербурге, посетил генерала К. А. Дитерихса, чтобы получить сведения о Хаджи-Мулате, с которым Дитерихсу «приходилось неоднократно встречаться и в стычках и после перехода его к русским». Днем встречи автор указывает 10–11 февраля и ставит знак вопроса. При этом в качестве источника называет том 35 Юбилейно-

го издания Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, где напечатана повесть «Хаджи Мурат» (55). Действительно, в одном из комментариев указанного тома говорится, что, приехав в Петербург, Толстой навестил генерала К. А. Дитерихса, который рассказывал ему «целый вечер о Хаджи-Мурате, о его внешности, характере, о том, как он хромал, как кинулся на скалы и пр.» (35; 589). Эти сведения, как указывают комментаторы А. П. Сергиенко и В. С. Мишин, получены от дочери генерала — О. К. Толстой, урожденной Дитерихс (56).

Воспоминания О. К. Толстой являются единственным источником, указывающим на встречу Л. Н. Толстого с К. А. Дитерихсом и их беседу о Хаджи-Мурате. Внимательно прочитаем их и попытаемся найти хотя бы какие-то «зацепки», которые позволят дать ответы на поставленный вопрос. Вспоминая приезд Л. Н. Толстого в Петербург, Ольга Константиновна, в частности, пишет:

«В феврале 1897 г. Черткову была объявлена высылка за границу. Я почти безвыходно провела последние дни с Чертковыми в Гавани. В Петербург приехал прощаться с ними Лев Николаевич с Софьей Андреевной, остановившиеся у Олсуфьевых. Лев Николаевич несколько раз навестил Чертковых. Помню, как *мы все снимались с ним в группе*. К этому времени мое мировоззрение резко изменилось, и я уже с восторженным почтением относилась ко Льву Николаевичу. Но эти дни я была так удручена разлукой с любимой сестрой, что мало слушала общие разговоры и беседы Льва Николаевича.

Помню встречу Льва Николаевича с моим отцом, как они уселись рядом на *кожаном диване*, и Лев Николаевич принялся усердно расспрашивать отца о Хаджи Мурате, и отец, хорошо знавший Хаджи Мурата сообщил ему некоторые факты и подробности из его жизни» (курсив наш. — В. Ч.) (57).

Как видим, О. К. Толстая точную дату встречи Л. Н. Толстого с ее отцом не указывает. Что касается места встречи, то им, судя по ее рассказу, был дом Чертковых в Гавани, где она «почти безвыходно провела последние дни».

В воспоминаниях О. К. Толстой следует обратить внимание на две важные для нас детали: групповое фотографирование с Л. Н. Толстым в доме Чертковых и кожаный диван, на котором происходил разговор Льва Николаевича с ее отцом. В связи с последним обстоятельством уместно привести выдержку из воспоминаний другой участницы тех событий — А. Пешковой-Толиверовой. Рассказывая о своих встречах с Л. Н. Толстым, она, в частности, пишет: «...в 1897 году он (Л. Н. Толстой. — В. Ч.) приезжал в Петербург, чтоб повидаться со своим другом Владимиром Григорьевичем Чертковым, перед его высылкой за границу. Он остановился в доме графа Олсуфьева, у Цепного моста, и я часто его видела и вместе с ним ездила в гавань к В. Г. Черткову.

Вспоминаю один разговор, глубоко врезавшийся в моей памяти. Вошел в комнату мужчина, низко наклонился и попросил позволения взглянуть на Льва Николаевича. Лев Николаевич в это время сидел на *турецком диване*, окруженный друзьями...» (курсив наш. — В. Ч.) (58).

Следует предположить, что в воспоминаниях О. К. Толстой и А. Пешковой-Толиверовой речь идет об одном и том же атрибуте домашней обстановки одной из комнат дома Чертковых — турецком кожаном диване, на котором и состоялась беседа Л. Н. Толстого с генералом К. А. Дитерихсом.

Убедительным доказательством того, что встреча Л. Н. Толстого с К. А. Дитерихсом произошла именно в доме Чертковых, является малоизвестная любительская фотография В. И. Кривоша, хранящаяся в отделе изобразительных фондов Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве. Впервые она была опубликована на страницах второго тома книги «Толстой в жизни».

На фотоснимке под № 260 Л. Н. Толстой запечатлен в комнате, в кругу друзей и знакомых. Во втором ряду, вторым слева от писателя, сидит К. А. Дитерихс. На нем черный пиджак, белая рубашка с воротником-стойкой, галстук и круглые очки (59). В комментарии к фотографии указывается, что «группа снята в доме Чертковых» (60). Днем данной фотосъемки также следует считать 8 февраля 1897 года. Главным «определителем» указанной даты, как и в случае с фотосъемкой во дворе дома Чертковых, является И. Е. Репин, который запечатлен на этом фотоснимке в третьем ряду, рядом с фотографом В. И. Кривошем (61).

Не лишним будет отметить и тот факт, что в филерских проследках за период пребывания Л. Н. Толстого в Петербурге не зафиксировано посещение писателем дома К. А. Дитерихса.

Таким образом, имеются все основания утверждать, что Л. Н. Толстой, находясь в Петербурге в феврале 1897 года, *не* посещал дом генерала К. А. Дитерихса, а встречался с ним 8 февраля в доме матери В. Г. Черткова по Б. проспекту, 79 и именно здесь состоялась их беседа о Хаджи-Мурате.

5. Когда Л. Н. Толстой посетил А. Ф. Кони?

Историк В. И. Срезневский, впервые опубликовавший «Дневник наблюдений», отмечал, что полицейские наблюдатели, сообщая точные сведения о всех подробностях передвижений Льва Николаевича на улицах Петербурга, не уследили его выхода к сенатору А. Ф. Кони (62). Действительно, в филерских проследках сведений о посещении Толстым квартиры известного юриста не имеется. Хотя Кони в своих воспоминаниях увлекательно рассказывает, как в феврале 1897 года Толстой неожиданно нагрянул к нему поздно ночью (63). К сожалению, точную дату визита Анатолий Федорович не указывает.

В какой же именно день произошла эта встреча?

Литературоведы пытались ответить на этот вопрос. Так, биограф писателя Н. Н. Гусев в «Летописи...» определяет: 8–12 февраля и ставит знак вопроса (64). Некоторые современные авторы — Л. И. Кузьмина и В. Н. Сашонко, не приводя никаких аргументов, называют более определенную дату — 10 февраля (65). Однако указанная дата у нас вызывает обоснованное сомнение. Поэтому попытаемся с помощью анализа имеющихся источников устранить «белое пятно» в биографиях Л. Н. Толстого и А. Ф. Кони.

Для начала обратимся к воспоминаниям Кони, которые дадут нам информацию для выдвижения версий, их анализа и выводов.

«...Часов в одиннадцать вечера, — пишет Анатолий Федорович, — вернувшись с заседания, я сел за работу, развлекаемый долетавшими из соседней квартиры, — где жило семейство, занимавшееся торговлею под фирмою „парфюмерия Росс“, — звуками музыки, командными словами танцев, и топотом ног. Там справляли нечто вроде нашего старинного девичника, называемого у немцев „Polterabend“. Моя старая прислуга сказала мне, что меня спрашивает какой-то мужик. На мой вопрос, кто он такой и что ему надо так поздно, она вернулась со справкой, что зовут его Лев Николаевич. С нежным уважением провел я „мужика“ в кабинет, и мы пробеседовали целый час, причем он поражал меня своим возвышенным и всепрощающим отношением к тому, что было сделано с Чертковым. Ни слова упрека, ни малейшего негодования не сорвалось с его уст. Он произвел на меня впечатление одного из тех первых христиан, которые умели смотреть бестрепетно в глаза мучительной смерти и кротостью победили мир...» (66).

Далее Кони продолжает: «Я не обратил внимания, что музыка у соседей затих-

ла, но когда Толстой стал уходить и я вышел его проводить на лестницу, то мы увидели, что на ней в ожидании столпились гости „парфюмерии Росс“, — декольтированные барышни и молодые люди в фраках. Толстой нахмурился, надвинул на самые глаза шапку и почти бегом побежал вниз. Оказалось, что служанка, увидев радостную почтительность, с которою я принял неизвестного мужика, усомнилась в его подлинности, стала из-за дверей вглядываться в его фигуру и вдруг была поражена сходством пришедшего с большим фотографическим портретом Толстого, подаренного мне Репиным. Она догадалась, в чем дело, торжественно провозгласила об этом на кухне, и — „пошла плясать губерния“» (67).

В рассказе Кони отметим три важных обстоятельства, которые в совокупности будут являться определяющими аргументами в нашем дальнейшем поиске.

Первое — день, когда Толстой навестил Кони, был будним, то есть не выходным: автор вернулся «домой из какого-то совещания».

Второе — одежда на Толстом была *мужицкая*. Это обстоятельство имеет немаловажное значение, потому что писатель в эти дни ходил по Петербургу как в *мужицкой* (крестьянский тулуп, валенки), так и в *светской* (пальто с барашковым воротником, шляпа) одеждах.

И третье, пожалуй, самое важное обстоятельство, — *время*, когда Толстой появился у Кони — «часов в одиннадцать вечера».

Необходимо также иметь в виду, что Анатолий Федорович проживал в доме Лопатина, расположенного по Невскому проспекту, 100 (68). Этот дом находился примерно в десяти минутах ходьбы от Фонтанки, 14, где остановился Толстой (69).

А теперь не торопясь прочитаем филерский «Дневник наблюдений...» и другие источники, фиксируя вышеуказанные обстоятельства и обращая особое внимание на *время* возвращения Толстого «домой» в конце каждого дня, начиная с 7 февраля. Последний день пребывания писателя в Петербурге, то есть 12 февраля, следует исключить сразу, так как в этот день Лев Николаевич покинул столицу в 17 часов.

Итак, **7 февраля (пятница)**. В «Дневнике наблюдений» а этот день имеется следующая запись: «При наблюдении за отставным штаб-ротмистром лейб-гвардии Конного полка Владимиром Чертковым было установлено что в 4 ч. 20 м. пополудни он вышел из квартиры своей в доме № 3/4 по Симанской и Канареечной улицам вместе с известным писателем графов Львом Толстым, с которым посетил д. № 14 по набережной реки Фонтанки... Граф Толстой был одет в некрытый дубленый с несколькими заплатами полушубок...» (70).

Как видим, в филерских проследках точное время возвращения Толстого на Фонтанку, 14 не зафиксировано. Но если допустить, что Толстой с Чертковым добирались от Гавани до Фонтанки в пределах часа, то в доме Олсуфьевых они были в начале 18 часов.

Несмотря на то, что 7 февраля имеет в наличии все вышеуказанные «три обстоятельства», этот день необходимо исключить как день посещения Толстым квартиры Кони. Основанием для такого вывода следует считать дневниковую запись писателя за 7 февраля: «Вечер дома с С(оней). Нам хорошо...» (53; 136).

8 февраля (суббота). Филеры Ростованов, Березин и Черников в «Сводке» за этот день отмечают: «...в 10 ч. 30 м. вечера приехали в д. 14 по Фонтанке в подъезд Чертков и Бирюков, а в 11 часов приехал в д.14 по Фонтанке в подъезд граф Толстой, откуда более выхода его не видели, а Чертков и Бирюков вышли из означенного выше дома в 11 ч. 30 м. вечера» (71). Отметим, что этим вечером Лев Николаевич ездил в гости к своей родственнице графине А. А. Толстой, проживавшей в Зимнем дворце. В «Дневнике наблюдений» указывалось, что, «отправляясь в Зим-

ний дворец Л. Толстой был одет в драповое пальто... и серую поярковую шляпу» (72).

Как видим, этот день также не подходит ко «дню посещения», так как, судя по филерским наблюдениям, Толстой в 23 часа 30 минут еще находился «дома».

9 февраля (воскресенье). Этот день следует исключить как выходной.

Однако для большей убедительности отметим отсутствие и двух остальных обстоятельств. Так, в «Дневнике наблюдений» за это число указывается, что «...Лев Толстой и Стороженко поехали к Черткову, где пробыли до 10 1/2 ч. вечера, после чего граф Толстой и Стороженко возвратились в свою квартиру, при чем Чертков и Бирюков провожали их до Невского проспекта. В течение дня Лев Толстой был одет в драповое пальто... и в серой поярковой шляпе» (73). Как отмечают филеры, из Гавани «все упомянутые отправились в конке до Невского» (74). Следовательно, Толстой прибыл «домой» где-то в начале 24 часа.

10 февраля (понедельник). Согласно «Дневнику наблюдений», «в 8 ч. 30 м. вечера Лев Толстой поехал в здание Николаевского сиротского института к начальнице института Екатерине Николаевне Шостак (75), в квартире которой происходило собрание почетных опекунов. *Пробыв там два часа*, граф Толстой вернулся к себе в квартиру и никуда более не отлучался» (курсив наш. — В. Ч.) (76).

Отметим, что в своих рапортчиках за это число филеры фиксируют, что на Мойку граф поехал на извозчике, а возвращался «в карете на собственных лошадях» (77).

Если проанализировать указанные события по времени, допустив, что поездка на Мойку длилась в пределах получаса, то получается, что Толстой приехал к Шостак около 21 часа, а уехал от нее в 23 часа. Следовательно, «дома» он был примерно в 23 часа 30 минут.

В филерских проследках не указывается, в какой одежде был Толстой вечером этого дня, но можно с уверенностью предположить, что в *светской* — пальто и шляпе. Ведь именно в таком одеянии писатель появлялся в аристократических кругах.

Таким образом, мы не можем согласиться с утверждением указанных авторов о том, что Толстой посетил Кони именно 10 февраля 1897 года. По нашим расчетам, во-первых, не совпадает время: Толстой «запаздывает» к сенатору минимум на полчаса, а во-вторых, маловероятно, чтобы, прибыв из гостей в *светской* одежде, он для визита к Анатолию Федоровичу стал переодеваться в *мужицкую*.

Важным источником, позволяющим исключить 7–10 февраля 1897 года как дни посещения Толстым квартиры Кони, является также дневниковая запись писателя за 11 февраля: «Ничего, ничего, молчание. Был у Стас(ова), у Толстой. Дурного не делал, и хорошего тоже. Скорее хорошее. Помогите Бог не сглазить, а лучше. Ничего не думаю» (53; 136). Это была последняя запись в дневнике, сделанная Толстым в Петербурге. Как видим, фамилию Кони писатель не упоминает. Если бы он действительно посетил его, то, наверное, фамилия последнего была бы зафиксирована на страницах дневника.

Остается проанализировать последний день. Возможно, именно он и принесет нам долгожданную удачу.

11 февраля (вторник). В «Сведениях», составленных филерами Лапкиным, Березиным и Черниковым, указывается, что «в 2 часа 15 мин. дня они все трое (Толстой, Чертков и неизвестный. — В. Ч.) пошли и поехали в Гавань в квартиру Черткова, где *пробыли до 10 час. вечера*. Пошли от Черткова группой в числе 11 человек, в том числе граф Толстой и Чертков, *сели в конку* доехали до угла Невского пр., где расстались; граф Толстой, Чертков, установленный на Фонтанке в доме №28, и другой не-

известный дошли до Цепного моста, граф Толстой и 1-й неизвестный зашли в дом № 14 по Фонтанке, где и были оставлены, а Чертков и 2-й неизвестный проведены по Гагаринской набережной в дом №20 в подъезд, где и были оставлены.» (курсив наш. — В. Ч.) (78).

Если принять во внимание, что от Васильевского острова (Гавань) до Фонтанки, 14 Толстой добирался на конке и пешком в пределах часа, то получается, что филеры оставили его возле дома Олсуфьева около 23 часов. А если допустить, что минут через 5–10 он направился в гости к А. Ф. Кони, то вполне возможно, что на квартире у последнего он оказался «часов в одиннадцать вечера».

Что касается *мужицкой* одежды, то филеры в своих рапортичках не указывают, в какой одежде был граф Толстой в этот день. Но можно с уверенностью утверждать, что к Черткову писатель ездил в тулупе и в валенках. Именно в таком одеянии он появлялся в обществе своих единомышленников.

Совпадает и третье обстоятельство: день был будним.

Вместе с тем напрашивается вопрос: что побудило Льва Николаевича нанести визит сенатору в столь позднее время?

Думается, ответ следует искать в дальнейших воспоминаниях А. Ф. Кони, где упоминается одна любопытная деталь, позволяющая выдвинуть очередную версию:

«В этот же его (Толстого. — В. Ч.) приезд в Петербург, — продолжает автор воспоминаний, — одна моя знакомая девушка ехала с даваемого ею урока на службу по „конке“. В вагон вошел *одетый по-простонародному* старик, на которого она не обратила ни какого внимания, и сел против нее. Она читала дороною купленную ее книжку о докторе Гаазе (79). „А вы знаете автора этой книги?“ — вдруг спросил ее старик, рассмотрев обложку. И на ее утвердительный ответ он просил ее передать мне поклон. Только тут, взглядевшись в него она поняла, с кем имеет дело. „Мне захотелось, — рассказывала она, — броситься тут же в вагоне перед ним на колени, и я невольно воскликнула: „Да, вы — Лев Николаевич?!“ — так что все обратили на нас внимание. Т(олстой) утвердительно наклонил голову, подал ей руку и поспешно вышел из вагона» (курсив наш. — В. Ч.) (80).

Вероятнее всего, эта встреча в конке произошла именно 11 февраля, когда Л. Н. Толстой в 14 часов 15 минут ехал в Гавань на квартиру Черткова. Судя по тому, что он передал через девушку поклон А. Ф. Кони — автору статьи о докторе Гаазе, Лев Николаевич не намеревался наносить ему визит. Что же могло изменить его планы?

Нам представляется, что причиной, побудившей писателя отправиться в гости к Кони в 23 часа, является отсутствие «дома» Софьи Андреевны. В этот вечер она уехала на концерт известного пианиста Иосифа Гофмана, который начинался в 20 часов и состоял из трех отделений (81). В своем «Ежедневнике» жена писателя отметила: «11 (февраля). Конц(ерт) Гофмана в Пет(ербургской) акв(арельной) выставке» (82).

А теперь из всей мозаики изложенных фактов и обоснованных предположений попробуем смоделировать общую картину событий, происшедших во второй половине дня 11 февраля 1897 года.

Итак, в 14 часов 15 минут Л. Н. Толстой, одетый «по-простонародному», едучи к Черткову, встречает в вагоне конки девушку, которая читает журнал со статьей А. Ф. Кони. Через нее Лев Николаевич передает автору статьи поклон. Пробыв у Черткова до 22 часов, Толстой на конке, а потом пешком добирается до дома Олсуфьева (Фонтанка, 14) около 23 часов. Филеры, следившие за ним, оставляют его, а сами сопровождают «Черткова и 2-го неизвестного». Зайдя в дом, писатель узна-

ет, что его жена, Софья Андреевна, еще не возвратилась с концерта. Тогда он принимает решение навестить своего старого знакомого А. Ф. Кони, который проживает поблизости, в десяти минутах ходьбы (Невский проспект, 100). На этот поздний визит Лев Николаевич решается, во-первых, потому, что знает о своем отъезде из Петербурга на следующий день, а во-вторых, чтобы как-то скоротать время до возвращения Софьи Андреевны с концерта. Выйдя из дома, он и появляется в квартире Кони «часов в одиннадцать вечера».

Таким образом, исходя из вышеизложенного, есть все основания утверждать, что именно в этот день, то есть 11 февраля 1897 года, Л. Н. Толстой посетил квартиру А. Ф. Кони.

ЛИТЕРАТУРА

1. Среди имеющихся публикаций на эту тему следует выделить следующие работы: Кузьмина Л. И. Лев Толстой в Петербурге. Л., 1986. С. 184–194; Опульская Л. Д. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1892 по 1899 год. М., 1998. С. 234–237.
2. Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. 1891–1910. М., 1960. С. 229–230.
3. Муратов М. В. Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков по их переписке. М., 1931. С. 238; Гусев Н. Н. Указ. соч. С. 229; Толстая А. Л. Отец. Жизнь Льва Толстого. М., 1989. С. 348.
4. Меньшиков Л. П. Охрана и революция. М., 1929. Ч. 2. Вып. 2. С. 24. Кузьмина Л. И. Указ. соч. С. 185; Сашонко В. Н. А. Ф. Кони в Петербурге–Петрограде–Ленинграде. М., 1991. С. 195.
5. Рукоп. отдел. Гос. музея Л. Н. Толстого в Москве / РО ГМТ. Кн. 16394.
6. Русское слово. 1917. 10 (23) сент.; Срезневский В. И. Л. Н. Толстой в Петербурге в феврале 1897 г. (по данным Петроградского охранного отделения) // Толстой. Памятники творчества и жизни. М., 1923. Т. 4. С. 185–197.
7. Срезневский В. И. Указ. соч. С. 199.
8. Толстая А. Л. Указ. соч. С. 348.
9. Срезневский В. И. Указ. соч. С. 192.
10. Кузьмина Л. И. Указ. соч. С. 186.
11. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Юб. изд. М., 1928–1958. Т. 53. С. 463. Все последующие ссылки на это издание даются в тексте: первая цифра обозначает том, вторая — страницу.
12. Опульская Л. Д. Указ. соч. С. 234.
13. Сверчков Д. На заре революции. М., 1921. С. 15.
14. Срезневский В. И. Указ. соч. С. 192.
15. Русское слово. 1917. 10 (23) сент.
- 16, 17. Там же.
18. Подробнее об организации службы наружного наблюдения в царской России см.: Волков А. Петроградское охранное отделение. Пг., 1917. С. 4–10; Жилинский В. Б. Организация и жизнь охранного отделения во времена царской власти. М., 1918. С. 8–20.; Перегудова З. И. Политический сыск в России. 1880–1917 гг. М., 2000. С. 171–194.
19. Русское слово. 1917. 10 (23) сент.
20. Срезневский В. И. Указ. соч. С. 191.
21. РО ГМТ «Ежедневник» С. А. Толстой.
- 22, 23. Русское слово. 1917. 10 (23) сент.

24. Следует предположить, что Н. И. Стороженко приезжал в столицу для того, чтобы ознакомиться в архиве Департамента полиции с материалами III отделения с. е. и. в. к. в отношении Т. Г. Шевченко и Кирилло-Мефодиевского братства. Его статьи по этим материалам появились в печати в 1898 и 1900 годах (см.: Памяти Н. И. Стороженко. М., 1909. С. 105, 108, 111, 150.) В доме Олсуфьевых ученому поселиться было как нельзя кстати, так как Департамент полиции находился в соседнем доме (Фонтанка, 16).
25. Чехов А. П. Собр. соч. и писем. М., 1978. Т. 6. С. 290.
26. Срезневский В. И. Указ. соч. С. 192.
27. Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. 1891–1910. С. 229.
28. Шифман А. И. Толстой – это целый мир. Тула, 1976. С. 59–60.
29. Пузин Н. П. Из истории двух портретов Л. Н. Толстого // Яснополянский сборник. Тула. 1984. С. 175.
30. Опульская Л. Д. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1892 по 1899 год. С. 235.
31. РО ГМТ «Ежедневник» С. А. Толстой.
32. Менделеева А. И. Менделеев в жизни. М., 1928. С. 49.
33. Летопись жизни и творчества Д. И. Менделеева. Л., 1984.
34. Толстой С. Л. Очерки былого. 2-е изд. М., 1956. С. 162–175.
35. Поленова И. В. Ярошенко в Петербурге. Л., 1983. С. 123–126.
36. Кривош В. И. (1865–1942) – сын словацкого купца. В 1889 году принял русское подданство, работал цензором иностранных газет и журналов Главного управления Петербургского почтамта. Земляк словака А. Шкарвана, который в это время жил у В. Г. Черткова.
37. Толстой в жизни. Тула, 1988. Т. 2. С. 144.
38. Кишкин Л. С. О чем напомнила старая фотография // Сов. славяноведения. 1967. № 2. С. 62.
39. Наши разыскания по этому вопросу были опубликованы: Чисников В. Про що розповіла фотографія? // Наука і суспільство. 1987. № 5. С. 50–53.; Его же Петербург, 8 февраля 1897 г // Лит. Россия. 1989. 15 сент.; его же. О чем рассказала старая фотография // Именем закона. 1992. 29 мая; его же. Загадка старой фотографии // Шпион. 1998. Вып. 10. С. 117–122.
40. Описание материалов Пушкинского Дома. Л. Н. Толстой. М., 1954. Т. 3. С. 115; Толстой в жизни. Т. 2. С. 209–210.
41. Кишкин Л. С. Указ. соч. С. 62; Колафа С. Владимир Кривош и Альберт Шкарван и их контакты с Л. Н. Толстым // Сов. славяноведение. 1977. № 2. С. 78.
42. Срезневский В. И. Указ. соч. С. 190–191.
43. Там же. С. 191–192.
44. Бем Е. М. Воспоминания // Летописи Гос. литер. музея. М., 1948. Кн. 12. Т. 2. С. 373. Будучи в библиотеке, Л. Н. Толстой оставил Стасову записку: «Хотел Вас видеть, не застал, зайду еще. Остановился – Фонтанка, 14 – Дайте знать, когда и где видется. Лев Толстой» (70; 18).
45. Срезневский В. И. Указ. соч. С. 191.
46. Русское слово. 1917. 10/23 сент.
47. Репин И. Е. Из моих общений с Л. Н. Толстым // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. В 2 т. М., 1978. Т. 1. С. 489.
48. Срезневский В. И. Указ. соч. С. 191–192.
49. Там же. С. 192–193.
50. Репина В. И. Моя встреча с Львом Николаевичем Толстым 9-го февраля 1898 г. в Петербурге // Толстой. Памятники творчества и жизни. М., 1920. Вып. 2.

С. 76. Заметим, что Репина ошибочно указывает год встречи, надо: 1897 г. Н. Н. Гусев, поправляя ее, ошибочно указывает день встречи 8 февраля. См.: Гусев Н. Н. Указ. соч. С. 229.

51. Микулич В. Тени прошлого. СПб., 1914. С. 154.

52. Срезневский В. И. Указ. соч. С. 193.

53. Там же.

54. Подробнее об этом см.: Чисников В. Владимир Кривош: «оставить в подозрении...» // Нева. 2008. № 7. С. 216–224.

55. Гусев Н. Н. Указ. соч. С. 229–230.

56. Толстая Ольга Константиновна (1872–1951) — первая жена сына Л. Н. Толстого — Андрея Львовича, с которым она состояла в браке с 1899-го по 1903 год.

57. Толстая О. К. Воспоминания о Л. Н. Толстом // Яснополянский сборник. 1978. С. 259–260.

58. Воспоминания А. Пешковой-Толиверовой // Толстовский ежегодник. М., 1912. С. 92–93.

59. Толстой в жизни. Т. 2. С. 144.

60. Там же. С. 210.

61. Там же. С. 144.

62. Срезневский В. И. Указ. соч. С. 197.

63. Кони А. Ф. Воспоминания о писателях. М., 1989. С. 387–388.

64. Гусев Н. Н. Указ. соч. С. 229.

65. Кузьмина Л. И. Указ. соч. С. 193; Сашонко В. Н. Указ. соч. С. 195.

66. Кони А. Ф. Указ. соч. С. 388.

67. Там же.

68. Сашонко В. Н. Указ. соч. С. 195.

69. Автор, находясь в Петербурге, лично производил хронометраж.

70. Срезневский В. И. Указ. соч. С. 190.

71. Русское слово. 1917. 10 (23) сент.

72. Срезневский В. И. Указ. соч. С. 192.

73. Там же. С. 193.

74. Русское слово. 1917. 10/23 сент.

75. Шостак Екатерина Николаевна (?–1904) — урожд. Исленева, двоюродная тетка С. А. Толстой. Следует отметить, что в литературе по-прежнему остается открытым вопрос о дне и месте встречи Л. Н. Толстого с академиком А. Н. Веселовским. См.: Дневник В. Ф. Лазурского // Лит. наследство. М., 1939. Т. 37–38. С. 492. Нам представляется, что, вероятнее всего, эта встреча произошла в Николаевском сиротском институте (Мойка, 48), квартире Е. Н. Шостак 10 февраля 1897 года.

76. Срезневский В. И. Указ. соч. С. 194.

77. Русское слово. 1917. 10/23/ сент.

78. Там же.

79. Работа А. Ф. Кони «Федор Петрович Гааз (по новым материалам)» впервые была опубликована в январском и февральском номерах журнала «Вестник Европы» за 1897 год. Видимо, девушка читала январский номер журнала, так как отдельной книгой работа вышла только в сентябре того же года.

80. Кони А. Ф. Указ. соч. С. 388.

81. Луч. 1897. 11 февр.

82. РО ГМТ «Ежедневник» С. А. Толстой.

Наум СИНДАЛОВСКИЙ

Жди горя с моря, беды — от воды, или Стихия наводнений в стихии городского фольклора

1

За несколько дней до основания Петербурга историческая ситуация складывалась таким образом, что Петербург вполне мог избежать стихийных бедствий, связанных с наводнениями, которые впоследствии преследовали его на протяжении всех трех столетий существования. Петербург мог быть основан на развалинах шведской крепости Ниеншанц на незатопляемом во время наводнений правом берегу реки Охты, как это и следовало из многовекового мирового военного опыта победителей. Взятая в сражении вражеская крепость должна была быть либо возрождена к новой жизни под новым флагом, либо полностью уничтожена и сровнена с землей. Петр выбрал второе.

История крепости Ниешанц началась в те стародавние времена, когда на древнем торговом пути «из варяг в греки» новгородцы построили сторожевой пост, вокруг которого возникло поселение под названием Канец. В 1300 году, как об этом свидетельствует Софийская летопись, этот сторожевой пост захватили шведы и переименовали в Ландскрону, то есть «Венец земли». В 1301 году сын Александра Невского Андрей отвоевал крепость у шведов, но через два с половиной столетия шведы вновь возвратили себе этот важный стратегический пост. Теперь они возвели здесь портовый город Ниен и крепость для его защиты — Ниеншанц. К началу XVIII века крепость представляла собой пятиугольное укрепление с бастионами и рavelинами, орудия которых контролировали всю панораму обоих невских берегов. Как мы знаем, в ночь на 1 мая 1703 года русские войска овладели Ниеншанцем. По одной из легенд, взятию крепости способствовал не то русский лазутчик, вошедший в доверие к шведам, не то некий швед, предавший своих соотечественников. Во всяком случае, ворота крепости, едва к ним подошли русские солдаты, неожиданно распахнулись настежь.

Ныне о некогда неуязвимой шведской крепости напоминает бронзовый мемориал, повторяющий в миниатюре один из бастионов Ниеншанца с подлинными орудиями того времени.

Наум Александрович Синдаловский родился в 1935 году в Ленинграде. Исследователь петербургского городского фольклора. Автор более двадцати книг по истории Петербурга: «Легенды и мифы Санкт-Петербурга» (СПб., 1994), «История Санкт-Петербурга в преданиях и легендах» (СПб., 1997), «От дома к дому... От легенды к легенде. Путеводитель» (СПб., 2001) и других. Постоянный автор «Невы», лауреат премии журнала «Нева» (2009). Живет в Санкт-Петербурге.

Ниеншанц находился на Малой Охте, на территории современного Петрозавода. Некогда здесь рос древний дуб, который Петр I будто бы лично посадил на братской могиле воинов, погибших при взятии Ниеншанца. Ограда вокруг него была сделана из пушек, извлеченных со дна реки Охты. Легенда эта документального подтверждения не находит. Однако в старом Петербурге легенде настолько верили, что к 200-летию города была даже выпущена юбилейная почтовая открытка с изображением мемориального дуба и надписью: «Дуб Петра Великого, посаженный в 1704 году на Мал. Охте». Насколько нам известно, это единственное изображение старого дуба. Правда, многие утверждают, что петровский дуб давно погиб, а на его месте находится дуб более позднего происхождения, да, говорят, и надмогильного холма вообще будто бы никогда не было. Так ли это, автор не знает. Пусть дуб на территории исчезнувшей крепости Ниеншанц будет еще одной легендой нашего города.

Буквально на следующий день после взятия Ниеншанца Петр I, осмотрев местность вокруг крепости, признал ее непригодной для строительства нового города. Сохранилась запись в «Журнале, или Поденной записке Петра Великого»: «По взятии Канец отправлен военный совет, тот ли шанец крепить, или иное место удобнее искать, понеже оный мал, далек от моря и место не гораздо крепко от природы».

А еще через несколько дней город, названный именем небесного покровителя царя святого апостола Петра, был заложен на Заячьем острове в устье Невы, почти при самом впадении ее в Финский залив. Если верить фольклору, еще через пару дней Петр приказал сровнять Ниеншанц с землей, будто бы сказав при этом: «Чтобы шведского духа тут не было».

Петра тянуло к морю. Водная стихия его завораживала. Впоследствии это найдет подтверждение и в осторожном, чуть ли не отрицательном отношении к строительству постоянных мостов, и в создании так называемого «Невского малого флота» для привития петербуржцам любви к морскому делу, и в создании Адмиралтейской верфи для строительства морских кораблей. Наконец, любовь к морю сказалась и в выборе островка для закладки нового города-крепости, города-порта. О строительстве новой столицы речь пока еще не шла. Символично, что в Петропавловской крепости впоследствии был построен специальный павильон для хранения ботика Петра Великого, с легкой руки самого Петра I заслужившего в народе почетный статус «Дедушки русского флота».

Ботик, на котором Петр в юности, учась ходить под парусами и управлять рулем, плавал по реке Яузе и Переяславскому озеру, был доставлен в Петербург в 1722 году. Вскоре он сделался подлинной мемориальной реликвией. В 1761 году специально для его хранения на территории Петропавловской крепости по проекту архитектора А. Ф. Виста был выстроен каменный павильон.

Исторический кораблик простоял в Ботном домике до 1940 года, затем был передан в Военно-морской музей. С ботиком Петра I связана и петербургская мифология, восходящая своими корнями к эпохе основания города. Еще М. И. Михельсон включил в словарь «Опыт русской фразеологии», вышедший в 1902 году, идиому «Дедушка русского флота» в значении «родоначальник». Примерно в это же время Осип Манделштам писал о петербургских дамах, разгуливающих по городу в «ботиках Петра Великого». Легко предположить, что так в Петербурге начала XX века называли женскую резиновую обувь. А современные питерские школьники до сих пор убеждены, что «в Ботном домике хранятся ботинки Петра I, потому что он был бережливый и ничего зря не выкидывал».

Но вернемся к последовательности изложения событий. Согласно преданию,

мысль построить после падения Ниеншанца собственную крепость в отвоеванном крае подал Петру его ближайший сподвижник граф Федор Алексеевич Головин — генерал, руководивший внешней политикой России. По мнению Головина, мощная крепость с корабельной гаванью при ней должна была прервать сообщение между Финляндией и Лифляндией, разъединив шведские войска. К тому же, устроив в крепости склады армейских припасов и сосредоточив в ее стенах большие воинские силы, можно было бы направлять их отсюда в обе стороны — на запад и на север — против шведов. Напомним, что Северная война была еще в самом разгаре и закончится не скоро, только в 1721 году.

Заячий остров для строительства крепости подходил как нельзя более. Вытянутый на 750 метров в длину остров находится в самом широком месте Невы, там, где она делится на два рукава — Большую и Малую Неву. Петру I его очертания поразительно напоминали очертания боевого судна, рассекающего водную гладь. Остальное дорисовывало пылкое воображение. Он влюбился в Неву.

Однако беззаветная любовь к водным просторам не всегда оказывалась взаимной. Петр недооценил своенравную и непредсказуемую красавицу. Время от времени она ему изменяла. А он так до конца и не узнал ее.

2

Нева, или как называют ее петербуржцы, «Главный проспект», вытекает из Ладожского озера и впадает в Финский залив. Длина Невы составляет 74 километра, глубина доходит до 24 метров и ширина — до 1200 метров. Нева впадает в Финский залив многочисленными рукавами, образующими острова, на которых расположен Петербург. О некоторых из них, давно уже исчезнувших, сохранились только предания. Например, местность на левом берегу Невы к югу от Невской заставы, известная как Щемиловка, согласно давним преданиям, в прошлом была руслом реки, куда свободно входили речные суда. Да и сам город по генеральному, «сталинскому» плану развития Ленинграда 1936 года должен был вытянуться вдоль Невы до самой ее излучины, которая в народе известна как «Кривое колено».

Происхождение официального названия Невы не вполне ясно. Одни связывают его с финским словом «нево», что переводится как болото или топь. Другие — со шведским словом «ню», то есть новая. Третьи обращают внимание любознательных на то, что в глубокой древности и вплоть до XII века Ладожское озеро и река Нева назывались одним словом «Нево» в значении — море.

Впрочем, для петербуржцев Нева — это данность, появившаяся одновременно с городом и неразрывно с ним связанная. Как пишут школьники в своих сочинениях: «Петр I увидел реку Неву и подарил ее городу». Взрослые более изощрены в оценках, но суть от этого не меняется. Писатель Сергей Довлатов в «Записных книжках» вспоминает ленинградский анекдот, авторство которого приписывает своей тетке: «Как называется эта река?» — «Нева» — «Нева. Что вдруг?!»

Фольклор, связанный с Невой, вполне соответствует восторженному отношению к ней петербуржцев. Ее называют: «Нева-красавица», «Красавица Нева», «Голубая красавица» и даже по-домашнему, на старинный лад, по-московски: «Нева Петровна». Все, чем может гордиться подлинный петербуржец, так или иначе тесно переплетается с его любимой рекой. Например, абсолютно все знают, что Невский проспект своим названием обязан Александро-Невской лавре, для связи которой с городом, собственно, его и проложили и что он нигде не соприкасается с Невой, в сознании петербуржцев прочно живет легенда, что название Невского

происходит от Невы. Сырую воду из-под крана, которой еще совсем недавно мы так гордились, независимо от ее источника и даже вовсе не зная о нем, мы все равно называем «невская вода». Даже теперь, когда пить ее сырой просто не рекомендуют.

Если невоской дать воды
Выпить организму,
Не придется никогда
Уже ставить клизму.

Современные работники коммунального хозяйства придумали даже пословицу о качестве некогда безупречной невоской воды: «Петрокрепость пьет из Невы воду, Отрадное — чай, а Петербургу достается кофе». На пути следования из Ладоги в Финский залив она и в самом деле становится все хуже и хуже, меняя не только вкус, но и цвет. Надо сказать, что в старое время невоскую воду очень ценили. По вкусовым и питательным качествам ее ставили в один ряд с горячим медовым сбитнем. Среди выкриков торговцев на Масленной неделе можно было услышать:

Сбитень горячий медовой!
Подходи, мастеровой,
За невоской водой!

Хотя, надо признать, традиционно всегда считалось, что для выпечки черного хлеба и калачей невоская вода не годится. Известно, что московские булочники, борясь за право доставлять свою продукцию к царскому завтраку прямо из Москвы, создали целую легенду о том, что самый вкусный калач можно испечь, используя исключительно москворецкую воду. Для этого пошли даже на известные расходы. Если царь отправлялся в путешествие, за ним будто бы следовали цистерны с водой, взятой из Москвы-реки.

Даже скудный промысел, которым жили многие лодочники в старом Петербурге — извлечение из воды дров, бревен, досок для последующей продажи или использования, — принимался с благодарностью к кормилице Неве. Все эти случайные находки имели в старом Петербурге свое название: «Дары Невы».

Ежегодно 6 января в дореволюционном Петербурге происходил праздник Водосвятия, который в народе назывался «Крещением Невы». На Неве, напротив Зимнего дворца, устраивалась прорубь. Над ней возводилась деревянная часовня. Все это называлось Иорданью — по реке, в которой крестился Иисус Христос. Праздник начинался выходом из дворца царской семьи по лестнице, которая до сих пор называется Иорданской. Петербуржцы готовились к этому празднику заранее. Простодушины приурочивали к нему крещение новорожденных. Простодушные родители верили, что это внесет счастье и благополучие в жизнь их детей.

Но радужные ожидания не всегда оправдывались. Фольклор свидетельствует, что Нева часто становилась причиной человеческих драм и трагедий. Формула взаимоотношений с Невой становилась точной и конкретной: «Матушка Нева испромыла нам бока».

Уж как с Питера начать,
До Казани окончатъ.
Уж как в Питере Нева
Испромыла нам бока.

К началу XX века в Петербурге заметно выросло количество самоубийств. Отвергнутые влюбленные, безнадежные неудачники, проворовавшиеся авантюристы видели только один исход.

Не священник нас венчает,
Повенчает нас — Нева;
Золоты венцы оденет
Серебристая волна.

Но вот что любопытно. В это же время в Петербурге появляется оригинальная поговорка, которую петербуржцы использовали, как универсальный эвфемизм. Вместо грубого «утопиться» или казенного «совершить самоубийство» фольклор предложил этакую рафинированную формулу — джентльменскую смесь мрачного юмора и легкой самоиронии: «Броситься в объятия красавицы Невы». О каком самоубийстве может идти речь? О какой смерти? Не верите? Тогда послушайте:

Я страдала, страданула,
С моста в Невку сиганула,
Из-за Митьки-дьявола
Два часа проплавала.

Другой общегородской праздник, связанный с Невой, назывался днем Преполовения. В этот день Нева освобождается от грязного весеннего льда. Задолго до этого петербуржцы любили заключать пари о дне ледохода. В обиходной речи горожан появлялись странные идиомы, понятные только истинным петербуржцам: «В Петербурге началось сумасшествие — вчера тронулась Нева», «Очиститься, как Нева». Каждый мог вложить в них любой смысл. В день Преполовения комендант Петропавловской крепости наполнял невской водой кубок и на своем двенадцативесельном катере направлялся к Зимнему дворцу. Там он вручал кубок императору, который торжественно выливал воду и заполнял кубок серебряными монетами. Затем комендант выходил на набережную. Это было сигналом к началу навигации на Неве. Начинали действовать переезды, река заполнялась пароходами, плотами, яликами.

В начале XVIII века Нева была единственной в Европе рекой, которая могла похвастаться величественным зрелищем — спуском корабля на воду перед самыми окнами царского дворца. Спуском руководил адмирал Ф. А. Головин, от чего в Петербурге все новые корабли называли «новорожденные детки Головина». Сам царь лично вручал старшему мастеру спущенного корабля на серебряном блюде по три серебряных рубля за каждую пушку. Говорят, что еще несколько лет после смерти Петра мастер в день спуска нового корабля в память о великом императоре одевался в черную траурную одежду. Только при жизни Петра I, то есть с апреля 1706-го по январь 1725 года, на стапелях Адмиралтейской верфи были построены более сорока кораблей, а до середины 1840-х годов, когда Адмиралтейство как судостроительное предприятие полностью утратило свое значение, на воду было спущено около трехсот кораблей.

Известны и другие традиции. Например, на биологическом факультете университета ежегодно отмечается день, когда миноги со всей Европы покидают свои реки и отправляются на нерест в Балтийское море. Как правило, это происходит в сентябре. Узнать об этом легко по шутливым объявлениям, которые студенты-биологи любят развешивать в факультетских коридорах. Среди них попадаются и

те, что становятся достоянием общегородского фольклора: «Не купайте в Неве ноги, здесь разводятся миноги».

Иные традиции более строги и связаны с другими событиями отечественной истории. В 1989 году на воды Невы между Большим домом и «Крестами» были впервые опущены цветы в память о всех погибших во времена сталинских репрессий. С тех пор этот святой обычай стал ежегодным.

Для петербуржцев Нева — это неиссякаемый родник многочисленных сезонных примет и климатических предсказаний. Известно, что петербургские дожди давно уже стали притчей во языцех как постоянных жителей, так гостей города и туристов. С началом дождя мало кто стремится укрыться под крышей. Чаще всего это так называемая «питерская моросявка», при которой даже дети радостно восклицают: «Мама, давай не побежим, ведь мы же петербуржцы». Дожди стали местной достопримечательностью. О них рассказывают анекдоты. Приезжий спрашивает у петербуржца: «А есть ли у вас какие-нибудь местные приметы, по которым вы предсказываете погоду?» — «Конечно, есть. Если виден противоположный берег Невы, значит, скоро будет дождь». — «А если не виден?» — «Значит, дождь уже идет».

Это летом. А весной источником примет становится ладожский лед, который торжественно и неторопливо проходит по Неве. Петербуржцы эти ледяные глыбы, проплывающие между гранитными берегами, называют «ладожскими караванами». В промерзшие души обывателей они вселяют окончательную уверенность в приходе долгожданной весны. И чуткий ко всяким переменам городской фольклор обогащает арсеналы питерской фразеологии новыми пословицами и поговорками: «Пойдет ладожский лед — станет холодно» и «Ладожский лед прошел — тепло будет».

Весна — это радость бытия, праздник ожидаемых чаяний и надежд. И приметы — это предчувствие праздничного счастья.

На Фонтанке треснул лед.
 Праздник Корюшки грядет.
 Петропавловская крепость
 В ожидании гостей.
 Кто-то скажет, мол, нелепость,
 Развлеченье для детей.
 Но когда в апрельский холод
 Огурцами пахнет город
 И на каждом перекрестке
 Рыб серебряные тьмы,
 Старцы, женщины, подростки —
 Все становятся детьми.
 И от праздничных традиций
 У людей светлеют лица.
 И глядят вокруг да около
 Стайки радостных девчат.
 И у них глаза и локоны
 От русалок и наяд.
 От любви да от корюшки
 Ни печали нет, ни горюшки.
 На Фонтанке треснул лед.
 Значит, жди весны и лета.

Петербургская примета:
В гости корюшка плывет.

Невская корюшка издавна считается одним из символов Петербурга, неразрывно связанных с его историей. В 1705 году Петр I издал указ о поддержке рыбаков, ловивших корюшку. По легенде, Петр I называл корюшку царь-рыбой, способной прокормить растущее население строящегося города. В 1716 году по указу Петра I на левом берегу Невы между впадающими в нее реками Мурзинкой и Славянкой были поселены рыбаки из северных губерний России, которые должны были обеспечивать столичных жителей рыбой. Первоначально слобода так и называлась Рыбной. Позднее это название трансформировалось в Рыбацкое. До сих пор овраг в современном Рыбацком местные жители называют «Щучьей гаванью». По преданиям, сюда по весне заходила невская рыба, поймать которую уже не составляло никакого труда.

Рыбацкий промысел оказался прибыльным. Село богатело и процветало. Зажиточные крестьяне, вызывавшие зависть, в старом Петербурге имели вполне определенное прозвище: «рыбацкие куркули». Вместе с тем их нелегкий труд вызывал и восторженные оценки: «Рыбацкий куркуль — вместо корюшки омуль», на что степенные потомки северных поморов примирительно и беззлобно советовали: «А ты поймай угря в Рыбацком да продай за рупь в кабацком». Впрочем, как работали, так и гуляли. Идиома «Рыбацкое — кабацкое» известна еще с XVIII века.

Аромат моря и рыбы мифология Рыбацкого сохраняет до сих пор. В 1980-х годах началась массовая застройка Рыбацкого современными жилыми домами. Тогда же родилась и соответствующая поговорка. Получить квартиру в Рыбацком иронически называлось «Рыбацкое счастье». А безымянный дом культуры в поселке был прозван «Рыбачка».

Но вернемся в начало XVIII века. Весной 1708 года по его указу в Санкт-Петербурге прошел первый общегородской праздник, посвященный корюшке. Затем традиция эта заглохла и в конце концов окончательно забылась. Вспомнили о ней накануне 300-летнего юбилея Северной столицы и включили в перечень мероприятий празднования Дня города. 11 мая 2013 года на территории Петропавловской крепости прошел первый после длительного перерыва праздник Корюшки. С тех пор он стал ежегодным.

3

Повторявшиеся из года в год и пугающие своей регулярностью наводнения, старинные предания о которых с суеверным страхом передавались из поколения в поколение, были известны обитателям неевского устья задолго до появления Петербурга. Первое упомянутое в письменных источниках сообщение о наводнении в Приневье относится к 1061–1064 годам. По косвенным историческим данным ученые установили, что значительные подъемы воды в устье Невы происходили в 1300, 1540, 1555 и 1594 годах. Катастрофическое наводнение 1691 года, «высотой 25 футов» (762 см), простиралось до шведской крепости Ниеншанц.

Рассказывали, что древние обитатели этих мест никогда не строили прочных домов. Жили в небольших избушках, которые при угрожающих подъемах воды тотчас разбирали, превращая в удобные плоты, складывали на них нехитрый скарб, привязывали к верхушкам деревьев, а сами «спасались на Дудорову гору». Едва Нева входила в свои берега, жители благополучно возвращались к своим плотам, превращали их в жилища, и жизнь продолжалась до следующего разгула

стихии. По одному из дошедших до нас любопытных финских преданий, наводнения одинаковой разрушительной силы повторялись через каждые пять лет.

Механизм петербургских наводнений на протяжении столетий объясняли по-разному. В настоящее время ученые сходятся на том, что наводнения вызываются «целым рядом факторов: возникающими на Балтике циклонами с преобладанием западных ветров, которые вызывают подъем „медленной“ нагонной волны и движением ее в направлении устья Невы, где она встречается сдвигающимся во встречном направлении естественным течением реки. Подъем воды усиливается из-за мелководья и пологости дна в Невской губе». Есть и иные объяснения. Например, такое: как только атмосферное давление над Финским заливом значительно превышает давление над Невой, избыточное давление выдавливает воду из залива в Неву. В любом случае наводнения связывали с опасной близостью моря. Поговорка «Жди горя с моря, беды от воды; где вода — там и беда; и царь воды не уйдет» явно петербургского происхождения.

Если верить легендам, в былые времена во время наводнений Нева затопляла устье реки Охты, а в отдельные годы доходила даже до Пулковских высот. Известно предание о том, как Петр I после одного из наводнений посетил крестьян на склоне Пулковской горы. «Пулкову вода не угрожает», — шутя сказал он. Услышав это, живший неподалеку чухонец ответил царю, что его дед хорошо помнит наводнение, когда вода доходила до ветвей дуба у подошвы горы. И хотя Петр, как об этом рассказывает предание, сошел к тому дубу и топором отсек его нижние ветви, спокойствия от этого не прибавилось.

Царю было хорошо известно первое документальное свидетельство о наводнении 1691 года, когда вода в Неве поднялась на 3 метра 29 сантиметров. При этом нам, сегодняшним петербуржцам, при всяком подобном экскурсе в историю наводнений надо учитывать, что в XX веке для того, чтобы Нева вышла из берегов, ее уровень должен был повыситься более чем на полтора метра. В XIX веке этот уровень составлял около метра, а в начале XVIII столетия достаточно было сорока сантиметров подъема воды, чтобы вся территория исторического Петербурга превратилась в одно сплошное болото.

Но и это еще не все. Казалось, природа попыталась сделать последнее предупреждение. В августе 1703 года на Петербург обрушилось страшное по тем временам наводнение. Воды Невы поднялись на два метра над уровнем ординара. Практически весь город был затоплен. Но ужас случившегося состоял даже не в этом. О том, что наводнение неизбежно, знали. Но в августе?! Такого старожилы не помнили. В августе наводнений быть не должно. Это можно было расценить только как Божий знак, предупреждение. Заговорили о конце Петербурга, о его гибели от воды. В середине XIX века известный поэт М. А. Дмитриев, формулируя настроения петербуржцев прошлого, XVIII века, написал стихотворение «Подводный город», которое многие считают народной песней. В ней рассказывается о рыбаке, который посреди моря вспоминает о цветущем некогда городе. Некогда его постигла божья кара, оставив в воспоминание и в назидание потомкам только шпиль Петропавловского собора, самой высокой точки в панораме Петербурга. Приводим отрывок из этого стихотворения:

Тут был город всем привольный
И над всеми господин;
Нынче шпиль от колокольни
Виден из моря один!
Город, слышно, был богатый

И наряден, как жених;
Для себя копил он золото,
А с сумой пускал других!
Богатырь его построил,
Топь костями забутил;
Только с Богом как ни спорил,
Бог его перемудрил!
В наше море в стары годы,
Говорят, текла река.
И сперла гранитом воды
Богатырская рука!

И в дальнейшем природа Петербурга напоминала о себе разрушительными наводнениями, каждое из которых становилось опаснее предыдущего. В 1752 году уровень воды достиг 269 сантиметров, в 1777-м — 310 сантиметров, в 1824-м — 410 сантиметров, в 1955-м — 293 сантиметра, в 1975-м — 281 сантиметр. Такие наводнения в фольклоре называются «петербургскими потопами». Еще в XVIII веке в Петербурге сложилась зловещая поговорка-предсказание: «И будет великий потоп». За три века с 1703 года зафиксировано более 300 наводнений с подъемом воды более 160 сантиметров. Из них 210 с подъемом более чем на 210 сантиметров.

Наиболее опасными проявлениями наводнений считалась их непредсказуемость и стремительность распространения воды по всему городу. Спасались от разбушевавшейся стихии, как от живого противника, бегством, перепрыгивая через заборы и другие препятствия. Сохранился анекдот о некоем купце, который, опасаясь воровства, бил несчастных людей палкой по рукам, когда они бросились спасаться от воды через ограду его дома. Узнав об этом, Петр I «приказал повесить купцу на всю жизнь на шею медаль из чугуна, весом в два пуда, с надписью: «За спасение погибавших». Впрочем, для некоторых такие наводнения считались «счастливыми». Известны случаи, когда купцы приписывали количество погибших от наводнения товаров, чтобы извлечь из этого выгоду у государства. Один из иностранных наблюдателей писал на родину, что «в Петербурге говорят, что если в какой год не случится большого пожара или очень высокой воды, то наверняка некоторые из тамошних иностранных факторов обанкротятся».

Не обошлось без курьезов и во время наводнения 1824 года, о котором в мемуарной литературе осталось особенно много свидетельств очевидцев. Известен анекдот о графе Варфоломее Васильевиче Толстом, жившем в то время на Большой Морской улице. Проснувшись утром 7 ноября, он подошел к окну и, к ужасу своему, увидел, что перед окнами его дома на 12-весельном катере разъезжает граф Милорадович. Толстой отпрянул от окна и закричал камердинеру, чтоб тот тоже взглянул в окно. А уж когда слуга подтвердил увиденное графом ранее, тот едва вымолвил: «Как на катере?» — «Так-с, ваше сиятельство: в городе страшное наводнение». И только тогда Толстой облегченно перекрестился: «Ну, слава богу, что так, а я думал, что на меня дурь нашла».

Упомянутый в анекдоте граф М. А. Милорадович был в то время генерал-губернатором Петербурга. Он и в самом деле разъезжал по улицам города на катере, спасая утопающих.

В тот день в Петербурге можно было увидеть и не такое. Рассказывают, что перед Зимним дворцом в какой-то момент проплыла сторожевая будка, в которой находился часовой. Увидев стоявшего у окна государя, солдат вытянулся и сделал «на караул», за что будто бы и был спасен.

Не менее страшным было и наводнение 1924 года, когда многие улицы Ленинграда вдруг остались без дорожного покрытия. В то время оно было торцовым, то есть выложенным из специальных шестигранных деревянных торцовых шашек. Видимо, изобретатели этого остроумного способа одевать городские дороги не рассчитывали на подобные стихийные бедствия. С тех пор торцовые мостовые исчезли с улиц города навсегда. Память о них сохранилась разве что в фольклоре. Известна детская загадка с ответом: «Наводнение»:

Как звали ту, которая с Дворцовой
Украла кладку с мостовой торцовой?

Надо сказать, наводнения сегодня уже не вызывают такого страха. В фольклоре даже отмечена некоторая путаница с причинно-следственными связями, которая появилась в детских головках. На вопрос: «Придумайте сложноподчиненное предложение из двух простых: «Наступила угроза наводнения» и «Нева вышла из берегов», следует ответ: «Нева вышла из берегов, потому что наступила угроза наводнения».

Памятные доски с отметкой уровня воды во время того или иного наводнения укреплены на многих петербургских фасадах. Петербуржцы относятся к ним достаточно ревностно, не без оснований считая их памятниками истории. В городе живет легенда об одной из таких досок, которая вдруг оказалась на уровне второго этажа, что никак не соответствовало значению подъема воды в сантиметрах, указанному на самой доске. На вопросы любопытных дворник с удовольствием объяснял: «Так ведь доска историческая, памятная, а ее мальчишки царапают постоянно».

Еще один указатель уровня наводнений — так называемая шкала Нептуна, установленная у Синего моста. Это гранитный обелиск, увенчанный трезубцем — атрибутом Нептуна, повелителя водной стихии, с металлическим пояском, показывающим высоту наводнения 1824 года.

Но есть в Петербурге и общая для всех наводнений памятная доска. Она находится у Невских ворот Петропавловской крепости, ведущих к причалам Комендантской пристани. Ее в Петербурге называют «Летопись наводнений». На ней нанесен уровень всех наиболее крупных петербургских наводнений.

4

Фольклорная летопись Невы содержит немало драматических, а зачастую и трагических страниц. Так, например, возведение Литейного моста было окружено мистическими рассказами о некоем священном валуне или «кровавом камне Атакане» на дне Невы, которому в стародавние времена приносили человеческие жертвы. Если верить древнейшим преданиям, этот так называемый философский камень медленно созревает на дне Невы. Когда он окончательно созреет, утверждает предание, на земле наступит рай. Строителей моста не раз предупреждали, что древние боги этих мест не простят бесцеремонного вмешательства в их владения и скоро начнут мстить. И действительно, при возведении опор моста несколько десятков человек погибло, а еще через год строительство моста неожиданно было прервано мощным взрывом, при котором погибло еще около сорока человек. Но когда и такое страшное предупреждение не подействовало и мост все-таки достроили, он стал одним из самых мощных в Петербурге полюсов притяжения самоубийц. Казалось, со всего города они сходятся сюда только затем, чтобы здесь на этом мосту, покончить счеты с жизнью.

Об этом мистическом свойстве Литейного моста вспомнили еще раз в начале блокады. Казалось, мост стал единственным в городе объектом, который с удивительной регулярностью обстреливался немецкой артиллерией. Понятно, что это было связано с близостью Финляндского вокзала — единственной точкой соприкосновения блокадного Ленинграда с Большой землей. Но в осажденном городе были уверены, что это была плата за строительство моста на этом месте, проклятом некогда древними богами. По свидетельству блокадников, Литейный мост в то время называли «Чертовым».

Говорят, и сегодня наибольшее количество больших и малых аварий речных судов в Петербурге происходит при их проходе именно под Литейным мостом. И каждая из аварий в очередной раз напоминает петербуржцам о древнем заклятии, якобы связанном с тем самым подводным валуном.

Строптивный характер проявила Нева и при строительстве первого постоянного Благовещенского моста. Косвенное подтверждение непредсказуемых трудностей, выпавших на долю строителей, можно увидеть в широко распространенной в Петербурге XIX века легенде. Рассказывали, что Николай I, понимая трудность и необычность строительства, распорядился повышать автора проекта и строителя Станислава Кербедза в чине за возведение каждого нового пролета. Узнав об этом, Кербедз, согласно легенде, пересмотрел проект в сторону увеличения количества пролетов. Так это было на самом деле или нет, сказать трудно. Но известно, что, начав сооружение моста в чине простого капитана, Кербедз закончил его в генеральском звании.

А строительство Большеохтинского моста было напрямую сопряжено с катастрофой. Известно, что трасса постоянного моста через Неву, призванного соединить рабочую Охту с центром Петербурга, была обозначена еще в 1829 году. Однако в то время мечта о постоянных мостах через Неву еще только зарождалась в наиболее смелых инженерных умах. Мосты строили наплавные, плашкоутные. Они наводились ранней весной и поздней осенью разбирались. К обсуждению же проекта Охтинского моста вернулись лишь в 1907 году, после того, как старый пароходик «Архангельск», перевозивший людей с левого берега Невы на Охту, опрокинулся и затонул. Погибло несколько человек. Пароход принадлежал купцу Шитову, а катастрофа произошла вечером накануне Пасхи. С тех пор в петербургском городском фольклоре хранится образец мрачного юмора того времени: «Вот какое красное яичко подарил Шитов петербуржцам на Пасху».

26 августа 1926 года на Неве по пути в Кронштадт, столкнувшись с немецким торговым судном «Грета», затонул пассажирский пароход «Буревестник». На «Буревестнике» было около четырехсот пассажиров. Буквально через 15–20 минут от парохода осталась только дымовая труба, торчащая над невскими водами. Кажется, это было самое крупное кораблекрушение за всю историю пассажирского движения на Неве. Погибли 66 человек. И при этом остались в живых капитан, его старший помощник и рулевой. Как потом выяснилось, незадолго до отхода парохода от стенки капитана видели в одном из береговых ресторанов. Долгое время подробности этого трагического события не сходили с уст ленинградцев. На городских рынках и в вагонах пригородных поездов об этой катастрофе пели песни:

В узком проливе Морского канала
Тянется лентой изгиб.
Место зловещее помнится гражданам,
Как «Буревестник» погиб.

Тьма непроглядная путь застилала,
 Волны бежали вперед, —
 Но капитан «Буревестника» спьяну
 Стал развивать полный ход.

Трус и подлец капитан парохода
 Судно доверил судьбе.
 Всех пассажиров на тот свет отправил,
 Спасся один на трубе.

В те же 1920-е годы на Неве произошла еще одна трагедия. Затонуло госпитальное судно «Народоволец», которое базировалось у причала Васильевского острова напротив 15-й линии. Корабль неожиданно для всех дал крен, лег на борт и стремительно пошел ко дну. Название «Народоволец» судно получило незадолго до этого, едва ли не накануне описываемых событий. Раньше оно называлось «Рига», что, видимо, в то время считалось не очень актуальным. Говорят, корабельные матросы сразу почувствовали, что что-то должно случиться. По давней морской традиции корабль не должен менять имя, полученное при рождении. Переименование всегда ведет к несчастью.

Как только корабль затонул, по городу поползли слухи. Говорили, что судно построено с изъяном: у него якобы был постоянный крен на правый борт. Для предотвращения гибели и для придания судну равновесия на противоположном, левом борту имелась специальная цистерна, постоянно заполненная водой. Согласно легенде, один матрос во время дежурства привел на борт девушку. Мало того, что это вообще могло привести к неприятностям, потому что известно, что женщина на корабле — плохая примета, так эта девица, оказавшись в трюме, случайно открыла кингстон, который матрос не сумел закрыть. Вода хлынула в трюм, судно моментально потеряло остойчивость и перевернулось.

После этого в Петрограде долго распевали частушку на мотив известного «Яблочка»:

Эх, клешики,
 Да что наделали —
 «Народовольца» потопили,
 К бабам бегали.

В 1924 году театральную общественность Ленинграда потрясла загадочная смерть восходящей звезды советского балета Лидии Ивановой. Талантливая молодая балерина, с которой многие связывали будущее всего ленинградского балета, была дочерью петербургского инженера и домохозяйки. В Мариинском театре ее партнером был знаменитый впоследствии Баланчин, в то время носивший фамилию Баланчивадзе. Ее высоко ценил Дмитрий Шостакович, Михаил Кузмин писал, что имя Ивановой было дорого всем, кто интересовался будущим русского искусства, а Анна Андреевна Ахматова долгие годы хранила ее фотографию и отзывалась о ней как «о самом большом чуде петербургского балета».

Летом того года в Ленинграде при самых таинственных обстоятельствах Лидия Иванова погибла. Лодка, на которой она каталась со своими спутниками, столкнулась с пароходом «Чайка» в самом устье Фонтанки. Некоторые пытались объяснить ее гибель интригами и происками влиятельной в то время балерины Ольги Спесивцевой, которая будто бы видела в Ивановой серьезную соперницу. Ходили

разговоры о том, что организатором замысла Спесивцевой был ее гражданский муж Борис Каплун, хотя на самом деле ни Каплуна, ни Спесивцевой в то время в Петрограде вообще уже не было. Спесивцева уехала за границу, а Каплун по службе был переведен в Москву. Да и в близких отношениях они уже не состояли. У Спесивцевой был другой поклонник. Другие утверждали, что в гибели девушки виновны люди из окружения самого хозяина Ленинграда Григория Зиновьева. Будто бы директор театра лично пригласил танцовщицу покататься по Неве на катере. При этом загадочно добавил, что будут «солидные люди из губкома и ЧК». Иванова согласилась, хотя, возможно, приглашение выглядело приказом, которому девушка не могла не подчиниться. В театральных кругах хорошо знали, что в семье она воспитывалась в строгих «патриархальных правилах» и не могла так просто согласиться на авантюрное приглашение.

Была, впрочем, и еще одна легенда. Она утверждает, что в гибели Ивановой замешан сам начальник ленинградской ЧК Иван Бакаев. Будто бы он добивался благосклонности молодой балерины, но, получив решительный отказ, поклялся жестоко отомстить ей. Будто бы по его распоряжению и была организована авария, в результате которой Иванова погибла. Косвенно это подтверждает еще одна легенда, весьма популярная в то время. Как известно, тело Ивановой так и не было найдено. Но легенда утверждает, что это не так. Будто бы некий водолаз отыскал труп несчастной. При осмотре выяснилось, что тело утопленницы оказалось с простреленной головой.

На следующий день газеты сообщили о гибели балерины. Тут же родились новые новые легенды. Согласно одной из них, Иванова была изнасилована, а затем утоплена. По другой легенде, к смерти Ивановой приложила руку «секретная полиция». Дело в том, что Иванова в составе дягилевского «Молодого балета» должна была выехать на гастроли в Европу. Через много лет Баланчин уверял, что «Лида знала какой-то большой секрет и ее не хотели выпускать на запад».

Во все эти легенды искренне поверил безутешный отец погибшей. Целых три года он требовал проведения хоть какого-нибудь расследования, но каждый раз, как утверждает фольклор, дело прекращалось по звонку «всемогущего Зиновьева». Наконец в 1927 году отчаявшийся отец обратился к только что прибывшему в Ленинград на постоянную работу С. М. Кирову. Тот будто бы вник в суть дела и направил его прямо к заместителю председателя ГПУ Генриху Ягоде. Ягода пообещал разобраться, но через несколько дней, приехав в очередной раз в Ленинград, будто бы сказал одному из высокопоставленных начальников: «Уберите это дело — иначе мы вас уберем, как полено с дороги».

Ко всему сказанному остается добавить, что незадолго до смерти в частной жизни Лидии Ивановой, или Лиды, Лидочки, как ее называли в театральных кругах, произошли два события, которые затем были истолкованы как пророческие. Во-первых, незадолго до гибели она сделала запись в дневнике: «Мне хотелось бы иногда быть одним из тех звуков, которые создавал Чайковский: чтобы, прозвучав мягко и грустно, раствориться в вечерней мгле». И, во-вторых, всем запомнился один из самых успешных ее номеров — «Вальс-твист» в постановке Баланчина, в котором танцовщицу «преследовала и в конце концов настигала Смерть».

5

Нет города в России, а может быть, и во всем мире, которому не было бы адресовано такого количества проклятий, предсказаний и пророчеств о гибели, как Петербург. Особенно в первый период его существования. И практически все надежды ведунгов и пророков так или иначе связывались со стихией наводнений.

Легенды о конце Петербурга появились одновременно с первыми земляными работами на Заячьем острове. Согласно одному из преданий, едва вступив на остров, Петр встретил местного рыбака, который показал ему дерево с зарубками, до которых доходила вода при наводнениях. Рыбак предупреждал царя, что здесь строить опасно. «Березу срубить — крепость строить», — будто бы решительно заявил царь. Затем устроил совет, после которого еще раз сказал: «Быть крепости здесь». В это время, согласно другой легенде, в небе явилось знамение: над островом стал парить древний символ русской государственности — орел.

В другой легенде рассказывается о старой ольхе, росшей у будущей Троицкой пристани, задолго до основания города. Финны, жившие в этих местах, рассказывали, что еще в 1701 году, за два года до основания Петербурга, произошло чудо: в Сочельник на ольхе зажглось множество свечей, а когда люди стали рубить дерево, чтобы достать свечи, они погасли, а на стволе остался рубец. Девятнадцать лет спустя, в 1720 году, на Петербургском острове явился некий пророк и стал уверять народ, что скоро на Петербург хлынет вода. Она затопит весь город до метки, оставленной топором на чудесном дереве. Многие поверили этой выдумке и стали переселяться с низменных мест на более высокие. Петр I, как всегда, действовал энергично: вывел на берег Невы роту гвардейского Преображенского полка, «волшебное» дерево велел срубить, а «пророка» наказать кнутом у оставшегося пня.

Еще по одному старинному преданию, в парке около крепости, ближе к кронверку, стояла древняя ива, под которой в первые годы существования невиской столицы какой-то «старец, босой, с голой грудью, с громадной седой бородой и всклокоченными волосами», проповедовал первым обывателям Петербурга, что Господь разгневется и потопит столицу Антихриста. Разверзнутся хляби небесные, «вспять побежит Нева, и подымутся воды морские» выше этой старой ивы. И старец предсказывал день и час грядущего наводнения. Про эти речи узнал Петр. По его приказанию старца приковали железной цепью к той самой иве, под которой он проповедовал и которую, по его словам, должно было затопить при наводнении. Наступил день, предсказанный старцем, но наводнения не случилось. На другой день неудачливого пророка наказали батогами под той же ивой.

Одним из наиболее ранних документов, зафиксировавших легенду о грядущем исчезновении Петербурга, было собственноручное показание опального царевича Алексея во время следствия по его делу. Однажды, писал царевич, он встретился с царевной Марьей Алексеевной, которая рассказала ему о видении, посетившем будто бы его мать, заточенную Петром I в монастырь. Евдокии Федоровне (старнице Авдотье) привиделось, что Петр вернулся к ней, оставив дела по преобразованию, и они теперь будут вместе. И еще передавала Марья слова монахини: «Петербург не устоит. Быть ему пусту».

Быть Петербургу пусту! Пророчество это приписывают Евдокии Лопухиной. Но действительно ли она подарила этот знаменый клич противникам Петра, или он пробился к ней в заточение сквозь толщу монастырских стен, значения в данном случае не имеет. Тем более что, например, историк и журналист М. И. Семевский на основании тех же документов Тайной канцелярии рассказывает легенду о фольклорном происхождении знаменитого пророчества.

Мысль о неминуемом конце Петербурга еще очень долго владела сознанием обывателя. В 1764 году в Петербурге появился некий «сумасброд», который на полном серьезе утверждал, что сразу после Рождества Христова этого года «произойдет потоп», в результате которого город погибнет.

Особенно остро ожидание конца света охватывало обывателей на рубеже календарных дат. Окончание старого и начало нового года. Переход от одного столе-

тия в другое. Круглые юбилейные даты. Эту особенность человеческой психики широко и умело использовали различные предсказатели и пророки. Не было недостатка в предсказаниях и на рубеже XIX и XX столетий. От Москвы до Ла-Манша пророки и пророчицы всех мастей и уровней сулили неизбежную гибель Санкт-Петербургу. Одна итальянская предсказательница была наиболее категорична. В районе Петербурга, утверждала она, произойдет мощное землетрясение, во время которого дно Ладожского озера подыметя и вся вода колоссальной волной хлынет на Шлиссельбург, а затем, все сокрушая и сметая на своем пути, достигнет Петербурга. Город будет стерт с лица земли и сброшен в воды залива.

Другая пророчица — некая, как ее аттестовали русские газеты, «добрая волшебница» с берегов Сены Анна-Виктория Совари, или госпожа Тэб, заклинала: «Бойтесь огня и воды! Грядет крупная стихийная катастрофа. Петербург постигнет участь Мессины». Напоминание об этом древнем сицилийском городе пугало. Дважды на протяжении истории он был буквально стерт с лица земли катастрофическими землетрясениями. Одно произошло в 1783 году, другое, унесшее более 80 тысяч жизней, — совсем недавно, в декабре 1908 года. По госпоже Тэб, в начале XX века должно произойти сильное вулканическое извержение и перемещение больших масс воды, поэтому «Петербургу грозит смыв грандиозной волной в Финский залив или, наоборот, в Ладожское озеро, смотря по тому, с какой стороны хлынет вода».

«Знающие» люди говорили, что в Петербурге есть и «точный показатель той глубины, на которую опустится столица». Это Адмиралтейская игла, ее кораблик наконец-то коснется балтийских волн. А пока еще только сфинксы во время наводнений «оставляют свои пьедесталы и плавают по Неве, причиняя немалые беды судам».

Тема катастрофического наводнения оставалась популярной и накануне 300-летия Петербурга. Из богатого арсенала петербургского городского фольклора были извлечены самые невероятные предсказания о том, что «граду сему три века». По одним легендам, об этом предупреждал небезызвестный монах Авель, по другим — сам Петр I. Начались соревнования отечественных астрологов. Одни из них поспешили предсказать, что в 1989 году произойдет взрыв на Ленинградской атомной электростанции, от чего городу грозят всяческие катаклизмы. В апреле 1992 года по городу ходил некий Юрий Плеханов, на груди которого висел плакатик с коротким, но категоричным пророчеством: «13 апреля — наводнение!» В редакцию газеты «Смена» Плеханов принес «две странички текста, в которых на основании Священного Писания предсказывалось наводнение в Санкт-Петербурге 13 апреля». Как ни странно, но прогноз Гидрометеоцентра на этот день был весьма схож с расчетами «христианина» Юрия Плеханова.

Однако, как и все прошедшие 300 лет, и на этот раз в понедельник, 13 апреля 1992 года Бог оказался на стороне Петербурга.

Между тем в марте 1997 года катастрофу от взрыва на некоем складе отравляющих веществ обещал Петербургу небезызвестный и хитроумный авторитет в области астрологии Павел Глоба. Доживет ли Петербург до своего 300-летия, пытались выяснить все петербургские газеты самого различного направления. Период с 1997-го по 2003 год был объявлен ими наиболее «грозным и опасным». Пророчества начали приобретать законченную литературную форму: близится «час пик», наступает «девятый вал», запущен «часовой механизм» катастрофы и так далее.

В фольклоре же складывалось надежное противоядие, основанное на древней мистической вере в число «три». Если, утверждает фольклор, Петербургу грозят три жестоких испытания: вода, огонь и глад, то должна появиться спасительная

сила в виде некой белой всадницы, которая *трижды* проскачет по всему городу, и тогда окончательно потеряют силу все предсказания о его гибели. По одной из версий этой легенды, спасительная всадница должна появиться на белом коне, с распущенными волосами и обязательно в самый канун 300-летнего юбилея города.

Юбилей прошел, город стоит, несмотря на все предсказания. Однако «ведуны» и «пророки» не унимаются. Уже после юбилея в Интернете появился прогноз, согласно которому «Санкт-Петербургу угрожает большая катастрофа». Те, у кого «много денег и амбиций, разрушат город». Оказывается, новые застройки в старом городе «создадут неправильное давление на разные слои почвы. А если эти слои придут в движение, серьезных разрушений не миновать».

Ну что ж, нам при этом остается только, соблюдая политкорректность, повторить заключительную часть известной пословицы: «...а караван идет дальше». Или вспомнить пословицу, авторство которой приписывается Петру I: «Петербургу быть, России — плыть!»

6

Попытки укротить непокорную красавицу начались едва ли не сразу после основания Петербурга. Первый проект, «каким образом Санкт-Питер-Бурх против разливания вод укрыть возможно», предложил директор Департамента водных коммуникаций генерал-фельдмаршал граф Бурхард Миних. Проект предусматривал возвышение территории города на 13 футов (более 4 метров) с помощью грунта, извлекаемого при углублении рек и рытье каналов. Углубленные, вычищенные и выпрямленные реки и каналы при наводнениях должны будут принять в себя избыточные воды.

Этим же целям должны были служить и каналы Васильевского острова. Их рытье было предложено французским архитектором на русской службе Жаном Батистом Леблонем в рамках уникального проекта города-крепости на Васильевском острове.

Город Леблona должен был занять всю территорию острова, окружен крепостной стеной в виде правильного эллипса и прорезан сетью каналов, которые должны были заменить собой улицы. Кроме того, в условиях продолжавшейся в то время Северной войны эти каналы предполагалось устроить так, чтобы при попытке неприятеля захватить первый ряд укреплений можно было, открыв шлюзы, взятые укрепления затопить. Глубина и ширина каналов должна была позволить им принимать самые большие на то время морские корабли.

Весь этот грандиозный замысел остался неосуществленным якобы из-за того, что, завидуя талантливому французу, губернатор Петербурга Александр Данилович Меншиков решил помешать его планам. Он велел рыть каналы и уже, и мельче тех, что задумал Леблон. И когда царь приехал однажды осматривать работы, то оказалось, что исправить дело уже невозможно. Придя в неистовую ярость, царь в очередной раз прогулялся своей дубинкой по спине всесильного князя. Каналы же распорядился засыпать. От проекта остались только цифровые названия линий Васильевского острова, каждое из которых обозначает предполагавшуюся по проекту сторону канала, да старинная легенда о том, как рухнула юношеская мечта Петра создать в Петербурге уголок Амстердама или Венеции. Рассказывают, что царь раздобыл карту Амстердама, лично измерял по ней ширину амстердамских каналов, пока не убедился в том, что питерская идея загублена окончательно. А вскоре в Петербурге начали поговаривать, что Меншиков построил что-то не то. И добавляли при этом, что «не то» — это и есть его собственный дворец, который светлейший князь выстроил на деньги, выделенные казной на строительство каналов.

Линии Васильевского острова — это единственные в городе магистрали, каждая из сторон которых имеет собственное название. Такая необычная особенность еще в XVIII веке стала использоваться фольклором для веселых и безобидных розыгрышей. Крикнуть извозчику: «На пересечение 21-й и 22-й линий» — для «золотой молодежи» считалось неким шиком, которым можно было блеснуть перед барышней.

За всю историю Петербурга линии Васильевского острова, за исключением Кадетской, которую в 1918 году переименовали в Съездовскую, ни разу не меняли своих исторических названий. До сих пор они остаются своеобразными памятниками неосуществленной идеи. Но в качестве инструмента для осмеяния неизлечимой в советские времена страсти к переименованиям линии Васильевского острова подходили как нельзя кстати. Согласно одному популярному анекдоту, Ленгорисполком принял однажды решение о переименовании линий Васильевского острова. Впредь они должны называться: 1-я — Ленинской, 2-я — Сталинской, 3-я — Маленковской, 4-я — Булганинской, 5-я — Хрущевской... Косая — Генеральной. В другом варианте того же анекдота каждой линии был присвоен порядковый номер одного из съездов партии: 1-го, 2-го, 3-го и т. д. При этом Косая линия должна была называться Линией имени Генеральной линии КПСС.

В настоящее время на Васильевском острове 33 линии: Кадетская, Кожевенная, Косая, Менделеевская и 29 линий, имеющие свои порядковые номера.

Для тех же целей защиты от наводнений был задуман и прорыт Обводный канал. Он должен был обеспечить отвод воды из Невы во время наводнений, во что, как в спасение от стихии, искренне верили в то время. Правда, каналу вменялась и другая исключительно важная хозяйственная обязанность. Он позволял проводить морские транспорты из Невы в Финский залив и обратно, минуя город. Обе эти функции канала нашли отражение в особенностях произношения его названия. Иногда его называют Обводным, то есть отводящим воды, иногда Обводным, в значении «огибать», «обводить».

До сих пор Обводный канал считается крупнейшим искусственным гидрографическим сооружением в границах Петербурга. Он вытекает из Невы в районе Александро-Невской лавры и впадает в реку Екатерингофку в самом устье Невы. Длина канала более восьми километров.

Впервые о канале заговорили в 1766 году. Тогда же его начали воспринимать как южную границу города. Тогда же определилось его радиальное — по сложившейся уже тогда городской традиции — расположение. Он должен был пересекать все основные магистрали: Петергофскую дорогу, Измайловский и Московский проспекты, Лиговский канал, Шлиссельбургский тракт. Строительство канала началось в 1803 году и в основном завершилось к 1835 году. Работами руководили инженеры И. К. Герард и П. Д. Базен. Почти сразу на его берегах стали возникать промышленные предприятия. Это последнее обстоятельство надолго определило отношение к каналу петербуржцев. Канал был грязен, замусорен отходами производства и, кроме того, прочно ассоциировался с тяжелым изнурительным трудом рабочих заводов и фабрик. Его называли «Городской ров» или «Канавка». Иногда, в отличие от старого, Екатерининского, канала, — «Новая канавка». А в связи со стремительным ростом на его берегах заводов и фабрик уже в середине XIX века в Петербурге бытовала пословица: «Батюшко Питер бока наши вытер, братцы заводы унесли годы, а матушка канавка и совсем доконала».

По воскресным и праздничным дням питерские пролетарии любили семьями отдыхать на зеленых пологих берегах Обводного канала. Вероятно, к тому времени восходит современное шутовое приветствие при встрече после летних отпусков: «Где отдыхал?» — «На южном берегу Обводного канала».

Со временем Обводный канал превратился в сточную канаву с дурным запахом и нехорошей славой. В 1928 году в сатирическом журнале «Пушка» можно было познакомиться с характерным диалогом-анекдотом: «А где тут Обводный канал?» — «А вот идите прямо и где от запаха нос зажмурите, туточки и канал зачнется». Пройдет совсем немного времени, и Обводный канал в фольклоре назовут «Обвонным». Появятся и соответствующие частушки:

Утки плавают в Обводном,
Им канал как дом родной.
Хоть живут в стихии водной,
Только пахнут не водой.

Мифология Обводного канала началась уже во время его строительства. Строители рассказывали мрачные легенды о том, как еще в 1300 году, во время основания в устье Охты шведской крепости Ландскроны, солдаты убили деревенского колдуна и принесли в жертву дьяволу нескольких местных карелок. Как утверждают легенды, «едва святотатство свершилось, по ночному лесу разнесся ужасающий хохот, и внезапно поднявшимся вихрем с корнем опрокинуло огромную ель». Долгое время это место было неизвестно. Просто из поколения в поколение передавали, что шведы «осквернили древнее капище», и место стало проклятым, хотя, повторимся, никто не знал, где оно находится. Но вот в самом начале XIX века при рытье Обводного канала вблизи Волкова кладбища строители отказались работать, ссылаясь на «нехорошие слухи» об этих местах. Говорят, генерал-лейтенант Герард заставил рабочих возобновить строительство только силой, примерно и публично наказав одних и сослав на каторгу других.

А еще через 100 лет на участке Обводного канала, ограниченном Боровским мостом и устьем реки Волковки, вообще стали происходить странные и необъяснимые явления. Все мосты на этом участке канала стали излюбленными местами городских самоубийц. Самоубийства происходили с поразительной регулярностью и с постоянным увеличением их количества в каждом году. По городу поползли слухи, что Дух Обводного канала будет требовать жертвы каждые три года. И действительно, если верить статистике, большинство самоубийств происходило в год, число которого оканчивается на цифру «3» или кратно трем. Известно, что в волшебном арсенале старинных финских поверий цифра «3» самая мистическая.

Подтверждение этой древней тайны будто бы явилось людям только в 1923 году, когда в районе современного автовокзала на Обводном канале строители жилого дома наткнулись под землей на странные, испещренные непонятными надписями гранитные плиты, расположенные в виде круга. Как утверждает городской фольклор, это были следы древнего языческого капища, оскверненного некогда теми самыми шведскими солдатами. Надписи на плитах напоминали старинные изображения лабиринта. На память приходили давние предания о том, что в этом районе в древние времена находились-таки некие лабиринты, или узелки, как их называли финны в старину. В их представлении узелки связывают богов с миром живых и миром мертвых.

Другая легенда Обводного канала относится к концу XIX столетия. Она не так драматична и более похожа на обыкновенный курьез из жизни города. Легенда рассказывает о некоем неизвестном страдальце. Он так оглушительно храпел во сне, что более двух суток даже самые терпеливые и снисходительные соседи не выдерживали его присутствия. Ему вежливо отказывали в жилье, и он, неприкаянный, мыкался в поисках жилого угла с тем, чтобы через день-другой вновь съехать и

опять метаться по городу в поисках одинокого пристанища. Так продолжалось до тех пор, пока, как рассказывает легенда, он случайно не снял пустующие комнаты на Лиговском проспекте вблизи Обводного канала. Здесь неожиданно и нашел он ночной покой, под протяжный оглушительный рев идущих на закание быков скотопригонного двора, или попросту городской скотобойни.

В 1930-х годах началось благоустройство Обводного канала, или «Обводки», как его чаще называют в народе. Кроме очистки и углубления дна, предполагалось соорудить на всем протяжении канала благоустроенных набережных с гранитными парапетами. К настоящему времени эта работа почти завершилась. Обводный канал приобрел вполне респектабельный вид. Но репутация открытого «грязного» сточного коллектора для сбора промышленных отходов, каким он был в прошлом, за каналом все еще сохраняется. Правда, приобретает это иные, современные формы. Так, в городе распространяются слухи, что для реконструкции Обводного канала были использованы «радиоактивные» гранитные блоки, добытые на Украине, в зоне чернобыльской катастрофы.

Между тем становилось все более и более понятно, что каналы не смогут все-речь повлиять на высоту подъема воды при наводнениях. После катастрофического наводнения 1824 года директор Петербургского института путей сообщения инженер Пьер Доменик Базен предложил построить каменную дамбу поперек Финского залива, от Лисьего Носа через остров Котлин до Ораниенбаума. В течение нескольких десятилетий этот проект обсуждался среди специалистов и в конце концов был отвергнут «из-за его фантастичности».

По тем же причинам Государственная дума отвергла и проект, предложенный в 1892 году военным инженером Э. И. Тилло. Проект предусматривал возведение набережных высотой не менее 9 футов (275 см), поднятие низменных территорий на 10 футов (305 см), расселение и закрытие подвалов, строительство домов-убежищ и запрещение строительства нижних жилых этажей ниже черты наводнения 1824 года.

Наконец в 1933 году заговорили о «Дамбе». Так в обиходной речи петербуржцы называют комплекс защиты Петербурга от наводнений. В основу этого проекта лег давний проект Базена.

Но и тут не все было просто. Когда по инициативе С. М. Кирова в Ленинградском научно-исследовательском институте коммунального хозяйства такой проект был составлен, его отвергли. Сохранился анекдот, как о нем докладывали Сталину. «Часто ли бывают в Ленинграде наводнения? — поинтересовался вождь всех времен и народов. — Один раз в сто лет? Тогда у нас еще много времени».

Очередной всплеск интереса к дамбе возник в 1970-е годы. Хозяином Ленинграда в то время был первый секретарь обкома КПСС Григорий Васильевич Романов. Будто бы именно ему удалось-таки добиться решения Москвы о начале ее строительства. И действительно, в 1979 году возведение дамбы началось. В ленинградском фольклоре ее тут же окрестили «Дамбой Романовной», а общество сразу разделилось на сторонников ее сооружения — «дамбистов» и яростных противников — «антидамбистов». Благодаря их непримиримой борьбе петербургская фразеология обогатилась такими блестящими образцами городского фольклора, как «Ленинграду д'Амба», «На заливе дамба — Ленинграду амба», «С дамбой ли, без дамбы — все равно нам амба», «Выжили в блокаду — умрем от дамбы?». Иногда споры приобретали чуть ли не международный характер. Распространилась легенда о том, что дамба строится исключительно для защиты Ленинграда от возможного атомного удара в случае начала третьей мировой войны. Не случайно после прекращения ее строительства дамбу прозвали «Памятником холодной войне».

Яростная полемика приобретала порой и ярко выраженную внутривластную окраску, а частенько доходила до откровенных выпадов в адрес Москвы:

Не достроим дамбу,
Петербургу амба.
Наводнение придет —
До правительства дойдет.

Дамбу действительно не достроили. В 1989 году ее строительство было законсервировано. При этом полностью не были сданы в эксплуатацию очистные сооружения, что привело к резкому ухудшению экологической обстановки в Невской губе Финского залива. Фольклор отреагировал мгновенно, остро и нелестно: «Дамба — болячка на опухшей от грязи Невской губе».

Гигантские недостроенные фрагменты дамбы, которую в народе прозвали «Вставной челюстью Ленинграда», начали обрастать жутковатыми, леденящими кровь легендами. Обыватели уверяли друг друга, что в устье Невы появились крокодиловидные чудовища-мутанты, которые легко заплывают в сточные колодцы, перемещаются по фановым трубам и — вот ужас — могут запросто появиться в унитазах петербуржцев. Неплохо, предупреждает эта страшилка, легкие пластиковые крышки унитазов удерживать каким-нибудь тяжелым предметом, а испытывая острую нужду, все-таки найти возможность предусмотрительно заглянуть в глубь сточной трубы.

Понятно, что в выборе аргументов pro et contra можно не стесняться, используя самые нелепые и чудовищные страшилки:

Дамбу строили все службы,
Наводнения — беда.
Был залив, а стала лужа,
Где ж ты, чистая вода?

Между тем, вне зависимости от яростных и непримиримых споров между сторонниками и противниками дамбы, в народе ее уже давно называют «Дорогой жизни», таким образом оценивая ее бесспорный вклад в качественное изменение жизни островного до недавнего времени города Кронштадта.

В 2011 году многолетнее строительство дамбы благополучно завершилось. Тем самым закончился долгий, более чем трехвековой драматический этап взаимоотношений города с Невой, и их совместная жизнь вступила в новый, надо надеяться, длительный мирный период своего существования.

ДОМ ЗИНГЕРА

Мариуш Вильк. Дом странствий. Пер. с польск. И. Адельгейм. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2015. — 264 с.

Мариуш Вильк, польский журналист и писатель, соратник Леха Валенсы, один из лидеров «Солидарности», мыслитель, «человек-дорога». В 1989 году уехал из Польши, работал в России журналистом (был очевидцем московского путча и абхазской войны), несколько лет прожил на Соловках, кочевал по Кольскому полу-

острову. В настоящее время живет попеременно в Петрозаводске и в карельской деревне Конда Бережная. В деревню, это дивное Зазеркалье легко добраться летом — по воде, и не так-то просто зимой, когда приходится съезжать с шоссе — мечты всякого европейского водителя. Старинный дом на берегу Онежского озера, на ладони Господа Бога — идеальное место для созерцания. За окнами — мистерия преобразования природы: таяние льда, когда мертвая природа превращается в водную стихию; бушующая весна; оттенки белых ночей — от лилового до серо-золотого, голубые и розовые; сказочно-пестрая северная осень, переходящая в долгое и мрачное предзимье. В книге запечатлен один почти годовой цикл — с апреля по декабрь, а посвящена она феномену странствия: странник возвращается домой и «пишет дорогу» — просеивает сквозь память недавние встречи и впечатления. Зимний Крым, московская ярмарка интеллектуальной литературы, книжный фестиваль в Швейцарии. От гомона многолюдья он возвращается домой, к собственным размышлениям, к тишине, в которой Реальность не только видна, но и слышна. Вдали от суеты мыслится вглубь, а не в сторону. Собеседниками Мариуша Вилька становятся любимые писатели, мыслители. Можно неспешно бродить по следам стихов Ч. Милоша (1911–2004), польского поэта, прозаика, эссеиста. С В. Зебальтом (1944–2001), немецким писателем, рассуждать о проблемах восприятия времени и пространства. Вместе с польским писателем В. Гомбровичем (1904–1969), человеком сложной судьбы, разбираться в том, что есть Польша, что поляк, а что значит польскость. Перечитать «Записки для призрака» польского публициста и литературного критика Ежи Стемповского (1893–1969). Круг собеседников велик и многогранен: нидерландский писатель Сейс Нотебоом (1933) и швейцарский путешественник и писатель Николя Бувье (1929–1998); британский медик и писатель сэра Томас Браун (1605–1682) и арабский философ Ибн аль-Араби (1165–1240); протопоп Аввакум (1620–1682) и византийский философ Евагрий Понтийский (346–383)... Можно заново продумать и прочувствовать путешествие по Бурятии: буддистские святыни, Тамчинский дацан, который для буддистов Восточной Сибири был тем же, чем Лхаса для Тибета, уходящие вглубь веков легенды и не столь давние воспоминания о сталинских репрессиях, разрушивших, казалось бы навсегда — но нет — буддистский мир Бурятии. Оказывается, можно насыщаться миром, не выходя за калитку, не слезая со своего кресла, особенно, если твой дом сделался пристанью для интеллектуальных кочевников всех видов и мастей, готовых делиться своим интеллектуальным опытом. А среди них и Юрий Наумов, эксперт Морской коллегии РФ, автор монографии о кижанках, возродивший древнее судостроительное искусство — шитье традиционных лодок севера, кижанок и кочей, которые ходят по морю от Шпицбергена до Святой Земли. И российский писатель и путешественник Василий Голованов, в своей геопозитической книге о Каспийском море и прикаспийских землях очертивший контуры невыразимого, соединивший историю и географию. И французский историк литературы, славист Жоржа Нива, чей авторский вечер состоялся в соседнем с Кондой селе Великая Губа. «Дневник» повествует о духовной тропе, по которой идет Мариуш Вильк. А так как «встречи с людьми составляют самое существо тропы», то для него каждый человек — целая жизнь, отдельный космос. И интересуется его конкретный человек, а не социологический тип. А в Зазеркалье, где пространство огромное, но более человеческое, одомашненное всегда находится и время для другого человека. Он видит, как с уходящим на наших глазах поколением уходит и целая эпоха — эпоха колхозов и совхозов, «для этнографов и историков — малоинтересная, с точки зрения бизнеса — абсурдная, политически — некорректная. Весь их мир канул в Лету». Значительна личность каждого, считает он, и рассказывает на страницах дневника

о причудливых судьбах престарелых жителей советской Атлантиды, обнаруживая подчас в своих деревенских собеседниках глубинную мудрость, наследуемую из поколения в поколение, опирающуюся на опыт, а не добытую из книг. «Я думаю, что открытие русской глубинки ошеломляет не меньше, чем проникновение к истокам Амазонки, а несколько лет на Соловках равноценны нескольким тысячам верст по Сибири». И отвечая в интервью для «Ле Курьер» на вопрос о стереотипе в западных СМИ, пишет: «Европеец смотрит на Россию сквозь западные очки, то есть замечает или то, что умещается на западной шкале (ценностей, норм и обычаев), или то, что кардинально от нее отличается. Причем априори подразумевается, что Россия — страна европейская (ну, может, чуть сдвинутая к Востоку...), а я, прожив здесь более двадцати лет, утверждаю, что Россия — никакая не Европа. Россия — Северная империя, в границах которой живут непохожие друг на друга народы. Европеец сквозь свои западные очки пытается увидеть в России какой-то другой, худший Запад, но не видит Россию в ее самобытности». Книги М. Вилька начали выходить в России с 2006 года: «Волчий блокнот» «Волок», «Тропами северного оленя», «Дом над Онего», «Путем дикого гуся». В этой книге у него появляется новый спутник, вместе с которым он заново открывает мир — дочь, четырехлетняя Мартуша. «Прежде это был мой мир, теперь — после рождения дочери — наш. Глазами ребенка — мир предстает уже не плоским, а во всей своей глубине». О чем бы не писал Мариуш Вильк, он, все-таки, всегда пишет о главном — о красоте окружающего нас бытия — материального, интеллектуального, духовного.

Василий Розанов. Опавшие листья. В 2 кн. СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2015. Кн. 1: Текст. — 530 с., ил. Кн. 2: Комментарии/ вступит. статья и комментарии В. Ю. Шведова. — 656 с.

Василий Васильевич Розанов (1856–1919) — одна из самых спорных фигур среди российских писателей и философов предреволюционной эпохи. Он имел репутацию неординарно мыслящего, хотя и противоречивого публициста и острого литературного критика. Воззрения и труды Розанова вызывали критику как со стороны революционных марксистов, так и либерального лагеря русской интеллигенции. Он умер от голода после революции, и о его работах фактически забыли в Советском Союзе. Он оставался мало известным и за пределами России. Только в перестроечные годы его произведения вновь стали издаваться, появились и исследовательские материалы. Переиздавались и «Опавшие листья», сборник лирико-философских миниатюр: личные дневники, яркие впечатления, афоризмы, короткие эссе, воссоздающие интонации речи. Но настоящий двухтомник, юбилейный («Опавшие листья» впервые вышли в свет сто лет назад, в 1913 году) — уникален. Если первый том — это собственно розановский текст, то второй содержит подробный понятийно-смысловый и реальный комментарий, помогающий более полно понять содержание записей, погрузиться в контекст размышлений писателя. Комментарий — это и персоналии, и адреса, и проясненные ситуации, парафразы, понятия. Это необходимое для понимания текста воспроизведение бытующих в то время философских направлений и общественных взглядов. А так как работы Розанова открывали широкий горизонт для полемики разным вопросам — то в пояснениях нуждается и скрытая полемика, содержащаяся в текстах, приводятся выразительные свидетельства о реакции современников на откровенные высказывания Розанова, отрывки из воспоминаний знавших его. Перекрестьем мыслей, занимавших писателя всю жизнь и получавших развитие в его трудах, являются развернутые цитаты из других произведений Розанова, из его статей, публицистических выступлений, писем. А размышлял он о конечности бытия челове-

ка, о конечности собственной жизни, о смерти, об уединении, о литературе и религии, о политике и печати, о семье и поле, об образовании в России — школьном, семейном, сексуальном. Он поднимал вопросы, связанные с морально-этическими, религиозно-идейными оппозициями: метафизика и христианство, эротика и метафизика, православие и нигилизм, этический нигилизм и апология семьи. Положительных и даже спокойных, объективных откликов современников на книгу Розанова было не так много. Либеральная и леворадикальная критика приняла в штыки правые политические взгляды автора, что, собственно, не удивительно, так как в «Опавших листьях» консервативные настроения Розанова проявились вполне отчетливо. Шокировал и избранный писателем жанр «обнажения души», «нецеломудренное» обсуждение им вопросов пола — слишком непривычны для открытого обсуждения в печати были такие темы, как девство, совокупление и (о, ужас!) фаллический культ. Название «Опавшие листья» сам Розанов объяснил так, еще в предшествующем сборнике «Уединенное»: «Шумит ветер в полночь и несет листья... Так и жизнь в быстротечном времени срывает с души нашей восклицания, вздохи, полумысли, почувства... И вот я решил эти опавшие листья собрать». Свои «мысличувства» Розанов набрасывал в спешке, где и на чем придется, дабы успеть сохранить их первозданность: на визитной карточке, на повестке на званый вечер, на письме одного из многочисленных корреспондентов, на подошве туфли, на случайном обрывке бумаги — в вагоне, в конке, в купальне. Издатели настоящего двухтомника красиво решили проблему преподнесения текста мыслителя: каждой записи отводятся отдельные страницы. В аннотации к книге говорится: «Составленная из схваченных на лету мыслей-припоминаний: о вечном и преходящем, земном и небесном, бытии и небытии, конечности человеческой жизни, добре и зле, любви и дружбе, о себе и своих современниках, — книга с небывалой по тем временам откровенностью раскрывала смятенную душу автора». «Опавшие листья», одно из наиболее читаемых произведений Розанова, не утратило своей злободневности и поныне, там многое сказано и обо всех и сегодняшних общественных спорах. «От Судьбы не уйдешь» и из оков народа» тоже не уйдешь». «Чиновничество оттого ничего и не задумывает, ничего не предпринимает, ничего нового не начинает, и даже все «запрещает», что оно рассчитано «на маленьких». ... Система с расчетом «на маленькое» и есть *гиновнигество*. «Русский болтун везде болтается. «Русский болтун» еще не учитанная политиками сила. Между тем она главная в родной истории. С ней ничего не могут поделать, — и никто не может. Он начинает революции и замышляет реакцию. Он созывает рабочих, послал в первую Думу кадетов. Вдруг Россия оказалась не церковной, не царской, не крестьянской, — и не выпивочной, не ухарской: а в белых перчатках и с книжкой «Вестника Европы» под мышкой. Это необыкновенное и почти вселенское чудо совершил просто русский болтун. Русь молчалива и застенчива, и говорить почти что не умеет: на этом просторе и разгулялся русский болтун». «Национальность для каждой нации есть рок ее, судьба ее; может быть, даже и черная. Судьба в ее силе».

Илья Эренбург. Лик войны. Воспоминания с фронта, 1919, 1922–1924.

Газетные корреспонденции и статьи, 1915-1917 / Подгот. изд. Б. Я. Фрезинского. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 1914. — 350 с.: ил. — (Эпоха войн и революций; вып. 5).

«Как красочна и занимательна война на картинах старых баталистов Франции или Голландии! Вздыбленные кони, бьющиеся по ветру знамена, клубы дыма — барабанщик бьет призыв... солдаты в изумрудных или малиновых мундирах бегут к победе. Война, похожая на детскую забаву или на старомодную оперу! Часто, идя по

размытым дождем окопам, глядя на серых солдат, на пушки и пулеметы, я думал: найдется ли художник, который сможет передать облик этой войны?» Илья Эренбург смог. В годы Первой мировой войны он, политэмигрант, находился во Франции и активно сотрудничал с российскими газетами «Утро России» и «Биржевые ведомости». Из богомного поэта превратился в военного журналиста: неоднократно ездил на фронт, шагал по полям, изрытым снарядами, попадал под обстрелы, ползал по окопам, сидел в землянках. Он проехал всю Францию с севера на юг, посещал Эльзас и Лотарингию, где немцы старались вытравить все французское из местного населения. Война настигала его и в глубоком тылу: он видел смятенный Париж и погибшие, сожженные города, уничтоженные памятники архитектуры — древний Реймс, столица Артуа Аррас, Перонн... Наблюдал, как простые труженики, рискуя жизнью продолжают обычные свои дела; «Меч войны оказался бессилён перед тупым молотом человеческого труда. Пока живут — трудятся». «Но много раз смертный ветер блуждал по Европе, а в деревне Туретт крестьяне разводили виноград и доили коз». И жителей больше волновала болезнь винограда, чем дела на фронте. Он ходил по госпиталям, беседовал ранеными, с отпускниками, жителями только что освобождённых от немцев французских сёл и городков, с беженцами. Его собеседниками были люди разных национальностей возраста, социального статуса, мужчины и женщины, старики и дети. Личные впечатления, беседы становились основой статей и корреспонденций, легли и в основу воспоминаний. И. Эренбург писал о буднях войны, о фронте и тыле, о военных госпиталях, о солдатах из колоний в составе французской армии (Франция — «любящая мать всех туземцев» призвала на войну сенегальцев, сомалийцев, индусов, не знавших толком, где они, с кем и за что воюют). Писал о мужестве французского духовенства на войне, о женщинах Франции, о подводниках, альпийских стрелках, авиаторах, моряках, саперах. И о военном быте тыла, в том числе и о том, например, как доучали тяжелобольным аристократки: пичкали конфетами, вели душеспасительные беседы, флиртовали с сенегальцами. «Врачи их ненавидят, солдаты отмахиваются от них, как от мух, но они неутомимы и неистребимы». Размышлял о том, что есть на войне жестокость и милосердие, а что трусость и храбрость. «Чтобы солдаты оставались месяцами в окопах под обстрелом, чтобы они выбегали вперед под пулеметный огонь, чтобы ученые, фермеры, рабочие, лавочники кололи штыками, нужна не ненависть к врагу, не любовь к родине, а насилие. Каждый солдат знает — выхода нет. Или он повинуется, идет вперед — тогда, может быть, смерть, а может быть, жизнь. Или он бежит назад — тогда верная смерть — бесславная и горшая». Его интересовали в первую очередь люди, их поведение, ощущения, чувства. Встречи и разговоры Эренбурга с русскими солдатами, воевавшими во Франции, дают представление о разнице между нами сегодняшними и нашими предками век назад, о разнице между нашими предками и французскими. Среди русских было немало пленных, бежавших из Бельгии, Эльзаса, Австрии: они переходили Альпы и Вогезы, переплывали Рейн и Маас, переползали через окопы и заграждения. Рассказывали просто и деловито, не понимая своей отваги: «Ушел — и все тут». Различие нравов мешало сближению французов и русских, встречали русских хорошо, но потом отношения портилось: русские почувствовали презрение и оскорбились. Жаловались: «Есть у нас деньги — они с нами, нет — до свиданья»; «Больно заносчивые. Увидел кашу — это, говорит, только свиньи едят. Я вот тоже видел, как они улиток жрут, а такого слова не скажу». Было и другое: «Русские ведут в штаб пленного немца. По дороге — француз. Он начинает ножом отрезать пуговицы с шинели немца. — «Ты это, собственно, зачем? — Сувенир. — Вот что выдумал! Это ты оставь. Не лето теперь. Без пуговиц ветер гуляет»... Через минуту — драка. Французы

негодуют: русские дружат с бошами». Эренбург посещал и переведенные в Шампань русские части, видел, как они, достаточно комфортно, обустроились. В 1917 году он наблюдал и мятеж русских войск во Франции: митинги, разделение на «мятежных» и «верных», солдатские собрания, где обсуждались вопросы грядущего переустройства мира. «Среди тех, кто толкал наших солдат на гибель и позор — немало было дезертиров, под видом политических эмигрантов проживавших во Франции, наемные агенты, парижские интернационалисты и большевики». Сценки, реплики, диалоги, монологи — ироничные, сентиментальные, патетичные... В лике войны Эренбург разглядел главное: что человечество вступило в век сложной техники, и люди зачастую служат придатком к ней; что сражаются уже не только армии, но и индустрии; что фактически создана гигантская машина по уничтожению людей, приносящая несметные доходы магнатам и тяжкое горе семьям. В предисловии историк литературы и биограф Эренбурга Б. Фрезинский рассказывает о жизни и творчестве писателя в годы Первой мировой войны, о судьбе этого текста. С 1928 года эта книга не переиздавалась. В настоящем издании восстановлены все купюры и главы, выброшенные цензурой, помещены приложения: статьи и корреспонденции для газет «Утро России» и «Биржевые ведомости» (представлены впервые), а также «Стихи о канунах», написанные в декабре 1914 — июле 1915. Когда-то, в 1924 году, в предисловии к третьему изданию Эренбург писал: «Я переиздаю эту книгу, потому что среди других художественных эффектов читатель найдет в ней знакомые черты сошедшей с ума Европы. Я переиздаю эту книгу, потому что у людей плохая память». Переизданная в наши дни первая прозаическая книга поэта, прозаика, эссеиста и публициста Ильи Эренбурга — хорошее средство для реанимации памяти.

Александр Ваксер. Возрождение ленинградской индустрии. 1945 — начало 1950-х гг. СПб.: ООО «Издательский центр «Остров»», 2015. — 256 с.

На фоне наших нынешних финансовых и экономических проблем актуален опыт восстановления экономического и научно-индустриального потенциала страны во второй половине 1940-х годов. Попытки прямых сопоставлений контрпродуктивны: слишком велики различия и в исторических условиях, и в масштабах индустрии. И все же некоторые, вероятно, уместны. Доктор исторических наук Александр Ваксер предлагает взглянуть на причины и источники хозяйственных свершений прошлых лет. Почему стало возможно в кратчайшие исторические сроки возродить промышленный потенциал Ленинграда, которому был нанесен огромный урон и военными действиями, и вынужденной эвакуацией значительной части производственных фондов, оставшихся после окончания войны в местах нового базирования? Каковы были действительные демографические потери населения в результате войны? Как преодолевались глубочайшие диспропорции, вызванные разрушениями материальной, энергетической, сырьевой базы промышленности? На локальном материале он попытался восстановить объективную картину возрождения отечественной индустрии, оторваться от навязших стандартов и псевдомарксистской, и псевдолиберальной историографии. Увидеть успехи, разглядеть элементы постепенно нарастающих деструктивных явлений, переросших в глубокий экономический и моральный кризис. История индустрии послевоенного Ленинграда — одна из ярчайших страниц созидания, исполненного неисчислимыми трудностями, драматическими коллизиями. Война и блокада несли страшный ущерб промышленности, науке, городскому хозяйству города. Наиболее катастрофическими, невосполнимыми, отмечает исследователь, были демографические потери. При этом ущерб трудового потенциала, полагает он, составил до двух тре-

тий трудового потенциала. А «история индустрии — это не только смена форм и методов управления, планирования, техники, технологии производства и прочего. Но это всегда и обязательно — люди». Поэтому в книге помимо реалий послевоенного возрождения конкретных заводов и фабрик Ленинграда, различных отраслей народного хозяйства, присутствует и другая тема: взаимодействие людей и власти, политики и экономики, мотивов, стимулов и антистимулов поведения масс, их характер и противоречия. Приводятся таблицы, статистические материалы, даются сравнительные характеристики — и называются имена конкретных людей, что стоит за сухими цифрами. Автор вскрывает позитивные и негативные стороны экономической, политической, социальной модели, которая составляла «становой хребет» индустриального возрождения. В сфере его внимания оказываются демографические последствия войны и решение кадровых проблем в городе на Неве, специфика управления и планирования, стартовые условия хозяйственного возрождения, его ход и итоги, экономическая политика государства, возникавшие проблемы, пути их решения и замаячившие уже тогда признаки предкризисного состояния административно-командной системы. Возрождение ленинградской промышленности имело свою специфику, благодаря чему город вновь занял видное место среди крупнейших промышленных центров СССР, здесь были сформированы предпосылки не только для роста, но и ускоренного развития. Различие в уровнях индустриальной зрелости промышленных регионов требовало дифференциации политики, а традиционная политика была ориентирована на продолжение незавершенной индустриализации страны, не учитывала интересы развитых индустриальных регионов. К концу 1940-х годов обозначились два совершенно разных подхода к развитию ленинградской промышленности, — и именно экономические разногласия, а не только традиционная борьба группировок за влияние на стареющего диктатора, по мысли автора, легли в основу «ленинградского дела». В годы войны в условиях блокады ленинградские партийные органы приняли на себя непосредственное руководство индустрией, после войны установилось двойное управление — ведомственное и региональное. Ленинградские руководители пытались найти новые экономические механизмы, отвечавшие технико-технологическим особенностям региона. Попытки соединения командной экономики с экономическими регуляторами по существу означали корректировку генеральной линии экономической политики, монополию на которую Сталин тщательно поддерживал. Впервые за годы форсированной индустриализации местный партийный орган предпринял попытку отказаться от политики безоглядного «выполнения и перевыполнения» планов, скорректировать ее, применив тактику экономического маневра. Эта попытка потерпела крах, ведомственные тенденции, разрывавшие единый территориальный комплекс, стали быстро усиливаться, победила административно-командная экономика. «Ленинградскому делу», позитивным и негативным сторонам сталинской политики посвящено немало страниц. Изучение послевоенной истории промышленности многие годы оставалось белым пятном истории народного хозяйства СССР, не последнюю роль в этом сыграли и шок, вызванный «ленинградским делом», и то, что ленинградская промышленность многие годы являлась одним из бастионов оборонно-промышленного комплекса СССР, доступ к ряду документов был, по сути, закрыт наглухо. Лишь в начале 90-х годов завеса секретности на короткое время приоткрылась. Собирая материалы по архивам, справочникам, энциклопедиям, автор не нашел монографий, исследующих историю возрождения именно ленинградской промышленности. А. Вексер не проходит и мимо традиционных и новейших направлений отечественной и зарубежной мысли. Он не согласен с тем, что никакая социально-экономическая система, кро-

ме рыночно-капиталистической, вообще невозможна. С его точки зрения, построенный социализм показал свою жизнеспособность — и в годы войны, когда выстоял в противоборстве со всей промышленной мощью Европы, и после войны. Другое дело, что ошибочна теория о бесконфликтном развитии социализма. Он считает, что попытки современных либеральных историков и экономистов отрицать необходимость вмешательства государственных институтов в современный экономический процесс обанкротились, принесли неисчислимые потери и бедствия. Но главное для А. Вексера все-таки не теории, а факты, деполитизированное, объективное освещение и анализ прошлого. *«Мы старались не отходить от принципа историзма, объективности, не плакать, не смеяться, а понимать, рассматривать два пласта: и то, как события, явления воспринимались современниками, и как они видятся сейчас».*

Александр Мосякин. Страсти по Филонову: Сокровища, спасенные для России. СПб.: ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2014. —143 с.; ил. — (Серия «Тайны истории»)

«Никто из лидеров русского авангарда не подвергался при жизни таким гонениям, а после смерти не оказался в таком забвении, как Филонов», — констатирует автор этого «музейно-криминального» расследования Александр Мосякин. При жизни выдающегося русского художника-авангардиста Павла Николаевича Филонова (1883–1941), по масштабу дарования и мастерству одного из крупнейших художников XX века, его творчество подвергалось ожесточенному гонению, а после смерти, казалось, было обречено на полное забвение. Все свои произведения — более трехсот живописных и графических работ — Филонов хранил у себя дома. Еще в 1929 году, в ответ на просьбу американского художника Баскервиля продать картину, ответил: «Это мои дети. А детей не продают». В том же году в «Автобиографии» Филонов завещал все свои работы «подарить Советскому государству, сделать их выставку в городах Союза и в европейских центрах и сделать их отдельный музей аналитического искусства». Он умер 3 декабря 1941 года, в блокадном Ленинграде. Всех своих «детей» оставил сестре, с заветом, чтобы они не покинули Россию. Его сестра, Евдокия Николаевна Глебова забрала картины к себе домой, сдавала на временное хранение в Русский музей, что-то забирала себе вновь. Появление работ Филонова на знаменитой выставке «Москва — Париж» в 1981 году принесло ему международную известность, вызвав у музеев и коллекционеров пристальный интерес к творчеству мастера. И лишь через десять лет — после персональных выставок художника в Ленинграде в 1988 году и Париже в 1990-м и ряда экспозиций с участием его произведений — творчество Филонова стало широко известным и признанным. Однако «страсти по Филонову», вернее, по его наследию, начались много раньше. Посягательства на коллекцию стали происходить с 1974 года, ими заинтересовались контрабандисты. После разоблачения мошенников сестра Филонова окончательно передала картины в Русский музей. Следующая эпопея развернулась в 1985 году, когда в журнале *Chaiers* № 2 за 1983 год работниками Русского музея были обнаружены репродукции восемь графических работ Филонова, принадлежащих музею современного искусства Центра Пампиду. При проверке оказалось, что в Русском музее хранятся копии разного качества. Начатое уголовное дело притормозили, только вмешательство прессы привело к возобновлению расследования. Была выявлена и еще одна организованная преступная группа, которая с 1989 года по 1992 занималась кражами — и не работ только Филонова — из Русского музея. Свои журналистские расследования А. Мосякин вел с середины 80-х годов, первые публикации его статей о дра-

матической судьбе творческого наследия Филонова были опубликованы в «Огоньке» и «Смене» в 1990 году. По его материалам на НТВ вышел документальный фильм о Филонове. Тема филоновского наследия разрабатывалась им и впоследствии. В своей книге он опирается на следственные и архивные материалы КГБ СССР (позже ФСБ России), документы Русского музея и свидетельства очевидцев. А. Мосякин рассказывает о протянувшихся во времени и пространстве криминальных событиях, происходивших вокруг наследия П. Филонова в Русском музее и вне его: излагает факты, обозначает связи, обстоятельства, разбирается в деталях. И называет имена и злоумышленников, «звезд» советской контрабанды, и глубоко преданных русской культуре подвижников, имеющих отношение к благородному делу сбережения культурного достояния. И каждому персонажу этой криминальной истории дает емкую, точную характеристику, прослеживает их судьбы. Делает экскурсы в историю контрабанды в СССР, в том числе и вывоз музейных ценностей в 1920–1930 годы, и «кремлевское» коллекционирование и контрабанда брежневского периода, когда в пучину «коллекционирования за рубежом» окунулись разные слои советского общества от кремлевских небожителей до еврейских эмигрантов. Подробно останавливается на роли Арманата Хаммера в советской истории. Для автора этой книги важно было воспроизвести времена и нравы советской эпохи, России постперестроечной и дней наших. Так, обращаясь к типичным ситуациям брежневского времени, А. Мосякин считает, что говорить надо не только о порочности людей, но и о порочности системы, загонявшей их в угол, толкавшей на преступления — и вольно или невольно — множившей ряды эмигрантов и контрабандистов. Советская система порождала и жертв, и тертых мошенников. Пишет он и о том, что делалось и делается, чтобы предотвратить утечку нашего культурного достояния за рубеж. Например, о том, как удалось предотвратить кражу и вывоз монументального полотна П. Филонова «Пир королей»; о том, как в результате переговоров удалось вернуть из центра Пампиду работы Филонова, за исключением — по взаимному согласию — одной из них — рисунка «Пропагандист». В настоящее время почти все творческое наследие художника, спасенное мудрыми людьми, хранится в Государственном Русском музее в Санкт-Петербурге.

Адемар Шабаннский. Хроникон. СПб.: ЕВРАЗИЯ; М.: ИД КЛИО, 2015. — 384 с. — (Серия «CHRONICON»).

«Хроникон» Адемара Шабаннского, созданный между 1025-м и 1028 годами — ключевой источник по истории Франции XI века, освещающей историю королевства франков и историю Аквитании от мифического короля франков Фарамона и до 1028 года. Известны три авторские редакции этого труда, в двух первых основное внимание уделялось Ангулему, в третьей события в Ангулеме отошли на второй план, и Адемар сосредоточился на истории всего королевства франков. Все части «Хроникона», посвященные меровингской истории и истории франкских королей из рода Каролингов до Верденского раздела 843 года вторичны и являются результатом переписывания исторических сочинений предшественников Адемара. Но начиная с 30-х годов IX века, изложение представляет собой уже не просто компиляцию, а результат авторской работы по собиранию и изложению материала. И в 16–70-х главах третьей книги Адемар становится оригинальным историком, сумевшим как никто передать метания людей своего времени. После падения империи Карла Великого Западная Европа на протяжении двух столетий пыталась приспособиться к новым политическим и экономическим условиям. Сильную королевскую власть сменили мелкие сеньоры, укрепившиеся в выросших по всей стране замках, духовенство переживало кризис и делало первые робкие шаги к

нравственной реформе Церкви. На страницах «Хроникона» вырисовывается картина зарождения нового мира: сеньориальные междоусобицы и набирающие силу монастыри, что вскоре станут основой мощного социально-экономического подъема Западной Европы. В хронике множество уникальных сведений, в том числе о феодальных войнах, мятежах и союзах, конфликтах и договорах владык мелких и крупных, о ересьях, впоследствии развившихся в альбигойство; соотносятся франкские и специфические аквитанские сюжеты; высвечиваются связи франкского государства с папским Римом, с Византией, с государственными образованиями Европы и Азии. На основе доступной ему информации автор делает попытку дать свою трактовку историческому процессу и расставить свои акценты. Идеалист, он стремился выстроить в своих сочинениях идеал власти для христианского Запада. Зная все хитросплетения во взаимоотношениях между светскими сеньорами, епископами и монастырями и понимая, как много конфликтов среди магнатов, он стремился показать, что идеальное взаимодействие и согласие возможно. Подчеркивая преемственность между франкским королевством Каролингов (VIII–X века) и Францией конца X — начала XI веков, Адемар показывал, что характерные для его времени идеи Божьего мира были во многом близки идеальному функционированию каролингской империи. Аквитанию он рисует как место, где сотрудничество между светскими и церковными властями достигло наибольшей гармонии по сравнению с другими областями Франции и именно монашество задавало тон реформам. Адемар Шабаннский (989–1034), один из известнейших историографов XI века, родился в местечке Шабанн (верхняя Нормандия) скончался во время своего паломничества в Святую Землю (в Палестину). Адемар, чья семья принадлежала к местной знати, получил образование в бенедиктинском монастыре святого Марциала в Лиможе, (в Лиможе он провел и большую часть жизни), постригся в монахи в монастыре Святого Сибарда в Ангулеме. В Средние века большинство монахов становилось переписчиками, но Адемар пошел дальше. До наших дней дошло несколько его сочинений разных жанров, среди которых монументальный исторический труд «Хроникон» занимает центральное место. Но «Хроникон» оказался и единственным историческим сочинением Адемара. Доказывая апостольский статус местного святого Марциала, Адемар вступил в конфликт с римским папством, оставил труд и занятия историка и посвятил все силы обоснованию своей теории. Из всей этой сложной ситуации победителем в конце концов вышел Адемар: к исходу XI столетия св. Марциал в Аквитании уже почитался как апостол. Подлинное положение дел с этой исторической фальсификацией было прояснено лишь в 20-е годы XX века, но вплоть до 1990-х годов католическая церковь по всем новооткрытым фактам хранила молчание. Удивительно, но только в конце XX века набралась и критическая масса исследований по работам Адемара, что позволило сделать в 1999 году высококачественное издание «Хроникона». Историки смогли распознать круг источников, которыми располагал историк, проанализировать методы его работы, очертить круг вопросов, интересовавших средневекового монаха. На русском языке «Хроникон» Адемара Шабаннского целиком публикуется впервые. Перевод снабжен комментариями и вступительной статьей (Д. Старостин), солидные географический и именной указатели. Несмотря на бытующее представление о бедности средневековой литературы, особенно раннего периода, типы и жанры источников весьма разнообразны — анналы, хроники, исторические своды, предвосхитившие рождение национальной истории. Издательства ЕВРАЗИЯ (СПб.) и ИД КЛИО (М.), замысливая новую серию «CHRONICON», из этого многообразия выбирают для перевода знаковые для своего времени работы. Многие комментированные переводы источников эпохи Средневековья вый-

дуг впервые. Уже увидели свет «Хроники Фредегора» — один из крупнейших источников по истории средневековой Западной Европы. История их создания таинственна, а имя автора неизвестно. Ученым остается лишь гадать, где и когда был создан этот текст, запечатлевший процесс рождения этнической идентичности. В «Хрониках» причудливым образом переплетаются фольклорные мотивы и исторические события эпохи Меровингов, ставшей первой ступенью в становлении современной европейской цивилизации. Вышла и «Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика» Жана де Жуанвиля, одно из самых известных произведений западноевропейского средневековья, написанное сенешалом Шампани и повествующее о правлении французского короля Людовика IX Святого и его участии в Седьмом крестовом походе. В перспективе — «Иерусалимская история» Фульхерия Шартрского, одно из трех главных свидетельств о Первом крестовом походе; «Об управлении дворцом» Гинкмара Реймского (ок. 806–882), архиепископа Реймса, одного из виднейших деятелей каролингского возрождения, его труд посвящен системе устройства франкской державы.

Публикация подготовлена
Еленой Зиновьевой

*Редакция благодарит за предоставленные книги
Санкт-Петербургский Дом книги (Дом Зингера)
(Санкт-Петербург, Невский пр., 28, т. 448-23-55, www.spbdk.ru)*

Ольга ГЛАЗУНОВА

«Тихий Дон» Сергея Урсуляка в нашей беспокойной жизни

Сергей Урсуляк — режиссер телевизионных фильмов. И хотя в наши дни из-за огромного количества посредственных сериалов эта профессия отошла на второй план, за Урсуляком сохранилось особое место. Сделанное им не только не уступает фильмам художественным, но часто даже превосходит их. Неизменным остается и интерес зрителей к его творчеству.

Многие еще помнят, как во время показа советских телевизионных фильмов пустели улицы. Но в 90-е годы в России все изменилось, и с этим печальным наследием нам приходится иметь дело и сегодня. От обсуждения глобальных проблем и глубины постановки вопросов, которыми всегда отличалось русское классическое искусство, мы развернулись на сто восемьдесят градусов — к нехитрым житейским радостям и неспешному повествованию в рамках намеченных новыми «классиками» точек зрения. То, что не было востребовано в Советском Союзе, расцвело пышным цветом и дало многочисленные побеги.

Время шло, и постепенно среди буйства новых тем и запретных ранее смыслов возникла ностальгия по тому, что осталось в прошлом. Чем больше в произведениях постперестроечного искусства попирались традиции советской литературы, театра и кинематографа, тем тоскливее становилось читателю и зрителю. Потому что местечковость, в какой бы художественной форме она ни была подана и как бы ни рекламировалась, никогда не сможет овладеть умами и душами тех, кто привык к бескрайним просторам и иным масштабам оценки событий; для кого частное, личное, национальное всегда рассматривалось в контексте общего, а своя собственная судьба и даже жизнь никогда не ставились выше судьбы отечества.

Я бы не стала причислять Сергея Урсуляка к так называемым державникам или носителям имперского сознания, но его фильмы удивительным образом передают ту уже почти забытую атмосферу прошлого. Не случайно у Давида Гоцмана, роль которого в «Ликвидации» великолепно сыграл Владимир Машков, много общего с другим, не менее любимым зрителями героем — Глебом Жегловым. Их позиция проста и понятна каждому: вор должен сидеть в тюрьме, в городе должен быть порядок, бандиты должны знать свое место и уважать закон.

Но для того, чтобы зритель поверил, что такое возможно, герои должны этой непреклонной позиции соответствовать. Не только мужество привлекает нас в Гоцмане и Жеглове, но и их бескомпромиссность, внутренняя правда, уверенность в том, что дело, которым они занимаются, имеет жизненно важное значение, потому что помогает стране подняться, а обществу стать лучше и безопаснее.

Нет ничего удивительного в том, что эта позиция востребована сегодня. Если в фильмах о Гоцмане и Жеглове бандиты после войны грабили отдельных зажиточных граждан, то в лихие 90-е они присваивали и делили уже собственность всего государства, включая заводы и фабрики, банки и предприятия, недра и сельскохо-

Ольга Игоревна Глазунова — лингвист, литературовед, специалист по русскому языку как иностранному. Работает в Институте русского языка и культуры филологического факультета СПбГУ, старший научный сотрудник.

зайственные угодья. Причем делали это совершенно открыто, с полной уверенностью в своей правоте и безнаказанности, оставляя остальным в качестве компенсации лишь лозунги о свободе и демократии. Однако далеко не всех это устроило.

Нам еще только предстоит разобраться в том, как это произошло, с чем было связано и почему, например, в Китае ничего подобного не случилось. До гражданской войны в России дело, слава богу, не дошло, но развал экономики, слом устоев, унижительное положение, в котором оказалось подавляющее большинство населения страны, оставили не менее глубокую рану, чем в начале прошлого века. Поэтому обращение к событиям, описанным в романе Шолохова, более чем актуально.

«Тихий Дон» Сергея Урсуляка только что вышел на телеэкраны. Но и до этого о нем много говорили. Больше всего зрителей волновал вопрос, имел ли право режиссер братья за решение задач такого уровня. Видимо, ремейки, эпидемией охватившие наш кинематограф в последнее время, вызывали опасения по поводу того, сможет ли Урсуляк оказаться достойным не только произведения Шолохова, но и экранизации «Тихого Дона» Сергеем Герасимовым. Ведь эпос требует особого подхода и иных масштабов личности художника.

Позиция Урсуляка по отношению к критикам была сдержанной. Перед показом фильма режиссер сказал, что у каждого поколения должен быть свой «Тихий Дон», и именно этим объясняется его решение взяться за экранизацию романа Шолохова. Исходя из этого, попробуем разобраться, насколько новый фильм вписывается в контекст современной жизни, соответствует ли он нашим представлениям о времени и о себе, позволяет ли увидеть в прошлом причины тех событий, которые происходят с нами сегодня и могут случиться в будущем.

Думаю, фильм оправдал ожидания зрителей. Герои «Тихого Дона» Урсуляка, которых сыграли Евгений Ткачук и Полина Чернышова, совсем не похожи на статных красавцев из фильма Герасимова — Петра Глебова и Элину Быстрицкую. Они другие — более приземленные, что ли. Но в этой обыденности есть свои преимущества. Их образы не довлеют над чувствами зрителей, давая возможность сосредоточиться на внутреннем — на том, что творилось в их душах, определяло поступки и в итоге привело к развалу не только семьи, но и страны в целом. Ведь тот конфликт, который в романе начался с бытовой, крайне незначительной истории любви Григория Мелехова к замужней соседке Аксинье Астаховой, в конечном счете выливается в трагедию эпического масштаба.

Герои фильма Урсуляка молоды и охвачены сильным чувством. Их готовность отстаивать свое право на счастье достойна уважения, вот только в этом вполне понятном порыве молодости инстинктивное, эгоистичное, своевольное берет верх над устоями, которые веками складывались в казачьей среде. А в результате разрушается не только жизнь Мелеховых, Коршуновых, Астаховых, разрушается вековой уклад, который направлял, сдерживал, мирил, предотвращая напасти и беды.

Отец Григория, Пантелей Прокофьевич Мелехов (его в фильме сыграл Сергей Маковецкий), пытался образумить сына. Возможно, методы, которые он использовал, кому-то покажутся недемократичными. Деспот, тиран, диктатор — именно так он ведет себя в кругу семьи. Но ему свойственно и сострадание. Единственный среди односельчан, он с теплотой и заботой относился к Наталье — брошенной жене Григория, которую в фильме сыграла Дарья Урсуляк.

Побои, которыми Пантелей Прокофьевич щедро осыпал непутевых своих сыновей, были вызваны его переживаниями за них и чувством ответственности за семью. Мелехов-старший знал то, что было недоступно пониманию молодых, и старался защитить их, да и окружающих, от необдуманных действий. И если бы Григорий послушался отца, то, возможно, предотвратил бы трагедию — раздоры, обиды, смерть и разрушения, которые, как снежный ком, обрушились на его близких.

Но этого не произошло. В своей одержимости любовной страстью герои романа утратили способность думать о тех, кто был рядом, они разучились сопереживать их горю. В погоне за личным, частным они забыли главное — то, что поддерживало и хранило не только их самих, но и жизнь их близких.

Выстраивая сюжет и расставляя акценты, Сергей Урсуляк доводит до нас, зрителей, главную мысль: мы, и только мы несем ответственность за то, что происходит в нашей жизни и в жизни окружающих. Аксинья любит Григория, несмотря на его довольно пренебрежительные высказывания о побоях мужа; Григорий разрушает семью Астаховых и свою собственную ради желания быть вместе с Аксиньей; Наталья, зная о крайне легкомысленном поведении Григория, выходит за него замуж. Герои фильма Урсуляка сами выбирают путь, который многих из них приводит к гибели. Правда, в отличие от «героев нашего времени», им и в голову не приходит винить кого бы то ни было в своих бедах.

Отдельные серии фильма Урсуляка как составные части мозаики, в которых многие могут узнать себя. Сто лет прошло со времени событий, описанных Шолоховым, а как будто ничего и не изменилось.

1914 год с его окопной правдой, делением на своих и чужих, случайными жертвами и крайней степенью жесточения. Правда, листовки, порочащие царя и царицу, которые в окопах распространяли среди русских солдат в Первую мировую, в наше время заменил Интернет, но технологии остались прежними. Или взять хотя бы представление сослуживца Григория Мелехова о будущей справедливости: «чтобы в каждом государстве границ не было и злобы», — чисто либеральная идея со всеми вытекающими последствиями.

«Хреновый царек», из-за которого, по словам солдат, все может пойти прахом, тоже заслуживает внимания. Чего греха таить, не всем в России нравится сильный лидер, вот только о том, что может случиться с огромной страной при слабой и зависимой власти, мало кто думает.

За документальной хроникой февраля 1917 года, когда народ, затаив дыхание, внимал прекраснотушным воззваниям, идут кадры со станичниками и агитатором-баламутом с охрипшим голосом и петушиной шеей. И вопрос старого казака: «Как же без царя? Какая же власть заступит?» Тогда этого никто не знал. Не знают и сегодня, хотя именно ответ на вопрос — «Какая же власть заступит?» — должен предвещать, а не следовать за призывами к свержению власти и государственному перевороту.

Но государство и власть — это еще не вся родина. Заметив, что по дороге с фронта домой Григорий засмотрелся на церковь, Пантелей Мелехов спрашивает его: «Не щипет глаза?» И слышит в ответ: «Щипет... да ишо как!..» «„Что значит — родина!“ — удовлетворенно вздохнул Пантелей Прокофьевич». А вслед за этим, после ожесточенной перепалки Мелехова-старшего с Анюткой по поводу раздавленного поросенка, уже Григорий с иронией спрашивает отца: «Родина, бать?..» Последней фразы в тексте Шолохова не было, но мы понимаем, что заставило режиссера вставить ее в свой фильм.

Страх перед тем, что Россия установит на Дону свои порядки, и возгласы казаков: «Выбьем мужиков с нашей земли — и по домам. ...Нехай Россия — сама по себе, мы — сами по себе». Вернувшийся из плена в Германии совершенно «онемечившийся» Степан Астахов и заплывший жиром, похожий на обозника красноармеец из ревкома, которому поручили остановить Григория. Мишка Кошевой, неожиданно для себя получивший должность товарища председателя и лютующий, чтобы доказать себе и другим свою значимость... Ничего не изменилось и сегодня: чем ничтожнее человек, тем больше он опасается за свою собственную жизнь и благополучие и тем более беспощадно ведет себя по отношению к окружающим.

Конечно, фильм не безупречен, далеко не все удалось режиссеру выполнить в этой работе. В развитии сюжета присутствует фрагментарность, которая мешает воспринимать происходящее на экране как самостоятельное целое, вне связи с романом Шолохова; ретроспективы о безвозвратно ушедшей мирной жизни станичников несколько неуклюже вплетены в повествование о военном времени; некоторые сцены (например прощание умирающей Натальи с детьми) не имеют завершения. Какие-то вопросы могут возникнуть и в отношении игры актеров.

Достоинство этой экранизации в другом — в возможности нам, зрителям, задуматься о сегодняшнем времени. Работа над фильмом началась в 2012 году. Вряд ли тогда кто-то мог предположить, что описанные Шолоховым трагические события повторятся на Украине. «С черкесами воевали, с турком воевали, и то замирение вышло, а вы все свои люди и никак промежду собой не сталкиваетесь... Мыслимое ли дело русских, православных. Сцепились друг с другом, и удержи нет», — пеняет Григорию кривой старик Чумаков. И добавляет от себя то, чего не было у Шолохова: «Изничтожат вас всех, и нас тоже».

А кровь повсюду льется рекой, и конца и края не видно раздорам. Нет числа мертвым и надежды живым. «Надо замирились, — говорит Григорий. — А как? ...Как нашим обидам счет произвесть?» Ответа на этот вопрос как не было, так и нет, но любая война рано или поздно заканчивается. И вот уже в фильме только один флаг — красный — несется вдаль по полю...

Через 70 лет красный флаг в России сменился на бело-сине-красное полотнище перестройки. Флаг сменился, а обиды остались, и эти обиды до сих пор не дают нам покоя, потому что для процветания страны одного стремления разрушить до основания государство мало. Кроме отрицания, нужен план созидания, и хорошо продуманный план, который с призывами в очередной раз потоптаться на развалинах не имеет ничего общего. Хотя надо признать, что за четверть века в России количество желающих топтаться на своей стране, на ее истории, победах и достижениях значительно поубавилось, а значит, и конец противостоянию близок.

Символично, что музыку, наполняющую фильм особым, торжественно трагическим и пронзительно шемящим ощущением того времени, написал советский и российский композитор Юрий Красавин, родом из Харькова. Мне показалось, что задействованные в фильме музыкальные темы могли бы быть более разнообразными, но это мое личное мнение.

К несомненным достоинствам фильма можно отнести и последнюю сцену, когда Григорий после долгих скитаний, с трудом добравшись до своего двора, падает лицом вниз и лежит, распластанный и обессиленный, — словно ищет у земли защиты и поддержки. У Шолохова в романе и у Сергея Герасимова в фильме 1957 года конец другой: после возвращения домой Григорий обнимает сына, и эта встреча воспринимается и читателями, и зрителями довольно оптимистично.

В финальной сцене фильма Сергея Урсуляка оптимизма нет. Есть ощущение перепутья, на котором в очередной раз оказался герой. Что будет с ним дальше, не ведомо никому, и в этом состоит драматизм сложившейся ситуации. Последнее прибежище и опора — это родная земля: где бы человек ни был, он всегда возвращается к ней — живым или мертвым, наяву или в своих воспоминаниях, потому что с ней связано все самое главное в его жизни.

Безусловно, об этой экранизации еще много будут говорить и спорить. Ведь «Тихий Дон» Сергея Урсуляка — это фильм о нас с вами, отпечаток трагических событий прошлого на нашем беспокойном времени. И нам еще только предстоит разобраться в том, что хотел сказать режиссер, от чего предостерегал нас и о чем заставил задуматься.

Contents

Prose and Poetry

- Vladimir Aleynikov.** Poems • 3
Yevgeny Lukin. Chechen Wolf. *The Story of Dzhokhar Dudayev* • 10
Alexander Gorodnitsky. Poems • 99
Alexander Ponomarev. Kara-Borz. *Story* • 104
Irina Kostenko. Poems • 118
Igor Kharichev. Picnic on the Platform. *Story* • 121
Vladimir Ivanov. Poems • 127
Sergey Zakharov. White Fluff of Our Jadwiga. Middle East. *Stories* • 131
Anton Nechaev. Poems • 140
Andrey Nekludov. Partisans. Stork. *Stories* • 144

Publicistic Writings

- Igor Efimov.** The Steep Stages of Civilization • 175
Musa Kostoev. My Repressed Childhood... • 184

Criticism and Essays

- Yulia Shcherbinina.** Jason Ackles as the Face of Russian Fiction. *On Fashion in Book Design* • 193

Petersburg Bookman

- Times and Images.** Vladimir Chisnikov. L. N. Tolstoy in St. Petersburg in February 1897: Searches and Finds. **Truth of Art and Truth of History.** Naum Sindalovsky. Wait Grief from the Sea, Trouble – from the Water, or Flood Disaster in Urban folklore. **The Singer's House.** *Elena Zinovyeva's publication* • 203

Film Text

- Olga Glazunova.** «Quiet Flows the Don» by Sergey Ursulyak in Our Troubled Life • 251

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью „Журнал „Нева“. Адрес редакции: Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 18. Почтовый адрес: 191186, Санкт-Петербург, а/я 9
Телефон: (812) 314-50-52; e-mail: nevaredaction@mail.ru; nevaeditor@gmail.com; nevaredaction@yandex.ru

Сайт «Невы» в «Журнальном зале»: <http://magazines.russ.ru/neva/>
Ресурс в сети Интернет: www.nevajournal.ru

Подписку на журнал «Нева» на территории РФ осуществляет агентство «Роспечать» по каталогу ОАО «Роспечать», подписной индекс 73276 и ИД «Экономическая газета» по объединенному каталогу «Пресса России», подписной индекс 42414.

Свежие номера журнала, а также отдельные номера за последние годы можно приобрести:

в Санкт-Петербурге — в редакции журнала «Нева» (наб. р. Мойки, 18, тел. 312-4923); **льготную подписку** можно осуществить непосредственно в редакции журнала (наб. р. Мойки, 18, тел. 312-4923).

За рубежом подписку на журнал осуществляет АО «Международная книга» (117049, Москва, Большая Якиманка, 39, телефакс: (495) 230-2117, 238-4634)

Оптовая и мелкооптовая продажа: Санкт-Петербург: ООО „Журнал „Нева“, e-mail: officeneva@mail.ru

Почтовую рассылку отдельных номеров журнала и книг издательства журнала «Нева» на территории РФ осуществляет редакция. Заказ можно оформить на сайте издательства www.nevajournal.ru

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-34950 от 15 января 2009 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Учредитель: ЗАО «Журнал «Нева»

Подписано в печать 25.12.2015. Гарнитура «Октава».
Формат 70×108 1/16. Объем 16 печ. л. Печать офсетная.
Тираж 2800 экз. Заказ №
Издательство «Журнал «Нева»

Отпечатано по технологии CtP
в Первой Академической типографии «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия В.О., 12/28